ФРАНЦУЗСКІЯ КОНСТИТУЦІИ

XIX СТОЛѢТІЯ

И

НАПОЛЕОНЪ III.

ЧАСТЬ I

ИСТОРІЯ КОНСТИТУЦІОННАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ XIX СТОЛ. П. Ж. ПРУДОНА.

(ПОСМЕРТНОЕ СОЧИНЕНІЕ.)

ЧАСТЬ II

КАРЛЪ-ЛУДОВИКЪ-НАПОЛЕОНЪ БОНАПАРТЪ. ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

(Составлено по англійскимъ, женевскимъ, брюссельскимъ и французскимъ источникамъ, съ извлеченіемъ изъ брошюры де-ла-Героньера L'Homme de Sédan.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1871.

ФРАНЦУЗСКІЯ КОНСТИТУЦІИ

XIX СТОЛѢТІЯ

И

НАПОЛЕОНЪ III.

ЧАСТЬ I

ИСТОРІЯ КОНСТИТУЦІОННАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ XIX СТОЛ. П. Ж. ПРУДОНА.

(ПОСМЕРТНОЕ СОЧИНЕНІЕ.)

ЧАСТЬ II

КАРЛЪ-ЛУДОВИКЪ-НАПОЛЕОНЪ БОНАПАРТЪ. ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

(Составлено по англійскимъ, женевскимъ, брюссельскимъ и французскимъ источникамъ, съ извлеченіемъ изъ брошюры де-ла-Героньера L'Homme de Sédan.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. Неклюдова, Офицерская и Фонарный, № 7—14.

Типографія Эд. Праца, Офицерская улица, № 26.

1871.

I.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПРОТИВОРѢЧІЯ.

ТЕОРІЯ

КОНСТИТУЦІОННАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ XIX СТОЛѢТІИ

Ж. П. Прудона.

ГЛАВА I.

Народъ, который осудилъ свои учрежденія.

Если есть стремленіе, въ которомъ болѣе всего обвиняется въ настоящее время наша жалкая страна, то это безъ сомнѣнія возвращеніе къ доктринальному образу правленія, или, выражаясь языкомъ менѣе неблагозвучнымъ,— къ конституціонной монархіи. Франція и при Бурбонахъ, и при Орлеанахъ, и при Бонапартахъ, не дѣлая никакого особеннаго предпочтенія ни одной изъ этихъ династій, стремится организоваться сообразно идеямъ и нравамъ 1830 года.

Такой поворотъ къ системѣ уже исчерпанной, самъ по себѣ представляетъ аномалію и не достоинъ націи созрѣвшей, здравомыслящей и обладающей собою. Намъ необходимо подтвердить это фактами, тѣмъ болѣе, что подобное ретроградное движеніе, за которое Франція заслуживаетъ упрека—не первое.

Вспомнимъ, что плебисцитомъ 1851 года Лудовикъ Наполеонъ провозглашенъ былъ президентомъ республики на 10 лѣтъ, съ предоставленіемъ ему права выработать конституцію на началахъ 1779 года, и что годъ спустя въ лицѣ того же Лудовика Наполеона возстановлена императорская власть съ сенатусъ – консуль-

томъ, имѣвшимъ цѣлью сблизить конституцію 1852 г. съ конституціею 1804 г. или, по крайней мѣрѣ, согласовать ее съ духомъ послѣдней. Судя по этому, можно было, и даже слѣдовало, ожидать—если наполеоновскія реформы удержатся — близкаго и окончательнаго превращенія французской демократіи въ цезаризмъ или, лучше сказать, осуществленія великой идеи Наполеона I—создать третью имперію, на западѣ. Если допустить гипотезу прогресса путемъ реставрацій и ретроградныхъ движеній, то такой результатъ нельзя не признать естественнымъ и я, признаюсь, вполнѣ его предугадывалъ.

Однако вопреки всѣмъ соображеніямъ, которыми повидимому объясняется подобное превращеніе, аналогіи между первою и второю имперіями не оказывается и даже можно сказать, что не взирая на тождество имени, титула и до извѣстной степени самой формы, эти двѣ системы не могутъ быть разсматриваемы какъ продолженіе одна другой; ихъ судьбы не связаны между собой; между ними нѣтъ даже сродства; это копія или поддѣлка. Иниціатива Наполеона III доказала это вполнѣ. Въ то время, когда менѣе всего можно было ожидать, 24 ноября 1860 г. декретъ его величества возвѣстилъ странѣ поразительное рѣшеніе императора, въ которомъ онъ вмѣсто того, чтобы за одержанныя имъ побѣды въ Крыму и Ломбардіи потребовать увеличенія власти, казалось, заботился о томъ, чтобы сложить съ себя долю ея бремени; казалось, трудная задача власти и сопряженная съ нею отвѣтственность слишкомъ тяготили его; онъ приглашалъ народныхъ представителей раздѣлить съ нимъ эту власть и призывалъ ихъ къ контролю, возвращалъ свободу слова и открывалъ трибуну; однимъ словомъ, онъ признавалъ, что условія правленія въ 1860 г. не представлялись уже такими, ка-

кими они были въ 1804 году, и что система брюмера въ приложеніи къ декабрю уже болѣе не дѣйствовала; это значило, что передъ нами совершается историческая послѣдовательность и факты не повторяются вполнѣ.

Все это не было, конечно, объявлено оффиціально и въ такихъ ясныхъ словахъ, которыя употребляю я. Выраженія, употребляемыя властью, рѣдко объясняютъ истинный смыслъ ея дѣйствій; чаще она и сама не вполнѣ сознаетъ ихъ значеніе. Но кто умѣетъ понимать, тому достаточно одного намека; извѣстно, что въ политикѣ даромъ слова пользуются часто только какъ средствомъ скрыть истинныя намѣренія; дайте мнѣ только текстъ закона, а я самъ уже выведу сущность его мотивовъ. Императоръ Наполеонъ, чувствуя себя обиженнымъ частымъ повтореніемъ доходившаго до него ропота, что Франція умерла для политической жизни, что сенатъ сдѣлался сборищемъ нѣмыхъ, что законодательный корпусъ, не представляя мысли страны, не былъ провозвѣстникомъ истины, и т. п., какъ будто хотѣлъ доказать положительнымъ актомъ, что, говоря реторически, вопросъ жизни и смерти для Франціи зависитъ отъ него, и что если онъ имѣетъ власть убивать, то можетъ и воскрешать. Но эту благотворную мысль новаго декрета приписывали исключительно высокому уму, великодушію и либеральному направленію государя.

Дѣло въ томъ, что условія развитія, въ которыхъ нашелъ Францію основатель второй имперіи, далеко не были таковы, какъ въ 1799 и 1804 годахъ; это ясно для всѣхъ. Напротивъ, съ 1814 года политическій и соціальный организмъ Франціи совершенно измѣнился и Наполеоновская идея, которая должна была обновить все, оказалась безсильною и развращенною во всѣхъ отношеніяхъ. Лишь соціалистическій терроръ едва напомнилъ собою

прежнее время; всѣ чувствовали себя наканунѣ общаго переворота и старались найти примѣръ въ прошедшемъ.

«Властителя! Властителя!» кричали всѣ въ одинъ голосъ, и герой 2-го декабря, подобно тому, какъ было во время брюмера, явился спасителемъ страны. Но едва разсѣялся этотъ нелѣпый ужасъ, какъ увидѣли, что ничего нѣтъ угрожающаго и новаго, и Наполеонъ III, поставленный въ положеніе лучшаго наблюдателя, долженъ былъ первый познать дѣйствительный порядокъ вещей, что онъ и сдѣлалъ, издавъ, помимо всякаго ожиданія, декретъ 24 ноября.

Такимъ образомъ, нужно было девять лѣтъ, чтобы убѣдиться, что 1848 годъ не передвинулъ оси цивилизаціи и что пятились совершенно напрасно.

Какъ бы то ни было, но декретъ 24 ноября сдѣлался для націи, такъ странно одурачившейся, какъ-бы сигналомъ пробужденія; по несчастію, въ 1848 году, умы всѣхъ были до такой степени предупреждены, что сначала не поняли даже, въ чемъ дѣло, и въ то время какъ страна въ сущности только желала подвигаться впередъ, вліяніе традицій заставило ее свернуть съ большой дороги. Съ одной стороны не хотѣли республиканской конституціи, потому что государственный переворотъ былъ противъ республики, съ другой стороны декретомъ 24 ноября рушилась конституція 1852 года. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что для будущихъ дѣйствій не было никакой программы; затѣмъ понятно, какимъ образомъ страна, почти сама того не желая, вернулась къ 1830 году. Странно, что конституціонная монархія, одинаково ненавистная и республиканцамъ и имперіалистамъ, случайнымъ образомъ снова дѣлалась объектомъ политики націи, заступивъ мѣсто республики, которая была уничтожена насильственно, и монархіи, которая сама подняла на себя руку. Но того ли

хотѣлъ творецъ закона 24 ноября? Безъ сомнѣнія, нѣтъ: намѣреніе его было—ослабивъ немного поводья, перемѣнить лишь аллюръ, но ни въ чемъ не измѣнять хода самой колесницы. Наполеонъ III, сдѣлавъ свою осторожную уступку необходимости и обстоятельствамъ, хотѣлъ ввести свою конституцію въ ея духѣ и буквѣ, но примѣняя ее, онъ допускалъ кое-что измѣнять. Императорская идея, по всей вѣроятности, не заходила далѣе этихъ измѣненій, но и въ этомъ обнаружилась очевидная для всѣхъ ошибка.

Съ системой нельзя поступать произвольно, даже ея творцу; ничто не имѣетъ такой непреклонности, непоколебимости и цѣльности, какъ система. Человѣкъ, въ силу своей свободной воли, можетъ говорить и отказываться отъ своихъ словъ; онъ можетъ видоизмѣнять свои слова, мысли, волю и дѣйствія до безконечности; жизнь его есть цѣпь постоянныхъ столкновеній и соглашеній съ себѣ подобными и природой. Напротивъ того, идея, теорія, система, учрежденіе, договоръ и все, что изъ сферы идеи или логики перешло въ состояніе формы и выраженія, становится вещью опредѣленной, законченной, вещью ненарушимой, не обладающей податливостью и гибкостью, вещью, которую нельзя ни въ чемъ замѣнить другой, которая, оставаясь сама собою, никогда не сдѣлается чѣмъ-либо другимъ.

Конституція, напримѣръ, должна быть или всецѣло уважаема, или всецѣло отвергаема: средины здѣсь нѣтъ. Можно, правда, изъ двухъ противоположныхъ конституцій выкроить сколько угодно среднихъ; но каждая изъ такихъ среднихъ конституцій будетъ твореніемъ новымъ, отличительнымъ и исключительнымъ, въ которомъ было бы нелѣпо стараться совмѣстить непримиримыя между собою начала, каковы принципъ парламентарный и императорская прерогатива. Воображать, что можно по произ-

волу вводитъ въ извѣстную политическую систему различныя измѣненія и что въ этомъ именно заключается прогрессъ, значитъ идти по ложной дорогѣ; это значитъ выйти изъ предѣловъ права и знанія и броситься въ произволъ.

И такъ, я говорю, что конституція 1852 года совершенно различна отъ конституціи 1830 года, что онѣ не согласимы между собою и что плодомъ декрета 24 ноября, предоставившаго законодательному корпусу и сенату нѣкоторыя изъ правъ, которыя обезпечены были за ними хартіею 1830 года и затѣмъ отняты конституціею 1852 года, было то, что въ странѣ поднялась болтовня, исполненная обманчивыхъ надеждъ — во всемъ, что касалось имперіализма, и самыхъ ретроградныхъ стремленій — на случай перемѣны во власти.

Теперь страна находится въ движеніи и никакое давленіе не въ силахъ ее сдержать; чѣмъ болѣе стараются сдерживать ее сверху, съ помощію ли сената, или законодательнаго большинства, съ помощію ли журналистики и даже рѣчей самого императора, тѣмъ болѣе она рвется къ цѣли своихъ страстныхъ стремленій, которыя дѣлаются еще яростнѣе вслѣдствіе того, что имѣютъ обаяніе антагонизма между правительствомъ и народомъ. Мы видимъ уже, что идея, которую считали умершей, напротивъ и пользуется успѣхомъ, и не имѣетъ недостатка въ аргументахъ; власть, свернувъ съ дороги, своей недальновидностью, своей рутиной сдѣлала все, чтобы воскресить эту идею.

Посмотрите, что происходитъ вокругъ насъ, послушайте, что говорится. Не найдемъ ли мы доказательствъ того, что нація нынѣ очутилась лицомъ къ лицу передъ конституціей 1814 года? Всѣ сознаютъ, что нынѣ уже не-

возможно довести реставраціи бонапартизма до его послѣдняго вывода, т. е. до конституціи чисто аутократической, какова конституція 1804 года; не менѣе очевидна также противоположность военнаго порядка съ обществомъ промышленнымъ и буржуазнымъ; около себя мы видимъ прогрессъ свободы или лучше сказать—европейскую федерацію, какъ противоположность развитія имперіализма; передъ нами разность системъ различныхъ странъ, которыя, постоянно сталкиваясь другъ съ другомъ, призваны слѣдовать по одному пути; мы постоянно имѣемъ передъ глазами невыносимое для насъ сравненіе личнаго правительства, утвердившагося во Франціи, съ правительствомъ парламентарнымъ, принятымъ въ большей части европейскихъ государствъ; наша невѣжественная демократія не способна провести идею и составить персоналъ республики; мы оказываемъ самое благосклонное расположеніе къ лицамъ, которыя такъ долго и такъ блистательно служили прежней системѣ и которыя сомкнулись подъ девизомъ *легальной оппозиціи*, привлекшимъ къ себѣ даже нѣкоторыхъ избранниковъ, которые еще недавно выказывали себя представителями республиканской идеи; наши старые и новые парламентаристы безъ отвращенія приносятъ присягу—этотъ династическій символъ, и какъ будто говорятъ императору: «будьте нашими руками, а наши сердца принадлежатъ вамъ»; избирательныя массы внезапно соединились подъ либеральнымъ знаменемъ Жирардена, Гавена и Геру — друзей имперіи; въ циркулярахъ Пелльтана появился буржуазный девизъ: «свобода, общественный порядокъ»; наша трибуна находится въ вынужденной и многозначащей сдѣлкѣ съ правительствомъ;- Тьеръ произноситъ необыкновенно эффектныя рѣчи и дѣлается героемъ настоящей минуты, героемъ, за которымъ потянулось бы

большинство законодательнаго корпуса, если-бы это было возможно, подобно тому, какъ это дѣлаетъ волей-неволей меньшинство. И много бы можно было привести такихъ симптомовъ; но выставлять ихъ было бы утомительно. Все это въ совокупности не доказываетъ ли того, что система 1814 года, исправленная въ 1830 году, не смотря на всеобщую подачу голосовъ, измѣнившую всѣ условія правительства, сдѣлалась фантастическимъ объективомъ политики націи?

И въ правительственной сферѣ обнаруживается то же стремленіе. Нѣтъ сомнѣнія, что конституція 1852 года имѣетъ своихъ энергическихъ сторонниковъ; есть даже такіе, которые не хотѣли бы декрета 24 ноября. Но эта крайняя приверженность обнаруживается только въ самыхъ горячихъ друзьяхъ, золотая же средина сноситъ его; и если трудно утверждать, что самъ глава государства рѣшился примкнуть къ этой золотой срединѣ, то нельзя однако сказать, чтобы онъ и отрицалъ ее. Но положительно вѣрно лишь то, что приверженцы раздѣлились на два лагеря: характеръ преній въ сенатѣ и въ законодательномъ корпусѣ; уступчивость, съ которою правительственные ораторы относятся къ оппозиціи; этотъ взаимный обмѣнъ любезностей; предупредительность; увѣренность въ томъ, что всѣ старыя партіи превратятся въ одну громадную бонапартистскую партію, какъ скоро власти угодно будетъ внять голосу ихъ мольбы, и вообще все, что происходитъ въ высшихъ сферахъ правительства и въ самыхъ глубокихъ залежахъ населенія, — все ясно показываетъ, что февральская Франція, сдѣлавшись охотно Франціею 2 декабря, — отъ чистаго сердца готова возстановить іюльскую Францію.

Такимъ образомъ мы въ одно и то же время отрекаемся и осуждаемъ: во первыхъ все, что составляетъ наполеоновскую идею, въ пользу которой въ 1848 г. мы подали 5.600,000 голосовъ, въ 1851—7.500,000 и въ 1852—7.824,189, и которую мы нынѣ оставляемъ; и во вторыхъ конституціонную монархію, низвергнутую и обезчещенную въ 1848 году, и возстановленія которой мы теперь желаемъ. Я ничего не говорю о республикѣ, которую мы также прежде привѣтствовали, потомъ отвергли, въ промежутокъ между конституціонной монархіей и второй имперіей, и одно имя которой возбудило бы только воспоминаніе о нашей низости и измѣнахъ. Когда я думаю о республикѣ, мною овладѣваетъ отвращеніе къ моей странѣ и я стыжусь быть французомъ; поэтому предпочитаю молчать.

Когда въ 1848 году такъ-называемыми республиканцами, управлявшими тогда дѣлами, былъ изданъ декретъ, которымъ династіи Бонапартовъ разрѣшалось возвращеніе во Францію, а династіи Бурбоновъ и Орлеановъ изгонялись, когда затѣмъ Лудовикъ Наполеонъ былъ выбранъ президентомъ республики при дружныхъ рукоплесканіяхъ консерваторовъ, демократовъ, буржуазіи, духовенства и войска, — страна и власть понимали всю важность этого акта и очень хорошо знали что̀ значитъ имя Бонапарта и каковъ былъ Лудовикъ Наполеонъ; всѣ тогда предвидѣли повтореніе брюмера, а за нимъ новую конституцію 8-го года — прелюдію къ новой имперіи. Дѣйствительно въ 1851 и 1852 годахъ все сомкнулось вокругъ новаго императора, и возстановленіе учрежденій имперіи было принято. Отвергать это безразсудно. Но могъ ли кто-нибудь во Франціи вѣрить тому, что положеніе дѣлъ останется таковымъ, каково оно было, и послѣ декрета 24 ноября,

послѣ выборовъ 1863 года и послѣднихъ преній законодательнаго корпуса, въ виду усиленнаго движенія умовъ? Нѣтъ! Слѣдовательно Франція осудила 2-е декабря, если не относительно личности, то относительно системы. Въ 1852 — общее голосованіе дало въ пользу имперіи 7.824,189 утвердительныхъ голосовъ противъ 253,145 отрицательныхъ. Въ 1863 году тѣ же избиратели дали въ пользу правительственной кандидатуры не болѣе 5 милліоновъ голосовъ, а въ пользу оппозиціи 2 милліона. Такимъ образомъ Франція произнесла свое осужденіе. Въ 1852 году всѣ смѣялись надъ свободой и либерализмомъ, какъ надъ вольнодумствомъ, теперь же высшія должностныя лица имперіи говорятъ о свободѣ, подобно Тьеру, Гавену и Жирардену. Это также есть осужденіе.

Не было ли однако императорское правительство, виновно передъ общественнымъ довѣріемъ, причинивъ своею политикою такой поворотъ въ общественномъ мнѣніи? Ниже мы будемъ анализировать это правительство и разсмотримъ главнѣйшія изъ его дѣйствій; мы сравнимъ его съ іюльскимъ правительствомъ и докажемъ, что если эти два правительства мало схожи между собою, тѣмъ не менѣе одно другаго стоитъ. И это въ своемъ родѣ осужденіе!

Обратимся къ іюльскому правительству. Развѣ оно не упало въ грязь? Развѣ страна не питала отвращенія ко всѣмъ парламентскимъ турнирамъ, къ министерскимъ интригамъ, къ шуму оппозиціи, системѣ выборовъ, точно также какъ и къ самому Лудовику Филиппу и Гизо? Развѣ развратъ и корыстолюбіе были тогда чужды высшихъ правительственныхъ сферъ. Національное негодованіе, конечно, не довело бы 21 февраля дѣло до республики. Французскій

народъ, недовольный существующимъ правленіемъ, вовсе не думалъ, какъ это обыкновенно бывало, о замѣнѣ его новымъ, и еще наканунѣ катастрофы нисколько не мечталъ о республикѣ; но какъ скоро республика была провозглашена, не смотря на то, что внушала мало довѣрія, всѣ единодушно признавали, что случившееся было только справедливостью по отношенію къ падшей системѣ.

Однакожъ, насъ быстрыми шагами снова приводятъ къ системѣ камарильи, интригъ, лести, разврата и трусости. Но что я говорю — приводятъ: мы уже до половины погрязли въ ней; послѣ того, что произошло со времени открытія палатъ, нельзя сказать, чтобы страна управлялась только одною конституціею 1852 года; легитимисты, орлеанисты, демократы, бонапартисты, оппозиція и большинство, сенатъ и законодательный корпусъ, высшія должностныя лица, принцы крови, журналистика офиціозная и независимая, всѣ совались принять участіе въ управленіи. Еслибы пустить на всеобщее голосованіе вопросъ объ учрежденіи конституціонной имперіи, только бы администрація предоставила этимъ выборамъ нѣкоторую свободу, въ пользу реформы собралось бы 18 милліоновъ голосовъ. Это также было бы осужденіемъ. Въ 1848 году Гизо палъ; въ 1864 полное торжество того же Гизо и торжество тѣмъ болѣе знаменательное, что оно послужило бы въ пользу династіи, призванной въ 1848 и въ 1852 годахъ, какъ выраженіе противоположной системы. И это также развѣ не осужденіе? На какой же изъ двухъ идей остановимся мы? На идеѣ 1799 или 1830 года? И если, вѣрные нашему прежнему взгляду, мы не хотимъ ни той, ни другой, какой принципъ думаемъ мы принять, что будетъ нашимъ profession de foi?

Но къ чему осыпать насмѣшками самообольщенный, ослѣп-

ленный собою народъ, который никогда не отличался ни разсудительностью, ни способностью раскаянія. Въ нашей исторіи послѣднихъ 15-ти лѣтъ, конечно, много такогѐ, что могло бы заставить насъ быть скромными.

Геній французскаго народа и достоинство націи помрачились. Не будемъ же хвастаться тѣмъ, что мы руководимъ движеніемъ и стоимъ въ главѣ цивилизаціи. Мы пали въ нашей революціонной задачѣ, мы выродки 89 года: въ Европѣ есть великія державы, — но нѣтъ болѣе великой націи...

Однако, не будемъ ничего преувеличивать! Одинъ народъ не въ силахъ сдѣлать то, что требуетъ усилій всего человѣчества. Мы не можемъ спастись безъ помощи, точно также какъ и другіе не спасутся безъ насъ. Эта безплодная агитація, эти унизительныя отступленія, это печальное паденіе суть также симптомы всемірнаго разложенія. Но не будемъ еще отчаяваться, не будемъ вдаваться въ мизантропію, которая также есть ничто иное, какъ своего рода гордость и тщеславіе. Мы воображали, что конституціи импровизируются, и наша надменность была жестоко наказана. Сознаемся въ нашей ошибкѣ,—и если мы хотимъ, чтобы сознаніе этой ошибки послужило намъ въ пользу, обдумаемъ ее какъ урокъ судьбы, или какъ совершившійся прогрессъ.

Я показалъ вамъ, читатель, чтó такое народъ, который осуждаетъ свои учрежденія; теперь я покажу вамъ, чтó случается, когда, закоснѣлый и преисполненный ложныхъ воззрѣній, онъ отказывается отъ подобнаго суда.

ГЛАВА II.

Принесеніе въ жертву династій.

Въ одномъ изъ послѣднихъ сочиненій (Перестали ли существовать трактаты 1815 г.?), напечатанномъ по поводу послѣдней декларацiи императора объ этихъ трактатахъ, я нашелъ,—на что весьма немногіе обратили вниманіе,—что 1814-й годъ составляетъ въ новѣйшей исторіи исходную точку политической эры, которую я называю *эрою конституцій*. Дѣйствительно, только съ этого времени начинаютъ овладѣвать умами и переходить въ дѣйствительность идеи раціональнаго и регулированнаго образа правленія.

Раціонализмъ и наука нераздѣльны между собою. То, что до сихъ поръ среди народовъ проявлялось какъ продуктъ инстинкта, теперь дѣлается исключительнымъ результатомъ знанія, провѣреннаго опытомъ. Наука едина—какъ едина истина и едина справедливость: естественно по этому стремленіе новѣйшихъ націй обоихъ полушарій устроиться по возможности по одному и тому же типу; какъ кажется, все человѣчество хочетъ слиться подъ одною конституціей.

Между многочисленными системами правленія, которыя представляетъ намъ исторія и философія, въ Европѣ бо-

лѣе всѣхъ пріобрѣла сочувствія и признана наиболѣе согласною съ разумомъ науки, болѣе другихъ примиряющею всѣ разногласія и болѣе всѣхъ гарантирующею интересы и свободу и вмѣстѣ съ тѣмъ порядокъ—конституціонная монархія, представительная, парламентарная. Вѣнскій конгрессъ, удовлетворяя нашему требованію и подъ давленіемъ необходимости, сдѣлалъ изъ хартіи непремѣнное условіе, чтобы законная династія возвращена была для сохраненія европейскаго мира. Это было какъ-бы внутреннее равновѣсіе, призванное для того, чтобы быть ручательствомъ равновѣсія международнаго.

Въ скоромъ времени, по обѣимъ сторонамъ Атлантическаго океана, всѣ государства и древнія, и новыя, по нашему примѣру, послѣдовательно совершили подобныя же преобразованія, такъ что, въ теченіе менѣе полувѣка, конституціонализмъ, въ различныхъ формахъ, обнялъ почти весь цивилизованный міръ,—и всѣ народы, сохранивъ неприкосновенными свою свободу и автономію, могли почитать себя связанными между собою политически болѣе тѣсно, нежели въ религіозномъ отношеніи. Всемірное братство, привѣтствуемое въ 93 году, достигло полнѣйшей реализаціи.

Тѣмъ не менѣе, все это было только начало, ожидающее санкціи опыта. Безъ сомнѣнія, вѣнскій конгрессъ вовсе не имѣлъ въ виду гарантировать преимущество какой-либо системы, и было бы столько же нелѣпо упрекать его въ неудовлетворительности конституціонализма, сколько обвинять его въ болѣе или менѣе неудачной передѣлкѣ карты Европы. Предметъ трактатовъ былъ двоякій: 1) возвести въ основной законъ международное равновѣсіе, что̀ открывало возможность територіальныхъ измѣненій, когда это окажется необходимымъ; и 2) осно-

вать правительственный раціонализмъ и политическую науку, давъ народамъ гарантіи, которыхъ требовало развитіе идей, гарантіи, изъ которыхъ главнѣйшая заключалась въ признаніи за народами права измѣнять, когда укажетъ необходимость, ихъ собственныя конституціи.

До сихъ поръ неизмѣняемость государства, неподвижность его принимались a priori, какъ догмъ; теперь эта неизмѣняемость, сдѣлавшись достояніемъ науки, изслѣдованій и опытовъ, принимается уже не болѣе какъ послѣдней ступенью политическаго усовершенствованія. Думали, что вѣнскимъ конгрессомъ и хартіею положенъ конецъ революціи; въ дѣйствительности же ее только увѣковѣчили; и намъ суждено было усвоить въ жизнь эту непрерывную революцію, даже подъ опасеніемъ отъ нея погибнуть.

Дозволено Цензурою

Реставрація.

Развитіе либеральныхъ идей шло быстро. Французскій народъ, между прочимъ, увлекся хартіей, питая къ ней сначала безграничное довѣріе; и какъ древнее божественное право было продуктомъ вѣры, такъ и конституціонное право, въ свою очередь, исключало всякую тѣнь сомнѣнія. Всѣ затрудненія исчезали подъ эгидою хартіи, рѣшительнымъ образомъ принятой и честно исполняемой. Въ теченіе нѣкотораго времени Франція, преданная этой хартіи, считала себя роялистскою, примиренною съ самой собой, возвратившеюся на путь истины послѣ 25 лѣтъ безумствованія и преступленій. Она благословляла своихъ законныхъ государей, мучениковъ горькихъ заблужденій; проклята деспота, желѣзное царствованіе котораго замедлило

на 15 лѣтъ драгоцѣнныя гарантіи свободы; возненавидѣла революцію, крайности которой помѣшали этимъ гарантіямъ. Религія воспользовалась этимъ политическимъ раскаяніемъ и процвѣла вновь, какъ въ самые счастливые дни церкви; и реставрація, казалось, навсегда утвердилась. Но, увы! иллюзія была кратковременной. Мы должны были вскорѣ узнать, въ ущербъ себѣ, что Создатель, отдавъ созданный имъ міръ и самую революцію—также выраженіе его воли,—на сужденіе людей, не исключилъ изъ этого и измышленій нашего бѣднаго разума. Мало по малу стали замѣчать, но не сознаваясь въ этомъ, что безсмертная хартія представляла поводы къ недоразумѣніямъ, что почти каждое изъ ея постановленій возбуждало цѣлую пучину сомнѣній и толкованій, однимъ словомъ, что этотъ миротворный раціонализмъ, казавшійся столь либеральнымъ и философскимъ, представлялъ изъ себя арену для разногласій. Повсюду чувствовалось тяжелое судорожное настроеніе; появлялся грозный антагонизмъ; вмѣсто того, чтобы раціональнымъ образомъ изслѣдовать сущность организаціи, какъ бы это слѣдовало, и открыть ея несостоятельность относительно науки, начали обвинять и подозрѣвать другъ друга; вымѣривая другъ друга глазами, съ правой стороны кричали о заговорѣ и цареубійствѣ, съ лѣвой о тиранніи и привилегіяхъ. Тѣ, которые совмѣстно съ королевской властью, дворянствомъ и церковью, отвергали научный, либеральный и часто человѣчный принципъ революціи и замыкались въ понятіяхъ о власти и законѣ, тѣ, конечно, не могли видѣть въ новой хартіи—въ этомъ недостаточномъ и двусмысленномъ выраженіи революціоннаго права — что-либо другое, какъ только адскую машину; а потому возможна ли была для нихъ критика? Какимъ образомъ на нихъ, неудостоивавшихъ эту хартію даже чести быть философски

изслѣдованною и не находившихъ для того достаточно данныхъ,—могли смотрѣть иначе какъ не подозрительно, какъ не на враговъ порядка и общественной свободы? Что же касается до другихъ, которые вскорѣ сдѣлались значительнымъ большинствомъ и стали на противоположную точку зрѣнія, то и они также не допускали разсужденій. Отвергать хартію, этотъ монументъ современной философіи и продуктъ опыта нѣсколькихъ вѣковъ, считалось верхомъ заблужденія. «Не хранила ли эта хартія въ своихъ основахъ человѣческій разумъ, который также исходитъ отъ Бога, какъ и откровеніе, сначала вѣковъ, и согласіе котораго съ вѣрою провозглашаетъ ежедневно обновленная церковь? Допуская верховную власть народа—не признавала ли эта хартія законности и авторитета короля? Рядомъ съ свободной философіей не провозглашала ли она религіи Христа религіею государства. Наконецъ, разсматриваемая по отношенію къ ея духу и во всѣхъ ея частностяхъ, не была ли она какъ-бы конкордатомъ 1802 г., какъ-бы союзомъ папы съ Карломъ Великимъ, какъ-бы самимъ евангеліемъ, въ смыслѣ возобновленія вѣчнаго союза между Богомъ и человѣкомъ.»

Вотъ что говорили въ 1820 г. партизаны хартіи и это же повторяютъ они и теперь. Да и какъ этимъ либераламъ, ставившимъ себя выше парламентскаго контроля, могла придти мысль о конституціонной критикѣ. Гг. Гизо и Тьеръ и имъ подобные развѣ дошли до этого хотя теперь. Нѣтъ, они скорѣе предпочитали обвинять исключительно консервативныя страсти, упорство королей, нетерпимость церкви, или ложность принциповъ божественнаго права и т. д., нежели предполагать какіе-нибудь недостатки въ новоизобрѣтенной системѣ. Странное дѣло — люди также вѣрятъ идоламъ своего разума, какъ и идоламъ

инстинкта! Хартіей, этой политической гипотезой, клялись точно также, какъ прежде клялись евангеліемъ! А законнаго короля, творца этой хартіи, называли измѣнникомъ и вѣроломнымъ!..

Конечно, въ эти смутныя времена многое происходило отъ ошибокъ самихъ правителей; но кто изъ послѣдующихъ поколѣній осмѣлился бы утверждать теперь, что наибольшее зло таилось въ самой несостоятельности системы?

Извѣстно, какимъ образомъ окончилась эта борьба. Большинство членовъ палаты перемѣнило свои мѣста; когда центръ тяжести правительственной власти отодвинулся въ лѣвую сторону (221 противъ 219), Карлъ X думалъ, что въ силу 14 статьи хартіи онъ имѣлъ право съ помощью своей прерогативы уравновѣсить эту разницу: онъ хотѣлъ управлять противъ большинства. Роковые приказы были отданы, и Парижъ возсталъ, при крикахъ: «да здравствуетъ хартія!»

Затѣмъ,—такъ какъ побѣда никогда не теряетъ своихъ правъ, — династія была низвергнута и замѣнена другою; пунктъ 14 хартіи измѣненъ; католицизмъ объявленъ просто религіею большинства французовъ; избирательный цензъ пониженъ; однимъ словомъ—конституція очистилась отъ тѣхъ двусмысленностей, противорѣчій и крайностей, которыя по сознанію самыхъ искреннихъ ея защитниковъ затрудняли правильное ея развитіе.

Ни въ чемъ такъ не проявлялся этотъ конституціонный фетишизмъ, какъ въ остервенѣніи, съ которымъ преслѣдовали членовъ династіи и всѣхъ тѣхъ, кого подозрѣвали во враждѣ съ этимъ фетишизмомъ. Конечно, въ 1814 г. прежде всего требовали освященія соціальныхъ принциповъ 89 г. Что же касается самой организаціи правительства, то на монархію смотрѣли какъ на необхо-

димую форму этихъ принциповъ и какъ на существенное ихъ условіе. Это было тріумфъ законности.

За что же послѣ этого такая ужасная и оскорбительная ненависть къ старому Карлу X? Вѣрилъ ли онъ въ то, что монархическій принципъ могъ быть совмѣстимъ съ основами парламентарной системы? И когда онъ, какъ монархъ, пробовалъ отстранить ударъ оппозиціи, на половину искуственной, то скорѣе можно допустить, что онъ дѣйствовалъ по логикѣ своего принципа, чѣмъ обвинять его въ гнусномъ клятвопреступленіи? Зачѣмъ впослѣдствіи, когда король и дофинъ подписали свое отреченіе, вмѣстѣ съ ними изгнали герцога Бордосскаго, ихъ племянника, восьми-лѣтняго ребенка, и его мать, герцогиню Беррійскую, благопріятствовавшую либеральной партіи? Это не было слѣдствіемъ ненависти къ королевской власти, потому что династія Бурбоновъ была тотчасъ же замѣнена династіею Орлеанскою. Предполагали ли, что старшая династія носила въ крови своей, какъ неразлагаемый ядъ, отвращеніе къ хартіи? Вспомнимъ при этомъ, что въ 1793 году Лудовикъ XVI и Лудовикъ XVII, въ 1815 г., послѣ Ватерлооскаго пораженія—Наполеонъ I и Наполеонъ II были жертвами подобнаго же политическаго и вмѣстѣ мистическаго безумія. На конституціонную систему смотрѣли какъ на религію, и всякое посягательство на ея святость было наказуемо какъ святотатство.

Такимъ образомъ принесли въ жертву королевскую династію; создали династическое соискательство; унизили королевскую власть; уничтожили значеніе высшаго класса по природѣ консервативнаго, но для того лишь, чтобы возбудить страсти средняго класса. И все это для того, чтобы прославить и утвердить извѣстную метафизическую формулу.

Іюльская монархія.

Изгнаніе старшей линіи не было нашей послѣдней конституціонной трагедіей.

Въ 1830 г. вѣра въ хартію была полная; нѣкоторыя отдѣльныя-геніальныя личности предвидѣли смуты, но масса населенія нисколько не сомнѣвалась въ истинѣ и дѣйствительности идеи; нужно было только найти вѣрныхъ людей, которые могли бы дать ей надлежащее осуществленіе. Жизнь обществъ преимущественно поддерживается вѣрою и единодушіемъ массъ. Почему, напримѣръ, 15 лѣтъ реставраціи были самымъ счастливымъ періодомъ изъ разсматриваемаго нами времени, начиная съ 89 г.? Только потому, что это были времена вѣры. Первыя десять лѣтъ правленія Лудовика Филиппа были еще сносны. Удивлялись этому разумному равновѣсію, съ которымъ опредѣлены были съ такою точностью отношенія и права разныхъ властей между собою,—которое согласовывало свободу и вмѣстѣ съ тѣмъ власть, которое соединяло консервативную осторожность съ стремленіемъ къ прогрессу. Буржуа, не тревожимый болѣе призракомъ дворянства, гордился своимъ избирательнымъ правомъ и усердно исполнялъ свои обязанности. Такія гражданскія качества конечно обѣщали долгіе дни новому порядку. Національная гвардія, рука объ руку съ своимъ государемъ, защищала конституцію неодолимымъ щитомъ. Каждый простолюдинъ спокойно стремился принять участіе въ политическихъ дѣлахъ государства, получалъ ли онъ это право путемъ матеріальнаго достатка, честнымъ образомъ добытаго, или же ему открывало къ этому дорогу новое благодѣяніе законодателя,

понизившаго избирательный цензъ; такое законное честолюбіе конечно не развращало, а возвышало духъ народа. Въ такой прогрессивной равномѣрности раздѣленія власти рады были видѣть возможность лучшаго распредѣленія богатствъ, гарантію нравственнаго развитія и залогъ ненарушимой прочности мира внутренняго и внѣшняго.

Радость вслѣдъ за іюльской революціею была всеобщая и все безъ различія плотно сомкнулось около новой династіи. Конституціонная система, усовершенствованная сообразно съ духомъ послѣднихъ споровъ, имѣя въ главѣ короля-философа, сражавшагося въ 92 году за свободу и понимавшаго смыслъ хартіи, считалась монархіею, окруженною республиканскими учрежденіями.

Лафайетъ, показывая Людовика Филиппа народу, называлъ его лучшимъ изъ республиканцевъ; никогда движеніе не было болѣе національно, болѣе грандіозно. Всѣмъ этимъ европейскіе народы были обмануты: всѣ привѣтствовали стойкость и умѣренность французскаго народа; тѣ, которые могли—послѣдовали нашему примѣру, вѣрили въ энергію нашего характера, въ серьезность нашихъ рѣшеній, также какъ въ дѣйствительную силу нашей системы. Лишь немногіе замѣчали, что іюльская революція, которая казалась местью права противъ безразсуднаго деспотизма, была только кризисомъ, въ которомъ во всемъ блескѣ выказался антагонизмъ системы и потребностей, и что Франція, искренно воображавшая себя монархическою и въ которой на каждомъ шагу и вездѣ открывались обломки прежней іерархіи, положительно клонилась къ смѣшанному демократизму, въ которомъ порядокъ могъ держаться лишь посредствомъ диктатуры, въ которомъ коалиція капиталовъ стремилась создать новый феодализмъ, въ которомъ трудъ ожидало порабощеніе, болѣе нежели когда нибудь, и въ которомъ слѣдовательно

свободѣ угрожала близкая гибель. Впрочемъ, еслибы страна и прочла на страницахъ хартіи приближеніе такого великаго соціальнаго переворота, никто бы этимъ не встревожился. Сказали бы всѣ въ одинъ голосъ, что демократія есть равенство, и приняли бы съ большимъ удовольствіемъ такое предсказаніе; въ немъ увидѣли бы доказательство непогрѣшимости системы и провозгласили бы ее съ восклицаніями, облекая хартію въ старинную монархическую формулу: кто поддерживаетъ конституцію, тотъ другъ прогресса. Каково же было разочарованіе, когда увидѣли, что обновленная хартія 1830 г. произвела подъ управленіемъ популярной династіи гораздо худшіе результаты, нежели при династіи законной. Чѣмъ болѣе вопрошали эту хартію, тѣмъ болѣе порождала она противорѣчій между властью и свободой, королевской прерогативой и парламентской иниціативой, между правами буржуазіи и свободой народа. Десять лѣтъ спустя послѣ іюльскаго переворота, политическая вѣра умерла во французской буржуазіи. Воспоминанія объ этой эпохѣ еще весьма свѣжи: не представляли ли парламентскія пренія длиннаго ряда смутъ, порождающихъ каждый день новые скандалы; не былъ ли король Лудовикъ Филиппъ еще болѣе непопуляренъ, ненавистенъ и оскорбляемъ, нежели Лудовикъ XVIII и Карлъ X; учрежденія, вмѣсто того, чтобы развиваться свободно, не развивались ли какъ-бы насильственно; правительство не выродилось ли въ партію царедворцевъ; развращеніе нравовъ не проникло ли въ выборы, въ администрацію и палаты? Въ то время какъ трудящаяся масса населенія, въ своемъ наивномъ вѣрованіи стремилась къ политической жизни,—консервативное большинство не пускало ли въ ходъ свои привилегіи, замышляя, вмѣстѣ съ правительствомъ, разрушеніе учрежденій? Люди реставраціи,

въ ревностномъ раціонализмѣ, забывъ, что они дѣти церкви, отличались полнѣйшимъ индиферентизмомъ въ религіи, но ихъ политическія убѣжденія вслѣдствіе этого были еще пристрастнѣе, современники же 30-хъ годовъ отмѣчали свою дѣятельность лицемѣріемъ и развращенностью. Начиная съ 1840 года, іюльская монархія, чувствуя, что умираетъ убитая скептицизмомъ, нашла себѣ убѣжище въ вѣрѣ; она сдѣлалась, на сколько могла, quasi-законною, она показывала видъ, что держится стараго порядка, обнаруживая тѣмъ ложность своихъ собственныхъ принциповъ. Судьба ея скоро была рѣшена.

Въ 1848 году, также мало какъ и въ 1830 году, задавали себѣ вопросъ о томъ, не кроется ли причина безпорядка менѣе въ недостаткахъ самой конституціонной организаціи, сколько въ безсовѣстности правителей, не былъ ли правъ тотъ, кто прокричалъ, что «законность убиваетъ насъ», и не выразилъ ли онъ въ этомъ глубокую истину; и въ то время, какъ обвиняли министерство, оппозицію и министровъ, монархію и демократію, народъ и правительство, не были ли всѣ вообще обмануты какой-то галлюцинаціей? Какъ въ 1830 г. обвиняли страну за ея преданность законности, точно также и въ 1848 году; поколѣніямъ этихъ двухъ эпохъ нельзя отказать въ той чести, что они повѣрили, что отечественныя учрежденія, во всемъ, что относится до основныхъ принциповъ и существенныхъ формъ, были непогрѣшимы. Эти два одновременныя движенія поколебали королевскую власть; демократія взяла верхъ, и вторично приступили къ пересмотру конституціи.

Самая печальная сторона этого дѣла была та, что эти тридцать три года конституціоннаго порядка были совершенно потеряны для политической науки: ни одной замѣчательной мысли не было высказано съ трибуны ни от-

носительно хартіи, ни относительно основъ общественной жизни, или государственной организаціи; критика нападала на министерство, но всегда держалась началъ данной конституціи; никогда она не возвышалась до философскаго анализа самой конституціи. Въ этомъ отношеніи въ 1848 году еще менѣе ушли впередъ, чѣмъ въ 1814 году: дѣйствительно въ началѣ реставраціи всѣ допускали, въ отношеніи къ правленію, компетентность разума; вѣрили въ осуществимость доктринъ, въ знаніе; а въ 1848 году не вѣрили болѣе въ это.

Напрасно школы соціалистовъ провозглашали соціальную науку; кромѣ того, что ихъ и вообще не были расположены слушать, — они только еще создавали свои гипотезы, только еще начинали прилагать свои догматы. Общественная мысль была развращена. Странно было дѣйствіе парламентарной системы, которою такъ злоупотребляли съ 1830 г.; по отношенію къ обществу и правительству не допускали, *ни религіи, ни права, ни науки*; вѣрили только въ *искуство*. И массы склонялись къ этому, какъ это въ сущности и всегда бывало. Для нихъ политическій геній заключался въ высшей степени честолюбія и въ смѣшеніи смѣлости и ловкости. Со смерти Казиміра Перье власть нечувствительнымъ образомъ преобразилась въ художество; но еще шагъ, и она упала до гаэрства. Если еще держались политической вѣры, то это былъ маленькій кружокъ республиканцевъ, составлявшій меньшинство въ республиканской партіи. Однако и этого остатка вѣры было достаточно для того, чтобы установить республику. Посмотримъ, какимъ образомъ это было сдѣлано.

— —

Февральская республика.

Какова была буржуазія 1830 года, вѣрящая въ свои учрежденія и потому самоувѣренная, таковою же показала себя и демократія 1848 года. Люди февральской революціи всѣ почти были свидѣтелями паденія первой имперіи; они присутствовали при преніяхъ реставраціи, сражались въ іюлѣ, слѣдили за спорами палатъ 1830 г.; они изучили революцію болѣе, чѣмъ это было до нихъ, — въ ея декретахъ; при такихъ обстоятельствахъ они казалось должны бы быть болѣе осмотрительны, но ничуть не бывало: подобно своимъ предшественникамъ, они ни въ чемъ не сомнѣвались и постоянно были исполнены иллюзій.

Февральская республика была ничто иное, какъ продолженіе іюльской монархіи, mutatis mutandis, exceptis excipiendis.

Они думали, что весь вопросъ состоялъ лишь въ томъ, чтобы упростить общественную связь путемъ уничтоженія королевской власти, сдѣлавшейся невозможнымъ органомъ, развить нѣкоторые принципы, которые до сихъ поръ примѣнялись только на половину, ограничить нѣкоторыя вліянія, еще уцѣлѣвшія отъ прежняго времени и пощаженныя какъ необходимая переходная ступень. И такъ, республика была провозглашена какъ слѣдствіе догма самодержавія народа; право всеобщей подачи голосовъ получило окончательное примѣненіе, какъ необходимое послѣдствіе другаго принципа—безусловнаго равенства передъ закономъ и какъ дополненіе къ реформѣ избирательной системы 1830 года; обѣ палаты соединены въ одно собраніе представителей, избранныхъ непосредственно народомъ, такъ какъ

аристократическій элементъ не допускается въ демократіи.

Всѣ эти реформы относительно логичности были безукоризненны. Революція 89 года выработала главныя ихъ основанія; хартія 1814 года признала ихъ данныя, а хартія 1830 года не затруднилась опредѣлить окончательное ихъ положеніе;—демократія съ полнѣйшею искренностью преслѣдовала то движеніе, которое 33 года тому назадъ начато было людьми, отступившими передъ своимъ собственнымъ принципомъ и ставшимъ въ ряды ея противниковъ. Но это была лишь логика школьниковъ, несчастная рутина. Февральскія учрежденія были, какъ и многія другія, попыткой, сдѣланной на авось. Скажу болѣе: еслибы основатели февральской демократической республики были дѣйствительно свободными мыслителями; еслибы, провозглашая человѣческій разумъ и человѣческое право, они наиболѣе понимали законы ихъ, они увидѣли бы, что ихъ республиканская конституція, выродившаяся непосредственно изъ двухъ послѣдовательныхъ монархій, была не болѣе какъ крайней нелѣпостью.

Реакція противъ республики 1848 г., безъ сомнѣнія, началась вмѣстѣ съ учрежденіемъ этой республики, и было-бы излишне отвергать это; она рушилась—эта республика, скорѣе отъ интригъ своихъ безчисленныхъ враговъ, нежели отъ своей собственной утопіи. И наконецъ, я спрашиваю демократовъ, развѣ со времени 1848 г. ихъ политическая вѣра не была потрясена? Сохранили-ли они вѣру въ народный патріотизмъ, въ разумность массы и въ непоколебимость ея нравственности? Ограниченному избирательному цензу ставили въ упрекъ легчайшую возможность подкупа, но развѣ не было десять разъ доказано, въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ, что несравненно легче обольстить 7,000,000 избирателей, нежели подкупить 2,000,000 ихъ?

Февральской конституціи предсказывали долгое существованіе, основываясь на внѣшней тождественности словъ: демократія и республика; но развѣ выборы 10 декабря 1848 года, составившіе такъ сказать прелюдію событій декабря 1851 и 1852 г., не ясно выказали склонность народа къ тѣмъ же замашкамъ, которыя приписывали государямъ, и вкусъ народа къ абсолютизму? Развѣ мы не видѣли опять тѣ же партіи, интриги, реакцію и гнетъ, междоусобицу, ссылки и избіеніе, истязанія, и наконецъ Кавеньяка—человѣка, которому партія буржуазіи поручила задавить народную партію, который сдѣлался кандидатомъ на президента республики и потомъ своей же партіей былъ выданъ какъ убійца народа. Къ чему послужили и единство національнаго представительства, и подчиненіе исполнительной власти законодательству, и конституціонныя гарантіи, и развитіе свободы?—Толпа, въ которую входили всѣ классы общества, все это ни ставила ни во что; послѣ 2 декабря, также какъ и послѣ 18 брюмера, она рукоплескала изгнанію адвокатовъ, безмолвію трибуны, стѣсненію прессы и закону объ общественной безопасности; съ равнодушіемъ смотрѣла на изгнаніе и разореніе сотни тысячъ гражданъ, самыхъ храбрыхъ и самыхъ преданныхъ республикѣ. Не будемъ болѣе говорить о той странной политикѣ, которой она держалась въ теченіе 10 лѣтъ и которая обнажила ея совершенную неспособность и ея отвратительные инстинкты. Теперь она ищетъ другихъ наслажденій, теперь ей нужна *оппозиція*, хотя бы ее пришлось искать среди измѣнниковъ республики, среди защитниковъ имперіи, въ Пале-Ройялѣ, или въ самомъ Тюйльри; она услаждаетъ себя болтовней; она дѣлается формалисткой и осмѣливается говорить о свободѣ! Пусть попробовалъ бы *избранникъ народа* удовлетворить теперь

этотъ *народъ*—создавшій его, или по крайней мѣрѣ удержать его! Но въ настоящее время, болѣе нежели въ 1814 году, единственное спасеніе для французскаго народа—въ разумѣ, а мы почти потеряли способность разсуждать. Идеи сдѣлались для насъ неудобоваримы, мы удовлетворяемся фигурками и картинками. Интеллекція наша опустилась и совѣсть бездѣйствуетъ. Наука, освѣщающая разумъ, питающая душу и укрѣпляющая сердце, сдѣлалась намъ противна.

Мы требуемъ только возбудительныхъ средствъ, которыя помогли бы намъ наслаждаться, хотя бы сокращая наше существованіе и предавая насъ позорной смерти.

Но для кого же, спросятъ меня, пишите вы все это, если таково ваше мнѣніе о вашихъ современникахъ?

Я предполагаю, что въ самомъ развращенномъ обществѣ всегда найдется хотя тысячная часть людей неиспорченныхъ и что достаточно этой закваски, чтобъ въ весьма короткое время обновить нашу націю, и притомъ самая внѣшность въ отношеніи нашей изжившейся рассы заслуживаетъ вниманія.

Франція, мы должны въ этомъ сознаться, уже не увлекаетъ собою всего человѣчества, и я думаю, что послѣ полувѣковыхъ опытовъ, болѣе или менѣе конституціонныхъ, будетъ интересно прослѣдить это движеніе; и такъ какъ французская нація, опередившая въ этомъ отношеніи другіе народы, представляетъ наиболѣе данныхъ для наблюденія, то я и избралъ ее предметомъ моего изученія.

Но неужели мы откажемся отъ самихъ себя потому только, что міръ преисполненъ интригановъ и мошенниковъ? Неужели мы будемъ отвергать здоровье и добродѣтель только потому, что общество больно. Неужели мы бросимся въ скептицизмъ потому только, что мы всегда

разочаровывались въ нашихъ монархически-парламентарныхъ комбинаціяхъ и до сихъ поръ не съумѣли организовать нашу республику и что теперь мы безсильны судить самихъ себя?

Какое безуміе! Нѣтъ, нѣтъ! Право и наука суть могущественныя силы человѣчества; соединимся подъ ихъ руководительствомъ; съ ними мы будемъ сильны—одинъ противъ тысячи, одинъ противъ десяти тысячъ,—и мы побѣдимъ: какъ говоритъ Псалмопѣвецъ, «падетъ отъ страны твоей тысяча и тьма одесную тебя»!

Въ 1848 году насъ обвиняли въ томъ, что мы дѣлали наши опыты надъ соціальнымъ тѣломъ, какъ надъ трупомъ казненнаго. Теперь не можетъ быть и рѣчи о подобныхъ опытахъ. Всѣ правительства, которыя созидала себѣ Франція съ 89 г., умерли въ младенческомъ возрастѣ, ни одно не было живучимъ. Пусть же трупы ихъ послужатъ по крайней мѣрѣ для вскрытія; и этого довольно для ихъ славы! *)

---

*) Къ числу этихъ труповъ принадлежитъ нынѣ и Наполеонъ III, о политической карьерѣ котораго читатель найдетъ свѣдѣнія во 2-мъ томѣ этого сборника. *Прим. изд.*

ГЛАВА III.

Пятнадцать конституцій французскаго народа, составляющія прелюдію шестнадцатой.—Европа и Америка въ разработкѣ конституцій и реформъ.—Всеобщій недугъ.

Для того, чтобы возбудить въ публикѣ, подобной французской, интересъ къ политическимъ изслѣдованіямъ, къ такъ называемой наукѣ правленія, прежде всего слѣдуетъ стряхнуть пыль старыхъ авторовъ, отказаться отъ школьныхъ традицій и совершенно отложить въ сторону педантическую эрудицію и офиціальный, академическій стиль. Какой французъ не начинаетъ зѣвать при одномъ словѣ *конституціонное право*.

Кто можетъ рѣшиться нынѣ поглотить цѣлую библіотеку публицистовъ, хотя бы это были Боссюэ, Монтескьё, Ж. Ж. Руссо, Мирабо, Ж. де-Местръ, де-Бональдъ, или Шатобріанъ? Отцы наши, если исторія не лжетъ, въ 89 и 93 годахъ пристращались къ такимъ труднымъ матеріямъ. Правда, что пренія учредительныхъ и законодательныхъ собраній и конвента, бурное краснорѣчіе Мирабо, Мори, Верньо, Робеспьеровъ,—всѣ манифестаціи самодержавнаго народа, вся страстная и кровавая драма революю-

цій—поддерживали общее вниманіе и оживляли общественное сознаніе, служа имъ какъ-бы толкователями. Но десять лѣтъ спустя послѣ созыва Генеральныхъ Штатовъ, ко всей этой литературѣ возъимѣли отвращеніе: страна кричала въ одинъ голосъ—вонъ все!..

Съ тѣхъ поръ мы выбросили за окно эту философію дня, мы забыли все, не исключая и нашего катехизиса. Пролетаріи и буржуазія столь же мало способны нынѣ отвѣтить на вопросы объ учрежденіяхъ ихъ страны, о правительственныхъ принципахъ, или объ условіяхъ свободы, какъ и на вопросы изъ символа христіанской вѣры.

Мы не имѣемъ ни политическаго, ни религіознаго образованія, что однако не мѣшаетъ французамъ обсуждать вкривь и вкось дѣйствія правительства, государственныя дѣла, право народовъ, наставлять Европу и Америку, и въ качествѣ избирателей, одинъ разъ въ шесть лѣтъ являться отправителями верховной власти, давая свои вѣрительныя граматы депутатамъ, хотя эти граматы выдаются на предъявителя.

Необходимо измѣнить методу. Политическая наука есть ничто иное, какъ вѣтвь соціальной науки, отдѣлъ антропологіи, часть естественной исторіи; будемъ поэтому заниматься ею какъ историки-натуралисты; мы выиграемъ уже въ томъ, что избавимся отъ всей старой рухляди; потомъ, будемъ говорить языкомъ яснымъ, положительнымъ и способнымъ отражать силой своей логики всѣ мудрствованія скептицизма. При такомъ условіи политика, или естественная исторія государствъ, можетъ оспаривать интересъ естественной исторіи животныхъ.

Знаете ли, читатель, сколько конституцій, со времени зловѣщаго 1789 г., было оффиціальнымъ образомъ предложено французскому народу? Пятнадцать [illegible] этого числа

БИБЛІОТЕКА УФСР
№ 1966-1972-33

двѣнадцать были только вотированы, а *десять* и приведены въ исполненіе. Послѣдняя нѣсколько разъ была измѣняема и находится на пути къ новой метаморфозѣ. Эти пятнадцать конституцій, о которыхъ вы такъ же мало заботитесь, какъ о прошлогоднемъ снѣгѣ, составляютъ основу нашего публичнаго права; это—священное хранилище нашей свободы и нашихъ гарантій, ковчегъ нашихъ учрежденій и нашихъ судебъ. Поэтому, ни что другое не можетъ быть болѣе достойно нашего уваженія: этимъ обусловливается наша политическая жизнь, въ этомъ все наше значеніе. Уничтожьте это основаніе, и Франція не существуетъ болѣе, а французская территорія, съ своими жителями—подобно дикимъ незаселеннымъ мѣстамъ въ центрѣ Африки, сдѣлается не болѣе какъ географическимъ терминомъ; она болѣе не будетъ государствомъ, она утратитъ свое мѣсто въ мірѣ политики. Въ виду этой важности, вооружитесь терпѣніемъ и позвольте мнѣ сдѣлать хронологическій перечень этихъ 15 конституцій, составляющихъ первую главу нашего политическаго катехизиса.

Историческое обозрѣніе французскихъ конституцій съ 1789 по 1864 годъ.

Когда французская нація рѣшилась дать себѣ конституцію, — король Лудовикъ XVI, эдиктомъ отъ 27 сентября 1788 г. созвалъ такъ называемые Генеральные Штаты на 1-е число мая предстоявшаго незабвеннаго 1789 года; избиратели, собранные по округамъ, приглашены были выразить свою волю въ инструкціяхъ депутатамъ (*cahiers*). Эти инструкціи должны были служить такъ сказать приказомъ депутатамъ; никогда еще, ни до того времени,

ни послѣ, нація не высказывала своей воли болѣе положительнымъ образомъ. Предстоящая конституція должна была сдѣлаться самымъ вѣрнымъ ея выраженіемъ.

1. *Проэктъ конституціи*, представленный учредительному собранію комитетомъ конституціи, въ періодъ отъ 27 іюля по 31 августа 1789 г.

Проэктъ этотъ не былъ принятъ, не смотря на то, что онъ былъ выработанъ подъ вліяніемъ событій 20 іюня, 14 іюля и 4 августа 1789 и потому предупреждалъ уже мысли, выраженныя въ избирательныхъ инструкціяхъ; проэктъ этотъ былъ исключительно монархическаго характера, не уничтожавшій при этомъ вполнѣ феодализма, принципъ котораго онъ поддерживалъ офиціально, въ дуализмѣ народнаго представительства — въ законодательномъ корпусѣ и въ сенатѣ.

2. *Французская конституція*, утвержденная учредительнымъ собраніемъ и принятая королемъ 3 сентября 1791 года.

Идеи быстро шли впередъ: *veto* короля было уничтожено; вмѣсто 2-хъ палатъ установлена одна; за королемъ оставлена лишь власть исполнительная.

Конституція эта съ грѣхомъ пополамъ просуществовала до 10 августа 1792 года.

3. *Проэктъ конституціи*, представленный національному конвенту конституціоннымъ комитетомъ 15 и 16 февраля 1793 года. (Редакція Кондорсе).

Этотъ проэктъ, чисто демократическаго характера и отвергающій королевскую власть, былъ разосланъ въ 85 департаментовъ и во всѣ арміи, чтобы спросить ихъ мнѣнія. Но конвентъ, занятый другими дѣлами, не разсматривалъ его.

4. *Конституціонный актъ*, представленный народу

національнымъ конвентомъ. (Редакція Робеспьера) 24 іюня 1793 года.

Эта конституція, названная конституціей втораго года, была только возстановленіемъ предъидущей. Она была принята народомъ, но не была обнародована до заключенія мира.

5. *Конституція французской республики*, предложенная французскому народу національнымъ конвентомъ 22 августа 1795 и принятая 1.057,390 противъ 49,977 голосовъ.

Это была конституція директоріальная, названная конституціею III года; она уступаетъ конституціи II года. Элементъ монархическій является здѣсь въ формѣ исполнительной директоріи, состоящей изъ 5 членовъ, дуализмъ возстановленъ въ палатахъ; избирательная система устроена такъ, чтобы держать народъ въ отдаленіи. Конституція эта продолжала свое дѣйствіе до 18 брюмера восьмаго года (10 ноября 1799).

6. *Конституція французской республики*, учрежденная законодательными коммиссіями 2-хъ совѣтовъ и консулами, 22 фримера VIII г. (13 декабря 1799 г.)

Произведеніе Сійеса, измѣненное Бонапартомъ, сдѣлавшимъ изъ нея удобное для себя орудіе, она уничтожала представительную систему, оставляя лишь тѣнь свободы, и хотя не вполнѣ возстановляла старый деспотизмъ, но значительно отступала отъ принциповъ, выраженныхъ въ инструкціяхъ 1789 г. Тѣмъ не менѣе она была принята 3.011,007 утвердительными голосами, противъ 1562 отрицательныхъ.

7. *Органическій сенатусъ-консультъ конституціи* 16 термидора X года (*4 августа 1802 года*).

Конституція VIII года не соотвѣтствовала честолюбивымъ

замысламъ Бонапарта и, при всей незначительности представляемыхъ ею препятствій, стѣсняла его деспотизмъ.

Вслѣдствіе чего, немедленно по заключеніи Аміенскаго мира, онъ дѣлаетъ себя пожизненнымъ консуломъ; избирательная система, и безъ того уже ослабленная, потеряла всякую силу; трибуна разломана; конституція искажена въ своихъ главныхъ основаніяхъ.

Эта передѣлка получила санкцію 3.568,885 голосовъ противъ 8,365. Чѣмъ болѣе развивался деспотизмъ, тѣмъ болѣе рукоплескала демократія!

8. *Органическій сенатусъ-консультъ*, или императорская конституція, чисто аутократическая и абсолютная, 28 флореаля XII года (18 мая 1804 года).

Принятая большинствомъ 3.521,675 противъ 2,679, она существовала до 2 апрѣля 1814 года, т. е. до того дня, когда охранительный сенатъ (Senat conservateur) провозгласилъ низверженіе Наполеона Бонапарта и его династіи.

9. *Французская конституція*, объявленная охранительнымъ сенатомъ 6 апрѣля 1814 года.

Это какъ бы договоръ сената съ Людовикомъ XVIII, который отвѣтилъ на него:

10. *Конституціонной хартіей* 4 іюля 1814 года.

Пожалованная королемъ помимо участія гражданъ, посрамившихся своимъ вотированіемъ XIII, X и XII годовъ,— хартія эта, по отношенію къ организаціи власти, воспроизводила идеи 89 и 95 года, но устраняла при этомъ всеобщую подачу голосовъ.

11. *Дополнительный актъ къ конституціямъ имперіи*, данный Наполеономъ Бонапартомъ, 22 апрѣля 1815 года.

Принятый народомъ и имѣвшій свою силу до 22 іюня

1815, т. е. до дня втораго отреченія Наполеона, актъ этотъ есть совершенная копія съ хартіи Лудовика XVIII, за исключеніемъ избирательной системы, которая заимствована была у конституціи X года, и учрежденія государственныхъ министровъ, на которыхъ возложена была обязанность отстаивать передъ палатами правительство,— идея, воспроизведенная Наполеономъ III въ конституціи 1852 года.

12. *Проэктъ конституціи*, представленный центральной коммиссіей палатѣ депутатовъ 29 іюля 1815 года. Проэктомъ этимъ предполагалось установить двухъ-степенную подачу голосовъ; — это впрочемъ простое видоизмѣненіе хартіи. Къ этому проэкту слѣдуетъ присовокупить еще декларацiи законодательной власти отъ 2 и 5 іюля 1815 г. относительно *Правъ французскаго народа*.

Возвращеніе Бурбоновъ, подъ покровительствомъ иностранныхъ штыковъ имѣло своимъ результатомъ полнѣйшее возвращеніе къ хартіи 1814 г.

13. *Конституціонная хартія*, принятая палатою депутатовъ 9 августа 1830 г.

14. *Конституція французской республики*, объявленная учредительнымъ собраніемъ 4 ноября 1848 г.

Она возстановляетъ всеобщую и прямую подачу голосовъ, сосредоточиваетъ законодательную власть въ одномъ собраніи и возлагаетъ исполнительную часть на президента, избраннаго народомъ на четыре года.

Законъ, ограничивающій всеобщую подачу голосовъ, 31 мая 1849 г.

15. *Конституція, данная Лудовикомъ-Наполеономъ Бонапартомъ* 14 января 1852 г.

Она возстановляетъ во всей полнотѣ всеобщую подачу голосовъ, ограниченную закономъ 31 мая, — но возвра-

щается къ идеямъ VIII года — во всемъ, что касается распредѣленія власти. Конституція эта впослѣдствіи подверглась слѣдующимъ измѣненіямъ:

1. *Сенатусъ-консультъ* — возстановилъ достоинство императорской власти въ лицѣ Лудовика-Наполеона Бонапарта съ наслѣдственнымъ правомъ его династіи, 7 ноября 1852 г.

2. *Сенатусъ-консультъ* 25 декабря 1852—толкуетъ и измѣняетъ конституцію и уничтожаетъ нѣкоторыя статьи ея.

3. *Сенатусъ-консультъ* 27 мая 1857 г., измѣняющій 35 ст. конституціи.

4. Наконецъ, *декретъ* 24 ноября 1860 г., предоставляющій право сенату и законодательному корпусу обсуждать и вотировать адресъ.

Эти измѣненія совершенно исказили конституцію 1852 года. Изъ республиканской и диктаторской,—каковою она была въ началѣ—она сдѣлалась сперва монархической и аутократической, потомъ представительной и парламентарной; она силится, какъ ясно видно, возвратиться къ системѣ 1830 г. Впослѣдствіи мы ее разсмотримъ ближе.

И такъ, въ общемъ результатѣ, въ теченіи 60 лѣтъ было 15 конституцій, — или, если считать только тѣ изъ нихъ, которыя были введены въ дѣйствіе, то будетъ 10 конституцій, т. е. по одной конституціи каждые шесть лѣтъ. Вотъ какова была наша политическая жизнь со времени созванія Генеральныхъ Штатовъ до возстановленія послѣдней имперіи; и мы знаемъ и не можемъ сомнѣваться въ томъ, что приготовляется уже шестнадцатая и не менѣе несчастная комбинація.

Таковы суть данныя, которыя представляетъ намъ исторія и законъ которыхъ намъ слѣдуетъ открыть. Кто-то сказалъ, что дѣйствіемъ человѣка руководитъ Богъ.

Но Богъ есть всеобъемлющій разумъ. Что же насъ заставляетъ плясать и кувыркаться, подобно маріонеткамъ, на туго натянутомъ канатѣ политики? Какая цѣль и причина подобнаго кривлянія? Чѣмъ оно можетъ кончиться? Скоро ли мы покончимъ съ гипотезами, или вѣрнѣе сказать— съ нашими мученіями. Между столькими системами, изобрѣтенными для того, чтобы гарантировать людямъ великія блага: свободу, справедливость и порядокъ,—неужели не найдется ни одной такой, на которой могли бы опереться нашъ разумъ и совѣсть? Кто намъ укажетъ такую систему? По какимъ признакамъ узнать ее? Когда наконецъ дано намъ будетъ воспользоваться благами ея? Существуетъ ли наука, логика или методъ, которые могли бы разрѣшить эти проблемы.

Замѣтимъ, что тревога, которая насъ теперь терзаетъ, чувствуется вездѣ.

Если мы ушли дальше другихъ на политическомъ поприщѣ, или говоря болѣе технически, если мы совершили наибольшее число конституціонныхъ переворотовъ,— это только потому, что мы начали общее потрясеніе, потому, что съ самаго начала, устранивъ все, что могло воспрепятствовать нашему движенію, мы не могли уже остановиться на этомъ пути, наконецъ потому, что мы обладаемъ болѣе пылкимъ умомъ и болѣе пламеннымъ темпераментомъ, нежели наши подражатели и наши соперники. Эти замѣчанія должны нѣсколько примирить насъ съ самими собою. Не все въ нашей исторіи зависѣло отъ нашего характера, предразсудковъ и недостатковъ. Всякому, кто ближе всмотрится въ дѣло, ясно, что со времени окончанія великихъ войнъ, вся Европа, по примѣру Франціи, была охвачена болѣзнью конституцій. Гдѣ конституціи оказывались недостаточными и не соотвѣтствую-

щими духу времени,—тамъ повсюду вспыхивало революціонное движеніе, и тамъ, гдѣ конституціи давались и прилагались на дѣлѣ, недостатки ихъ не замедляли давать себя чувствовать, и требовались реформы.

Почему напримѣръ шлезвигъ-голштинскій вопросъ тревожитъ теперь всѣ государства, держитъ въ страхѣ дипломатію—и что это за вопросъ, для разрѣшенія котораго всѣ требуютъ конгресса?—Вопросъ чисто конституціонный и самый сложный, касающійся въ одно и тоже время и Даніи, и Шлезвигъ-Голштейна, и всей Германской федераціи.

Что такъ тревожитъ Германію и что съ такою яростью натолкнуло ее на Данію? То, что у нея нѣтъ конституціи, и то, что федерація ея остается пока идеаломъ, то, что при существующемъ соперничествѣ ея государей, противорѣчіи въ учрежденіяхъ, антагонизмѣ національностей, Германія, повсюду окруженная измѣной и интригами и угрожаемая со всѣхъ сторонъ, въ сущности еще не живетъ, да и никогда еще не жила.

Изъ-за чего и прусскій король ссорится съ своимъ народомъ? Изъ-за того, что народъ не доволенъ конституціей.

Изъ-за чего произошла междоусобная война въ Соединенныхъ Штатахъ? Изъ-за того, что сѣверные и южные штаты думали одни на счетъ другихъ эксплоатировать конституцію.

Что сами мы дѣлали въ Мексикѣ? Конституцію.

Венгерскій вопросъ есть вопросъ чисто конституціонный, а Италія, Испанія? Не представляютъ ли эти государства, вотъ уже въ теченіе 40 лѣтъ, поле битвы изъ-за конституціонныхъ идей? и т. д. и т. д.

Большинство конституцій, возникшихъ съ 1814 г., въ обѣихъ частяхъ свѣта, подверглись многочисленнымъ из-

мѣненіямъ, нѣкоторыя же изъ нихъ совершенно передѣланы. Даже Швейцарія два раза исправляла свой федеративный договоръ, а Бельгія, которую ставятъ всегда въ примѣръ, какъ типъ конституціоннаго государства,—гніетъ въ своемъ докринерствѣ съ своими либералами и клерикалами. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ она едва не свергла своего короля; теперь она громогласно требуетъ возвращенія ей провинціальной и общинной свободы; она не мечтаетъ ни о Карлѣ V, ни объ Іосифѣ II, или Наполеонѣ, но о Яковѣ фонъ-Артевильдѣ.

Только одна Англія кажется неподвижною, далекою отъ совершающихся катастрофъ. Это потому, что въ Англіи согласились, во чтобы то ни стало, поддерживать вѣру въ королевскую власть, въ аристократію, въ буржуазію, въ церковь, въ библію, въ великую хартію. Но вѣра эта есть ничто иное какъ замаскированный эмпиризмъ, который умышленно отказывается отъ всякаго строго-логичнаго опредѣленія; называть Англію страною конституціонною — заблужденіе. Въ Англіи существуетъ самопроизводное (factice) общественное мнѣніе, которое диктуетъ каждому государственному дѣятелю что̀ онъ долженъ дѣлать ежедневно, прикрываясь мантіей закона, пригодной для каждаго случая.

Я резюмирую всю настоящую главу въ двухъ словахъ. Девятнадцатый вѣкъ занятъ разработкой своей политической и экономической конституціи. Франція—страна, гдѣ эта работа до настоящаго времени проявлялась съ наибольшей энергіей, хотя впрочемъ явленія эти вездѣ почти одинаковы.

Постараемся раскрыть законъ этого движенія путемъ анализа нашей исторіи.

ГЛАВА IV.

Общій критическій взглядъ на конституціи.

Историческая послѣдовательность и логическая сущность французскихъ конституцій.—Крайности и средства.—Начало конституціоннаго цикла.—Безпрерывныя перемѣны.—Постоянное непостоянство.

Пятнадцать конституцій, о которыхъ мы дали отчетъ въ предыдущей главѣ, поименовавъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, и прибавленныя къ нимъ съ одной стороны инструкціи, данныя избирателями депутатамъ Генеральныхъ Штатовъ, съ другой—сенатусъ-консульты 1852, 1856 и 1857 годовъ, а также декретъ 24 ноября 1860 года, являясь предвѣстниками новой конституціи, составляютъ въ настоящее время весь ансамбль нашихъ политическихъ эволюцій.

Прежде всего надо однако замѣтить, что тотъ историческій или хронологическій порядокъ, въ которомъ эти конституціи слѣдовали одна за другой и котораго мы придерживались при ихъ разсмотрѣніи, не показываетъ еще ихъ раціональной связи между собой, если только предположить въ нихъ существованіе какой нибудь связи; и что посему порядокъ этотъ отнюдь не представляетъ намъ теоріи всѣхъ этихъ переворотовъ. Мы видимъ, что послѣ монархической конституціи появляется ультра-демократическая, за этой же слѣдуетъ умѣренно-буржуазная республика, потомъ является военная аутократія, за ней парламентская монархія, потомъ опять демократія, наконецъ—имперія. Но во всемъ этомъ нѣтъ ничего

такого, что дало бы намъ возможность подозрѣвать нѣчто общее во всѣхъ этихъ конституціяхъ, которыя представляются столь противорѣчащими одна другой. Въ самомъ дѣлѣ, что соединяетъ ихъ, какою мыслью они проникнуты, зачѣмъ такъ часто смѣняются онѣ одна другой, переходя изъ одной крайности въ другую и обнаруживая общую несостоятельность. Вотъ именно этотъ-то законъ превращеній и слѣдуетъ изучить.

Невольно спрашиваешь себя, не суть ли всѣ эти превратности—дѣйствіе рока или провидѣнія, и во всякомъ случаѣ, какой разумъ въ нихъ дѣйствуетъ.

Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, представляется только одно средство—тщательно разсмотрѣть всѣ эти конституціи и сравнить ихъ между собою по ихъ отношенію къ свободѣ общественной, провинціальной, корпоративной и индивидуальной, по отношенію къ гражданскому, публичному и народному праву, наконецъ по отношенію къ философіи, искуству, цивилизаціи и правамъ и пр. Но такой трудъ потребовалъ бы необъятныхъ томовъ, которыхъ никто бы не сталъ читать; логическое же изслѣдованіе даетъ возможность быть краткимъ и необременительнымъ для читателя.

Выше мы показали хронологическій порядокъ нашихъ пятнадцати конституцій; теперь мы разсмотримъ ихъ въ другомъ порядкѣ, и вмѣсто исторической ихъ послѣдовательности, ничего намъ не объясняющей, будемъ изслѣдовать ихъ логическую послѣдовательность. Я понимаю подъ этимъ такое раціональное сопоставленіе всѣхъ этихъ конституцій, разсмотрѣнныхъ въ ихъ внутренней сущности, которое представило бы ихъ всѣ вмѣстѣ, какъ ступени одной и той же системы, какъ видоизмѣненія или частности ея.

Исходнымъ пунктомъ такого сравненія мы примемъ конституцію 1804 года, самую аутократическую изъ всѣхъ; намъ легко будетъ убѣдиться, что болѣе всѣхъ приближается къ ней по своему аутократическому характеру конституція 1802 года; затѣмъ третья въ томъ же родѣ будетъ конституція 1852 года. Такимъ образомъ, слѣдуя этому порядку сравненія, мы придемъ къ конституціи 1793 года, которая совершенно противоположна первой, и въ которой мы видимъ полнѣйшее развитіе демократическихъ началъ и никакихъ признаковъ аутократизма. Хартія же 1814—1830 г. составляетъ нѣчто среднее.

Раціональная серія конституцій французскаго народа, отъ 1789 до 1864 г.

Конституція 1804 г. имперіалистская, чисто аутократическая.

Конституція 1802 г. диктаторіальная съ пожизненнымъ консуломъ.

Конституція 7 ноября 1852 г. имперіалистская и аутократическая, слегка смягченная.

Конституція 14 января 1852 г. диктатура на 10 лѣтъ.

Конституція 1799 г. диктаторіальный тріумвиратъ на 10 лѣтъ.

Конституція 24 ноября 1860 г. имперіалистская, съ парламентарной тенденціей.

Конституція 1815 г. конституціонно-имперіалистская.

Конституція 27 іюля-30 августа 1789 г. согласно тому, какъ она проэктирована въ инструкціяхъ, — конституціонная монархія, окруженная феодальными воспоминаніями.

Конституція 1815 г. имперіалистская, представительная и quasi-парламентарная.

Конституція 1814 г. конституціонная монархія представительная и парламентарная; законная династія; возвышенный избирательный цензъ.

Конституція 1830 г. такова же, лишь съ пониженіемъ избирательнаго ценза, съ опредѣленной королевской прерогативой, избирательная династія.

Конституція 1791 г. конституціонная монархія, представительная, но не парламентарная—съ подчиненіемъ королевской власти собранію.

Конституція 1795 г. республиканская, но безъ прямыхъ выборовъ; двѣ палаты, пять членовъ директоріи.

Конституція 1848 г. республиканская, демократическая; всеобщая и прямая подача голосовъ; одна палата и президентъ.

Конституція 1793 г. представительная, демократическая; одно собраніе; всѣ должностныя лица назначаются народомъ.

Весьма важно замѣтить, что ни конституція 1804 г. ни конституція 1793 г. въ сущности не суть точныя выраженія аутократическаго абсолютизма, или чистой демократіи, вслѣдствіе того, что ничто абсолютное по самой природѣ своей не осуществимо.

Не слѣдуетъ однако приходить къ заключенію, что эти два сорта конституцій представляютъ собою противоположности: дѣйствительно, многаго еще не достаетъ, чтобы демократическій принципъ былъ такъ далеко введенъ въ конституціи, какъ противуположный ему принципъ имперіализма. Конституція Робеспьера не представляетъ безусловной противуположности конституціи Наполеона; въ силу этого, съ 1815 года, нѣкоторые демократы, надѣясь воз-

будить въ массахъ рвеніе къ республиканскимъ учрежденіямъ, предложили—подъ именемъ прямого участія въ *правленіи*, прямое *народное законодательство*. Проэкты этихъ конституцій, по отношенію къ принципу народнаго самодержавія, далеко оставляютъ за собою акты 1848, 1795 и даже 1793 годовъ. Я не буду въ настоящее время оцѣнивать достоинства этихъ предложеній; я хочу только, въ подкрѣпленіе теоріи, дать замѣтить, что эти системы ни въ чемъ не измѣнили бы сущности нашей аналитической таблицы, задача которой заключается въ томъ, чтобы наглядно и въ формѣ раціональной картины доказать, что всѣ возможныя конституціи, сколько бы ихъ ни было, всегда сгрупируются около двухъ діаметрально противуположныхъ пунктовъ, составляющихъ такъ сказать крайнія звѣнья этой цѣпи. Понятно, что если конституція 1804 года соединила всю власть въ рукахъ одного человѣка, то, съ другой стороны, противуположная ей конституція могла вручить эту власть народному собранію, которое дѣйствовало бы безъ представительства, магистратуры и министерствъ. Въ такомъ случаѣ всеобщая подача голосовъ была бы безполезна. Все равно, будетъ ли подобная конституція приведена въ дѣйствіе или нѣтъ, послѣдствія нашей системы будутъ тѣ же и наши сужденія сохранять свою вѣроятность.

Вмѣсто того, чтобы начать нашъ списокъ съ конституціи 1804 года, бывшей самымъ полнымъ выраженіемъ аутократіи во Франціи съ 1789 года, мы точно также могли бы начать его съ конституціи 1814 г. или со всякой другой, ставя затѣмъ тѣ конституціи, которыя наиболѣе подходятъ къ предъидущей:

Конституція 1814 г. доктринёрная, представляющая золотую средину.

Конституція 1830 г. склоняющаяся къ демократіи.

Конституція 1791 г. монархическая субординація.

Конституція 1795 г. съ республиканскимъ перевѣсомъ.

Конституція 1848 г. такая же съ одною палатою.

Конституція 1793 г. подчиненіе буржуазіи народу.

Конституція 1804 г. чисто аутократическая и наслѣдственная.

Конституція 1802 г. пожизненная диктатура.

Конституція 7 ноября 1842 г. умѣренная аутократія.

Конституція 14 января 1852 г. десятилѣтняя диктатура.

Конституція 1799 г. тріумвиратъ на 10 лѣтъ.

Конституція 24 ноября 1860 г. императорская, съ парламентарными тенденціями.

Конституція 1789 г. конституціонная монархія — съ дворянскими традиціями.

Конституція 1815 г. императорская и quasi-парламентарная.

Примѣчанія:

А) Рядъ конституцій, который мы представили, слѣдуя нашей исторій и сравненію различныхъ лежащихъ въ нихъ принциповъ, составляетъ то, что я называю *конституціоннымъ цикломъ,* или кругомъ, въ которомъ всякому обществу суждено вращаться до тѣхъ поръ, пока оно не пріобрѣтетъ окончательной организаціи. Этотъ циклъ есть результатъ того перевѣса, который послѣдовательно достается каждому изъ соціальныхъ элементовъ; онъ болѣе или менѣе обрисовывается въ исторіи всѣхъ народовъ.

Съ помощію этого круга мы можемъ уяснить себѣ истину, выражающуюся въ извѣстной пословицѣ *les extrêmes se touchent* (крайности сходятся), которая однако скрываетъ въ себѣ что-то таинственное для ума.

Если представить себѣ этотъ рядъ конституцій изображеннымъ въ формѣ радіусовъ круга, то легко будетъ убѣдиться, что крайности аутократіи и демократіи настолько же близки другъ къ другу, какъ и среднія системы парламентаризма. А такъ какъ теорія всегда имѣетъ свое примѣненіе на практикѣ, то мы и находимъ здѣсь объясненіе явленія давно замѣченнаго, но очень мало или вовсе не выясненнаго и заключающагося въ томъ, что въ тѣхъ государствахъ, которыя подверглись конституціонному движенію, весьма часто оказывается, что правительства, дойдя до демократическихъ крайностей, вмѣсто того, чтобы путемъ правильнаго вращенія обратиться къ разумной срединѣ, дѣлали рѣзкій поворотъ къ аутократіи или къ абсолютной власти. Ничто въ теоріи такъ не противорѣчитъ другъ другу, какъ аутократія и демократія, отдѣляющіяся одна отъ другой множествомъ смѣшанныхъ правительственныхъ системъ, но въ тоже время ничто такъ близко не соприкасается, какъ эти двѣ формы. Такъ что, если движущая сила, или руководящая страсть, направляющія государство то къ принципамъ демократіи, но къ полнѣйшему абсолютизму, не задержитъ власти въ тотъ моментъ, когда она приближается уже къ достиженію какого либо изъ этихъ предѣловъ, то власть эта какъ бы перескакиваетъ идеальный интервалъ, раздѣляющій эти два предѣла, и становится на ноги уже совершенно видоизмѣненною. И странно, очень часто замѣчали, что самые рьяные демократы обыкновенно скорѣе всѣхъ мирятся съ деспотизмомъ, и, наоборотъ, защитники абсолютнаго права, въ подобныхъ же случаяхъ, дѣлаются самыми ярыми демагогами: какъ будто душа человѣка въ этомъ отношеніи совершенно сходится съ соціальной метафизикой.

В) И такъ, рядъ разсмотрѣнныхъ нами конституцій, взятый въ его ансамблѣ, представляетъ собою нѣчто въ родѣ высшаго организма, составленнаго изъ низшихъ организмовъ, или низшихъ системъ, и который подобно животному тѣлу состоитъ изъ органовъ и внутреннихъ частей, душевныхъ способностей и т. п. Организмъ этотъ также можно сравнить съ огромной машиной съ зубчатыми колесами, въ которомъ то, что мы называемъ формой, или системой правительства (монархія, аристократія, демократія и пр.), есть не болѣе какъ движеніе отдѣльныхъ колесъ и въ которомъ обществу дается движеніе въ томъ или другомъ направленіи. Организмъ этотъ можно также сравнить съ солнечнымъ зодіакомъ, двѣнадцать знаковъ котораго поочередно служатъ станціями для солнца и который годовымъ и суточнымъ кругообращеніемъ образуетъ систему временъ года— этотъ постоянно возобновляющійся образъ міровой жизни.

Какъ бы то ни было, но изъ всѣхъ этихъ сравненій, очевидно недостаточныхъ, можно вывести одно только вѣрное заключеніе, — что въ сущности не существуетъ различныхъ родовъ правительствъ, отдѣльныхъ одинъ отъ другаго,—родовъ, изобрѣтаемыхъ фантазіей или геніальностью законодателей, и изъ которыхъ каждая нація призвана выбрать наиболѣе подходящій къ ея темпераменту. Напрасно хвалился Солонъ, что конституція, которую онъ далъ аѳинянамъ, была болѣе всякой другой имъ свойственна: доказательствомъ тому служитъ то, что еще задолго до появленія римлянъ,—даже еще до Филиппа,—слава Аѳинъ и ихъ свобода погибли отъ этой конституціи. Еслибы аѳинское общество существовало до нашихъ дней, поставленное въ другія условія и подъ другія вліянія, весьма возможно, что оно поступило бы точно такъ же, какъ поступаетъ въ теченіи 24 лѣтъ французское общество, т. е. оно испро-

бовало бы весь рядъ конституцій и жило бы революціонной жизнью. Оно еще разъ доказало бы намъ своимъ примѣромъ, что для всѣхъ народовъ существуетъ лишь одна и таже политическая система — соотвѣтствующая ихъ элементамъ и условіямъ, и состоящая изъ всѣхъ тѣхъ различныхъ порядковъ, которые мы называемъ правительствами, но такая система, истинный синтезисъ которой до сихъ поръ не могъ быть воспроизведенъ, по причинамъ, которыя мы разсмотримъ ниже.

Доказательствомъ истины этого синтезиса, къ которому призванъ человѣческій родъ, и доказательствомъ того, что всѣ упомянутыя нами правительства, разсматриваемыя съ разныхъ точекъ зрѣнія, являются искалѣченными и съ трудомъ дышащими, служитъ то, что они, какъ доказалъ опытъ, не представляютъ никакой серьезной гарантіи и долговѣчности, что они лишены прочности и равновѣсія и при анализѣ представляютъ лишь противорѣчія; наконецъ, повторяю, всѣ эти правительства, собранныя въ одну синоптическую таблицу и подобранныя, такъ сказать, сообразно ихъ различнымъ свойствамъ, представляютъ собою различныя фазы того великаго круговорота, въ которомъ государство *двигается* взадъ и впередъ, кружится, то стараясь утвердиться на одной изъ среднихъ точекъ, то стремительно проходя чрезъ цѣлый рядъ системъ и иногда быстро переступая идеальную черту, отдѣляющую крайности. Такимъ образомъ, представленный нами конституціонный циклъ, указанный намъ логикой, долженъ быть разсматриваемъ въ той формѣ, какую мы ему дали, не столько какъ точное и опредѣлительное выраженіе соціальной системы, сколько изображеніе различныхъ гипотезъ, или даже только опытовъ или приготовленій, ведущихъ къ ней.

С.) Политическая система не только едина по своей природѣ, что̀ проявляется въ самомъ видоизмѣненіи ея въ

правительственныхъ формахъ, но является и безусловно-*необходимою*, постоянною и неизмѣнною въ своей сущности. Система эта имѣетъ свои данныя въ условіяхъ и элементахъ общества, и подобно тому какъ самое общество и все человѣчество, въ какихъ бы фазисахъ они не находились,—не измѣняетъ всей совокупности своей феноменальной жизни; подобно тому, какъ оно остается неизмѣняемымъ въ своей сущности, какъ и самый земной шаръ, котораго оно есть вѣнецъ, подобно матеріи, всю энергію которой оно заключаетъ въ себѣ, подобно жизни, которая находитъ въ человѣчествѣ свое высшее выраженіе, подобно духу, котораго оно есть глаголъ, и наконецъ подобно справедливости, истолкователемъ которой оно является,—и политическая система, которая нами управляетъ, въ своихъ ли подготовительныхъ фазахъ, или въ своей законченной формѣ — неизмѣнна. Это не требуетъ большаго разъясненія.

Мы допускаемъ a priori, что если человѣкъ, какъ разумно-свободное существо, живетъ въ обществѣ и признаетъ надъ собою справедливость, то общество не можетъ не установить у себя извѣстный порядокъ, иначе сказать— образовать правительство, будетъ ли оно ввѣрено одному избранному лицу, подъ названіемъ государя, императора или короля, или нѣсколькимъ уполномоченнымъ, составляющимъ сенатъ, патриціатъ, аристократію, (если управленіе представляется невозможнымъ въ формѣ всенароднаго собранія), будетъ ли правительственная власть отправляема ad libitum — самодержавною волею, коллективною или индивидуальною, или на основаніяхъ традицій и обычаевъ, или же наконецъ руководясь положительными правилами и выработанными законами. Всѣ эти элементы, кажущіеся исключающими другъ друга, соприкасаясь между

собою, группируются и комбинируются въ различныхъ пропорціяхъ, какъ напримѣръ аутократія, умѣряемая вліяніемъ аристократіи или демократіи, или совершенный произволъ, ограничиваемый и измѣняемый обычаемъ, или иниціатива государя, ограничиваемая иниціативою сената, или и въ томъ и въ другомъ случаѣ ограниченіе будетъ принадлежать народному представительству и письменному закону, и вообще какъ бы ни измѣнялись подчиненность классовъ, должностей и прерогативъ. Все это можетъ видоизмѣняться до безконечности, и вотъ почему между двумя крайностями, аутократіей и демократіей, можно вставить столько среднихъ формъ, сколько угодно. Но все это отнюдь не измѣняетъ системы, а напротивъ утверждаетъ ее, и все, что исторія можетъ заключить изъ подобныхъ видоизмѣненій въ государствѣ, это только то, что общество страдаетъ, что оно ищетъ для себя опоры, часто даже падаетъ и, не имѣя возможности восторжествовать надъ своимъ безсиліемъ, клонится къ смерти. Слѣдовательно политическая система, какъ мы ее теперь понимаемъ, стоитъ выше всякаго осужденія, свободна отъ всякихъ необдуманныхъ человѣческихъ плановъ, болѣе прочна и болѣе долговѣчна, нежели племя или даже національность. Въ политикѣ мы можемъ отдаться всѣмъ возможнымъ оргіямъ, испробовать всѣ гипотезы, переходить отъ равновѣсія властей къ диктатурѣ, отъ имперіи къ демагогіи, но мы никакъ не перейдемъ роковой границы и одно изъ двухъ: или мы погибнемъ въ нашихъ безумныхъ эволюціяхъ, или придемъ къ тому послѣднему синтезису, въ которомъ залогъ мира и счастія народовъ *).

---

*) Въ этомъ мѣстѣ въ рукописи Прудона, какъ видно, предполагалось вмѣсто слѣдующихъ двухъ примѣчаній Д и Е вставить оцѣнку

Д.) Третій характеръ конституціоннаго цикла или системы, разсматриваемыхъ во всякомъ случаѣ въ ихъ общей совокупности, составляетъ ея антиномію, или внутренній элементъ противоположности, лежащей въ сущности двухъ сопротивляющихся одна другой крайностей, которыя никогда не могутъ ни поглотить ни исключить другъ друга. Въ государствѣ самомъ аутократическомъ всегда находится элементъ демократическій, на томъ основаніи, что прямой разумъ говоритъ, что не можетъ быть государя безъ подданныхъ, и наоборотъ во всякой демократіи постоянно проявляется аутократическій элементъ, потому что государству всегда присуще единство власти,—единство, проходящее чрезъ всѣ органическія дѣленія; государство индивидуализируется лишь преимущественно для того, чтобы обезпечить единство дѣйствій въ органахъ, которыми являются исполнительныя должности. Пусть говорятъ, что избранникъ или представитель народа есть только его уполномоченный, его служитель, носитель народной власти, его адвокатъ, его истолкователь; вопреки этому теоретическому опредѣленію верховной власти народа и вопреки офиціальной и легальной подчиненности его своему правителю, представителю или толкователю,—никогда не бываетъ, чтобы вліяніе и авторитетъ народа осилили его представителя и чтобы онъ былъ дѣйствительно только уполномоченнымъ народа. Не взирая ни на какіе принципы, постоянно случается, что этотъ упол-

---

изложеннаго имъ метода, противопоставивъ ничтожности исторической серіи конституцій плодотворность раціональной; также видно по его замѣткамъ, что онъ имѣлъ въ виду показать, что бываетъ съ народомъ, остановившимся на конституціи, признанной имъ совершенною, но которая носитъ въ себѣ необходимость измѣняемости, подъ вліяніемъ страшныхъ революцій, скептицизма, упадка духа, низости и изнѣженности народа.

номоченный дѣлается господиномъ своего суверена и это не потому,—какъ могли бы подумать, что уполномочиваемое лицо обыкновенно бываетъ способнѣе тѣхъ, кто даетъ ему полномочіе, но потому, что по самой сущности верховной власти дѣйствительный суверенъ есть тотъ, кому народъ согласился ввѣрить власть. Безусловный суверенитетъ, если можно такъ выразиться, еще идеальнѣе, чѣмъ безусловная собственность. Различіе между безусловностью и условностью этихъ понятій существуетъ только въ терминахъ, но иначе и быть не можетъ. Мы должны знать цѣну словъ и выраженій и умѣть употреблять ихъ.

Е.) Политическому организму, какъ въ его ансамблѣ, такъ и въ отдѣльныхъ фазисахъ или формахъ, присуща антиномія, или противоположности; отсюда слѣдуетъ, что онъ существенно подвиженъ: неподвижность, которую часто смѣшиваютъ съ постоянствомъ, чужда обществъ, что бы ни говорили теоретики абсолютнаго права, точно также, какъ разумъ чуждъ камня, любовь чужда пространства, идеалъ и религія недоступны животнымъ. Въ этомъ и заключается тайна политической жизни. Общество постоянно находится въ дѣйствіи, постоянно занято самосозданіемъ, идетъ ли оно впередъ или отступаетъ назадъ; безъ этого немыслимъ прогрессъ: цивилизація была бы теперь такою же, какою была въ первобытное время; человѣкъ, истощивъ свои первоначальныя созерцанія, оставался бы въ statu quo; онъ былъ бы первымъ между видами животныхъ, способныхъ къ труду, но ничего не прибавилъ бы къ знаніямъ своихъ предковъ, и назначеніе человѣчества было бы выполненно послѣ первой же генераціи.

Я постараюсь въ нѣсколькихъ словахъ объяснить, какимъ образомъ въ политической системѣ антиномія порождаетъ движеніе.

«Дайте мнѣ матерію и движеніе, говорилъ одинъ математикъ, и я объясню вамъ міръ.»

Но математикъ этотъ требовалъ лишняго; по моему мнѣнію, ему нужно было только объяснить, какимъ образомъ движеніе происходитъ изъ антитезныхъ свойствъ матеріи, или иначе сказать изъ столкновенія идей.

Я утверждаю, что причина движенія въ политической системѣ есть ничто иное, какъ сцѣпленіе цѣлыхъ рядовъ различныхъ системъ, число которыхъ, какъ мы видѣли теоретически, безконечно (смотри примѣчаніе С) и которыя такъ связаны, что умъ, какъ бы онъ ни былъ тонокъ, постоянно скользитъ отъ одной къ другой и не можетъ остановиться ни на одной.

Слово и мысль—различны между собою; первое называетъ, опредѣляетъ, индивидуализируетъ, такъ сказать, предметы и своими опредѣленіями, индивидуализаціей и наименованіемъ, помогающими ему дѣлать идеи конкретными, оно достигаетъ до извѣстной степени возможности отличать ихъ одну отъ другой, и это помогаетъ мысли моментально сосредоточиваться на нихъ. Безъ сомнѣнія, опредѣленія эти не вѣрны, и логика это подтверждаетъ, говоря, что omnis definitio periculosa. Наши разсужденія часто бываютъ ложны и наши заключенія печальны; выше мы видѣли этому примѣръ въ понятіи о мнимихъ уполномоченныхъ народнаго суверенитета. Надо было много времени, прежде чѣмъ философія замѣтила, что логика конечныхъ величинъ не примѣнима къ политическимъ идеямъ. Тѣмъ не менѣе даже въ нравственныхъ и метафизическихъ наукахъ слово—при всѣхъ своихъ недостаткахъ—оказываетъ намъ громадныя услуги, и мы не могли бы обойтись безъ него. Но человѣкъ, который, довольствуясь самымъ употребленіемъ слова, привыкъ мыслить безъ по-

мощи опредѣлительныхъ данныхъ, поступаетъ совершенно иначе. Онъ не останавливается на конкретныхъ явленіяхъ; индивидуальности едва его интересуютъ, его занимаютъ законы вещей: онъ паритъ надъ идеями, надъ родами и видами предметовъ, онъ перелетаетъ отъ одной группы къ другой; его интеллекція находится въ безпрерывномъ движеніи. Всѣ различные предметы, которые видятъ наши глаза, называютъ наши уста, слышатъ наши уши, которые представляются нашему уму отдѣльно, производя на насъ впечатлѣніе видораздѣльности, теряютъ свои различія и представляются намъ лишь какъ измѣнчивыя формы, когда мы созерцаемъ ихъ взоромъ одного нашего пониманія. Что такое для натуралиста птица, рыба или четвероногое? Экземпляръ извѣстнаго вида животныхъ, составляющаго часть извѣстнаго рода, который образуетъ въ свою очередь часть высшей категоріи, входящей въ одно изъ царствъ природы. Въ животномъ, которое вы только называете, натуралистъ видитъ все это въ одинъ разъ, и онъ не можетъ не видѣть этого, и еслибы онъ не видѣлъ, то его наука была бы ничто и въ такомъ случаѣ онъ имѣлъ бы лишь одно понятіе о фигурѣ животнаго. Но охотникъ, который въ преслѣдуемой имъ дичи видитъ только лишь предметъ потребленія,—воспринимаетъ ее только въ ея отличительной формѣ, въ ея индивидуальности; для него козленокъ есть не болѣе какъ козленокъ, куропатка—куропатка и т. д. Онъ вовсе не думаетъ ни о жвачныхъ, ни о толстокожихъ, ни о четверорукихъ и не болѣе думаетъ о воробьяхъ, или лапчатоногихъ птицахъ. Какъ бы ни было неуловимо нравственное или физическое различіе, по которому можно отличать животныхъ, съ которыми охотникъ ведетъ войну, онъ никогда въ нихъ не ошибется; онъ увѣренъ, что никогда ихъ не смѣшаетъ,

и въ этомъ отношеніи онъ конечно видитъ гораздо яснѣе всякаго ученаго, который, стараясь дать себѣ отчетъ о животномъ путемъ обсужденія этихъ различій, проявляющихся прежде въ чувствахъ и затѣмъ отмѣчаемыхъ словомъ, путается въ классификаціи животныхъ, приходитъ только къ признанію собственнаго своего безсилія и кончаетъ тѣмъ, что сознается, что для него—человѣка науки—волкъ и собака не отличаются одинъ отъ другой и что кошка и тигръ одно и то же животное.

Такимъ образомъ, философская мысль, которая изъ желанія удовлетворить своему собственному любопытству и приподнять хотя край завѣсы природы, вынуждена проникать далеко за предѣлы чувственныхъ признаковъ и пренебрегать ихъ опредѣленіями, въ большинствѣ случаевъ поставлена бываетъ въ необходимость возвращаться къ нимъ, чтобы не впасть въ нелѣпость *). То, что мы сказали о естественныхъ наукахъ, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что ожидаетъ философа въ наукахъ нравственныхъ и политическихъ. Въ первыхъ, по крайней мѣрѣ внѣшнія чувства на половину помогаютъ наблюденію, и если имъ еще многаго не достаетъ для того, чтобы быть наукой, они во всякомъ случаѣ вводятъ насъ въ преддверіе знанія, и ихъ истины не могутъ быть отвергаемы. Но что найдете вы доступнаго человѣческому чувству въ предметахъ, относящихся до политики и соціальной организаціи?..

---

*) Изученіе животныхъ открыло слѣдующія факты: рассы или виды одного и того же рода подвержены въ своей формѣ значительнымъ измѣненіямъ; вся же система классовъ, разрядовъ, родовъ и породъ животнаго царства относительно построенія покоится на однообразномъ планѣ. По этому формы вращаются лишь въ узкихъ предѣлахъ. Но непослѣдовательность философіи приводитъ къ инымъ гипотезамъ.

Ясно, что вопросы соціальные находятся внѣ чувственнаго опыта и недоступны свидѣтельству чувства; они возвышаются до чистаго разума, и вульгарная діалектика, съ помощію рутинныхъ опредѣленій, или обаянія краснорѣчія, не разрѣшитъ ихъ. Никакое внѣшнее указаніе не можетъ служить маякомъ публицисту, когда увлеченный политическимъ вихремъ гипотезъ (которыя всѣ входятъ одна въ другую, которыя всѣ могутъ быть замѣняемы одна другою, почти не измѣняя ничего на дѣлѣ, *какъ мы видѣли* это въ нашей теоріи крайностей, и ни на одной изъ которыхъ нельзя съ полной научной добросовѣстностью остановиться предпочтительно), онъ по неволѣ спрашиваетъ себя, не сдѣлался ли онъ предметомъ шутки, не впалъ ли въ галлюцинацію, не отдано ли само человѣчество на произволъ случая и не будетъ ли умнѣе оставить міръ его собственному *свободному произволу*, а власть первому, кто ее захватитъ?

Это безвыходное положеніе политической мысли имѣетъ свои основательныя причины: идеи повсюду находятся въ колебаніи, какъ въ умахъ властителей, заинтересованныхъ въ сохраненіи statu quo и проявляющихъ въ каждомъ дѣйствіи свой скептицизмъ, такъ и во мнѣніяхъ массъ, бросившихся очертя голову въ революцію. Никто не можетъ похвалиться, что онъ вѣрно держался одного принципа и до конца довелъ его послѣдствія, или защищался отъ противорѣчащихъ идей. Я указалъ причину всего этого: она состоитъ въ томъ, что политика, занимающая столь видное мѣсто въ практической исторіи человѣчества, ограничивается исключительно сферой интеллекціи, гдѣ идеи освобождены отъ бремени матеріи и эмпиризма.

Нужно ли послѣ всего прибавлять, что человѣкъ постоянно дѣйствуетъ неиначе какъ отъ избытка мыслей и что

его дѣйствія суть выраженіе его сознанія; какъ скоро онъ будетъ осуществлять свои соображенія, то его предпріятія, поступки и учрежденія будутъ аналогическими съ его мыслями, и агитація жизни сообщитъ агитацію мысли.

Событія, разсказанныя нами въ двухъ первыхъ главахъ, вслѣдствіе всего этого пріобрѣтаютъ совершенно новый свѣтъ. Съ 1814 до 1830 года французская нація, захваченная текстомъ хартіи, подтверждая этотъ текстъ, подозрѣвала, что корона имѣетъ въ виду его уничтожить, и остановилась на этомъ подозрѣніи; она хотѣла сдѣлать текстъ хартіи неизмѣняемымъ и сама въ немъ утвердиться. Два раза она мстила династіи за то, что она налагала руку на хартію. Можно сказать, что въ то время вся нація раздѣляла это мнѣніе. Но эта манія неподвижности не могла долго существовать: съ 1840 до 1848 года идеи развивались въ странѣ и быстро пришли въ движенія; въ теченіе 15 лѣтъ мы переходимъ отъ одной крайности къ другой, потомъ возвращаемся къ срединѣ и ничего болѣе не дѣлаемъ, какъ пересуживаемъ себя. Такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока мы не научимся господствовать надъ силою, которая насъ повергаетъ въ такое положеніе и которая въ сущности есть ничто иное, какъ подвижность нашей мысли.

Я объясню вкратцѣ.

Всѣ правительства прошедшія, настоящія и будущія, изображенныя и воображаемыя, сравненныя между собою и поставленныя въ рядъ соотвѣтственно ихъ характеру, представляются отдѣльными органами обширной системы, похожей на лабораторію или экзерциціонный плацъ, на которомъ посредствомъ разныхъ эволюцій, или опытовъ, совершается политическое воспитаніе человѣчества.

Выражаясь болѣе простыми словами, правительственныя

формы, исключительно эмпирическія, которыя испробовало человѣчество до сихъ поръ, могутъ быть разсматриваемы какъ насильственное превращеніе, болѣе или менѣе нелогичное, искаженіе истинной системы, открытія которой домогаются всѣ націи. XIX вѣкъ въ особенности замѣчателенъ всеобщимъ усердіемъ этого изысканія.

Эта система, окончательный синтезисъ всѣхъ политическихъ соображеній, вытекающая a priori изъ элементовъ и условій общества, есть система неизмѣнная, антиномическая и находящаяся въ безпрерывномъ движеніи.

Внутренняя подвижность ея, происходящая динамически изъ антиномій, или противоположностей, лежащихъ въ ея основаніи, есть такъ сказать autokinetos, самодвигатель ея и производитель ея самодвиженія.

Результатомъ равновѣсія въ политической системѣ является нормальная жизнь собирательнаго существа—націи, государства.

Если равновѣсіе и будетъ разрушено, движеніе все-таки не прекратится, но въ обратномъ видѣ: противодѣйствіе элементовъ перейдетъ въ антагонизмъ, и положеніе общества приметъ революціонный характеръ.

Теперь намъ остается отыскать причину нарушенія равновѣсія въ политическомъ порядкѣ и тѣхъ катастрофъ, которыя отъ того происходятъ.

ГЛАВА V.

Общая критика конституцій.

Объ органическомъ единствѣ и нераздѣльности.—Формула, условія и предѣлы этого закона.—Приложеніе его къ міру политическому.—Важная ошибка, сдѣланная въ этомъ отношеніи публицистами, государственными людьми и составителями конституцій: утрировка единства.

Теперь, читатель, мы покончили самую трудную часть дѣла. Остальное, что я тебѣ скажу, можетъ только занять твое любопытство и позабавить тебя: само собою разумѣется, я увѣренъ, что тебя интересуетъ судьба народовъ и забавляютъ мистификаціи государственныхъ людей. Прочти же до конца слѣдующія строки, и тогда ты будешь больше смыслить въ политикѣ, чѣмъ кто либо смыслилъ въ ней прежде.

Изъ предъидущей главы ты уже замѣтилъ, что всякое правительство подвижно по своей природѣ и что начало его подвижности заключается въ немъ самомъ. Причина этой подвижности—*полярность*, если можно такъ выразиться, или противоположность понятій, на которыхъ зиждется политическая система и которыя производятъ въ ней агитацію или постоянное движеніе.

Этотъ *autokinesis* образуетъ общественную жизнь. Если движеніе такъ же правильно, какъ біеніе пульса у здоро-

ваго человѣка, можно сказать, что общество здорово, живетъ счастливо и правительство его дѣйствуетъ въ нормальныхъ условіяхъ. Къ несчастію мы уже видѣли, что до настоящаго времени такіе случаи были слишкомъ рѣдки, если даже и согласиться, что они дѣйствительно были. Наша дѣятельность горячечна и порывиста; всѣ наши политическія учрежденія, какъ бы мы ни хлопотали о ихъ равновѣсіи, неустойчивы, такъ что крушеніе правительствъ кажется нѣкоторымъ глубокимъ мыслителямъ какимъ-то провидепціальнымъ или роковымъ условіемъ нашего земнаго существованія.

Необходимо разъ навсегда рѣшить, что̀ такое это мнимое предопредѣленіе; въ самомъ ли дѣлѣ неизмѣненъ произнесенный противъ насъ приговоръ; дѣйствительно ли неизлечима болѣзнь, продолжающаяся столько вѣковъ? И прежде всего, безпорядокъ, который насъ мучитъ, происходитъ ли отъ внутреннихъ или отъ внѣшнихъ причинъ? Но можетъ ли человѣчество быть смущаемо чѣмъ либо находящимися внѣ его? Замѣтьте, что революціонныя явленія, какой бы переполохъ не производили они во-внѣ, существенно зависятъ отъ бытоваго и умственнаго состоянія самаго общества: какимъ же образомъ могли бы они быть слѣдствіемъ чуждаго вліянія? Поэтому причину нашихъ бѣдъ слѣдуетъ искать въ насъ самихъ, въ томъ сложномъ организмѣ, который намъ едва извѣстенъ. Начнемъ же съ изслѣдованія его.

Условіе жизни всякаго организма — единство и цѣльность, расторженіе — это смерть. Такимъ образомъ растеніе и животное индивидуализированы въ своихъ организмахъ и цѣльны. Отдѣлите стволъ отъ корня, цвѣтокъ отъ почки, выпустите сокъ, стряхните плодотворную пыль, отдѣленныя части уничтожатся, растеніе засохнетъ,

сдѣлается безплоднымъ и умретъ. Въ животномъ отдѣлите мозгъ, сердце, легкія, желудокъ и т. п. и вслѣдъ затѣмъ безвозвратно послѣдуетъ смерть. Для оживленія разрушеннаго такимъ образомъ существа не поможетъ уже постановка его частей на прежнія мѣста. Предположите, что въ одномъ организмѣ завелся другой—паразитъ, туберкула, червь: если животное или растеніе не обладаетъ достаточною силою для изгнанія или уничтоженія этого паразитнаго организма, то оно погибнетъ.

Тотъ же законъ примѣняется и къ коллективнымъ существамъ—къ семейству, племени, компаніи, арміи, церкви и пр. Разъедините отца, мать и дѣтей: семейство уничтожится. Разумѣется здѣсь идетъ рѣчь о нравственномъ разъединеніи, потому что организмы, о которыхъ мы говоримъ, принадлежатъ къ міру нравственному, духовному. Разрушьте іерархическую связь между генераломъ, офицерами, унтеръ-офицерами и солдатами, перемѣшайте вмѣстѣ пѣхоту, кавалерію, артиллерію: вмѣсто арміи получится шумное и разстроенное сборище. Разъедините въ церкви откровеніе, преданіе, духовенство, предоставьте на выборъ каждому догматы, культъ, мораль, и вы разрушите церковь, а съ нею и религію. Пусть въ промышленномъ предпріятіи дѣйствуютъ безъ общей цѣли хозяинъ, подмастерье, рабочіе, счетоводъ, и предпріятіе это рухнетъ.

На тѣхъ же началахъ зиждется и политическое общество или государство. Оно едино и нераздѣльно по природѣ: чтобы его разрушить, стоитъ только посѣять въ немъ раздоръ или породить въ немъ враждебное ему общество. Всякое раздѣленное царство погибнетъ, говоритъ премудрость; самъ сатана, по словамъ Іисуса Христа, не могъ бы удержаться въ раздѣленіи.

Все это—элементарная истина: никто никогда не отрицалъ этого принципа; не отрицаю его и я самъ, хотя проповѣдую въ политикѣ антиномію и хотя объявилъ себя рѣшительнымъ *анти-унитаріемъ!* Единство въ политическомъ организмѣ неприкосновенно, подъ страхомъ погибели.

Но вотъ гдѣ начинаются трудности.

Во первыхъ, всякій организмъ имѣетъ естественныя границы: самыя большія растенія рѣдко достигаютъ высоты 60 или 70 метровъ и живутъ болѣе нѣсколькихъ столѣтій; изъ животныхъ самыя большія — слонъ и китъ; и геологія насъ учитъ, что многія подобныя породы, можетъ быть еще большихъ размѣровъ, изчезли. Такіе размѣры не по плечу нашей планетѣ, которую одна мистическая философія считала тоже организмомъ. Земля не есть органическое существо; въ противномъ случаѣ отчего не считать органическими существами камень, кремень, песчинку.

Во вторыхъ слѣдуетъ замѣтить, что во всѣхъ этихъ существованіяхъ, отличающихся своимъ устройствомъ, жизненная сила, дѣятельность, проворство, и пр. въ дѣйствительности находятся не въ прямомъ, а скорѣе въ обратномъ отношеніи къ объему и массѣ. Кротъ, если принять въ расчетъ его вѣсъ, сильнѣе слона; ласточка летаетъ несравненно лучше орла и коршуна. Если человѣкъ по своимъ умственнымъ и нравственнымъ способностямъ— царь животныхъ, то можно сказать, что онъ ниже ихъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ: такъ что какъ жизненная энергія находится, повидимому, въ обратномъ отношеніи къ массѣ, такъ и умъ развивается въ ущербъ жизненности.

Эти замѣчанія приложимы также къ коллективнымъ существамъ: и здѣсь сила сцѣпленія, энергія группы

имѣетъ свои границы, чѣмъ опредѣляются и границы самой группы.

Единство съ наибольшею силою обнаруживается въ семействѣ и, повидимому, достигаетъ максимума сосредоточенности въ то время, когда семейство молодо и состоитъ только изъ трехъ индивидуумовъ, мужа или отца, супруги или матери и ребенка. Но лишь только съ возмужалостью ребенка и его бракомъ появится новая пара, тотчасъ семейныя узы начнутъ слабѣть; родительская власть уменьшается, затѣмъ раздѣляется. Поэтому въ племени уже менѣе органической силы, чѣмъ въ семействѣ. Предположите, что въ племени, состоящемъ изъ трехъ и даже четырехъ поколѣній, молодыя пары, вмѣсто того, чтобы жить подъ общимъ кровомъ, устроятся отъ него въ нѣкоторомъ разстояніи: одинъ уже фактъ отдѣльнаго жительства нанесетъ новый ударъ племени; эти пары будутъ уже настоящими семействами, проявляющими свое собственное единство и неприкосновенность и стоящими во враждебномъ отношеніи къ первоначальному семейству. Чтобы ни дѣлалъ тогда патріархъ, онъ во всякомъ случаѣ, будетъ имѣть менѣе власти, чѣмъ отецъ, потому что ему придется принимать въ соображеніе волю своихъ дѣтей и внуковъ.

И такъ выставимъ принципъ, столь же вѣрный на опытѣ, какъ и раціональный, что *во всякомъ организмѣ сила единства находится въ обратномъ отношеніи къ массѣ*; и что слѣдовательно, *во всякой коллективности органическая сила теряетъ въ дѣйствіи то, что выигрываетъ въ пространствѣ, и наоборотъ.*

Этотъ законъ универсаленъ; онъ господствуетъ какъ въ мірѣ духовномъ, такъ и въ физическомъ; онъ входитъ въ *философію, науку, право, литературу, искусство,*

поэму, исторію и пр. Безъ единства нѣтъ истины, красоты, даже нравственности. Система безъ единства—противорѣчіе; двойственное правосудіе—несправедливость.

Приложимъ этотъ законъ къ политикѣ: государство, по существу своему, едино, нераздѣльно, неприкосновенно: чѣмъ болѣе увечичивается его населеніе и территорія, тѣмъ болѣе должна ослабѣвать въ немъ сила сцѣпленія, правительственное единство, подъ страхомъ, въ противномъ случаѣ, вызвать тираннію и затѣмъ распаденіе. Пусть это государство устроитъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ себя выселки или колоніи: рано или поздно эти колоніи или выселки преобразуются въ новыя государства, которыя сохранятъ съ митрополіей лишь федеративную связь, или даже прервутъ всякую связь.

Сама природа представляетъ намъ подходящіе примѣры. Когда плодъ созрѣлъ, то отпадаетъ и создаетъ новый организмъ, когда молодой человѣкъ возмужалъ, онъ оставляетъ своего отца и мать, говоритъ книга Бытія, и прилѣпляется къ женѣ своей; когда новое государство можетъ само удовлетворить своимъ нуждамъ, оно собственнымъ починомъ провозглашаетъ свою независимость: по какому *праву метрополія* обращается съ нимъ какъ съ вассаломъ, дѣлаетъ изъ него предметъ эксплоатаціи, собственности?..

Такимъ образомъ освободились Соединенные Штаты отъ Англіи; Канада также сдѣлалась независима, если не оффиціально, то покрайней мѣрѣ фактически; Австралія уже отдѣляется, съ согласія не мѣшающей этому отдѣленію метрополіи, точно также и Алжиръ современемъ преобразуется въ африканскую Францію, если ради какихъ либо гнусныхъ расчетовъ, мы не удержимъ его въ нашемъ подчиненіи силою и нищетою. Наконецъ такимъ же образомъ

основала повсюду свободныя колоніи древняя Греція, возростившая по берегамъ Средиземнаго моря цивилизацію, гораздо высшую, чѣмъ смѣнившее ее впослѣдствіи римско-императорское и преторіанское единство.

Еслибы оказалось необходимымъ подкрѣпить эту теорію политическаго единства и размноженія противоположными примѣрами, то за ними недалеко ходить. Когда греческія государства были поглощены Македоніей, то греческія республики покончили свое существованіе. Когда Римъ посредствомъ завоеванія присвоилъ себѣ всю Италію, Италія мало по малу обращается въ дикое состояніе и самъ Римъ, недостаточный центръ для столькихъ народовъ, измѣняетъ форму своего правительства и теряетъ свободу. Когда весь міръ дѣлается данникомъ имперіи, льстившей себя надеждою доставить ему право и покой, міръ начинаетъ распадаться и не находитъ ни права, ни покоя. Тогда императорскій Римъ отступаетъ передъ своимъ собственнымъ дѣломъ; онъ противорѣчитъ и измѣняетъ себѣ во всемъ: даетъ данническимъ народамъ право гражданства; вмѣсто одного императора учреждаетъ четырехъ и такимъ образомъ своими собственными руками готовитъ то великое распаденіе, которое въ сущности ничто иное, какъ возвращеніе, хотя и не полное, къ первоначальнымъ единствамъ.

Болѣе, чѣмъ когда либо, принципъ единства, составлявшій нашу надежду, мучитъ теперь насъ; и это потому, что его никогда еще не понимали такъ мало и не прилагали такъ плохо. Республики и монархіи бросаются въ унитарную бездну, и страшнѣе всего—что онѣ, утверждая излишества унитаризма, какъ какія-то священныя права, въ тоже время съ такою же страстью добиваются при-

знанія совершенно противоположнаго принципа, національности *).

---

*) Что единство власти, нетолько въ томъ, что оно имѣетъ въ себѣ разумнаго и законнаго, но даже и въ самыхъ крайнихъ своихъ требованіяхъ, составляло съ 1789 г. постоянную заботу нашихъ публицистовъ и государственныхъ людей, въ особенности доказывается текстомъ республиканской и демократической конституціи 1848 г. Но кому теперь извѣстно содержаніе этой конституціи, кто о ней заботится? Кто, по прочтеніи ея, усмотритъ въ ней главную мысль? Кому придетъ въ голову, что величайшей заботой ея авторовъ было охраненіе Республики отъ республиканизма ея учрежденій? Никто, даже самъ почтенный Г. Дюпенъ, издавшій комментарій на это образцовое произведеніе. Поэтому читатель не мало удивится, если узнаетъ и убѣдится собственными глазами, что конституція 1848 г., произведеніе соціалистической анархіи, по увѣренію критиковъ партіи золотой середины (juste-milieu), была задумана, изготовлена, обсуждена и голосована въ самомъ монархическомъ духѣ. Изъ пятнадцати подобныхъ актовъ, хранящихся въ нашихъ архивахъ, ни одинъ не свидѣтельствуетъ въ такой степени о привязанности Франціи къ монархическимъ правамъ и порядкамъ.

Въ особенности поучительно *Введеніе*: точно читаешь проповѣдь пастора Кокреля. Оно начинается крестнымъ знаменіемъ и кончается Gloria Patri. Я приведу только нѣкоторыя мѣста изъ его II и V главъ, относящіяся прямо къ моему предмету:

«Предъ лицомъ Бога... французская республика есть демократическая, единая и нераздѣльная.»—Этимъ ничего не выражается; при появленіи своемъ на свѣтъ это нераздѣльное единство не больше атома. Но для большей ясности поставьте такой вопросъ: почему бы французской республикѣ, демократической, какъ увѣряютъ, не раздѣлиться на нѣсколько самостоятельныхъ единицъ? Не будетъ ли это еще демократичнѣе?.. Смотрите же, какъ чудовище разовьется изъ своего зародыша и развернется передъ вами.

Глава V. «Она (Республика) уважаетъ чуждыя національности, заставляя также уважать свою собственную; не предпринимаетъ никакой войны съ завоевательною цѣлью и не употребляетъ своихъ силъ на подавленіе свободы какого либо народа.» Разумная благотворительность начинается съ самаго благотворителя, говоритъ пословица. Если таковъ долженъ быть духъ новой республики, то почему приведеніе въ исполненіе такого добраго намѣренія не начала она съ самой себя *призваніемъ* къ существованію національностей, изъ которыхъ составляется ея единство? Неужели составители конституціи 1848 г. въ са-

Такое заблужденіе столь обще, глубоко и застарѣло; изъ прежняго *права завоеванія*, которое его нѣсколько извиняло и которое въ настоящее время можно считать уни-

---

момъ дѣлѣ воображали, что нельзя считать настоящими національностями 12 или 15 совершенно различныхъ народовъ, соединеніе которыхъ образуетъ то, что называется вообще французскою націею?

«Ст. 1-я. Верховная власть присуща *всей массѣ* французскихъ гражданъ. Ея отправленій не можетъ присвоить себѣ никакая часть народа.» Продолжаю вопросы. Совершенно согласенъ, что часть не должна управлять цѣлымъ; но почему же каждой части не управляться самой? Кто отъ этого пострадаетъ?

Ст. 10 я. *Всѣмъ* гражданамъ одинаково доступны *всѣ* общественныя должности». Я поборникъ равенства передъ закономъ и относительно занятія должностей. Но здѣсь необходимо установить различіе: есть должности *общегосударственныя* (generales), которыя должны быть доступны всѣмъ, и *мѣстныя*, къ занятію которыхъ, кажется, слѣдовало бы допускать только мѣстныхъ жителей.

«Ст. 15. Всякій налогъ установляется для *общей* пользы».—Какъ? Налогъ въ Бретани установляется для Савоіи, а Пиренейскій для Фландріи, и наоборотъ! Пусть еще такъ относительно общихъ издержекъ; но относительно департаментскихъ расходовъ? Какая же цѣль этой горячки обобщенія? Развѣ недостаточно, на случай несчастія, какого либо договора взаимнаго страхованія?

Ст. 18. Всѣ общественныя власти, какъ бы онѣ ни назывались, исходятъ отъ народа». — Здѣсь приложимо замѣчаніе, сдѣланное по поводу статей 1-й и 11-й. Впрочемъ статья эта совершенная копія монархической формулы: *Всякая юстиція исходитъ отъ короля.*

«Ст. 19. Раздѣленіе властей есть первое условіе свободнаго правительства.»—Прибавьте, и честнаго. Но еще недостаточно раздѣлить власти по роду ихъ дѣятельности; здѣсь говорится объ авторитетѣ правительства, администраціи, юстиціи, полиціи и т. п. Что мѣшаетъ распредѣлить все это такъ, чтобы каждая мѣстность имѣла свою долю власти? Демократія въ сущности склонна къ дѣлимости; только одна монархія любитъ нераздѣльность. Члены нашего учредительнаго собранія не обратили вниманія на это обстоятельство.

«Ст. 20. Французскій народъ вручаетъ законодательную власть *одному* собранію».—Опять единство! Какъ будто двѣ палаты не были унитарны!

«Ст. 43. Французскій народъ вручаетъ исполнительную власть *одному* гражданину, называемому Президентомъ». Опять единство!

чтоженнымъ, оно перешло такъ незамѣтно въ основные законы каждаго государства, оно такъ ловко къ нимъ пристроилось; съ цѣлью одурачить общественное мнѣніе и

«Ст. 23. Избраніе представителей имѣетъ въ основѣ своей *населеніе*».—Этого мало; слѣдовало бы принять въ расчетъ, при выборахъ народныхъ представителей, капиталы, промышленность, большую или меньшую густоту населенія и т. п. Наполеонъ 1-й лучше понималъ дѣло; его добавочный актъ (acte additionel) въ этомъ отношеніи отличается большимъ республиканскимъ духомъ, чѣмъ конституція 1848 г.

«Ст. 30. Выборы производятся *по департаментамъ и посредствомъ балотированія разомъ всѣхъ представителей отъ департамента*».— Электоральная путаница въ видахъ извѣстнаго обобщенія, напоминающая не республику, а монархію.

«Ст. 34. Члены національнаго собранія — *представители* не департамента, который ихъ назначаетъ, а *всей Франціи*».— Ложный принципъ, вовсе некстати заимствованный изъ конституціи 1793 г.; члены собранія — представители тѣхъ, кто ихъ выбралъ, и этой истины не измѣнитъ никакая ваша фикція, потому что иначе и быть не можетъ.

«Ст. 35. Они не могутъ принимать *обязательныхъ инструкцій* (mandat imperatif)» — Разумѣется, если они депутаты всей Франціи или другими словами ничьи. Но совсѣмъ иное дѣло, если считать ихъ, согласно дѣйствительности и здравому смыслу, депутатами ихъ избирателей. Тогда инструкція избирателей можетъ быть обязательна, если не во всѣхъ отношеніяхъ, то хоть въ нѣкоторыхъ, что и дѣйствительно бываетъ.

«Ст. 36. Они *неприкосновенны*». — Т. е. они выше своихъ довѣрителей. Это нелѣпость.

«Ст. 46. Президентъ назначается посредствомъ *всеобщаго и прямаго* голосованія».—Еслибы онъ назначался собраніемъ, то былъ бы простымъ чиновникомъ; избранный же всеобщимъ и прямымъ голосованіемъ 40 милліоновъ человѣкъ, онъ государь, что и доказали событія.

«Ст. 64. Президентъ назначаетъ и смѣщаетъ..... *всѣхъ* сановниковъ и должностныхъ лицъ республики». Несвойственно, но монархически. Ст. 65 идетъ еще далѣе: «Президентъ республики имѣетъ право перемѣщать и отрѣшать агентовъ администраціи, *избранныхъ гражданами*». За-одно ужъ объявить, что муниципалитеты ничто иное, какъ мѣста подчиненныя префектурѣ. Позвольте же спросить васъ, республиканцы 1848 г., съ какой стати осуждаете вы теперь императорскую централизацію?

обмануть критику, оно съумѣло окружить себя столькими ложными оговорками, видимыми гарантіями, обманчивыми уступками, ничего не значащими ограниченіями, что мы

«Ст. 71 и слѣд. Учреждается государственный совѣтъ, предсѣдательство въ которомъ по закону принадлежитъ президенту республики». — Такимъ образомъ все заботливо пригнано къ *единству*, законодательство, исполнительная власть, назначеніе на всѣ должности, перемѣщеніе и отрѣшеніе муниципальныхъ агентовъ, выбранныхъ гражданами, регламентація, контроль.

«Ст. 77. Въ каждомъ департаментѣ учреждается префектура; въ каждомъ округѣ подпрефектура; въ каждомъ кантонѣ кантональное правленіе; въ каждой общинѣ муниципальный совѣтъ». — Нельзя не придти въ изумленіе при видѣ задуманной такимъ образомъ іерархіи! Когда-то толковали о муниципальныхъ вольностяхъ. Конституція же 1848 г. сваливаетъ въ одну кучу префектуры, подпрефектуры и муниципалитеты, подводя ихъ подъ одну категорію, но оставляетъ впрочемъ за собою право установить впослѣдствіи способъ назначенія меровъ и ихъ помощниковъ. Этотъ вопросъ былъ порѣшенъ правительствомъ Наполеона III, и притомъ, нельзя не сказать этого, въ смыслѣ республиканской конституціи 1848 г. Впрочемъ такимъ же образомъ понимала дѣло и конституція 1793 г., что не мало облегчило Наполеону I установить организацію аутократизма въ 1799, 1802 и 1807 годахъ.

«Ст. 81. Правосудіе отправляется *во имя народа*». Мистическая формула, которая означаетъ вотъ что: сановники, на которыхъ возложено отправленіе правосудія и которые, перестанъ быть органами божественнаго права, должны считаться истолкователями совѣсти своихъ согражданъ, быть ими избираемы и передъ ними отвѣтственны, на дѣлѣ оказываются совершенно независимыми отъ своихъ согражданъ и чуждыми той мѣстности, гдѣ они засѣдаютъ, потому что назначаются президентомъ республики, получаютъ жалованье отъ центральной власти, наконецъ пользуются несмѣняемостью. Стоило ли ради этого отрицать божественное право?

«Ст. 91. Учреждается *верховный* судъ». Точь въ точь въ первую имперію, какъ будто обыкновенные суды не стоятъ надъ нами въ недосягаемой высотѣ. Несчастные республиканцы!

«Ст. 104. Общественная сила обязана повиноваться». — Статью 50, кромѣ того, опредѣлено, что президентъ республики начальствуетъ надъ вооруженной силой. Такимъ образомъ въ переворотъ 2-го декабря 1851 г. ни національные гвардейцы Парижа и другихъ городовъ,

считаемъ необходимымъ посвятить ему еще одну главу, которую постараемся сдѣлать, по возможности, короче и легче для читателя.

ни военный людъ не имѣли права, въ качествѣ вооруженной силы, воспользоваться противъ этого беззаконія статьей 110-й, по которой «Охраненіе конституціи довѣряется защитѣ и патріотизму всѣхъ французовъ».

Они не могли сопротивляться, хотя бы ихъ гражданская совѣсть оказалась въ противорѣчіи съ обязанностью повиноваться президенту, ихъ непосредственному начальнику. Прежде всего ихъ долгъ былъ повиноваться, а затѣмъ, снявъ мундиры и сложивъ оружіе, они должны бы были спокойно и почтительно заявить свой протестъ въ меріяхъ и казармахъ, если нашлось бы на то время.

Вотъ въ какомъ духѣ была задумана конституція 1848 г., изъ которой я привелъ кое-что для курьеза, вотъ памятникъ республиканскаго французскаго генія XIX вѣка. На нее потратили, по крайней мѣрѣ, 400 дней въ глубокихъ размышленіяхъ и соображеніяхъ, 900 избранниковъ демократіи, а если считать на наличныя деньги, то она обошлась въ 2.250,000 франковъ, не считая издержекъ на канцеляріи, буфетъ, освѣщеніе и отопленіе, не говоря уже о нетерпѣніи страны, упадкѣ цѣнностей, застоѣ въ дѣлахъ и т. п.

ГЛАВА VI.

Общая критика конституцій.

Какъ, вслѣдствіе крайностей унитаризма, нарушено политическое равновѣсіе и поставлены въ борьбу другъ съ другомъ государство и общество.—Разсмотрѣніе средствъ, предлагаемыхъ для возстановленія этого равновѣсія: пересмотръ или усовершенствованіе конституцій, коллективное самодержавіе, раздѣленіе властей, муниципальное устройство. — Безполезность всѣхъ этихъ паліативныхъ мѣръ.

Припомнимъ сначала, что всѣ конституціи, различаясь по тону и цвѣту, въ сущности тождественны: положеніе это доказано уже рядомъ приведенныхъ нами примѣровъ, впослѣдствіи же оно уяснится для насъ еще болѣе. Приверженцы всякой системы хлопочатъ особенно объ единствѣ. Дѣйствительно, нельзя не согласиться, къ несчастію, что единство служитъ для нихъ принципомъ.

«Власть едина, нераздѣльна, всеобща и неограниченна», говоритъ аутократъ. Противъ этого не стоило бы спорить, если бы здѣсь не шла рѣчь о прерогативѣ монарха, представляющаго политическую группу. Какъ нечего бояться родительской власти, которая, по природѣ своей, въ семействѣ является покровительствующей, благотворительной и преданной, точно также и королевскую власть въ государствѣ можно вполнѣ считать доброю и полезною, равно

какъ и раціональною, такъ какъ она имѣетъ въ основѣ своей единство. Но династъ добивается совсѣмъ иного: для него политическая группа, которою онъ начальствуетъ, не имѣетъ границъ; онъ намѣренъ царствовать надъ милліонами душъ и надъ тысячами квадратныхъ миль такъ, какъ царствовалъ бы надъ кланомъ или какимъ-либо городомъ, въ которомъ былъ бы наслѣдственнымъ владыкой: претензія эта столь же гибельна, какъ оскорбительна и нелѣпа. Въ ней-то и заключается принципъ монархической тиранніи, самой старой изъ всѣхъ.

«Республика едина и нераздѣльна,» говорятъ въ свою очередь демократы. Въ этомъ они не ошибаются, какой бы смыслъ мы ни придавали республикѣ, считая ли ее ассоціаціей гражданъ, даже городовъ, или правительствомъ. Всякая раздѣлившаяся республика погибнетъ: это вѣрно и этимъ въ нѣкоторой степени оправдывается поклоненіе республиканцевъ предъ единствомъ и ихъ страхъ передъ раздѣленіемъ. Но они сами впадаютъ въ заблужденіе и тираннію деспота, когда отказываются отъ пониманія той истины, что какъ граждане всѣ равны предъ закономъ и въ избирательныхъ собраніяхъ, такъ равны и отдѣльныя мѣстности предъ верховной властью и правительствомъ, въ качествѣ юридическихъ лицъ или коллективныхъ индивидуальностей, и при такомъ непониманіи стремятся къ подчиненію всѣхъ группъ одному авторитету, одной администраціи. Въ этомъ непониманіи коренится принципъ республиканской или демократической тиранніи, наиболѣе тяжелой, а потому и кратковременной.

«Верховная власть едина и нераздѣльна», поучаетъ золотая-середина (juste-milieu); но она отправляется коллективно королемъ (или императоромъ), палатой перовъ (или сенатомъ) и палатой депутатовъ.» Но что толку въ

этой коллективности правительства, если въ такомъ большомъ государствѣ, какъ напр. Франція или даже Бельгія, мѣстности остаются въ нераздѣльности; если всѣ части общественнаго тѣла, насколько возможно, подчинены одному и тому же авторитету, законодательству, правосудію, администраціи, надзору, системѣ просвѣщенія, и т. п.? Что доказываетъ это мнимое соглашеніе монархическаго принципа, буржуазнаго интереса и демократическаго или республиканскаго элемента, къ чему оно годно?

Изъ вышеизложеннаго видно, что вся разница между конституціями заключается въ томъ, что въ одной конституціи центръ правительства одинъ человѣкъ, въ другой—собраніе, въ третьей—2 палаты съ королемъ.

Демократическій идеалъ долженъ состоять въ томъ, чтобы управляемая масса была въ тоже время и управляющей, чтобы общество было тождественно и одно и тоже съ государствомъ, чтобы народъ былъ правительствомъ, подобно тому какъ въ политической экономіи производители и потребители одни и тѣже лица. Я, разумѣется, не отвергаю достоинствъ каждой изъ различныхъ правительственныхъ системъ, смотря по обстоятельствамъ и съ чисто правительственной точки зрѣнія: если бы пространство государства не превосходило величины какого либо города или общины, то послѣднимъ можно бы было предоставить на волю выбрать любую систему. Но не слѣдуетъ забывать, что рѣчь идетъ объ огромныхъ территоріяхъ, которыя насчитываютъ въ себѣ тысячи городовъ, мѣстечекъ и селеній и которыми наши государственные люди думаютъ управлять по законамъ патріархальнымъ или основаннымъ на завоеваніи и собственности, что̀ представляется невозможнымъ въ силу самаго закона о единствѣ.

Я особенно напираю на это замѣчаніе, самое капитальное въ политикѣ.

Всякій разъ когда люди съ женами и дѣтьми собираются вмѣстѣ, заводятъ жилища и земледѣліе, начинаютъ заниматься различными промыслами, завязываютъ, какъ сосѣди, связи другъ съ другомъ и дѣлаются такимъ образомъ солидарными, они образуютъ то, что я называю естественною группою, которая вскорѣ преобразовывается въ государство или политическій организмъ, представляющій, въ своемъ единствѣ, независимость, жизнь или свое собственнее движеніе (autokinesis) и самоуправленіе.

Подобныя группы, будучи смежны, могутъ имѣть общіе интересы; поэтому они входятъ въ соглашеніе между собою, соединяются и, посредствомъ такого взаимнаго страхованія, образуютъ высшую группу; но, соединяясь въ видахъ гарантіи своихъ интересовъ и развитія своего богатства, онѣ никогда не доходятъ до самоотреченія предъ этою высшею группою, никогда не приносятъ самихъ себя въ жертву этому новому Молоху. Подобная жертва невозможна. Всѣ эти группы, какъ бы онѣ о себѣ ни думали и какъ бы *ни поступали*, все-таки государства, т. е. *неразрушимые организмы*; между ними могутъ завязаться какія-либо новыя отношенія, договоры взаимности, но онѣ не могутъ лишить себя своей неограниченной независимости, какъ членъ государства не можетъ, въ качествѣ гражданина, утратить своихъ правъ свободнаго человѣка, производителя и собственника. Лишить ихъ независимости значило бы создать несогласимый антагонизмъ между верховными властями — общею и отдѣльными, возстановить власть на власть, однимъ словомъ, вмѣсто развитія единства, организовать раздѣленіе.

Измѣняйте хоть каждые полгода свою общую консти-

туцію, разнообразьте до безконечности свою политическую систему, но если не измѣнится принципъ унитарнаго обобщенія, если мѣстности или естественныя группы по прежнему будутъ осуждены на поглощеніе высшей агломераціей, которую можно назвать искусственною, потому что въ ней нѣтъ ничего необходимаго и она по своей видимой цѣли ничто иное какъ произведеніе заблужденія и стремится къ невозможному; если наконецъ централизація останется первымъ закономъ государства, правительственною панацеею, то общество, вмѣсто того, чтобы идти впередъ, обратится на самого себя, сдѣлается революціоннымъ, и, если положеніе ухудшится, быстро направится къ упадку и погибели.

Наши законодатели и составители конституцій, начиная съ 1789 г., чуяли эту опасность. Они признавали непрочность своихъ системъ, хотя не понимали ея причины: поэтому они выставили принципъ *усовершаемости* своихъ конституцій. Старый порядокъ (ancien régime) или божественное право и не подозрѣвалъ возможности такой усовершаемости (perfectibilité); по его мнѣнію неизмѣнность учрежденій доказывала ихъ совершенство или, что тоже, божественность ихъ происхожденія. Въ этомъ старый порядокъ былъ отчасти правъ, точно также, какъ теоретики 1789 г. со своей конституціонной усовершаемостью отчасти заблуждались. Мы уже сказали, что народы увлечены въ правительственный циклъ, который можно разсматривать какъ приготовительный фазисъ: съ этой точки зрѣнія можно сказать, что въ исторической послѣдовательности нашихъ конституцій есть нѣчто въ родѣ прогресса. Но когда общество отыщетъ точку опоры и начнетъ жить нормальною жизнью, политическая конституція не станетъ измѣняться и тогда уже нельзя будетъ говорить о про-

грессѣ. Неизмѣнность движенія исключаетъ подобное понятіе.

Притомъ же всякій можетъ убѣдиться, какимъ скуднымъ рессурсомъ была для Франціи съ 1789 г. эта мнимая конституціонная усовершаемость. Наши правительства держались лишь довѣріемъ, которое имъ оказывала страна, и отчасти своею новизною, всегда вызывавшею надежды, показавъ же себя на дѣлѣ и утративъ довѣріе, династіи падали окончательно. Въ доказательство приведемъ Консульство и первые года Реставраціи и царствованія Луи-Филиппа. Кто теперь серьезно думаетъ объ усовершенствованіи конституціи 1852 г.? Она останется тѣмъ, чѣмъ есть, или будетъ замѣнена другою, причемъ, надѣюсь, авторы новой конституціи не станутъ объявлять о вѣчности своего творенія подъ предлогомъ усовершаемости и прогресса. Послѣ конституцій 1791, 1795, 1848 и 1852 годовъ, которыя всѣ предвидѣли и заранѣе регламентировали свой пересмотръ, было бы глупо повторять, что *конституція усовершаема*.

Порокъ политической системы, порокъ, который можно назвать органическимъ, заключается въ томъ, что провинціи и города, изъ которыхъ состоитъ государство и которые, какъ естественныя группы, должны пользоваться цѣльною и полною автономіею, управляются не сами собою, какъ бы слѣдовало вошедшимъ въ ассоціацію городамъ и провинціямъ, а центральною властью и какъ завоеванное населеніе. Съ удержаніемъ такого порядка что толку въ перемѣнѣ формы правительства? Можно ли думать, что усовершенствованіе конституціи восполнитъ собою уничтоженныя общественныя вольности? Такое предположеніе нелѣпо.

Въ видахъ уменьшенія послѣдствій такой смертоносной

сосредоточенности, кромѣ законнаго усовершенствованія конституціи, было придумано еще коллективное правительство. Я уже цитировалъ эту статью хартіи: «Верховная власть, единая и нераздѣльная, отправляется коллективно королемъ, палатою перовъ и палатою депутатовъ.» Король—представитель единства, центральной силы и общности интересовъ, перы—именитыя лица, по большей части уроженцы департаментовъ. Депутаты — выборные департаментовъ пропорціонально населенію послѣднихъ. Такимъ образомъ каждый городъ, каждая провинція имѣютъ въ палатахъ своихъ естественныхъ представителей. Исполнительная власть ввѣрена министрамъ, по большей части, если не исключительно, уроженцамъ департаментовъ, и которые должны быть поддерживаемы большинствомъ палатъ. Наконецъ всѣ французы пользуются правомъ обсуждать дѣйствія правительства и всѣ они одинаково могутъ занимать общественныя должности. Неправда ли, сколько гарантій? и какимъ довѣріемъ должна была проникнуться нація, когда король Лудовикъ XVIII предложилъ ей эту хартію! Она забыла и нашествіе, и присутствіе непріятеля въ городахъ, и всѣ несчастія послѣднихъ войнъ.

Печальное заблужденіе! Обрати вниманіе, читатель, во первыхъ на то, что хотя верховная власть отправляется коллективно, тѣмъ не менѣе она, по существу своему, едина и нераздѣльна, ея дѣйствіе по необходимости унитарно, она простирается на всю страну и поглощаетъ ее, она не можетъ ничего оставить внѣ себя, не противорѣча своему принципу, не идя противъ своей цѣли, не подвергаясь гибели; во вторыхъ, съ созданіемъ коллективной верховной власти созидаются соперничества, опозиціи, антагонизмъ. Какой трудъ выбрать изъ большинства 7 или 8 человѣкъ способныхъ отправлять министерскія обязан-

ности, согласныхъ между собою, пріятныхъ коронѣ, и которые притомъ одинаково хорошо были бы приняты обѣими палатами. Сколько взаимныхъ пожертвованій необходимо при этомъ сдѣлать, и все это въ пользу единства, въ ущербъ отдѣльнымъ мѣстностямъ! Сколько затрудненій представляется съ парламентомъ! сколько интригъ! какое тяжелое положеніе короля!.. Въ іюльской монархіи былъ случай, когда Луи-Филиппъ одно время не могъ составить министерства; онъ сдѣлался подозрителенъ всѣмъ партіямъ въ палатѣ, непопуляренъ въ столицѣ и въ департаментахъ. Эта коллективность власти просто пустое слово, которымъ прикрывается роковое разложеніе, грозящее всѣмъ правительствамъ, какъ бы они себя не называли и въ какую бы форму ни облекались. Для поддержанія своей прерогативы и для противодѣйствія увеличивающемуся разложенію, каждый участникъ въ верховной власти будетъ стараться завладѣть всей властью: король исподволь будетъ заботиться объ обезпеченіи за собою послушнаго большинства въ палатахъ; министерство захочетъ стать выше короля; оппозиція пустится въ доносы на камарилью; однимъ словомъ въ этой святой коллективности страна ничего не увидитъ кромѣ раздора. Я, не скрываясь, скажу, что при существованіи централизующаго правительства нахожу вполнѣ естественнымъ дѣломъ со стороны автора 2 декабря подчиненіе себѣ сената и палатъ; отъ этого, какъ извѣстно, система не улучшилась, но за то стала логичнѣе, притомъ же необходимо было наложить на насъ молчаніе послѣ преній отъ 1830 до 1851 г. Что же касается системы Сійеса, то средства, предлагаемыя имъ для избѣжанія указанныхъ затрудненій, не больше какъ метафизическій фокусъ-покусъ, имѣющій цѣлью установленіе той же парламентарной монархіи.

Такъ какъ коллективное отправленіе власти не дало хорошаго результата и оказалось призрачнымъ, то вздумали раздѣлить власть, оставляя неприкосновеннымъ принципъ единства. Ухватившись за экономическій принципъ труда или разъединенія промышленностей, законодатель сказалъ: власти будутъ въ государствѣ раздѣльны; тому же закону подлежатъ должности и мѣста. Въ этомъ условіе свободнаго правительства. Такимъ образомъ одно—законодательная власть и другое—исполнительная; одно—администрація и другое—юстиція; одно церковь и другое университетъ *), и т. д. до мироваго судьи, который совсѣмъ не то, что комерческій судья, и до полеваго сторожа, который не одно и тоже лицо со сторожемъ надъ лѣсами и водами.

Сохрани меня Богъ отъ насмѣшекъ надъ принципомъ, который я самъ хвалилъ и котораго сила и плодотворность признаны всѣми. Но кому здѣсь не видно, что законодатель, паря въ конституціонныхъ высотахъ, потерялъ изъ виду землю, и изъ тумана, въ которомъ вращалась его мысль, впалъ въ самое жалкое заблужденіе?

Раздѣленіе промышленностей имѣетъ мѣсто при двухъ различныхъ условіяхъ; вопервыхъ когда промышленности независимы одна отъ другой и каждый предприниматель остается абсолютнымъ распорядителемъ своихъ операцій; такъ комиссіонеръ и извощикъ, хотя занимаются одинаковыми операціями, остаются несолидарными между собою и вполнѣ свободными другъ отъ друга; такъ же какъ медикъ и аптекарь; мясникъ и торговецъ жаренымъ мясомъ; булочникъ и хлѣбный торговецъ, и т. д.

---

*) Этимъ именемъ означается во Франціи какъ вся совокупность государственныхъ учебныхъ заведеній, такъ и высшее управленіе ими.
Прим. перев.

То ли бываетъ въ правительствѣ? Разумѣется нѣтъ; такое раздѣленіе властей разрушило бы единство, не только то завоевательное единство, которое стремится къ подчиненію одной особой власти независимыхъ по природѣ группъ, живущихъ своею собственною жизнью и проявляющихъ свою волю; но и то разумное единство, которое, исключая всякую идею о раздѣлѣ, дѣйствуетъ въ надлежащихъ границахъ. Другими словами, при такомъ раздѣленіи властей станетъ невозможна не только императорская централизація, но какое бы то ни было правительство, какое бы то ни было государство.

Во вторыхъ, промышленное раздѣленіе, проявляясь въ обособленіи пріемовъ въ одномъ и томъ же производствѣ или предпріятіи, совершается среди одной и той же фабрики, мастерской или мануфактуры; въ примѣръ такого раздѣленія можно привести изъ А. Смита фабрикацію булавокъ и изъ Ж. Б. Сея фабрикацію картъ. Въ этомъ случаѣ отдѣльныя занятія уже не независимы, а поставлены подъ высшее управленіе хозяина, во имя и на счетъ которого исполняются различныя работы. Вотъ такимъ-то образомъ и были организованы власти въ нашихъ правительствахъ. Разумѣется порядокъ отъ этого въ выигрышѣ: теченіе дѣлъ вполнѣ обезпечено; во всѣхъ отношеніяхъ система дѣйствуетъ успѣшнѣе. Но какая же отъ нея польза для свободы городовъ и провинцій, а слѣдовательно для свободы самихъ гражданъ, для устойчивости самого правительства? Развѣ при ней уменьшится концентрація, поглощеніе, антагонизмъ, изгладятся раздѣленія и раздоры, наконецъ развѣ будетъ покончено съ революціями? Принципъ раздѣленія властей въ своемъ истинно полезномъ отношеніи во Франціи древнѣе революціи 1789 г, которая лишь улучшила его приложеніе: съ тѣхъ же поръ, считая

и революцію 1789 г., у насъ было 10 или 12 перемѣнъ правительства. Такимъ образомъ въ вопросѣ, который насъ теперь занимаетъ, принципъ раздѣленія властей не имѣетъ никакого значенія.

Противъ подавляющей централизаціи искали помощи въ *муниципальной и департаментской организаціи*. много толковали объ этомъ предметѣ во время реставраціи и царствованія Луи-Филиппа; самъ Наполеонъ I интересовался этимъ вопросомъ, который поднятъ вновь при его преемникѣ. Приверженцы золотой середины (juste-milieu), наиболѣе многочисленные въ нашей странѣ, особенно сильно занялись обсужденіемъ этой организаціи. Имъ кажется, что власть сдѣлается устойчива, если общинѣ (commune) предоставлена будетъ извѣстная инициатива; что этимъ путемъ можно смягчить централизацію и въ особенности избѣгнуть федерализма, который въ настоящее время для нихъ столь же ненавистенъ, какъ былъ ненавистенъ, но по другимъ причинамъ, патріотамъ 1793 г. Послѣдователи золотой середины искренно умиляются предъ швейцарской и американской свободой, о ней они кричатъ намъ въ своихъ книгахъ; ею они пользуются, чтобъ пристыдить насъ за обожаніе власти; между тѣмъ сами ни за-что въ мірѣ не согласятся затронуть то прекрасное единство, которое, по ихъ словамъ, составляетъ нашу славу и которому завидуютъ будто бы всѣ націи. Съ профессорскою самоувѣренностью они обзываютъ крайними и неумѣренными тѣхъ писателей, которые, заботясь о логикѣ и оставаясь вѣрными истиннымъ понятіямъ права и свободы, требуютъ выхода разъ навсегда изъ доктринерскаго логическаго круга. Г. Эдуардъ Лабулэ служитъ образчикомъ этихъ мягкихъ умовъ, способныхъ понять истину и указать ее и другимъ, но для которыхъ вся мудрость заключается въ урѣзываніи

принциповъ невозможными сдѣлками; которые не прочь *ограничить* государство, но подъ условіемъ ограничить при этомъ и свободу; которые хотятъ урѣзать когти первому, но съ тѣмъ, чтобы и второй были подрѣзаны крылья; у которыхъ, однимъ словомъ, мысль, теряясь передъ сильнымъ и широкимъ синтезомъ, впадаетъ въ безсмыслицу. Г. Э. Лабулэ—представитель той группы людей, которая требуетъ отъ императорской аутократіи признанія такъ называемыхъ іюльскихъ гарантій, и въ то же время задается миссіей разбивать соціалистическія и федералистическія стремленія. Ему принадлежитъ эта прекрасная мысль, которую я хотѣлъ было поставить эпиграфомъ къ настоящему сочиненію: «Когда политическая жизнь сосредоточена въ одной трибунѣ, страна дѣлится на двѣ части, оппозицію и правительство.» Поэтому, пусть Лабулэ и его друзья, такіе, по видимому, поборники муниципальныхъ вольностей, отвѣтятъ мнѣ только на одинъ вопросъ.

Община въ сущности, подобно человѣку, семейству, всякой разумной и моральной индивидуальности или коллективности, есть существо самодержавное. Въ качествѣ таковаго, община имѣетъ право управляться сама собою, облагать себя налогами, распоряжаться своей собственностью и доходами, открывать для своей молодежи школы, назначать въ нихъ профессоровъ, заводить свою собственную полицію, жандармерію и гражданскую гвардію; поставлять своихъ судей, имѣть свои газеты, собранія, частныя общества, склады, банкъ и т. п. Община постановляетъ рѣшенія, отдаетъ приказанія: отчего бы ей не издавать для себя и законы? У ней своя церковь, свой культъ, свое выборное духовенство; она гласно, въ муниципальномъ совѣтѣ, въ газетахъ или въ кружкахъ, обсуждаетъ все происходящее въ ней и вокругъ нея, касающееся ея интересовъ или

возбуждающее ея мнѣніе. Вотъ что такое община; вотъ что такое коллективная, политическая жизнь. Жизнь эта едина, цѣлостна, полна дѣйствія, и это дѣйствіе всеобще; жизнь эта отталкиваетъ препоны, она не знаетъ другихъ границъ, кромѣ заключающихся въ ней самой; всякое внѣшнее принужденіе для нея противно и смертельно. Пусть же скажутъ намъ Г. Лабулэ и его политическіе единомышленники, какъ думаютъ они согласить эту общинную жизнь съ ихъ унитарными исключеніями; какъ они избѣгнутъ столкновеній; какъ они полагаютъ удержать рядомъ съ мѣстными вольностями центральную прерогативу, ограничить однѣ и остановить отъ захватовъ другую, въ одной и той же системѣ установить независимость частей и авторитетъ цѣлаго. Пусть они объяснятся, чтобы о нихъ можно было знать и судить.

Середины нѣтъ: община будетъ самодержавна или подчиненна, все или ничего. Сколько бы вы ни давали ей преимуществъ, но если она не будетъ зависѣть только отъ самой себя, если надъ нею будетъ царить высшій законъ, если большая группа, подъ названіемъ республики, монархіи или имперіи, въ которую она будетъ входить какъ часть, будетъ объявлена выше ея, а не выраженіемъ ея федеральныхъ отношеній, то неизбѣжно случится, что когда-нибудь она окажется въ противорѣчіи съ этой большей группой, и тогда возникнетъ столкновеніе. Въ столкновеніи же логика и сила рѣшатъ, что должна взять верхъ центральная власть, и рѣшатъ безъ разсужденій, безъ суда, безъ сдѣлки, такъ какъ споръ между высшимъ и низшимъ не можетъ имѣть мѣста, какъ несообразность и нелѣпость. И такимъ-то образомъ послѣ цѣлаго періода доктринерской и демократической агитаціи мы снова придемъ къ отрицанію *деревни* (esprit du clocher), къ поглощенію

всего централизаціей, къ аутократіи. Идея *ограниченія* государства, съ удержаніемъ принципа централизаціи группъ, оказывается поэтому непослѣдовательностью, если не нелѣпостью. Нѣтъ другихъ границъ государству кромѣ тѣхъ, которыя оно само себѣ поставитъ, оставляя на долю муниципальной и частной инициативы то, о чемъ оно пока не заботится. Но какъ дѣятельность государства безгранична, то можетъ случиться, что оно предприметъ распространить свое вмѣшательство и на то, чѣмъ оно пренебрегло вначалѣ; и такъ какъ оно сильнѣе, говоритъ и дѣйствуетъ всегда во имя общаго интереса, то не только добьется того, чего требуетъ, но будетъ еще и право въ глазахъ общественнаго мнѣнія и судовъ.

Пусть эти либералы, которые такъ сильны, что говорятъ о границахъ государства, сохраняя его верховность, скажутъ ужъ намъ за-одно, гдѣ будетъ граница свободы индивидуальной, корпоративной, мѣстной, общественной (sociétaire), граница всяческой свободы? Пусть они, считающіе себя философами, объяснятъ намъ, что такое свобода ограниченная, стѣсненная, подчиненная, находящаяся подъ надзоромъ; свобода, которой говорятъ, надѣвая ей на шею цѣпь и привязывая къ столбу: «иди до этого мѣста, но не дальше». Какъ послѣднее средство уравновѣсить и сдержать центральную власть и защитить отъ ея захватовъ общественныя вольности, придумана была всеобщая и прямая подача голосовъ. О ней мы выскажемся послѣ, а теперь закончимъ общую критику конституцій.

ГЛАВА VII.

Разборъ аутократической конституціи 1804 года.

Централизація, отрицая верховную власть группъ, является фикціей, которая существуетъ временно лишь съ согласія самихъ группъ. — О династическомъ принципѣ въ новѣйшихъ конституціяхъ. — Опредѣленіе *тираннiи*.

Если читатель усвоилъ себѣ мысли, изложенныя въ предшествующихъ V и VI главахъ, то долженъ былъ вынести вполнѣ ясное и непосредственное убѣжденіе, безъ всякаго умственнаго напряженія или усилія, въ томъ, что централизація, вслѣдствіе своей неумѣряемости, стремясь къ удержанію въ нераздѣльности группъ, по существу своему самостоятельныхъ, и къ деспотическому управленію мѣстностями, добровольно вступившими въ ассоціацію, нарушаетъ тотъ самый принципъ, которымъ она старается оправдать себя, т. е. принципъ политическаго единства; что при этомъ возникаетъ антагонизмъ между центральнымъ управленіемъ и мѣстными аутономіями; что послѣдствіемъ этого антагонизма является искаженіе цѣли правительства, которое отнынѣ прилагаетъ всѣ свои усилія на утвержденіе и развитіе своего преобладанія; и какъ въ этой роковой борьбѣ общественное мнѣніе склоняется въ

пользу централизаціи, то верховная власть постоянно торжествуетъ надъ вольностями, расплачиваясь впрочемъ за свои побѣды періодическими революціями. И въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ одно и тоже давленіе присуще каждой правительственной формѣ, то инстинктъ массъ побуждаетъ ихъ послѣ извѣстнаго времени страданія стремиться къ перемѣнѣ установленнаго порядка, что̀, при существованіи централизаціи, заставляетъ страну лишь вращаться въ кругу одинаково ложныхъ гипотезъ, за которыми слѣдуютъ одни и тѣ же разочарованія. Форма измѣняется, но тираннія остается неизмѣнною.

И все-таки, несмотря на опытъ и логику, нѣкоторыя изъ этихъ гипотезъ, можно бы даже сказать всѣ, въ разныя времена имѣютъ за собою болѣе или менѣе значительное число приверженцевъ. Многіе убѣждены, что если напр. республика, — они смѣшиваютъ республику съ демократіей, — будетъ искренно проведена въ дѣйствительности, то составитъ счастіе народа и рѣшительно всѣхъ отклонитъ отъ монархіи. Но, замѣчаютъ они, мы не достаточно *добродѣтельны*, чтобы быть республиканцами!... Другіе, и такихъ, если не ошибаюсь, теперь большинство, отдаютъ преимущество той смягченной, умѣренной, консервативной и соглашающей монархіи, которая, по ихъ словамъ, одинаково заботится о свободѣ и власти, одинаково умѣетъ ужиться съ оппозиціей и министерствами, и цѣль которой вполнѣ выражена въ данной ей кличкѣ: *Золотая середина*. Есть наконецъ и такіе, которые рѣшительно высказываются за единоличное и сильное правительство и для которыхъ сочетаніе цезаризма съ простонародьемъ есть идеалъ политическаго общества.

Вотъ эти-то упорные предразсудки, которыхъ не могутъ поколебать ни противорѣчія, ни неудачи, должны мы

разбить; и надѣюсь, что мы достигнемъ этой цѣли, если сосредоточимъ на самомъ дорогомъ для нихъ пунктѣ, централизаціи, возможно большее количество лучей нашей критики. Такъ какъ уже доказано, что въ правительственномъ отношеніи всѣ системы, въ сущности, равноцѣнны, что главное ихъ дѣло централизація, что онѣ различаются между собою лишь конституціей, или, какъ говорятъ астрономы, центральнымъ уравненіемъ, то на этотъ центръ мы теперь и перенесемъ наше сужденіе. Съ этой точки зрѣнія для достиженія цѣли намъ достаточно разсмотрѣть въ послѣдовательномъ порядкѣ четыре члена конституціоннаго цикла или серіи, которыхъ мы назвали *крайними и средними членами*.

Я сказалъ уже, что какова бы ни была конституція политическаго центра или, другими словами, центральной власти въ государствѣ, составленномъ изъ многихъ самодержавностей или естественныхъ группъ населенія; пусть центръ этотъ представляется императоромъ, королемъ, директоріей, собраніемъ, или же всѣмъ этимъ вмѣстѣ; пусть онъ будетъ абсолютенъ или отвѣтственъ; пусть его подчинятъ правильному контролю, или же избавятъ отъ этого; пусть его ограничатъ въ преимуществахъ, или дадутъ ему неограниченную власть: во всякомъ случаѣ этотъ центръ, шкворень всей системы, останется болѣе или менѣе конституціонной фикціей, но никогда не сдѣлается полной реальностью, въ силу самой природы вещей, по которой всякій организмъ, выходящій изъ своихъ естественныхъ границъ и стремящійся захватить или присоединить къ себѣ другіе организмы, теряетъ въ силѣ то, что выигрываетъ въ пространствѣ, и клонится къ разложенію. Я сказалъ уже, что правительство, такимъ образомъ устроенное, принужденное вездѣ давать о себѣ знать, послѣдовательно

принимать всѣ формы, быть всѣмъ понемногу, не можетъ назваться нераздѣльнымъ и въ этомъ отношеніи погрѣшаетъ противъ существеннаго закона власти, что поставленное такимъ образомъ въ постоянное противорѣчіе съ самимъ собою, оно въ концѣ концовъ истощитъ свой собственный абсолютизмъ и погрузится въ анархію. Такое явленіе представляетъ намъ прежняя французская монархія, утомленная послѣ смерти Лудовика XIV антагонистическими элементами, изъ которыхъ состояла нація, и вынужденная, въ надеждѣ на спасеніе, отказаться отъ своихъ полномочій созваніемъ генеральныхъ штатовъ.

Докажемъ сперва, что даже въ аутократическомъ правленіи, при личности государя и династической наслѣдственности, централизація—химера.

Изъ всѣхъ *нашихъ конституцій*, съ точки зрѣнія сосредоточенія власти и поглощенія государственныхъ силъ, самая логическая есть безспорно конституція 1804 г. Въ дѣйствительности эта конституція даже не представляетъ единства, потому что она заключается въ томъ, что въ центръ берется одинъ человѣкъ и этотъ человѣкъ ставится на мѣсто націи, ея провинцій, расъ, мѣстностей, закрываемыхъ императорскимъ плащемъ. Создавъ первую имперію, Франція оффиціально перестала представлять систему; она стала управляться *сенатусъ-консультами*, продиктованными императоромъ, изъ которыхъ первый и самый важный названъ былъ *органическимъ сенатусъ-консультомъ*. Надо видѣть, въ чемъ состоялъ этотъ организмъ. Никогда деспотизмъ не выказывалъ такого излишества и безцеремонности. Существованіе нѣкоторыхъ вещей можно до нѣкоторой степени терпѣть и извинять, но писать ихъ— вѣчный позоръ для націи.

Глава I. Ст. 1. — Правительство республики ввѣряется императору, носящему титулъ *императора французовъ*. Правосудіе отправляется во имя императора поставленными имъ сановниками. Ст. 2. — Наполеонъ Бонапартъ, нынѣшній первый консулъ республики, есть императоръ французовъ.

Вся наполеоновская система заключается въ этой первой главѣ. Остальное ничто иное какъ пустое оглавленіе подробностей. Обратите вниманіе на исходную точку правосудія и на сочетаніе этихъ двухъ словъ: *Республика*, или что тоже *демократія*, и *императоръ*. Это чудовищно, но логично.

Все общество, государство, правительство, граждане, производители, самая церковь, входитъ въ область правосудія. Правосудіе, по теоріи, которая на мѣсто самодержавія короля поставила самодержавіе народа, исходитъ изъ демократіи; демократія, на основаніи утвержденнаго народнымъ голосованіемъ сенатусъ-консульта 28 флореаля, воплотилась въ ея императорѣ; поэтому императоръ все, и правосудіе отправляется во имя его. Вотъ вамъ и общественный договоръ.

Глава II. — *О наслѣдственности императорскаго достоинства*.

Глава III. — *Объ императорскомъ домѣ*.

Глава IV. — *О регентствѣ*.

Глава V. — *О высшихъ сановникахъ имперіи*.

Высшіе сановники имперіи: великій избиратель, архиканцлеръ, главный казначей, коннетабль, великій адмиралъ (за тѣмъ слѣдуетъ подробное исчисленіе ихъ занятій, представляющихъ лишь одну формальную сторону).

Глава VI. — *О главныхъ чиновникахъ имперіи.* Перечисленіе въ родѣ предыдущаго, не представляющее для насъ никакого интереса.

Глава VII. — *О присягахъ.* Перечисленіе чиновниковъ, подвергаемыхъ присягѣ, и формула послѣдней.

Глава VIII. — *О сенатѣ.* Перечисленіе составляющихъ его личностей; фантастическія преимущества.

Глава IX. — *О государственномъ совѣтѣ.* Вполнѣ подчиненная контора, раздѣленная на шесть отдѣленій.

Глава X. — *О законодательномъ корпусѣ.* Перечисленіе занятій и только. Ни иниціативы, ни обсужденія, ни гласности, ни контроля. Законодательный корпусъ вотируетъ налоги; но можетъ ли онъ отвергать ихъ?

Глава XI. — *О трибунатѣ.* Онъ былъ уничтоженъ въ 1807 г., какъ безполезное колесо. Императоръ могъ бы тоже сдѣлать съ сенатомъ, законодательнымъ корпусомъ и со всѣмъ остальнымъ. Онъ ни въ комъ не нуждался, даже въ собственной своей династіи; ему довольно было бы однихъ исполнителей; но онъ любилъ іерархію.

Глава XII. — *Объ избирательныхъ коллегіяхъ.* Система 1802 г. въ четыре и даже пять степеней. Цензитарныя условія; меры, помощники ихъ, мировые судьи, предсѣдатели коллегій назначаются императоромъ. (См. ниже).

Глава XIII. — *О верховномъ императорскомъ судѣ.* Исключительное правосудіе: оно неизбѣжно въ аутократическомъ іерархическомъ государствѣ.

Глава XIV. — *О судебномъ сословіи.* Подробности, неимѣющія серьознаго значенія.

Глава XV. — *Объ обнародованіи законовъ.*

Все это было утверждено большинствомъ 3.521,675 голосовъ противъ 2679. Наполеона обвиняли въ томъ,

что онъ своимъ честолюбіемъ и войнами убилъ два милліона людей. Если бы эти два милліона убитыхъ взяты были изъ числа 3.521,675, вотировавшихъ имперію, то я преклонился бы передъ провидѣніемъ, но меня смущаетъ то обстоятельство, что большинство подавшихъ голосъ за имперію впослѣдствіи стало на сторону бурбоновъ и хартіи.

Полагаю—не легко было бы еще болѣе упростить и централизовать правительство и такъ всецѣло уничтожить. въ пользу аутократической верховной власти, вольности великой націи. Наполеонъ—централизаторъ по преимуществу; онъ возстановляетъ дворянство, но не какъ институтъ, высшій классъ общества, а какъ орудіе власти, собственно для себя; своими электоральными перегонами онъ уничтожаетъ демократію, хотя и добивается ея голосовъ; онъ презираетъ контроль буржуазнаго представительства, хотя и подчиняетъ ему свой бюджетъ; онъ гаситъ политическую жизнь въ городахъ и деревняхъ; преобразуетъ въ іерархію естественную оппозицію элементовъ, борьба которыхъ составляетъ душу цивилизаціи и обезпечиваетъ прогрессъ; наконецъ, чтобы освободиться отъ своихъ брюмерскихъ товарищей, сообщниковъ его узурпаторства, сдѣлавшихся его сенаторами, министрами, высшими сановниками и т. п., онъ возстановляетъ въ своемъ лицѣ династическое право; провозглашаетъ себя императоромъ, источникомъ всякаго права; заставляетъ папу помазать себя на царство, не удостоивая сказать въ своей конституціи ни одного слова о церкви, которую вскорѣ доводитъ до раскола, и выставляетъ себя рѣшительно полубогомъ.

Конституція XII года можетъ быть разсматриваема какъ усовершенствованіе централизаторской системы; мы уже видѣли, какъ съ логикой, презирающей всякое человѣче-

ское сужденіе, система эта сосредоточивается и воплощается въ одномъ человѣкѣ.

Хорошо! какой же отвѣтъ дастся на все это разумомъ и опытомъ? Троякій, уничтожающій систему и покрывающій срамомъ узурпатора.

Первый отвѣтъ заключается въ томъ, что вся эта аутократія существуетъ лишь фигурально, потому что правительство большаго государства содержитъ въ себѣ множество интересовъ и воль, для которыхъ аутократъ является не болѣе какъ представителемъ, если предположить, что эти воли согласны существовать и дѣйствовать посредствомъ представительства.

Второй отвѣтъ состоитъ въ томъ, что какъ только аутократъ, преставляющій столько различныхъ воль, которыя скорѣе терпятъ его, чѣмъ въ немъ нуждаются, не удовлетворитъ ихъ, или же сдѣлается для нихъ противенъ, то можетъ разсчитывать, что онѣ возстанутъ на него и даже посягнуть на его личность.

Третій отвѣтъ тотъ, что если элементъ цезаризма, всегда склонный къ завоеванію и нетерпящій независимости, съ одной стороны всего охотнѣе сходится съ централизаціей, даже ищетъ ея и ставитъ ее себѣ въ заслугу, то съ другой стороны, по той же причинѣ, элементъ этотъ труднѣе всего согласить со множествомъ мѣстныхъ аутономій, по поводу которыхъ можно выразиться, что законность (Loyalisme) кончается тамъ, гдѣ начинается ихъ интересъ и гдѣ проявляется ихъ воля.

Монархія, выраженіе и символъ политическаго единства, можетъ быть на своемъ мѣстѣ напр. въ городѣ, естественной группѣ, которая живетъ своей собственной жизнью, нарождаетъ изъ собственныхъ нѣдръ свое правительство, подобно матери, рождающей свое дитя, внушаетъ ему

съ колыбели свою мысль, сознаетъ себя въ немъ и радуется своему созданію, которое зовется меромъ, бургомистромъ, королемъ, patres conscripti или муниципальнымъ совѣтомъ. Но этотъ самый государь, или исполнительная власть—природный царь въ своей странѣ не сохраняетъ того же характера авторитета и законности въ глазахъ присоединенныхъ группъ, которыхъ частныя воли всегда выкажутся, что бы онъ ни дѣлалъ, болѣе или менѣе ослушными приказаніямъ метрополіи.

Короче сказать, монархія слѣдуетъ во всѣхъ своихъ движеніяхъ за централизаціей; ихъ участь одинакова; сила одной указываетъ могущество другой. Въ этомъ кроется причина предосторожностей, принимаемыхъ въ новѣйшихъ конституціонныхъ государствахъ не столько противъ центральной власти, сколько противъ самаго короля; здѣсь источникъ ограниченій, налагаемыхъ на прерогативу короны, но которыя имѣютъ своимъ слѣдствіемъ лишь возбужденіе монархическаго принципа, заставляющее его вдаваться то въ абсолютизмъ, то въ демагогію.

Такія сужденія здраваго смысла подтверждаются фактами. Конституція 1804 г. первая свидѣтельствуетъ противъ притязаній ея автора. Къ чему этотъ сенатъ, столь послушный и раболѣпный, преобразованный въ выгодную и почетную синекуру, но безъ преимуществъ, безъ независимости, безъ власти, къ чему, какъ не для прикрытія личнаго каприза властелина личиною преній и коллективности? Къ чему этотъ законодательный корпусъ, простая регистратурная палата, избираемая сенатомъ по списку, представляемому департаментами послѣ трехъ степеней избранія, и возобновляемая ежегодно на одну пятую часть, къ чему онъ, какъ не для сохраненія между императоромъ и департаментами какого-то признака общенія?—

Къ чему, спрашиваю я, все это лицемѣріе, всѣ эти конституціонныя пошлости, какъ не для того, чтобы поставить преграду отдѣльнымъ волямъ, которыхъ нельзя уничтожить?

Императоръ, надѣясь раззорить Англію, придумываетъ *континентальную блокаду*: тотчасъ же организуется контрабанда въ огромныхъ размѣрахъ; приморскіе города испускаютъ страшные вопли, видя уничтоженіе своей торговли. Что же дѣлаетъ императоръ? Онъ продаетъ за деньги позволеніе вести торговлю колоніальными товарами и становится такимъ образомъ монополистомъ этихъ товаровъ. Это тоже, что прежній *голодный договоръ* (pacte de famine), только безъ формальнаго утвержденія императорскимъ декретомъ.

Чтобы раздѣлаться съ папой, Наполеонъ созываетъ соборъ, названный конституціоннымъ и составленный разумѣется изъ прелатовъ, искреннихъ галликанъ, преданныхъ его власти, его династіи и его личности. Но что же? Оказывается, что эти епископы остаются по прежнему истинными христіанами, католиками, священниками, одушевленными духомъ церкви, говорящей ихъ устами. Сохраняя вполнѣ подобающее уваженіе къ Наполеону, они становятся на сторону папы; и соборъ обращается въ поношеніе для императора.

Недовольный Таллейраномъ, порицавшимъ его политику, и Фуше, позволявшимъ иногда себѣ въ полицейскихъ рапортахъ дѣлать почтительныя замѣчанія, Наполеонъ объявляетъ имъ свое неудовольствіе. Къ чему же это служитъ? Фуше продолжаетъ пользоваться полиціей, но уже для самого себя; онъ наблюдаетъ за императоромъ, выслѣживаетъ его путь, проникаетъ въ его рѣшенія, предвидитъ его паденіе; и изъ этого нѣмаго протеста оскорбленныхъ личностей нарождается мысль, которая черезъ

три мѣсяца заставляетъ Наполеона подписать отреченіе отъ престола.

Такимъ образомъ аутократъ, для поддержанія своей воли противъ воль страны, вынужденъ вести войну со своими собственными *подданными*, войну истребительную. Гдѣ-то я читалъ, что жители одной общины, расположенной на границахъ въ неприступной трущобѣ, въ надеждѣ на безнаказанность, отказались отъ повиновенія императорскимъ декретамъ; община эта была окружена вооруженной силой; дома были сожжены, снесены съ лица земли, виновные перебиты, женщины и дѣти выселены на чужбину далеко отъ родины. *Ubi solitudinem faciunt, pacem appellant.* Императоръ показалъ примѣръ: онъ уничтожилъ гнѣздо возмущенія, убилъ людей; но воли?...

Давимыя аутократіей, воли составляютъ заговоры противъ аутократа. При этомъ необходимо замѣтить слѣдующій фактъ: при старой монархіи города и провинціи сохраняли въ широкихъ размѣрахъ свои льготы и обычаи. Они платили, но чувствовали свое существованіе, были самостоятельны. Поэтому цареубійство было рѣдко. Оно обнаруживалось лишь въ религіозныя войны. Послѣ революціи 1789 г. централизація становится правительственнымъ догматомъ и вмѣстѣ съ этимъ въ усажающей степени учащается цареубійство; оно становится эндемическимъ, конституціоннымъ (ст. 35 Провозглашеніе правъ 1793 г.). Примѣръ подаетъ конвентъ: сперва онъ убиваетъ Лудовика XVI, затѣмъ, какъ бы желая выместить свою диктатуру на невинныхъ, онъ убиваетъ жену короля, сестру короля, сына короля. Потомъ убиваетъ онъ конституціоналистовъ или фельяновъ, жирондистовъ, Байльи, Барнава, Малерба, Лавуазье, всѣхъ имѣвшихъ какое либо значеніе въ абсолютной или представительной монархіи. Затѣмъ начинаются

репрессаліи: тѣлохранитель Пари убиваетъ Лепеллетье, Шарлотта Кордей Марата, королей тогдашней минуты; Сесиль Рено пытается убить диктатора Робеспьерра, который спустя нѣсколько недѣль погибаетъ отъ термидоріанской реакціи. Секціи (городскія части) затѣваютъ заговоръ въ вандемьерѣ, якобинцы въ преріалѣ; затѣваютъ заговоры и Бабефъ и оба Совѣта, что въ свою очередь влечетъ за собою вандомскія экзекуціи и фруктидорскія ссылки. Наконецъ директорія затѣваетъ заговоръ противу самой себя и вызываетъ этимъ узурпацію Бонапарта.

Но и Бонапартъ не избѣгаетъ общей участи. Его военная диктатура суровѣе диктатуры конвента и директоріи; заговоръ противъ него неистовствуетъ. Въ 1800 г. заговоръ республиканцевъ и заговоръ роялистовъ; — въ 1803 г. заговоръ Пишегрю и заговоръ Кадудаля; — въ 1808 и 1809 гг., военный заговоръ, извѣстный подъ названіемъ заговора *Филадельфовъ*; — въ 1812 г. заговоръ генерала Малле; — въ 1813 г. роялистское волненіе, ропотъ въ законодательномъ корпусѣ; — въ 1814 г. возстаютъ города, появляются Бурбоны; охранительный сенатъ объявляетъ низложеніе Наполеона. Не обнаруживаютъ ли эти факты болѣе чѣмъ одновременность, связь между явленіемъ и причиной? Предположите вмѣсто всѣхъ этихъ властелиновъ-централизаторовъ, вмѣсто конвента, Наполеона I, Бурбоновъ, Лудовика-Филиппа, Наполеона III, федеральное единство, выраженіе договора взаимнаго страхованія между 15 или 18 самостоятельными провинціями: неужели вы думаете, что заговоръ напалъ бы на такое единство, хотя бы оно было представляемо однимъ человѣкомъ, называвшимся королемъ?

Всего ужаснѣе то, что децентралистическій заговоръ, если добьется цѣли послѣ множества неудачъ, то не ос-

танавливается на государѣ, а поражаетъ за-одно и династію.

Лудовикъ XVI убитъ вмѣстѣ съ своей семьей.

Казненъ Робеспьерръ, а съ нимъ и его партія, якобинцы.

Наполеонъ низвергнутъ съ престола вмѣстѣ съ своимъ потомствомъ.

Карлъ V изгнанъ, а за нимъ послѣдовала въ изгнаніе и вся его семья.

Лудовикъ-Филиппъ низвергнутъ въ свою очередь, и младшая вѣтвь, подобно старшей, осуждены на изгнаніе.

И замѣтьте, что ни одинъ изъ этихъ династовъ не погибъ за свои личныя преступленія или за пороки своего правительства. Лудовикъ-Филиппъ былъ образцомъ отцовъ семейства; и если не обращать вниманія на неудобства централизаціи и на порождаемыя ею интриги и развращеніе, то іюльское правительство было довольно сносно. Большинство направленныхъ противъ него обвиненій, въ родѣ системы мира во что бы то ни стало и оставленія на произволъ судьбы Польши, обращаются въ настоящее время въ похвалу ему.

Карлъ X былъ прозванъ, и не безъ основанія, *королемъ-рыцаремъ*. Самый большой упрекъ, какой можно сдѣлать его частной жизни, тотъ, что, подобно Лафонтену, онъ искупалъ въ старости чрезмѣрной набожностью грѣшки своей молодости. Что же касается до его правительства, то оно, если оставить въ сторонѣ ретроградныя поползновенія этого вождя эмиграціи, было несравненно нравственнѣе при Карлѣ X, чѣмъ когда либо впослѣдствіи. Робеспьерръ, несмотря на ужасъ, которымъ терористическая система запятнала его имя, сохранилъ за собою репутацію *добродѣтельнаго* и *неподкупнаго*. Онъ мечталъ о платоновской республикѣ, когда былъ за-

хваченъ въ расплохъ возмущеніемъ. Лудовикъ XVI обладалъ всѣми добродѣтелями частнаго человѣка; никто больше его не любилъ своего народа; къ несчастію для самого себя онъ былъ искренно враждебенъ идеямъ своего вѣка, не вѣрилъ ни въ философію, ни въ революцію, ни въ особенности въ конституціонное правленіе. Что касается до Наполеона, то онъ и теперь еще народный герой. Франція все ему простила. Его администрація была просвѣщенна, бдительна, экономна, справедлива: ей недоставало лишь одного—либерализма.

Должно быть велико преступленіе унитаризма, когда такой народъ, какъ нашъ, преслѣдуетъ его съ такимъ ожесточеніемъ въ лицѣ лучшихъ своихъ государей. Не спасаютъ ихъ никакія добродѣтели, никакая слава, и въ нашихъ распряхъ съ властью династія всегда является солидарною съ ея главой; такого характера не представляетъ англійская революція 1688 г., такъ какъ одинъ и тотъ же актъ, низложившій Іакова II, опредѣлилъ вступленіе на престолъ его зятя, Вильгельма III. Народъ англійскій не такъ унитаренъ, какъ нашъ; у него меньше страсти къ единству, а потому меньше и ненависти. Онъ умѣлъ обуздать династію, подчинить ее своей волѣ; онъ не вырвалъ ее съ корнемъ. Не слѣдуетъ ли заключить изъ этого, что между принципами централизаторскимъ и династическимъ существуетъ скрытая связь, которая, при возмущеніи, переноситъ преступленіе отца на дѣтей. Предоставляю обсудить эту тайну самому читателю.

Сдѣлаемъ выводъ: политическій унитаризмъ или другими словами централизація, на сколько она выражается въ удержаніи въ правительственной нераздѣльности группъ, которыя по природѣ аутономны и по здравому смыслу должны быть независимы и лишь соединены между собою

федеративной связью, есть конституціонная фикція, исполненная противорѣчій въ теоріи и неосуществимая на практикѣ. Въ ней заключается настоящая причина тѣхъ безпрерывныхъ династическихъ перемѣнъ, которыя уже 75 лѣтъ потрясаютъ наше общество. Поэтому настоящую тираннію въ новѣйшихъ обществахъ нельзя иначе опредѣлить, какъ слѣдующей формулой: *Поглощеніе самостоятельныхъ мѣстностей одною центральною властью съ цѣлью или династическаго преобладанія, или же эксплоатаціи въ пользу дворянства, буржуазіи или санкюлотовъ.*

ГЛАВА VIII.

Критика конституціи 93 года.

О созданіи суверена въ демократіи, другими словами, объ избирательной системѣ или всеобщей подачѣ голосовъ.—Картина избирательныхъ системъ, предложенныхъ и введенныхъ въ практику съ 89 и до нашего времени.—Эти системы, противорѣчащія другъ другу и несогласимыя, составляютъ серію, подобно серіи конституцій.—Идея представительнаго синтеза.

Конституція 1793 г., хотя только 11 годами предшествовала конституціи 1804 г., составляетъ совершенную противоположность послѣдней. Это и естественно. Одна представляетъ развитіе личнаго авторитета, гонящаго демократію, другая есть выраженіе коллективнаго самодержавія. Вездѣ, гдѣ первая занята *императоромъ*, вторая твердитъ о *народѣ*. Напр. органическій сенатусъ-консультъ 1804 г. ни слова не говоритъ о *гражданахъ*, ихъ *вольностяхъ*, *гарантіяхъ*, *правахъ*; онъ видитъ лишь аутократа, олицетвореніе массы, воплощающаго въ себѣ государство. Наоборотъ конституція II года, изготовленная Кондорсе и сокращенная Робесньерромъ, и конституція III года, находятъ удовольствіе въ повтореніи *Провозглашенія правъ человѣка и гражданина*. На сколько абсолютизмъ страшится формулъ и догматовъ, настолько демократія ихъ ищетъ. Такимъ образомъ въ то время, какъ конституція 1804 г. развертывается, подобно генеалогическому древу, гдѣ все исходитъ отъ императора,

даже нація, и все восходитъ къ императору, такъ что конституцію эту нельзя обвинить, по крайней мѣрѣ съ перваго взгляда, въ измѣнѣ своему собственному принципу, конституція 93 года противорѣчитъ себѣ въ каждой статьѣ и приходитъ къ ужаснѣйшей непослѣдовательности, къ отрицанію самого суверена. Аутократія грѣшитъ лишь противъ истины и фактовъ; демократія же измѣняетъ самой себѣ.

Разсмотримъ ближе эту систему.

Главный и начальный пунктъ въ демократіи есть созданіи суверена. Въ монархическомъ правленіи, абсолютномъ или конституціонномъ, суверенъ видѣнъ, осязаемъ, говоритъ, его слышно: это король, его домъ, представители, помощники и совѣтники его величества. Кто же суверенъ въ демократіи, если послѣдняя хоть сколько нибудь заботится о своемъ принципѣ и имени? Суверенъ тамъ, говорятъ,—*народъ*. Допускаемъ, но что такое народъ? гдѣ онъ? какъ онъ проявляетъ себя? Вотъ въ чемъ вопросъ. Оставимъ въ сторонѣ *майское поле* нашихъ предковъ галловъ и франковъ, *форумъ* римлянъ, *агору* грековъ, *церковь* первыхъ христіанъ. Мы люди настоящаго времени; эта старина насъ не касается. Народъ-суверенъ, или, выражаясь менѣе сжатымъ, менѣе педантическимъ и болѣе техническимъ языкомъ, народный суверенитетъ проявляется въ наше время посредствомъ избирательной операціи, посредствомъ того, что мы нынѣ называемъ *всеобщей подачей голосовъ*.

Избирательная система, подобно правительственной, вынесла у насъ тѣже испытанія и прошла тоже поприще. Подобно картинѣ конституцій, изображеніе избирательныхъ системъ поочередно представляетъ то историческую преемственность, то теоретическій или умозрительный выводъ.

Какъ конституціи между собою, по выраженію политической и унитарной мысли, подверженной однимъ и тѣмъ же упрекамъ и недостаткамъ, такъ точно и различныя избирательныя системы представляются почти одинаковыми по существу, потому что онѣ также суть невѣрныя и ограниченныя выраженія синтетической идеи, которой формула еще не найдена. Постараемся въ краткомъ очеркѣ представить историческую сторону этого новаго рода явленій.

Историческая картина избирательныхъ системъ, предложенныхъ и осуществленныхъ во Франціи съ 1789 года.

1789 г.—По проекту конституціи, представленному національному собранію 27 іюля и 31 августа 1789 г., условія для пользованія избирательнымъ правомъ положены были слѣдующія:

Быть природнымъ французомъ; имѣть не менѣе 25 лѣтъ отъ роду и жительство въ общинѣ не менѣе года, платить налогъ, равный цѣнности трехъ рабочихъ дней. Выборы представителей въ законодательный корпусъ производились въ *двѣ степени*. Для этого Францію должно было раздѣлить на отдѣлы въ 50,000 душъ каждый; отдѣлъ долженъ былъ назначать 250 депутатовъ, которые выбирали изъ себя одного *представителя*, что на всю Францію должно было дать около 500 представителей. Законодательный корпусъ составлялся изъ двухъ палатъ, палаты *сенаторовъ*, назначаемыхъ королемъ, и палаты представителей, выбранныхъ всѣми гражданами ука-

заннымъ выше способомъ. Эта послѣдняя палата должна была обновляться черезъ каждые три года.

Таковъ былъ процессъ проявленія народнаго суверенитета, предложенный законодателями 89 года. Кажется невозможно было выказать болѣе заботливости, при монархическомъ правленіи, и на первый разъ, о свободѣ и правахъ народа. Возрастъ 25 лѣтній не можетъ назваться чрезмѣрнымъ: онъ требуется закономъ для вступленія въ бракъ противъ воли родителей. Налогъ въ цѣнность трехъ рабочихъ дней вовсе не былъ тягостнымъ: въ немъ скорѣе можно было видѣть символъ, чѣмъ условіе; онъ поддерживалъ достоинство избирателя и обезпечивалъ нравственное отправленіе обязанности.

Конституція, принятая учредительнымъ собраніемъ менѣе роялистическая, чѣмъ первоначальный проектъ, оказывается также очень требовательною относительно гражданъ за дарованіе имъ права подачи голосовъ. Кажется прерогатива власти не можетъ уменьшиться иначе, какъ съ пропорціональнымъ уменьшеніемъ прерогативы гражданина.

1791 г. — Удержаны выборы въ двѣ степени, равно какъ 25-лѣтній возрастъ, годъ мѣстожительства и налогъ въ три рабочихъ дня. Но кромѣ того требуется, чтобы гражданинъ принесъ *гражданскую присягу*; чтобы онъ былъ вписанъ въ списокъ *національной гвардіи* и чтобы не былъ *слугою*. Гражданинъ, удовлетворяющій всѣмъ этимъ условіямъ, есть *активный гражданинъ*. Такъ какъ сенатъ или высшая палата не принята, то число *депутатовъ* единственнаго собранія увеличилось; оно опредѣлено въ 745 по тремъ даннымъ: *территоріи, населенію* и *прямому налогу* или *собственности*. Собраніе должно быть обновляемо черезъ каждые два года.

Я нисколько не намѣренъ порицать эти различныя условія, равно какъ и предшествовавщія имъ. Достаточно только замѣтить, что направленіе конституціи 91 года есть несомнѣнно буржуазное: еще шагъ, и мы увидимъ, что изъ всеобщей подачи голосовъ будутъ исключены рабочіе, живущіе заработной платой, однимъ словомъ все простонародье.

1793 г. — Проектъ *жирондистской* конституціи: Законодательный корпусъ составляется изъ одного собранія, обновляемаго *ежегодно*. Выборы имѣютъ лишь одно основаніе—*населеніе*. Подача голосовъ—*всеобщая* и *прямая*; но назначеніе представителей производится тѣми же избирателями *двумя балотировками*, одною—*представителей*, а другою — *избирателей*. Налогъ въ три рабочихъ дня *уничтоженъ*; прислуга, подобно остальному народу, пользуется избирательнымъ правомъ; возрастъ по прежнему требуется 25-лѣтній. Кромѣ депутатовъ въ законодательный корпусъ, граждане призваны къ выборамъ, въ своихъ первоначальныхъ (primaires) собраніяхъ, всей *магистратуры*, *администраторовъ* и *должностныхъ лицъ* республики, въ томъ числѣ и самаго *исполнительнаго совѣта*.

1793 г. — *Якобинская* конституція: Трудно было явиться радикальнѣе Жиронды, высказавшейся подъ перомъ Кондорсе. Робеспьерръ попытался однако превзойти своихъ соперниковъ: этого требовала монтаньярская честь. Проектъ Кондорсе, съ цѣлью дать избирателямъ время на размышленіе и возможность дѣйствовать съ большею сознательностью, установилъ формальность не двухъ степеней избранія, а двухъ балотировокъ. Робеспьерръ желаетъ, чтобы избраніе было непосредственно, совершалось сразу: въ этомъ можетъ быть и есть экономія во времени, но нѣтъ

гарантіи безошибочности. Кондорсе оставилъ опредѣленіе гражданскаго возраста по прежнему въ 25 лѣтъ; Робеспьерръ убавилъ его до 21 года: аппеляція къ юности противъ зрѣлаго возраста. Кондорсе предоставилъ каждому первичному собранію право представлять *замѣчанія* о вотированныхъ законахъ и требовать безотлагательнаго ихъ *пересмотра*. Робеспьерръ ставитъ утвержденіе закона въ зависимость отъ *принятія* его народомъ. Но это принятіе чисто нѣмое, а потому неимѣющее никакого смысла и значенія. Онъ говоритъ: «Если черезъ 40 дней послѣ вотированія закона въ половинѣ департаментовъ, съ присовокупленіемъ одного, десятая часть правильно образованныхъ первичныхъ собраній каждаго изъ нихъ не заявитъ *протеста*, то проектъ принимается и становится закономъ.» Это торжественное примѣненіе правила: *Кто молчитъ, тотъ согласенъ*. Точно также и относительно избранія исполнительнаго совѣта, магистратуры и должностныхъ лицъ Робеспьерръ долженъ быть поставленъ ниже Кондорсе, такъ какъ онъ желалъ, чтобы избраніе это производилось не прямо первичными собраніями, а въ двѣ и даже въ три степени. Изъ этого видно, что диктатура третируетъ самодержавный народъ не лучше аутократіи: только что указанный нами законъ среди умѣренныхъ (1789—1791) стремленій, встрѣчается и между крайними (1793, 17 февраля и 24 іюня).

1795 г. — Диктатура конвента кончилась; но благодаря ей поднимается уровень правительственныхъ идей и власть дѣлается устойчивѣе. Самодержавный народъ теряетъ много въ публичномъ значеніи. Всеобщая подача голосовъ въ двѣ степени; возстановленіе ценза, который не распространяется лишь на гражданъ, служив-

шихъ въ арміяхъ республики. Множество причинъ исключенія изъ избирательнаго права.

Палаты, впрочемъ, назначаются обѣ народомъ. Выборы въ исполнительную директорію предоставлены законодательному корпусу; право назначенія нѣкоторыхъ агентовъ власти отнято у избирателей и присвоено директоріи.

Новое подтвержденіе вышеупомянутаго закона. Въ демократіи, какъ и въ монархіи, значеніе правъ гражданъ пропорціонально умѣренности правительства. Исключеніе изъ этого правила представляетъ лишь аутократія, которая естественно служитъ полнымъ отрицаніемъ противоположнаго ей принципа.

1799 г. — Консульская конституція: Бонапартъ зналъ народъ; онъ понималъ, какъ слѣдуетъ обращаться съ толпой. *Ихъ слѣдуетъ бить, какъ собакъ*, говаривалъ онъ. Вотъ что онъ сдѣлалъ изъ всеобщей подачи голосовъ — это одна изъ самыхъ интересныхъ главъ нашего государственнаго права:

«Ст. 7. — Граждане каждаго общиннаго округа (arrondissement communal) избираютъ тѣхъ изъ среды своей, кого они считаютъ наиболѣе способными вести общественныя дѣла. Такимъ образомъ составляется *списокъ довѣрія* (liste de confiance), содержащій въ себѣ имена десятой части всего количества гражданъ. Въ этотъ первый общинный списокъ должны быть включены должностныя лица округа.

«Ст. 8. — Граждане, внесенные въ общинные списки департамента, точно также выбираютъ изъ себя десятую часть. Этимъ путемъ составляется второй списокъ, называемый департаментскимъ, въ который должны быть включены должностныя лица департамента.

«Ст. 9.—Равнымъ образомъ и граждане, внесенные въ

департаментскій списокъ, выбираютъ изъ себя десятую часть, за тѣмъ составляется третій списокъ, заключающійвъ себѣ гражданъ того департамента, имѣющихъ право быть избранными на національныя государственныя должности.

«Ст. 19 и 20. — Департаментскіе списки посылаются въ сенатъ, который выбираетъ изъ нихъ законодателей, трибуновъ, консуловъ, кассаціонныхъ судей и коммисаровъ казначейства (commissaires à la comptabilité).»

Законодательный корпусъ обновляется ежегодно на пятую часть.—Вотированіе законовъ подчинено тому же мытарству, какъ и выборы. Законъ *предлагается* правительствомъ, *обсуждается* трибунатомъ, въ законодательномъ корпусѣ, *голосуется* послѣднимъ тайной балотировкой и безъ обсужденія и *пропускается* сенатомъ, который можетъ остановить обнародованіе закона, но лишь по причинѣ его неконституціонности. Здѣсь выражается принципъ раздѣленія властей въ приложеніи къ изготовленію законовъ.

Итакъ съ одной стороны четыре степени выборовъ, съ другой четыре степени законодательства. Если народъ самовольствуетъ, если законодатели сбиваются съ пути, то не конституція въ этомъ будетъ виновата? А кто выбираетъ сенатъ? Самъ сенатъ, а впослѣдствіи императоръ: это уже составляетъ пятую часть выборовъ. Кто выбираетъ изъ департаментскихъ и окружныхъ списковъ гражданъ, *наиболѣе способныхъ заправлять общественными дѣлами*? Опять таки императоръ, который одинъ существуетъ самостоятельно, и который, сдѣлавшись главой наслѣдственной династіи и помазавшись на царство черезъ папу, одинъ не подлежитъ выбору и не избирается, но есть Богомъ данный человѣкъ, естественное воплощеніе народа.

Упомянувъ объ императорѣ по поводу конституціи 1799 г., я нѣсколько забѣжалъ впередъ. Сенатусъ-консульты 1802

и 1804 гг. только лишь развили и разукрасили эту систему, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ конституціи 1804 г. (см. предшествующую главу); въ 1807 г. былъ уничтоженъ трибунатъ. Вотъ какимъ образомъ по императорскимъ конституціямъ призывался народъ къ проявленію своего суверенитета, къ изданію законовъ и къ отправленію всѣхъ властей черезъ своихъ избранниковъ.

1814. — Извѣстна система хартіи: двѣ палаты, одна неподвижная и наслѣдственная, другая выборная и обновляемая ежегодно на одну пятую часть. Чтобы быть избирателемъ, надо имѣть 30-лѣтній возрастъ и платить по крайней мѣрѣ 300 франковъ прямаго налога; чтобы имѣть право быть выбраннымъ, надо имѣть 40-лѣтній возрастъ и платить 1000 франковъ. Законодательная власть отправляется коллективно палатой перовъ и палатой депутатовъ.

Я здѣсь сдѣлаю лишь одно замѣчаніе. Въ 1814 г. Франція отъ крайностей демократіи и аутократіи переходитъ къ «золотой серединѣ» парламентарной монархіи, поэтому и избирательная система, бывшая пустымъ механизмомъ при имперіи и основой государства и источникомъ всякой власти при республикѣ, нисходитъ теперь до простой роли противовѣса. Цензитарная буржуазія стремится уравновѣсить корону, окруженную верхнею палатою, духовенствомъ и всѣми знаменитостями власти и бюджета.

1815 г. — *Добавочный актъ къ императорскимъ конституціямъ*:—Подражаніе хартіи Лудовика XVIII, за исключеніемъ слѣдующихъ пунктовъ: 1) депутаты выбираются всеобщею подачею голосовъ, но въ двѣ степени; сверхъ того учреждаются особые представители собственности и промышленности; 2) императоръ не обязанъ брать министровъ изъ большинства палатъ; онъ проводитъ свою политику посредстомъ государственныхъ министровъ безъ

портфеля. Этимъ онъ оставляетъ себѣ лазейку обойти парламентскую систему.

1830 г. — *Пересмотръ хартіи:* Палаты раздѣляютъ съ короною иниціативу законовъ. Цензъ избиранія и избираемости пониженъ: это хотя и показываетъ, что противовѣсъ короны усиливается по мѣрѣ приближенія къ демократіи, однако народъ еще не вводится въ избирательныя комиціи, такъ какъ этого не можетъ допустить «золотая середина», несмотря на свою умѣренность.

1848 г. — Торжество демократіи. Возстановлена всеобщая и прямая подача голосовъ, но лишь относительно выборовъ въ муниципальные и генеральные совѣты и національное собраніе; всѣ должностныя лица, кромѣ лишь президента, выбираемаго на 4 года народомъ, назначаются по прежнему исполнительною властью. Законодательное собраніе одно; президентъ ему подчиненъ; единственное основаніе выборовъ—населеніе. Всеобщая подача голосовъ становится капитальною частью системы; впрочемъ и здѣсь снова подтвердился законъ, на который мы неоднократно указывали: съ самоусиленіемъ правительства, народный суверенитетъ упадаетъ. Въ доказательство можно привести законъ 31 мая 1849 г., ограничивающій всеобщую подачу голосовъ.

1852 г. — Избирательная система, принятая конституціей Наполеона III, въ сущности сходна съ системой 1848 г. и отличается отъ нея лишь мелкими подробностями, довольно многочисленными, и мѣрами предосторожности противъ народнаго увлеченія. Всеобщая и прямая подача голосовъ, возстановленію которой переворотъ 2 декабря обязанъ своимъ успѣхомъ, несовмѣстна съ императорской конституціей. Объ этомъ предметѣ мы выскажемъ свое мнѣніе къ особой главѣ, посвященной изслѣдованію этой конституціи.

Изъ сдѣланнаго нами обзора явствуетъ, что какъ неограниченно число всевозможныхъ правительствъ между двумя абсолютными крайними—аутократіей и демократіей, точно также неограниченно и число системъ для созданія самодержавія (souveraineté) народа, другими словами—число избирательныхъ системъ, соотвѣтствующихъ различнымъ формамъ правительствъ.

Какая же—лучшая, самая либеральная, истинная и наименѣе ошибочная изъ этого множества системъ, которыми стремится выразить себя самодержавіе націи какъ при демократическомъ, такъ и при монархическомъ порядкѣ?

Я отвѣчу на это какъ отвѣтилъ уже на вопросъ о конституціяхъ. Всѣ эти системы одинаковы, всѣ имѣютъ свои достоинства и свои недостатки; было бы нелѣпо отдавать какое бы то ни было преимущество всеобщей и прямой подачѣ голосовъ, послѣдствія которой мы знаемъ, передъ цензитарной системой въ 300 и 1000 франковъ, которой нахальство и нелогичность насъ возмущаютъ.

А объясненіе воздержанія нашего отъ восхваленія какой-либо изъ этихъ системъ такъ же просто, какъ и понятно, именно: всѣ эти электоральныя утопіи ничто иное, какъ произвольныя ограниченія, искаженія одного *синтеза*, соединяющаго въ себѣ, какъ и слѣдуетъ, всѣ противоположные элементы и именно потому, что они противоположны; синтеза, который исключаетъ всякій антагонизмъ, утверждаетъ въ одно и тоже время равновѣсіе правительства и народное самодержавіе, но приложеніе котораго не имѣетъ ничего общаго съ рутиной нашихъ практиковъ. Постараюсь дать понять себя.

Нація, заставляющая *представлять* себя, должна быть представляема во всемъ томъ, что ее составляетъ: въ своемъ

населеніи, въ своихъ группахъ, во всѣхъ своихъ способностяхъ и условіяхъ. Одна конституція допускаетъ всеобщую и прямую подачу голосовъ, но максимумомъ требуемаго возраста полагаетъ 25 лѣтъ; другая спускаетъ этотъ возрастъ до 21 года. Третья, понимая, что неравенство господствуетъ повсюду, какъ въ мнѣніяхъ, такъ въ богатствѣ и умѣ, что толпа только идетъ за вожаками и что иниціатива идей принадлежитъ очень небольшому кружку людей; что однимъ словомъ недостаточно считать голоса, а слѣдуетъ еще ихъ взвѣшивать,—третья, говорю я, принимая въ принципѣ всеобщую подачу голосовъ, вводитъ ее на практикѣ въ двѣ или болѣе степеней. Наконецъ другія конституціи говорятъ, что населеніе не можетъ быть единственнымъ основаніемъ избирательной системы, что надо еще принять во вниманіе аггломераціи, промышленность, собственность и т. п. Въ виду столь многочисленныхъ исключеній, допускаемыхъ системами, слывущими за самыя широкія, популярныя и либеральныя, можно бы спросить: можетъ ли либеральное право быть утрачено въ какомъ бы то ни было положеніи; почему исключены изъ него женщины и граждане моложе 21 года; почему распространено это ужасное отлученіе противъ осужденныхъ по суду, банкротовъ, людей безнравственныхъ, и т. п., противъ слугъ, нищихъ, бродягъ, и т. д.?

На эти вопросы не давалось еще солиднаго отвѣта: говорили, что неестественно вотированіемъ возстановлять дѣтей и женъ противъ отцовъ и мужей, что это значило бы подорвать родительскую и супружескую власть и возбудить изъ-за политики раздоры въ семействахъ; говорили тоже и о слугахъ, что они станутъ врагами, шпіонами и измѣнниками въ домахъ своихъ господъ, если

имъ дать право голоса; далѣе, что въ высшей степени странно ставить на одну линію честнаго человѣка и человѣка заклейменаго закономъ; что еслибы законодатель вздумалъ до такой степени пренебречь общественнымъ мнѣніемъ, то добился бы лишь того, что избирательныя комиціи опустѣли бы и самый институтъ подачи голосовъ былъ бы пораженъ на смерть. Эти разсужденія имѣютъ свою цѣнность и я самъ, признаюсь, во всѣхъ этихъ пунктахъ столь же неумолимо нетерпимъ, какъ и другіе. Напримѣръ тотъ день, когда законодатель дастъ женщинамъ и дѣтямъ право подачи голосовъ, будетъ днемъ моего развода; я выгоню отъ себя жену свою и дѣтей и заживу опять пустынникомъ. Но что ни говори, а все это не составляетъ еще убѣдительнаго отвѣта на вышеуказанные вопросы. Лица, которымъ не дано пользованія правомъ подачи голосовъ, составляютъ все-таки часть націи; они имѣютъ право быть представляемыми: можно ли допустить, чтобы онѣ были представляемы оффиціально тѣми, отъ кого зависятъ или кто по закону состоитъ при нихъ попечителемъ или отвѣтчикомъ? Когда докторъ приходитъ къ больному, то распрашиваетъ его самого, на сколько тому позволяетъ болѣзнь, а не обращается къ третьимъ лицамъ, роднымъ или знакомымъ больнаго. Въ церкви исповѣдь требуетъ, чтобы грѣшникъ самъ покаялся въ своихъ прегрѣшеніяхъ, если хочетъ получить вмѣстѣ съ отпущеніемъ грѣховъ и лекарство для души. А большинство гражданъ, исключенныхъ изъ избирательныхъ списковъ,—соціальные и политическіе больные: какъ они станутъ на ноги, какъ добьются должной имъ справедливости, если имъ нельзя говорить самимъ за себя, если имъ запрещено принимать участіе въ національномъ представительствѣ, въ проявленіи народнаго самодержавія?

Итакъ, не станемъ пятиться передъ логикою, когда она служитъ истолкователемъ права и свободы. Электоральный синтезъ долженъ обнимать собою, не только въ теоріи, но и на практикѣ, всѣ выработанныя уже системы: основаніемъ избирательства принимать не только населеніе, но и территорію, собственность, капиталы, промышленность, естественныя, областныя и общинныя группы. Онъ не долженъ упускать изъ виду неравенствъ богатства и ума и исключать какую бы то ни было категорію. Возможно ли, спросите вы, сдѣлать это, не нарушая гражданскаго равенства (égalité civique) и не возбуждая безчисленныхъ протестовъ? Возможно ли сдѣлать это, если большинство такихъ элементовъ *другъ друга* исключаютъ?... На это я скажу, что если великій актъ, имѣющій цѣлью національное представительство, состоитъ лишь въ томъ, чтобы каждые 5 лѣтъ или каждые 3 года собирать толпу заранѣе указанныхъ гражданъ и заставлять ихъ назначать депутата, снабженнаго неограниченнымъ полномочіемъ, депутата, который, въ силу такого полномочія, представляетъ собою не только тѣхъ, кто подавалъ голоса за него, но и тѣхъ, кто вотировалъ противъ него, представляетъ не только электоральную массу, но и всѣ категоріи личностей невотировавшихъ, всѣ силы, способности, функціи и интересы общественнаго тѣла; что если эту именно операцію считаютъ всеобщею подачею голосовъ, то отъ нея дѣйствительно нечего ожидать путнаго, а съ нею и вся наша политическая система ничто иное, какъ мистификація и тиранія.

Сдѣлаемъ заключеніе. Искреннее и правдивое представительство въ странѣ, подобной нашей, предполагаетъ совокупность учрежденій, скомбинированныхъ такимъ образомъ, чтобы всякій интересъ, всякая идея, всякій соціальный и политическій элементъ могъ проявиться въ этомъ

представительствѣ, могъ самъ выразиться, могъ заставить себя представить, добиться справедливости и гарантіи, имѣть свою долю вліянія и самодержавія. Потому что народное представительство, тамъ, гдѣ оно существуетъ какъ условіе политической жизни, не должно быть только машиной, какъ въ конституціи 1804 г. или машиной и противовѣсомъ, какъ въ хартіи отъ 1814 до 1830 г.; или фундаментомъ правительственнаго зданія, какъ въ конституціяхъ 1793, 1848 и 1852 гг.: оно въ одно и тоже время, подъ страхомъ въ противномъ случаѣ сдѣлаться ложью, должно быть фундаментомъ, машиной, противовѣсомъ и сверхъ того функціей, функціей, обнимающей всю націю, во всѣхъ ея категоріяхъ личностей, территорій, богатствъ, свойствъ, способностей и даже нищеты.

Я почелъ необходимымъ вдаться въ нѣкоторыя подробности относительно созданія суверенитета, или говоря общепринятымъ языкомъ, относительно всеобщей избирательной системы или подачи голосовъ, отчасти ради важности этого вопроса, а отчасти въ виду ложности господствующихъ о немъ идей. Теперь мы можемъ перейти къ обсужденію конституціи 93 года.

ГЛАВА IX.

Продолженіе того же предмета: критика конституціи 93 года.

Существенное противорѣчіе принциповъ самодержавія народа и его представительства. — Всеобщая подача голосовъ есть національное самоотреченіе отъ своихъ правъ.—Почему демократическая система—самая неустойчивая изъ всѣхъ.—Толпа не заинтересована въ правленіи.—Гипотеза народнаго *содержавія* (liste civile).

Насмотрѣвшись на то, какимъ несчастнымъ опытамъ въ дѣлѣ правительствъ, династій, законодательства, представительства, выборовъ, подвергали насъ наши государственные мужи, такъ называемые *практики*, читатель, вѣроятно, поуменьшитъ свое презрѣніе къ новаторамъ, окрещеннымъ въ наши дни названіями *соціалистовъ, коммунистовъ, анархистовъ*, главная вина которыхъ состоитъ въ томъ, что они видѣли вещи лучше другихъ и осмѣлились обнаруживать ошибки *практиковъ*. Правда, что предложенныя этими новоторами реформы не удостоились одобренія со стороны общественнаго мнѣнія; можно, пожалуй, сознаться, безъ всякаго стыда, что реформы эти подъ-часъ не отличались характеромъ полной осуществимости. Что жъ изъ этого? Наука трудно строится, истина не легко дается въ политикѣ и политической экономіи, какъ и въ химіи, геологіи и естественной исторіи. Но

смѣютъ ли попрекать насъ нашими утопіями эмпирики, пустозвоны, шарлатаны съ ихъ 15 или 16 конституціями, изъ которыхъ ни одна не могла выдержать практическаго приложенія, подобно тому какъ не выдерживаетъ теоретическаго изслѣдованія; съ ихъ 15 или 16 электоральными теоріями, изъ которыхъ ни одна не могла удовлетворить самихъ ихъ авторовъ? Мы попали въ руки ужасныхъ живодеровъ, которые обращаются съ человѣчествомъ, какъ съ собаками и лошадьми, убиваемыми ради науки цѣлыми дюжинами въ нашихъ анатомическихъ залахъ. Въ рукахъ этихъ шарлатановъ политика сдѣлалась настоящей вивисекціей.

Конституція 1793 г. желала дать народу, въ дѣлѣ выборовъ и представительства, самыя широкія, самыя могучія гарантіи. Что же для этого сдѣлалъ законодатель 1793 г.? Онъ сказалъ себѣ:

Совершенно невозможно въ физическомъ, экономическомъ, интеллектуальномъ и моральномъ отношеніяхъ, чтобы собраніе людей, столь многочисленное, какъ французскій народъ, одновременно и само—съ одной стороны, отправляло законодательную, исполнительную и судебную власть, а съ другой вело промышленныя и земледѣльческія занятія; чтобы оно управляло, разсуждало, ходатайствовало въ судахъ, судило, исполняло, надзирало, контролировало, наказывало, сражалось, и въ тоже время, чтобы занималось производительными работами и мѣновыми операціями: и мы скажемъ, что это невозможно, хотя и желательно ради строгаго принципа и демократической тенденціи. Поэтому для народа является неизбѣжная необходимость во многихъ дѣлахъ, даже самыхъ важныхъ, дѣйствовать черезъ другихъ, выбирать себѣ довѣренныхъ. Короче сказать, народъ, по необходимости, долженъ быть представляемъ: представляемъ для изданія закона, представляемъ для его исполненія, представляемъ

для его истолкованія, представляемъ для его приложенія, представляемъ для его пересмотра; представляемъ въ правительствѣ, администраціи, судѣ; представляемъ въ надзорѣ; представляемъ въ раздачѣ должностей; представляемъ въ опредѣленіи расходовъ; представляемъ въ обсужденіи бюджета; представляемъ для объявленія войны; представляемъ для заключенія мира, коммерческихъ и союзныхъ договоровъ. Только въ трехъ вещахъ народъ дѣйствуетъ самъ собою, лично и безъ представителей: въ трудѣ, налогѣ и военной службѣ. Поэтому, заключилъ законодатель, мы дадимъ народу въ самыхъ широкихъ размѣрахъ электоральное самодержавіе. Онъ изберетъ своихъ представителей какъ въ исполнительную, такъ и въ законодательную власть; это еще самое меньшее. Его права будутъ ясно и твердо установлены. Послѣ *провозглашенія правъ* и торжественнаго, грознаго признанія *самодержавія народа*, въ конституціи будетъ глава о *первичныхъ собраніяхъ*, другая о *законодательномъ корпусѣ*, третья объ *исполнительной власти* и т. д. Такъ какъ мы должны столь же дорожить временемъ народа, сколько заботиться о его самодержавіи, то мы предоставимъ постояннымъ избирательнымъ собраніямъ, выбраннымъ первичными собраніями, назначеніе исполнительныхъ чиновниковъ, судей и т. д., это справедливое исключеніе освободитъ народъ отъ труднаго бремени прямаго самодержавія (благодаря такимъ исключеніямъ исполнительная власть подъ конецъ забрала въ свои руки назначеніе *всѣхъ* должностныхъ лицъ). Наконецъ для обезпеченія единства народнаго правительства и нераздѣльности его верховной власти, будетъ устроена іерархія или субординація между различными административными центрами:

Администрація муниципальная,

Администрація дистрикта;

Администрація округа.

Всѣ эти администраціи будутъ поставлены подъ высшій надзоръ законодательнаго корпуса, который опредѣлитъ предметы вѣдомства должностныхъ лицъ и правила ихъ подчиненія. А для обезпеченія этого подчиненія, а равно послушанія различныхъ центровъ приказаніямъ высшей власти, конституція III года, очень близкая къ конституціи II года, учредитъ *коммиссаровъ* по назначенію *исполнительной директоріи*, каковые коммиссары превратятся однимъ взмахомъ пера, по закону 28 плювіоза VIII года (17 февраля 1800 г.), въ *префектовъ*, которыхъ мы, французы, имѣемъ счастіе имѣть и до сихъ поръ.

Но, превосходнѣйшій законодатель, есть кое-что, о чемъ вы и не подумали и что опрокидываетъ всю вашу систему: это то, что, когда всѣ власти будутъ назначены, всѣ общественныя должности распредѣлены; когда народъ будетъ представляемъ на верху, въ срединѣ, въ основаніи; когда окружности должны будутъ повиноваться центру, то суверенъ сдѣлается нулемъ. Въ аутократіи государь можетъ удобно отдѣлять власти, раздѣлять функціи своего правительства и ввѣрять ихъ выбраннымъ отъ себя слугамъ; потому что онъ все-же остается для всѣхъ ихъ господиномъ и при малѣйшемъ неудовольствіи можетъ отозвать ихъ и уничтожить. Зависитъ это, замѣтьте, отъ того, что государь здѣсь—человѣкъ, котораго не стушевываетъ никакое представительство. Но въ демократіи, гдѣ суверенъ есть коллективность,—нѣчто метафизическое, существующее посредствомъ представительства, котораго представители подчинены одни другимъ, а всѣ вмѣстѣ зависятъ отъ высшаго представительства, называемаго *на-*

ціональнымъ собраніемъ или *законодательнымъ корпусомъ*, — народъ, разсматриваемый какъ суверенъ, есть фикція, миѳъ, и всѣ церемоніи, посредствомъ которыхъ вы заставляете его проявлять его избирательное самодержавіе, ничто иное, какъ церемоніи его отреченія.

Долго ли этотъ простодушный суверенъ, такой же чурбанъ, какъ птица, посланная Юпитеромъ царствовать надъ лягушками, будетъ служить подножкой для болтуновъ, которые его дурачатъ? Ему говорятъ: вотируйте всѣ и прямо, и онъ вотируетъ. Вотируйте въ двѣ, три, четыре степени,—и онъ вотируетъ. Вотируйте нѣкоторые, только *активные* граждане,—и онъ вотируетъ. Вотируйте, собственники съ 300 фр. прямыхъ налоговъ, и онъ вотируетъ. Вотируйте въ пользу правительства, и онъ вотируетъ; вотируйте за оппозицію, и онъ вотируетъ. Вотируйте общинами, вотируйте департаментами, вотируйте тайной баллотировкой,—и онъ вотируетъ. Вотируйте произвольными избирательными округами, не зная другъ друга, въ потемкахъ,—и онъ вотируетъ. Браво, молодцы; вы отлично знаете свое дѣло и вотируете чудесно. На право, на лѣво; назначайте вашихъ муниципальныхъ совѣтниковъ: правительство назначитъ меровъ, ихъ помощниковъ, полицейскихъ коммиссаровъ, мировыхъ судей, жандармовъ, префектовъ и подпрефектовъ, всѣхъ должностныхъ лицъ и сановниковъ республики. И они повинуются. Великолѣпно. Маршъ впередъ! Назначайте императора, и они кричатъ: *Да здравствуетъ императоръ!...* Вотъ такъ народецъ!

Несмотря на все это, конституціи 1793 г., II года и 1848 г. не могутъ считаться нелѣпѣе конституцій 1830, 1814 и 1799 гг.; онѣ, какъ я уже сказалъ и снова повторяю, противорѣчатъ самимъ себѣ; но онѣ заключаютъ въ себѣ всѣ элементы другихъ и не представляются, въ

сущности, болѣе нераціональными, чѣмъ остальныя. Поэтому ихъ уже слишкомъ оклеветали. Тѣ, которые ни во что не ставятъ напр. конституцію III года, осмѣлятся ли утверждать, что конституція VIII года, порожденіе 18 брюмера, была либеральнѣе, логичнѣе и вѣрнѣе праву и принципамъ? *Кто хочетъ убить свою собаку, обвиняетъ ее въ бѣшенствѣ*, пословица эта особенно справедлива относительно различныхъ нашихъ республиканскихъ попытокъ. Дону, Сійесы и множество другихъ съ презрѣніемъ отзывались, что конституція 1793 г. непрактична: но они забыли вывести причины этого явленія. А конституція Сійеса развѣ практичнѣе?—Бонапартъ крошитъ всѣ конституціи, беретъ направо и налѣво, изъ Робеспьерра, Сійеса, Мирабо и т. д., нисколько не заботясь о логикѣ и общественномъ мнѣніи, и выкраиваетъ свою конституцію VIII года, которая потомъ превращается въ конституцію X года, конституцію XII года и живетъ 14 лѣтъ. Почему бы и конституціи 93 г. не имѣть подобнаго успѣха?

Правда: республика у насъ недолговѣчна; и я укажу на причину этого явленія, чтобы разъ навсегда заткнуть ротъ какъ сторонникамъ абсолютной власти, такъ и сторонникамъ модератизма. Сгубили республику въ 1799 и 1851 гг. не пороки ея конституціи: эти пороки по существу своему не помѣшали бы ей просуществовать хотя бы одинъ человѣческій вѣкъ: гибель ея произошла просто потому, что низшіе классы, ради которыхъ въ особенности была провозглашена республика и верховная власть которыхъ была освящена конституціей, очутились, по небрежности или измѣнѣ законодателя, въ такомъ положеніи, что не имѣли никакого положительнаго интереса въ сохраненіи новаго порядка вещей.

Честная буржуазія, питающая такой ужасъ къ демократическому порядку, вопервыхъ потому, что онъ кажется ей организованнымъ противу нея; далѣе, потому, что онъ будто бы страдаетъ еще другимъ не менѣе важнымъ недостаткомъ, именно не представляетъ, по ея мнѣнію, никакой гарантіи устойчивости, эта буржуазія повидимому никогда не обращала вниманія на ту простую вещь, что въ концѣ концовъ человѣчество не можетъ долго оставаться добродѣтельнымъ наперекоръ своимъ собственнымъ интересамъ. Хотите, чтобы граждане были всегда усердны и вѣрны? Сдѣлайте такъ, чтобы имъ отъ этого предстояло болѣе пользы, чѣмъ вреда. Но объ этомъ никогда не заботились наши основатели демократіи. Въ то время какъ при монархической конституціи король, его домъ и аристократія, (когда она есть, а рѣдко бываетъ, чтобы ея не было, потому что она постоянно видоизмѣняется,) всѣ имѣютъ извѣстныя матеріальныя выгоды, вполнѣ гарантированныя, выгоды, которыя у нихъ народъ не оспариваетъ; при демократической конституціи, при которой высшіе классы всегда съумѣютъ соблюсти свои интересы, только одинъ народъ ничего не имѣетъ; законодатель ему ничего не назначаетъ, ничего не оставляетъ, ничего не гарантируетъ; народъ остается совсѣмъ не заинтересованнымъ, какъ будто дѣло до него нисколько не касается. Такъ что самодержавный народъ, посредствомъ періодической всеобщей подачи голосовъ каждые 3 года или каждые 5 лѣтъ возобновляющій отреченіе отъ своихъ правъ, какъ-бы въ придачу къ этому, наказывается еще лишеніемъ какихъ бы то ни было преимуществъ. Онъ настоящій царь безъ владѣній, Іоаннъ Безземельный или Готье Неимущій: изъ всего царскаго великолѣпія и величія со-

храняющій лишь титулъ, пустой звукъ: самодержавіе. Это нелѣпо, обидно, смѣшно, но это такъ.

При монархическомъ устройствѣ государь и его семейство имѣютъ свое содержаніе (liste civile), свои удѣлы, замки, домены, кромѣ того отъ времени до времени кой-какіе барыши; сенаторы, великіе сановники имѣютъ свои оклады и пенсіи; буржуазія—привиллегію на мѣста всякаго рода: она не брезгаетъ никакимъ жалованьемъ, потому что отъ маленькаго можно перейти къ большому. Что же демократическія конституціи сдѣлали для народа? Обезпечили ли для него какую нибудь милостыню, какую нибудь крупицу со стола общественнаго богатства? Въ 1848 г. рабочіе просили права на трудъ: отказано. Они смотрятъ теперь какъ на благодѣяніе на разрѣшеніе имъ дѣлать складчины для ухода за своими больными и для призрѣнія своихъ стариковъ. Одинъ декретъ люксембургской коммиссіи сдѣлалъ изъ Тюильри Отель *инвалидовъ народа:* не прошло двухъ недѣль послѣ торжества революціи, какъ приказъ Коссидьера уже выгоняетъ вонъ поселившихся въ отелѣ. Ради республики народъ терпѣлъ нищету три мѣсяца; но послѣ іюньскихъ дней терпѣніе его лопнуло и онъ сталъ кричать: *Да здравствуетъ Наполеонъ!* Что ему было пользы отъ такой демократіи?

Скажутъ, что республика была бѣдна, обременена долгами, казна опустѣла, капиталы скрылись, биржа и собственность были парализованы. Притомъ же, спросятъ, какъ помочь такой нищетѣ, какъ насытить такіе неутолимые аппетиты? Что такое династія, аристократія, составляющая одну тысячную часть націи, въ сравненіи съ милліонами голодныхъ людей? Не будемъ же ставить въ преступленіе демократіи безсиліе, присущее самому человѣчеству. Самодержавный народъ заботится о томъ, чтобы

государь, его избранникъ, и его представители жили въ роскоши: онъ этимъ тщеславится и утѣшается въ своей бѣдности. Онъ не требуетъ для себя возможности жить Крезомъ или сибаритомъ, онъ знаетъ, что это невозможно и даже безнравственно.

Я разсмотрѣлъ бюджетъ 1863 года и отдѣлилъ всѣ издержки, производимыя въ различныхъ министерствахъ подъ названіемъ вспоможеній, подписокъ, поощреній, наградъ, секретныхъ расходовъ, пособій, вознагражденій, миссій, разъѣздныхъ, solde de nonactivité, ремонтировки и постройки церквей, дворцовъ, и т. д.; къ этому я прибавилъ содержаніе династіи (liste civile), оклады, пенсіи, въ томъ числѣ и гражданскія, составляемыя посредствомъ вычета изъ жалованья чиновниковъ; кромѣ того урѣзки, которыя можно сдѣлать изъ содержаній, превышающихъ maximum, дозволяемый демократической щедростью; наконецъ всѣ суммы, расходуемыя съ цѣлью благотворительной, роскошной, почетной, праздничной, либеральной, полицейской, произвольной; и я нашелъ, что итогъ этихъ суммъ составитъ до 250.000.000.

Народное производство по вычисленіямъ современныхъ экономистовъ, сторонниковъ имперіи, простирается до $12\frac{1}{2}$ милліардовъ франковъ, слѣдовательно 250.000.000 составляютъ ровно 2% этого производства.

Я не стану, разумѣется, утверждать, чтобы въ указанной мною категоріи издержекъ все было излишне; даже въ томъ отдѣлѣ, который считается постыднымъ, именно въ отдѣлѣ *секретныхъ расходовъ*, могутъ быть, надо сознаться, законныя назначенія. Поэтому я хочу говорить не объ уничтоженіи этихъ расходовъ, а о замѣнѣ ихъ другими. Мы говоримъ о демократіи, объ условіяхъ ея правительства, о необходимости заинтересовать

въ немъ простой народъ, такъ точно, какъ высшіе классы, король и его домъ, сенаторы и министры и всѣ агенты королевской власти, заинтересованы въ монархическомъ правительствѣ. Но такъ какъ самодержавный народъ самою природою вещей осужденъ не иначе проявлять свою власть какъ посредствомъ избранныхъ имъ повѣренныхъ, царствовать и не управлять, точь въ точь какъ конституціонный король въ смыслѣ конституцій 1814 и 1830 гг., то спрашивается — не заключается ли истиннаго средства заинтересовать этотъ народъ тою системою, которая сдѣлаетъ его дѣйствительно сувереномъ, именно тѣмъ, чтобы присвоить ему всѣ издержки, которыя, при монархіи и имперіи, значатся въ бюджетѣ подъ тѣми различными наименованіями, которыя я перечислилъ.

Разумѣется, я разсуждаю такъ исключительно въ виду гипотезы, что нація пожелаетъ вернуться къ системѣ 1793 и 1848 гг., системѣ, которую я не раздѣляю и которую иначе, какъ подъ этимъ условіемъ, не понимаю.

Итакъ, я утверждаю, что упомянутые мною 250.000.000 по природѣ своей монархическаго или государственнаго свойства, потому что они цѣликомъ тратятся на личность монарха, его династію, его дворъ, его высшихъ сановниковъ, его креатуръ, на солдатъ, которыхъ онъ старается пріохотить къ служенію своему дѣлу, на толпу осаждающихъ его всякаго рода просителей, на роскошь его короны, на агентовъ, заботящихся о безопасности его личности и т. д., поэтому такіе расходы, въ случаѣ еслибы демократія наслѣдовала имперіи, могутъ быть вполнѣ перенесены на народъ, разумѣется, съ измѣненіями, требуемыми новою системою.

Напр. ясно, что такъ какъ военная служба, въ случаѣ если армія будетъ оставлена, обязательна для всѣхъ, то

38 или 40 милліоновъ пенсій по военному вѣдомству, за исключеніемъ пенсій за тяжкія раны, сдѣлаются излишними, и поэтому могутъ быть отнесены на какую нибудь другую статью бюджета. Очевидно также, что такъ какъ въ демократіи срокъ дѣйствительной службы для лицъ всякихъ профессій оканчивается съ самой жизнью, за исключеніемъ доказанныхъ случаевъ болѣзни, безсилія или дряхлости, поэтому вычеты изъ жалованья служащихъ, употреблявшіеся до сихъ поръ на пенсіи, могутъ тоже составить значительную экономію, которую можно употребить въ интересѣ самодержавнаго народа. Соображенія эти, представляющія очень интересный матеріялъ для критики, я оставляю однако въ сторонѣ, такъ какъ они не относятся собственно къ моему предмету.

И такъ, взявъ 250 милліоновъ, извлеченныхъ изъ нынѣшняго бюджета, или 2% всего производства страны, я нахожу, что нѣтъ ничего легче, какъ съ этой суммой составить нѣчто въ родѣ *содержанія* (liste civile) народа, содержанія, которымъ пользовались бы болѣе 500.000 избирателей. Вотъ какъ я полагалъ бы сдѣлать распредѣленіе этого содержанія.

Во 1-хъ: Условія необходимыя для допущенія къ пользованію *содержаніемъ народа*:

Родиться французомъ; имѣть не менѣе 36 лѣтъ; быть супругомъ и отцомъ семейства; имѣть свидѣтельство въ хорошей жизни и доброй нравственности; получить достаточное образованіе, смотря по профессіи; заниматься 15 лѣтъ дѣйствительною работой въ различныхъ категоріяхъ труда, земледѣліи, промышленности, мореплаваніи, общественныхъ должностяхъ и т. д., или же, за неимѣніемъ этого, произвести какое либо образцовое произведеніе, сдѣлать открытіе, прославиться какимъ либо доб-

рымъ дѣломъ; быть внесеннымъ въ списки національной гвардіи и отправлять въ ней службу; обладать доходомъ не свыше 1250 фр., составляющихъ приблизительно цифру средняго дохода во Франціи на семейство въ четыре лица.

Имѣющіе право (titulaires) выбираются всеобщей подачей голосовъ во всѣхъ департаментахъ и пропорціонально населенію. Они вносятся по мѣрѣ открытія вакансій въ заранѣе составленные списки *получающихъ* (honoraires), выбираемыхъ также всеобщей подачей голосовъ въ числѣ одинаковомъ числу имѣющихъ право.

Во 2-хъ: *Цифры распредѣленія.*—Смотря по старшинству и заслугамъ слѣдуетъ установить три класса лицъ, получающихъ содержаніе: 1-ый классъ составляютъ всѣ вписанные въ окладъ 400 фр., 2-й—вписанные въ окладъ 500 фр. и 3-ій—вписанные въ окладъ 600 фр.

250.000	получ. оклады	по 400 фр.	— 100 милліоновъ.
150.000	. . .	по 500 »	— 75 »
100.000	. . .	по 600 »	— 60 »
12.000	составляющихъ главный штабъ и получающихъ окладъ . . .	отъ 800 до 1000 фр.	12 »
»	Расходы по управленію		3 »
			250 милліоновъ.

512.000 имѣющихъ право
512.000 получающихъ

1.024.000

Такъ какъ окладъ члена, участвующаго въ liste civile народа, опредѣляется не съ цѣлью роскоши или праздности,

но единственно съ цѣлью поощренія къ труду, для наименѣе богатыхъ классовъ, то чрезвычайно важно, чтобы такіе оклады, доставляя работнику значительное улучшеніе въ средствахъ къ жизни, оставались все-таки въ предѣлахъ строгой умѣренности. Важно также, чтобы имѣющій право не считалъ себя сразу достигшимъ крайняго предѣла своей цѣли, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ, спасшись отъ бѣдности, впадетъ въ апатію.

И вотъ 250 милліонами монархическаго бюджета мы дадимъ средства демократіи, ободримъ ее, возвысимъ ея достоинство и въ тоже время образуемъ на защиту республики армію слишкомъ въ милліонъ человѣкъ. Неужели вы думаете, что съ такимъ оплотомъ конституція III года могла бы бояться роялистовъ и *шуановъ*, военныхъ, *адвокатовъ*, *сгнившихъ* (pourris) и всѣхъ тѣхъ, кто принималъ участіе въ брюмерскомъ переворотѣ? Неужели вы думаете, что при такихъ условіяхъ въ 1851 г. національное представительство было бы попрано, а конституція уничтожена?...

Но, возразятъ мнѣ, ваше *содержаніе* народа ничто иное, какъ эксплоатація имущихъ классовъ неимущими. Вы создаете плебейскій интересъ: гдѣ же буржуазный? Неужели вы полагаете, что буржуазія будетъ сносить безъ ропота это огромное содержаніе въ 250 милліоновъ? Ваши получатели и ихъ семейства составляютъ не болѣе $^1/_{10}$ націи: въ случаѣ возстанія одержатъ ли они верхъ надъ остальными $^9/_{10}$, отнынѣ не заинтересованными? Вспомните объ іюнѣ 1848 г.!...

Мой отвѣтъ готовъ и смѣю надѣяться, что читатель найдетъ его неотразимымъ.

Устойчивость государства и правительства есть благо, которое буржуазія цѣнитъ болѣе, чѣмъ народъ, есть ве-

личайшее изъ всѣхъ благъ. Это благо не можетъ быть получено даромъ, что до настоящаго времени доказывалъ намъ опытъ—именно наши 15 конституцій. Въ настоящую же минуту эта, столь непрочная, устойчивость развѣ не стоитъ намъ 250 милліоновъ, говоря уже только объ одной категоріи расходовъ, которую я назову расходами на *королей?* Что же я дѣлаю, какъ не даю лишь иное употребленіе этимъ милліонамъ? Свобода, безопасность, устойчивость, собственность, гарантированныя цѣною 250 милліоновъ, 2% національнаго производства, въ пользу работниковъ самыхъ бѣдныхъ, самыхъ честныхъ, самыхъ умныхъ, изъ которыхъ каждый, въ день назначенія ему оклада, считаетъ за собою по крайней мѣрѣ 15 лѣтъ дѣйствительнаго труда: кто осмѣлится найти, что это дорого?

Кромѣ того буржуазія сохраняетъ за собою пользованіе своими имуществами и доходами, мѣстами, преимуществами, званіями и почестями. Она первая извлечетъ выгоду изъ экономій, которыя ей, умѣющей управлять и считать, всего легче произвести въ бюджетѣ. Въ этомъ отношеніи она можетъ быть увѣрена, что не встрѣтитъ никакого династическаго сопротивленія. Съ демократіей, заинтересованной въ поддержкѣ республики и правительства, доставляющей на ихъ защиту милліонъ вооруженныхъ людей, нѣтъ нужды въ полиціи; бунтовъ не будетъ. Хотите обезопасить себя отъ народнаго возстанія? Возьмите въ охранители спокойствія самый народъ. Кромѣ того мы получимъ уменьшеніе жандармеріи, неограниченную свободу сходокъ, ассоціацій. Извѣстно ли, чего стоятъ стѣсненія всего этого?... — Рабочая демократія будетъ всегда менѣе воинственна и менѣе падка на приключенія, чѣмъ аутократія. Можно будетъ сразу уменьшить на 250 милліоновъ

военный и морской бюджетъ, убавивъ только на половину постоянную армію; а если мы вовсе ее уничтожимъ, то— на 500 милліоновъ. Демократія, управляемая экономной, недовѣрчивой буржуазіей, не боящейся болѣе ни революцій снизу, ни борьбы съ иниціативой короны, найдетъ скоро средства погасить свой долгъ, не прибѣгая къ банкротству: еще 500 милліоновъ долой изъ бюджета. Съ меня довольно и этихъ замѣчаній. На что же, послѣ этого, жаловаться буржуазіи, ставшей республиканскою? Хотите ли серьезно вступить на путь реформъ, на путь дешевизны? Для этого надо съумѣть предложить цѣну. Сначала это можетъ показаться противорѣчіемъ, но послѣ того, что я сказалъ, буржуазія пойметъ меня.

Почему, спросятъ меня, не предложили вы своего прекраснаго проекта въ 1848 г.?—Хорошо! если вамъ надо это знать, то потому, что мы, мои друзья и я,—настоящіе республиканцы, республиканцы строгіе и съ искренними убѣжденіями; потому что мы носимъ въ себѣ соціальное состояніе, въ которомъ устойчивость правительства не будетъ стоить ничего или почти ничего, точно такъ же, какъ циркуляція, кредитъ, мѣна и страхованіе; въ которомъ трудящійся людъ будетъ заинтересованъ въ общественномъ дѣлѣ единственно своимъ трудомъ; потому, что мы не хотимъ никакого «содержанія» (liste civile), даже содержанія народа; потому что, повинуясь конституціи 1848 г., мы не принимали ея унитарной и нераздѣльной формы; наконецъ потому, что мы, исключительно занятые утвержденіемъ и защитою принципа взаимности (mutualité), который ничто иное, какъ принципъ федераціи, противъ заблужденій коммунизма и правительственности (gouvernementalisme), и оклеветанные въ нашихъ намѣреніяхъ, нашихъ идеяхъ, нашей политикѣ, должны

были особенно остерегаться поднимать подобными предложеніями, вмѣстѣ съ народной алчностью, ярость буржуазіи и негодованіе честныхъ людей.

Въ своемъ изслѣдованіи конституцій я хотѣлъ доказать цифрами, что конституція 93 года—я нарочно выбралъ наиболѣе извѣстную съ дурной стороны—столь же примѣнима на практикѣ, какъ и всякая другая: для этого достаточно бы было съумѣть заинтересовать въ ней трудящійся и бѣдный людъ, присвоивъ ему содержаніе и всѣ расходы, употребляемые на монархію.—Но вѣроятно ли, чтобъ рабочіе приняли этотъ подарокъ въ 1848 или въ 1793 г. Они выказали бы скорѣе свое великодушіе. Народъ любитъ, чтобы его представители представляли его доблестно; его регаліи заключаются почти въ однѣхъ идеяхъ. Онъ любитъ царскія щедроты; но добровольно онъ, можетъ быть, не приметъ отъ республики ни удѣла, ни вспоможенія, ни подарка, ни прибавокъ къ заработку. У него тоже есть своя щекотливость, своя гордость. Что бы ни случилось, времена 1793 и 1848 годовъ прошли, они не вернутся и поэтому-то я могу позволить себѣ всю эту критику. Но, слѣпые и неисправимые консерваторы! помните все-таки библейскій стихъ: *Не искушай Господа Бога твоего.*

ГЛАВА X.

Критика конституціонной хартіи, 1814—1830.

Смирнская матрона, парламентская нравоучительная басня.—Сомнительная золотая-середина, педантская доктрина, лицемѣрная умѣренность, скрытная порча, интригантская строгость, іезуитскіе нравы, нечистая политика, полнѣйшее безсиліе.

Такъ какъ, благодаря монополіи печати, адвокатскому честолюбію, эластичности совѣсти нашихъ такъ называемыхъ демократовъ, поблажкамъ императорскаго правительства, благодаря наконецъ нашему галльскому ротозѣйству, мы снова готовы вернуться къ пресловутымъ іюльскимъ учрежденіямъ, то, пока еще не ушло время, поспѣшимъ выказать всѣ ихъ дурныя стороны. Потому что позже наше очень неуважительное о нихъ мнѣніе будетъ непремѣнно вмѣнено намъ въ преступленіе.

Изъ всѣхъ партизановъ іюльской системы самый искренній, а въ настоящее время самый знаменитый есть безъ сомнѣнія г. Тьеръ. Признаться, я немножко подозрѣваю, что онъ такъ сильно стоитъ за эту систему потому, что онъ авторъ пресловутой формулы: *Король царствуетъ, но не управляетъ.* Но небольшое тщеславіе не портитъ все-таки политическихъ убѣжденій, а убѣжде-

нія г. Тьера цѣлостны, что возбуждаетъ, по нашему мнѣнію, полное къ нимъ уваженіе. Г. Тьеръ человѣкъ, наиболѣе сдѣлавшій для іюльской монархіи, наилучше ее знавшій и проводившій въ дѣйствительности и въ настоящее время наилучше ее защищающій. Хорошо же! Проникалъ ли вполнѣ ясно самъ г. Тьеръ въ таинства этого правительства, до такой степени излюбленнаго его сердцемъ и принаровленнаго къ его генію? Чувствовалъ ли онъ его существенную безнравственность? Неужели онъ не замѣтилъ, что это правительство ничто иное какъ утопія, въ тысячу разъ извращеннѣе, а слѣдовательно и опаснѣе утопій 1793 и 1804 годовъ? Прошу извиненія у неистощимаго историка *Консульства и Имперіи* за то, что я такимъ образомъ возбуждаю сомнѣніе въ солидности его сужденія. Въ своей исторіи Наполеона г. Тьеръ говоритъ, что къ *Добавочному акту* были несправедливы; что эта 4-я императорская конституція безъ сомнѣнія гораздо выше хартіи 1814 года; что императорское произведеніе, въ его цѣломъ, гораздо либеральнѣе творенія Людовика XVIII. И г. Тьеръ даже не замѣтилъ 18 ст., создающей министровъ безъ портфеля, обязанныхъ защищать передъ палатами дѣйствія правительства; онъ не замѣтилъ этого опаснаго изобрѣтенія, придуманнаго для уничтоженія, въ пользу императорской прерогативы, всѣхъ послѣдствій парламентаризма, изобрѣтенія, которое вмѣстѣ съ электоральной системой, заимствованной изъ конституціи VIII года, составляетъ всю оригинальность *Дополнительнаго акта*, и которое г. Тьеръ опровергаетъ изо всѣхъ силъ въ конституціи 1852 года, какъ идею, самую антипатическую для своихъ чувствъ и для своихъ самыхъ дорогихъ убѣжденій. Поэтому я имѣю право предположить, что г. Тьеръ, при вѣтренности и прыткости

своего ума, въ чемъ его такъ упрекали, не изслѣдовалъ строго критически хартію 1830 года и въ этомъ отношеніи остался далеко позади общественнаго мнѣнія, которое, задолго до 1848 года, руководствуясь не философіей, а единственно здравымъ смысломъ, осудило эту систему. Кто же въ концѣ концовъ правъ: общественное мнѣніе, составившееся еще до 1848 года, или г. Тьеръ, употребляющій нынѣ всѣ свои усилія для разубѣжденія этого мнѣнія.

Сначала я думалъ было сдѣлать формальное изслѣдованіе этой «качалки» (bascule), въ которую мы, повидимому, окончательно влюбились съ тѣхъ поръ, какъ уже не пользуемся ею, и которая составляетъ почти весь запасъ нашей молодой оппозиціи. Но я убѣдился, что изложеніе подробностей, какой бы талантъ я ни употребилъ на это, покажется въ высшей степени скучнымъ; что такой сюжетъ ниже всякаго сколько нибудь значительнаго философскаго разсужденія; что политическая система, придуманная нарочно для торжества болтливой посредственности, интригантскаго педантизма, продажной журналистики, пускающей въ ходъ вымогательство и рекламу, система, въ которой сдѣлки съ совѣстью, пошлость честолюбія, бѣдность идей, общія ораторскія мѣста и академическое краснобайство—вѣрныя средства успѣха; въ которой постоянно на первомъ планѣ противорѣчіе и непослѣдовательность, отсутствіе откровенности и смѣлости; что подобная система, говорю я, не нуждается въ опроверженіи, ее достаточно описать. Анализировать ее значило бы возвеличить ее и, несмотря на старанія критика, дать о ней ложное понятіе. Притомъ такая конституція входитъ и въ другія; такъ какъ мы знаемъ, что всѣ онѣ вмѣстѣ составляютъ одинъ циклъ, то она въ нихъ составляетъ одинъ

изъ тѣхъ среднихъ членовъ, которыми восхищается буржуазная премудрость и которые достаточно поочередно сравнить съ крайними членами, чтобы вполнѣ выставить ихъ лицемѣріе и ничтожность. А такъ какъ это мы уже не разъ дѣлали, такъ какъ такой случай намъ еще представится и такъ какъ намъ знакома эта маска, то теперь удовольствуемся лишь фотографическимъ ея снимкомъ.

Нѣкогда жила въ Смирнѣ, на берегу Малой Азіи, вдова, молодая и красивая, хотя у ней осталось послѣ мужа нѣсколько дѣтей; она была богата какъ приданымъ, даннымъ ей ея мужемъ, такъ и опекою надъ своими тремя сыновьями; ради ея красоты и богатства за нею ухаживало много искателей. Родные ея и ея мужа не совѣтовали ей выходить за мужъ.—«Что вамъ за польза, говорили они ей, вступать во второй бракъ? Пятилѣтній супружескій опытъ разсѣялъ ваши юношескія мечты. Покойный вашъ мужъ былъ славный человѣкъ: ради этого ваша честь требуетъ, чтобы вы не замѣщали его другимъ; храните свято память о немъ. Онъ, по брачному контракту и по завѣщанію, оставилъ вамъ все свое огромное имущество частію на правѣ полной собственности, частію въ распоряженіе до совершеннолѣтія вашихъ дѣтей. Такое имущество, изъ котораго четверти вполнѣ достаточно для удовлетворенія вашихъ потребностей, обезпечиваетъ вамъ, вмѣстѣ съ независимостью, богатство и, что еще важнѣе, послушаніе и уваженіе вашихъ дѣтей. Хорошо ли будетъ ваше положеніе, если вы вновь выйдете замужъ? Не мѣняйте будущности полной чести, достоинства и спокойствія, на союзъ, гадательныя выгоды котораго не уравновѣсятъ для васъ явныхъ неудобствъ. Твердая женщина съумѣетъ отыскать свое счастіе въ законѣ, который налагаютъ на нее ея обязанности, въ заботѣ о своей репутаціи и въ про-

видѣніи. Бѣгите удовольствій для васъ болѣе несвойственныхъ. Вашъ покойникъ, воздѣлывая самъ свои земли, улучшилъ ихъ качества и умножилъ свой доходъ. Но зато сколько это ему стоило труда и безпокойства! Онъ умеръ за работою... Будьте благоразумнѣе: подѣлите ваши помѣстья на нѣсколько участковъ и отдѣльно отдайте ихъ въ аренду; предоставьте больше выгодъ фермерамъ, чтобы можно было расчитывать на ихъ аккуратность; берегитесь брать какого нибудь управляющаго вашими дѣлами, равно какъ выходить замужъ, и, какъ достойная мать и святая вдова, занимайтесь единственно воспитаніемъ своихъ дѣтей. Неужели вы рѣшитесь вторымъ бракомъ отнять у нихъ большую часть вашей любви, лучшее мѣсто въ вашемъ сердцѣ? Берегитесь этого, потому что тогда вы лишитесь ихъ уваженія. Не можетъ быть дружбы между дѣтьми отъ перваго брака и новымъ супругомъ. Давая имъ вотчима, вы станете для нихъ мачихою. Для васъ пробилъ часъ мудрости; не тужите объ этомъ. Останьтесь госпожой самой себѣ и со свободнымъ сердцемъ, безукоризненной совѣстью и чистымъ тѣломъ, ищите своего блаженства въ благородной роли воспитательницы и матери-дѣвственницы. Вамъ не найти другаго счастья выше этого.»— Она понимала вѣрность этихъ доводовъ; но находила не мало и отговорокъ.—«Женщина, говорила она, всегда нуждается въ совѣтѣ и опорѣ, этого даже требуетъ самая забота о ея репутаціи. Если она и выйдетъ снова замужъ, то разумѣется въ интересѣ своихъ дѣтей. Экономія, которую она сдѣлаетъ въ продолженіе своего опекунства, будетъ отдана имъ: между тѣмъ ежегодное сбереженіе очевидно будетъ значительнѣе, когда домашніе расходы будутъ отчасти покрываться вторымъ супругомъ, который разумѣется не женится на ней съ пустыми ру-

ками.—Что же касается до покойника, то она не находила лучшаго способа почтить его память иначе, какъ выбравъ ему преемника. А пріобрѣтя мужа, она расчитывала съ помощью умнаго и преданнаго человѣка повести земледѣльческія занятія съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ велъ ихъ ея первый мужъ. Тогда увидятъ, на что она можетъ быть способна.»—Дѣло въ томъ, что подобно всѣмъ молодымъ женщинамъ, вкусившимъ брака, она, не смотря на неоднократные роды, была влюблена, какъ никогда.

Между своими обожателями она примѣтила двухъ очень красивыхъ мужчинъ, различныхъ состояній, но стоившихъ одинъ другаго. Одинъ былъ благороднаго происхожденія: его высокій и изящный станъ, бѣлокурые волосы, взгляды полные нѣжности, аристократическая рука, изящество манеръ, изысканный разговоръ, въ особенности же его титулъ, льстили самолюбію молодой вдовы. Другой, плебейской породы, былъ не такъ блистателенъ; но зато его страстная энергія, крѣпость мускуловъ, звукъ голоса, черная, многообѣщающая борода дѣйствовали съ неотразимымъ соблазномъ. Въ его присутствіи она не могла удержаться отъ сладостнаго трепета. Правда люди равнодушные не столь лестно смотрѣли на эти двѣ личности. Про перваго, чужеземца, говорили, что большую часть своего состоянія онъ промоталъ на безумныя шалости своей юности, потомъ странствовалъ по свѣту и искалъ приключеній, а теперь, чувствуя приближеніе пожилаго возраста, хочетъ закончить свою карьеру хорошимъ буржуазнымъ бракомъ. Второму еще предстояло составить карьеру и онъ шелъ къ своей цѣли съ неразборчивостью спекулятора, у котораго нѣтъ ни стыда, ни совѣсти. Побуждаемая обоими соперниками объяснить свои намѣренія, молодая женщина не знала, на что рѣшиться. Ей бы хо-

тѣлось, говорила она смѣясь, взять ихъ обоихъ!... Однакоже надо было рѣшиться: втайнѣ она болѣе склонялась на сторону брюнета, но побѣдилъ блондинъ. Вы, пожалуй, спросите, что побудило ее измѣнить своимъ чувствамъ и рискнуть счастіемъ своей жизни, а можетъ быть и своей честью? Это тайна женскаго сердца, въ которомъ тщеславіе сильнѣе самой любви. Она нашла, что блондинъ будетъ болѣе сговорчивымъ мужемъ; что у него будетъ гораздо болѣе представительности въ свѣтѣ, на балу, на прогулкахъ; потомъ ей хотѣлось доказать сплетникамъ, что ею вовсе не руководитъ страсть. Она не могла такъ хорошо сдержать себя, чтобы кое-что изъ ея слишкомъ сильной привязанности осталось незамѣченнымъ; поэтому она великодушно жертвовала ею. Кто умѣлъ читать въ глубинѣ ея души, быть можетъ, сдѣлалъ бы слѣдующее странное открытіе: она вполнѣ понимала, говорила она самой себѣ, что въ виду интереса ея дѣтей, дѣловой человѣкъ былъ бы лучшимъ управителемъ, чѣмъ дворянинъ; и надѣялась, не смѣя себѣ въ этомъ признаться, что этотъ избранникъ ея сердца, въ силу любви, которую она дала ему замѣтить, останется ей вѣренъ. Исполнивъ жертву, требуемую ея достоинствомъ, она въ преданности честнаго человѣка найдетъ награду своей добродѣтели. Женщина, обуреваемая любовью, есть бездна лукавства. Короче, такъ ей было угодно, и ничто не могло измѣнить ея намѣренія.

Съ выходомъ ея замужъ, страшная ненависть возгорѣлась въ сердцѣ отставленнаго ухаживателя. Онъ кричалъ объ измѣнѣ и клялся отмстить за себя. — «Я буду владѣть ею, говорилъ онъ, добровольно или силой, клянусь бородой ея мужа.»—Противъ послѣдняго тотчасъ же организуется цѣлая система глухаго преслѣдованія и разныхъ

непріятностей. Противъ него вчинаются процессы, на него возстановляютъ его поселянъ; портятъ его прислугу, подкупаютъ его повѣренныхъ; его лѣса вырубаютъ, скотъ увѣчатъ; его лишаютъ въ странѣ всякаго значенія, губятъ его въ общественномъ мнѣніи. Если происходятъ какіе-нибудь выборы, на его долю не выпадаетъ ни одного голоса. У его супруги, расчитывавшей на жизнь полную почестей всякаго рода, сердце пробито этими оскорбленіями, какъ стрѣлами. Она знаетъ причину всего этого, но никому не можетъ повѣрить своей печали, даже мужу, который съ своей стороны, взявъ отъ жены полную довѣренность и сдѣлавшись распорядителемъ, бросается въ разныя предпріятія, дѣлаетъ покупки, расширяетъ кругъ своихъ операцій, а въ неудачахъ ищетъ утѣшенія, какъ прежде, въ пьянствѣ и развратѣ. Снова появляются на сцену родственники, совѣтуютъ если не разъѣхаться съ мужемъ, то по крайней мѣрѣ отнять у него распоряженіе имѣніемъ, потому что это единственный способъ, замѣчаютъ они несчастной, не сдѣлаться впослѣдствіи въ тягость своимъ дѣтямъ.—Но она говоритъ: «Я не могу жаловаться на своего мужа, который постоянно ко мнѣ внимателенъ; что же касается до того человѣка, который сталъ нашимъ врагомъ, то я знаю, откуда происходитъ его гнѣвъ и не могу ничего для него сдѣлать.» Съ одной стороны она подмазывалась къ своему мужу, съ другой услаждалась, какъ знаками любви, отравленными стрѣлами того, чью страсть она отвергла. Никогда она не любила его такъ сильно.

«Я согрѣшила противъ любви, рѣшила она наконецъ; надо призвать на помощь любовь.»—Она послала довѣренное лицо съ богатыми подарками спросить оракулъ Венеры въ городъ Геллеспонтъ, въ которомъ была жрицею знаме-

нитая Геро, любовница Леандра.—«Вопрошающая, отвѣтилъ оракулъ, можетъ выйти изъ затрудненія только однимъ способомъ: сохраняя мужа, вернуться къ своему возлюбленному.»—Судите о ея изумленіи! Она была честной женщиной; она слишкомъ уважала мужа, дѣтей и достоинство матери семейства; а между тѣмъ отвѣтъ оракула проникъ ей въ глубину души. Женское лицемѣріе отличается отъ мужскаго тѣмъ, что мужчина, когда остается одинъ, снимаетъ съ себя маску, между тѣмъ женщина сохраняетъ свою. Она лжетъ самой себѣ —«Оракулы загадочны, сказала она самой себѣ; я знаю, что мнѣ слѣдуетъ сдѣлать.» Она зоветъ къ себѣ неумолимаго преслѣдователя, обращается къ нему съ нѣжными упреками, спрашиваетъ у него, чѣмъ провинились относительно его ея мужъ и дѣти, признавая такимъ образомъ одну себя виновною; проситъ для нихъ, но не для себя, его снисхожденія, давая понять, что считаетъ себя недостойной прощенія; наконецъ вырываетъ у него обѣщаніе примириться. Для нея былъ истиннымъ торжествомъ тотъ день, когда она вновь свела этихъ двухъ людей, бывшихъ нѣкогда друзьями. Итакъ своимъ благоразуміемъ она сдѣлала болѣе, чѣмъ всѣ совѣты. Да здравствуютъ любовь и добродѣтель! Что невозможно для женщины, въ которой умъ равняется красотѣ? Она заставитъ побрататься соперниковъ, обняться льва и дракона.

Весь городъ заговорилъ объ этомъ примиреніи, которое такъ деликатно было выпрошено и такъ прилично заключено. Разные писаки, литературщики и синіе чулки, приглашенные на пиръ, расхвалили въ стихахъ и прозѣ эту благородную женщину, о которой скромно, но съ чувствомъ упомянули также газеты и даже академія. Однако не даромъ достигнутъ былъ этотъ успѣхъ! Не прошло и

трехъ дней какъ условіе, поставленное оракуломъ, было исполнено.

Но результатъ былъ совсѣмъ другой. Любовникъ былъ ревнивъ, какъ тигръ: онъ хотѣлъ властвовать одинъ; каждый день онъ осыпалъ упреками свою любовницу за то, что она не могла рѣшиться—или прогнать мужа съ супружескаго ложа или сама оставить его. Она оказывалась невѣрною и любовнику и мужу. Съ своей стороны мужъ, равнодушный и неспособный, сдѣлавшись обязаннымъ, протеже и креатурой того, кто его безчестилъ, съ каждымъ днемъ пьянствовалъ и опускался все болѣе и болѣе. По временамъ однако онъ порывался выказать свою власть и грозилъ выгнать своего соперника вонъ. Но эти угрозы ничего не могли сдѣлать: любовникъ мало по малу сдѣлался управителемъ, распорядителемъ, поставщикомъ, коммиссіонеромъ и банкиромъ дома. Всѣ дѣла шли черезъ его руки; онъ дѣлалъ займы, покупки, продажи, отсрочки, любовница его удивлялась его глубокой опытности. Такъ какъ собственности малолѣтнихъ нельзя было продать, то сдѣланъ былъ заемъ подъ обезпеченіе десятилѣтняго съ нея дохода. Существованіе семейства стало тогда въ зависимость отъ человѣка, который его обиралъ.... Это былъ адъ, скандалъ, ставшій предметомъ толковъ во всей странѣ. Между тѣмъ сыновья отъ перваго брака подросли и возмужали.—«Матушка, говорили они ей, хочешь, мы тебя избавимъ отъ этихъ двухъ господъ? Мы начнемъ съ брюнета; вытолкавъ его вонъ, мы легко раздѣлаемся и съ другимъ».—«Нѣтъ, нѣтъ, кричала она въ отчаяніи. Что обо мнѣ скажутъ, Боже мой! Неужели вы хотите меня обезславить?»—Она уцѣпилась за свое безчестіе, и, какъ Федра, оправдывала его *заботою о своей репутаціи*.

Наконецъ она рѣшилась снова посовѣтоваться съ ора-

куломъ. На этотъ разъ она отправилась сама, останавливаясь по дорогѣ во всѣхъ храмахъ, посвященныхъ Любви и Венерѣ. — «Богиня, сказала она, прибывъ въ святилище, ты меня обманула. Я послѣдовала твоему совѣту. Я всѣмъ пожертвовала для любви и удовольствія; а теперь я несчастнѣе прежняго.» — «Ты сама себя обманула, безумная, сурово отвѣтила Венера. Знай, что оракулъ открываетъ смертнымъ лишь то, чего они сами желаютъ во глубинѣ своего сердца. Ты искала распутства и насладилась имъ. Можешь ли ты думать, что Венера сдѣлалась твоей сообщницей? Но тогда ты пожалуй обвинишь всѣхъ боговъ. Называясь Венерою, я въ сущности Справедливость, Красота и Стыдливость. У меня никогда не было ни мужа, ни любовника; Вулканъ, Марсъ и Адонисъ для меня ничто. До созданія людей и боговъ, я сама изъ себя породила Грацій, Любовь и Добродѣтели. Я создала міръ, и основала первое общество и послѣднее мое порожденіе есть Свобода. Для тебя же я стану теперь Угрызеніемъ совѣсти, которое безъ отдыха будетъ преслѣдовать тебя. Иди, нечистая, и поразмысли о моихъ словахъ. Твой срамъ загладится лишь въ тотъ день, когда ты согласишься быть высѣченной публично своими собственными дѣтьми.»

Но ничто не могло заставить это недостойное существо покинуть мужа или любовника. Безпорядокъ и сумятица продолжали увеличиваться; сыновья достигли совершеннолѣтія и потребовали свое наслѣдство. Это послужило знакомъ развязки. Вмѣсто сбереженій опека надѣлала лишь огромныхъ долговъ. Большая часть дохода перешла въ руки управителя: онъ сталъ богатъ; что же касается до супруговъ, то они лишились имущества, объявлены были банкротами и остались безъ копѣйки. Она покинула тотъ кровъ, который принялъ ее дѣвственницею и который былъ

свидѣтелемъ ея материнскихъ радостей, и отправилась въ даль, со своимъ безумнымъ мужемъ, жить пенсіей, выданной ей дѣтьми. Состарѣвшись въ развратѣ, она умерла въ пренебреженіи. Никто не присутствовалъ на ея похоронахъ.

Надѣюсь, любезный читатель, что ты самъ поймешь эту притчу; однако же я постараюсь объяснить ее, какъ будто ты нуждаешься въ истолкователѣ. На западѣ Европы, въ самомъ умѣренномъ на землѣ климатѣ, живетъ многочисленная нація, одинаково одаренная природою и умомъ, самая общительная изъ всѣхъ, которая одно время, повидимому, предназначена была служить для другихъ совѣтомъ и примѣромъ и которую прозвали *великой націей*. Впродолженіи 8 вѣковъ, отъ 987 до 1788 г., она составляла монархію, процвѣтала и увеличивалась, какъ вдругъ, овдовѣвъ послѣ своихъ королей.... Но о чемъ придется мнѣ разсказывать? У меня голова вертится, какъ у Перрена, Дандена, отъ выборовъ, оппозицій, недоразумѣній, присягъ и притчъ, и я не знаю какъ мнѣ выразить то, что я желаю сказать. Это однако вещь очень простая. Уже 50 лѣтъ какъ Франція ввела у себя конституціонную систему, т. е., состоя нѣкогда во владѣніи королей божественнаго права, своихъ сеньеровъ и господъ, она, послѣ кратковременнаго вдовства, снова вышла замужъ посредствомъ хартіи или конституціи. Она снова стала королевствомъ, имперіей или президентствомъ; названія разныя, но сущность одна: извѣстно, что Франція всегда сходила съума отъ знатныхъ титуловъ. Но, вступивъ въ свои обязанности, принцъ супругъ долженъ былъ допустить къ надзору заведеніемъ дѣлъ прежняго друга сердца своей жены, извѣстнаго подъ именемъ или кличкой *демократіи единой и нераздѣльной*. Напрасно говорили

вдовѣ: не заключайте втораго брака, останьтесь свободной; управляйте и распоряжайте собою сами; а такъ какъ ваша область такъ велика, что не по силамъ одному человѣку или даже цѣлой компаніи, то раздѣлите ее на провинціи, независимыя, автономныя, соединенныя между собою единственно федеральною связью. Особенно бойтесь дуализма; покоряйтесь своему главѣ, если вы не можете безъ него обойтись, и старайтесь дѣйствовать въ согласіи съ нимъ. Но берегитесь давать ему помощника, берегитесь допустить на свою постель любовника, прелюбодѣя, такъ какъ онъ станетъ для васъ тираномъ хуже мужа, и вы раззоритесь и осрамитесь.... Франція не послушалась предостереженія.... Она вышла замужъ, завела любовника, и ея насчастія разрослись подобно ея любодѣйствамъ. *Монархія и демократія*, антагонистическіе и несогласимые элементы: таково роковое соперничество, на которомъ зиждется наше политическое хозяйство или система. Принцъ пользуется супружескимъ званіемъ и его правами; положеніе демократіи, представляемой выборными отъ представителей, называющимися оппозиціей, перемѣнчиво. То, подобно акціонеру принца, она принуждаетъ его давать тяжкіе отчеты, указываетъ ему, какъ вести дѣла, гонитъ его изъ дому и съ постели, то, въ свою очередь оскорбленный супругъ одерживаетъ верхъ и принуждаетъ къ отступленію демократію, едва оставляя на долю ея представителей кое-какія любовныя крохи, недостаточныя для насыщенія ихъ здороваго аппетита. Послѣ 2 декабря другъ сердца обѣдалъ на кухнѣ; теперь же, вслѣдствіе послѣднихъ выборовъ, онъ получилъ приглашеніе являться къ господскому столу. Берегись хозяинъ! Чтобы ни случилось, ясно, что такъ какъ оба соперника преслѣдуютъ совершенно одну и туже цѣль и желаютъ совершенно одного

и того же, именно исключительнаго владѣнія и женщиной и имуществомъ, то Франціи нѣтъ никакого выигрыша отъ этой перемѣны. Пускай она бросается въ объятія мужа или на шею своего любовника; пускай дѣлитъ себя между ними и пытается, ласкаясь къ обоимъ, примирить ихъ, ничто не поможетъ ей. Въ концѣ концовъ изъ ея же личныхъ доходовъ будутъ уплачиваться издержки ссоръ и примиреній.

Что еще сказать вамъ? Вмѣсто одного господина, который сорвалъ цвѣтъ ея юности и котораго она звала *своимъ благороднымъ супругомъ*, Франція своей системой конституціонной поліандріи отдала себя на жертву двумъ тиранамъ, стала проституткой. Прелюбодѣяніе,—какъ смягченіе супружеской власти и предохранительное средство противъ развода; блудъ въ политическомъ семействѣ, служащій примѣромъ распутству въ семействахъ частныхъ: такова система, придуманная въ 1791 г., освященная въ 1814, скрѣпленная въ 1830, и для возстановленія которой городъ Парижъ далъ нынѣ 153.000 голосовъ. Что вы скажете объ этомъ, гордые демократы? Знаете ли вы теперь, что такое ваша оппозиція? Сводничество. Если эта басня кажется вамъ не убѣдительною, то у меня есть къ вашимъ услугамъ цѣлый арсеналъ неотразимыхъ аргументовъ, основанныхъ на правѣ и фактѣ. Но напередъ слѣдуетъ вамъ доказать, что я уже не одинъ такъ думаю, что 18.000 протестовавшихъ 1 іюня *) стали *легіономъ* и что вы имѣете передъ собою рѣшительную партію, готовую вычеркнуть васъ изъ политическаго словаря.

(Рукопись осталась неконченной)

---

*) Прудонъ подразумѣваетъ, іюньское возстаніе 1848 г.

ПИСЬМО

къ редактору газеты *La Presse*.

Парижъ, 29 мая 1863 г.

Господинъ редакторъ,

Я далъ себѣ слово не принимать никакого участія въ избирательныхъ преніяхъ. Я уже высказалъ мое мнѣніе объ этомъ предметѣ въ печати и состояніе моего здоровья въ настоящее время не дозволяетъ мнѣ никакого умственнаго труда. Но послѣднія статьи г. Жирардена, напечатанныя въ недавнихъ нумерахъ вашей газеты, касательно уклоненія отъ подачи голосовъ, заставляютъ меня сдѣлать надъ собой усиліе и нарушить молчаніе.

Узнавъ изъ газеты, что предварительно вотированія должны были обсуждаться *два великіе, два прекрасные вопроса*: 1-й, объ уклоненіи отъ подачи голосовъ; 2-й, о томъ, какихъ усовершенствованій можно ожидать отъ общей подачи голосовъ — г. Жирарденъ позволилъ себѣ увлечься до оскорбительныхъ выраженій относительно тѣхъ, которые уклонились отъ подачи голосовъ; онъ называетъ ихъ *умами ложными*, *дикими*, *политическими эвнухами*, *революціонерами*, *сектаторами*, поведеніе которыхъ *нетерпимо, фанатично и подло*. Къ чему такой потокъ ругательствъ? Объяснимся.

Но прежде слѣдуетъ спросить, кто виноватъ, что оба эти вопроса, въ сущности составляющіе одно и тоже, не были обсуждаемы? Брошюра моя (les Démocrates assermentès), касательно общей подачи голосовъ, въ которой былъ изложенъ двойной вопросъ — какихъ усовершенствованій можно ожидать отъ общей подачи голосовъ въ будущемъ и что въ настоящемъ необходимо воздержаться отъ подачи голосовъ — появилась 20 апрѣля. Брошюру эту получили всѣ газеты, слѣдовательно г. Жирарденъ могъ прочесть ее, отчего же онъ не началъ пренія? Партія, уклонившаяся отъ подачи голосовъ, не располагаетъ никакой газетой; почему же la Presse, le Siécle, l'Opinion Nationale, le Temps не предложили намъ своихъ столбцовъ? — Декларація или протестъ, уклонившейся партіи (les abstentionnistes), адресованный къ *демократическимъ избирателямъ*, помѣченъ 17 мая, т. е., тринадцать дней до баллотированія, почему же самыя эти газеты отказались помѣстить у себя этотъ протестъ? Противъ декларацiи этой напечатана была во всѣхъ газетахъ коалиціи, авторами Manuel électoral, статья, доказывающая незаконность и недѣйствительность нѣмыхъ бюллетеней; почему еще, когда подписавшіе декларацію послали свое возраженіе, la Presse, не принимая во вниманіе права отвѣта, упорствовала въ своемъ отказѣ помѣстить этотъ отвѣтъ на своихъ столбцахъ? Было сдѣлано все, чтобы заглушить нашъ голосъ; а 28 мая, за три дня до выборовъ, г. Жирарденъ, сдѣлавъ себя нашимъ клеветникомъ, возсталъ противъ насъ, сказавъ: будемъ вотировать, теперь поздно обсуждать!.. Поступокъ этотъ будетъ разобранъ, если силы мнѣ позволятъ, и могу увѣрить, что не къ чести г. Жирардена. Теперь же достаточно и того, что я заявилъ о немъ.

Г. Жирарденъ позволяетъ себѣ писать въ насмѣшливомъ тонѣ: «Абстенціонисты волнуются; абстенціонисты совѣщаются; абстенціонисты выпускаютъ одинъ циркуляръ за другимъ, одну газетную статью за другой, чтобы помѣшать состояться голосованію, и т. д.» — По правдѣ же сказать, г. редакторъ, мы держимся какъ нельзя болѣе спокойно; мы не волнуемся, не собираемъ комитета и нисколько не образуемъ изъ себя тайнаго общества. Насъ оказалось семнадцать человѣкъ, семнадцать гражданъ, собравшихся съ разныхъ точекъ политическаго горизонта, одни изъ насъ принадлежатъ прошедшему и представляютъ демократическую традицію, другіе обращены болѣе къ прогрессу, многіе изъ насъ никогда не встрѣчались другъ съ другомъ, половина изъ насъ свидѣлась въ первый разъ, прочіе же прислали свое одобреніе словесно или письменно. Надо полагать, что демократическая кандидатура очень ослабѣла, если теперь кричатъ о конспираціи абстенціонистовъ. Мы, какъ я сказалъ уже выше, ограничились тремя публикаціями: брошюрой, протестомъ и возраженіемъ изъ четырехъ строкъ. Далѣе этого мы не пошли. Надо полагать, что это дѣйствіе было весьма могущественно, если оно потрясло судебную палату, мастерскія, биржу, церковь, дворъ, городъ и внушило противъ насъ такой наплывъ ярости и возбудило къ намъ столько гнѣва!

Да, мы вотируемъ нѣмыми бюллютенями, и вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждаемъ, что уваженіе къ принципамъ, святость присяги, требуютъ, чтобы и демократія дѣйствовала точно также; да, мы утверждаемъ, что подобный способъ уклоненія, достодолжно мотивированный, совершенно *законный* и есть также *дѣйствіе, проявленное въ высшей*

степени. Было ли опровергнуто право наше, на которомъ основывается нашъ тезисъ? Нѣтъ; дѣйствительность его признается всѣми единогласно. Отвергаются ли причины факта, подтверждающія право это? Но факты очевидны для всѣхъ, они бьютъ въ глаза, ихъ можно резюмировать въ двухъ словахъ: общая подача голосовъ, руководимая правительствомъ, задавленная газетами монополіи съ согласія выступившихъ депутатовъ, не пользуется всей своей независимостью. На что же опирается г. Жирарденъ въ своемъ нападеніи на насъ, насъ, которые по чувству демократическаго достоинства и по чувству самохраненія, совѣтуемъ демократическимъ избирателямъ вотировать нѣмыми бюллетенями! Онъ, съ одной стороны вмѣстѣ съ гг. Олливье и Симономъ, говорящими въ пользу своихъ личныхъ кандидатуръ, называетъ наше уклоненіе бездѣйствіемъ: кто уклоняется отъ подачи голоса, тотъ уничтожаетъ себя, и т. д.; — съ другой стороны вмѣстѣ съ жалкими авторами Manuel'я, озабоченными въ настоящее время гораздо болѣе своимъ легистскимъ авторитетомъ, чѣмъ демократическимъ правомъ, и для которыхъ одной партіей меньше въ общей подачѣ голосовъ — есть уже выгода, называетъ вотированіе нѣмыми бюллетенями незаконнымъ. Вотъ почему насъ обвиняютъ въ нетерпимости, фанатизмѣ и подлости. Разъ навсегда покончимъ же съ этими презрѣнными обвиненіями.

Прежде всего мнѣ слѣдуетъ сказать, что уклоненіе отъ подачи голосовъ есть актъ чисто консервативный. Демократія въ настоящее время похожа на тяжущагося, въ отношеніи котораго правила судопроизводства не соблюдаются и для котораго неявка въ судъ сдѣлалась послѣднимъ рессурсомъ. Адвокаты, авторы Manuel'я, не отвер-

гаютъ пользы неявки, они каждодневно въ гражданскихъ, коммерческихъ и уголовныхъ процессахъ совѣтуютъ ее своимъ кліентамъ. Какъ же осмѣлятся эти глубокіе юрисконсульты утверждать, что между частнымъ лицомъ, ходатайствующимъ за свою свободу, честь, собственность,— и гражданиномъ, призваннымъ высказать свое мнѣніе о политикѣ правительства, не существуетъ никакого тождества? Въ такомъ случаѣ я берусь доказать имъ, что всѣ правила судопроизводства гражданскаго и уголовнаго суть результатъ политическихъ гарантій, которыя во всякомъ свободномъ положеніи конституція обезпечиваетъ за гражданами.

И такъ, уклоненіе отъ подачи голосовъ посредствомъ нѣмыхъ бюллетеней вполнѣ легально. Доказательствомъ тому во 1-хъ, то, что голосованіе не обязательно; во 2-хъ, что когда избиратель рѣшается вотировать, его выборъ свободенъ; 3, что баллотировка тайная; 4, что не полагается никакого штрафа тому, кто уклоняется или не находитъ возможнымъ вотировать; 5, наконецъ, какъ то сказалъ нашъ другъ Шоде въ своемъ отвѣтѣ на статью адвокатовъ, что въ иныхъ случаяхъ для вотирующаго избирателя выгоднѣе выражать свое сомнѣніе, свое отвращеніе, свой протестъ нѣмымъ бюллетенемъ, чѣмъ отвѣчать на коварно предложенный ему вопросъ *да* или *нѣтъ*. Авторы Manuel'я должны остаться довольны этими доводами; но если они опять будутъ возражать, то я обѣщаю имъ привести новое доказательство.

Другаго болѣе удобнаго случая для нѣмаго вотированія какъ тотъ, который представляется нынѣ, еще не было.—Здѣсь уклоненіе есть выраженіе высшей степени дѣйствія; оно по энергіи своей беретъ верхъ надъ дѣйствительнымъ вотиро-

ваніемъ, какъ бы то ни было, потому что оно имѣетъ цѣлью предпоставить предварительно каждому выбору этотъ *великій и прекрасный* вопросъ—*какія усовершенствованія должны войти въ механизмъ общей подачи голосовъ*, для того, чтобы онъ могъ нормально дѣйствовать.

Напротивъ г. Жирарденъ кричитъ намъ, цитируя монсиньора Дюпанлу и его собратій по епископству: *Вы ни чему не можете помѣшать вашимъ отказомъ вотировать, а лишаетесь всего; вы жалуетесь, что другіе плохо видятъ; а сами вы лучше ли увидите когда закроете глаза, и т. д.* Монсиньоръ орлеанскій превосходный риторъ; къ несчастію вопросъ касается не его.

Я отвѣчаю прелатамъ, что отказываясь отъ подачи голоса, я ничего не уступаю; напротивъ, я соблюдаю и сохраняю все; здѣсь, чтобы побѣдить произволъ, не значитъ бороться противъ самого себя и дѣлаться помощникомъ этого произвола, но оставить его истощиться въ своемъ собственномъ дѣйствіи. Я возвращаюсь опять къ приведенному мною выше сравненію между частнымъ тяжущимся и вотирующимъ избирателемъ и спрашиваю, съ которыхъ поръ тяжущійся за неявку въ судъ считается потерявшимъ свое право; не бываетъ ли напротивъ? сколько людей спасли себя неявками, тогда какъ преніями несомнѣнно погубили бы себя! Если бы несчастный Лезюркъ могъ, подавъ аппеляцію, не являться и оставаться въ тюрьмѣ до того времени, когда истина открылась, то онъ спасъ бы свою голову и семейство его не вынуждено было бы ходатайствовать и возстановленіи чести его имени.

Монсиньоръ Дюпанлу и его коллеги достаточно говорятъ о всемъ этомъ въ своемъ поощреніи насъ къ вотированію.

Для современной церкви, различествующей въ этомъ случаѣ съ церковью среднихъ вѣковъ, равно какъ и для г. Жирардена и ему подобныхъ, всѣ правительства одинаковы и стоятъ одно другаго, начиная съ аутократіи и кончая федераціей. Равнодушіе къ общественному праву, а потомъ смѣшеніе принциповъ и мнѣній, вотъ ихъ догмъ. Что имъ за дѣло до того, что будетъ нѣсколько болѣе или нѣсколько менѣе стѣсненія въ процессѣ всеобщей подачи голосовъ. Имъ ненавистна демократія и ея стремленія и принципы, имъ ничто не понятно въ нашей добросовѣстности. Поэтому, намъ ничѣмъ не слѣдуетъ пренебрегать, что можетъ способствовать къ точному опредѣленію нашего положенія и нашей мысли. Въ то время какъ правительство, сопровождаемое епископатомъ, поддерживаемое консервативнымъ и реакціонернымъ большинствомъ и частію самой демократіей, видитъ въ общей подачѣ голосовъ лишь политическое орудіе, съ которымъ опасно обращаться и которое требуетъ высшаго руководженія власти,—въ нашихъ глазахъ общая подача голосовъ, организованная согласно своему закону, есть учрежденіе демократіи, и мы не должны и не можемъ ничего терпѣть, что можетъ нарушать ее; неприкосновенность общей подачи голосовъ есть палладіумъ свободы. По поводу этого мы скажемъ вмѣстѣ съ Боссюэтомъ, что *есть принципы, противъ которыхъ чтобы не дѣлалось, ничто само по себѣ*, и прибавимъ еще, что во имя этихъ принциповъ мы устанавливаемъ формы, условія и гарантіи общей подачи голосовъ.

Что отвѣтилъ бы монсиньоръ Дюпанлу, если бы ему предложили вотировать о сформированіи собора, составленнаго изъ духовенства всѣхъ культовъ и имѣющаго

цѣлью соединеніе всѣхъ религій? Монсиньоръ Дюпанлу отвѣтилъ бы, что соглашеніе невозможно между католической религіею и протестантствомъ, іудействомъ, магометанствомъ и проч. Онъ отказался бы вотировать и никто не нашелъ бы противъ этого возраженія. Мы въ отношеніи своихъ политическихъ убѣжденій точно тоже, что монсиньоръ Дюпанлу въ отношеніи своего религіознаго вѣрованія. Мы думаемъ, что изъ всѣхъ формъ правленія лишь одна истинна, а именно форма, вытекающая изъ общей подачи голосовъ. Изъ нея вытекаетъ все право общественное, административное, гражданское, экономическое, криминальное, политика, семейное начало и собственность.

Постановивъ это, мы формально отказываемся отъ всякаго произвольнаго дѣйствія, и если что намъ внушаетъ отвращеніе, то это именно равнодушіе къ правительственнымъ формамъ, это соглашеніе несогласимыхъ мнѣній, эта ассоціація голосованія, которую представляютъ намъ люди различныхъ школъ, подобно гг. Жирардену, Монталамберу и Дюпанлу.

Называйте насъ чѣмъ хотите, *сектаторами*, *революціонерами*, названія насъ не пугаютъ, лишь бы они были выяснены. Безъ сомнѣнія, мы составляемъ секту, секту рожденную только вчерашній день и помимо нашей воли; мы въ меньшинствѣ нашемъ безсильны, но въ насъ есть нѣчто, что насъ отличаетъ отъ массы и что заключается въ томъ. что мы признаемъ свои принципы, подтверждаемъ учрежденіе демократіи и не краснѣемъ отъ общей подачи голосовъ. Противники же наши не имѣютъ всего этого; у нихъ нѣтъ ни принциповъ, ни политической совѣсти, они не вѣрятъ ни въ общую подачу голосовъ, ни

въ божественное право, ни въ конституціонную монархію. Безъ сомнѣнья мы революціонеры; но и реформаторы государствъ были ими, по крайней мѣрѣ въ продолженіе того времени, которое требовалось для учрежденія государства, и счастливъ тотъ народъ, у котораго иниціаторская власть безъ необходимости не длила своей диктатуры! Правительство, говорю я, революціонно, оно бываетъ таковымъ каждый разъ, когда, возникая изъ развалинъ, оно вынуждено дѣйствовать противоположно разрушенному принципу и въ силу того принципа, который оно произвольно учредитъ и который оно не успѣло еще ввести въ законъ. Такимъ образомъ въ 1789 учредительное собраніе было революціонно; конвентъ, консульство, реставрація, іюльская монархія были также революціонными; республика же 1848 совсѣмъ не была революціонной, она не признала своего принципа и ея невѣжество ее убило; 2 декабря было революціонно, но было имъ слишкомъ долго... И мы въ свою очередь, уклоняющіеся отъ подачи голосовъ, мы будемъ также революціонны; но успокойтесь, гг. Жирарденъ и де-ла-Геронньеръ и всѣ тѣ, которые надѣваете личину страха, мы свое дѣло не затянемъ и скоро его покончимъ.

Что сказать мнѣ о присягѣ? Для гг. Жирардена, Дюпанлу и прочихъ людей, придерживающихся политическому равнодушію, присяга не имѣетъ ни смысла, ни важности. Чѣмъ рискуютъ они? Ихъ присяга продержится столько, сколько продержится правительство, которому они присягнули и которое они нисколько не намѣрены опрокинуть, равно какъ и принести ему какія либо гарантіи. Живи, если можешь, говорятъ они ему, защищай себя само, мы же умываемъ руки!.. Для насъ же, увѣренныхъ

въ томъ, что въ организованной общей подачѣ голосовъ мы обладаемъ истинно демократической конституціей; что нашими желаніями, трудами, всѣми усиліями мы стремимся къ осуществленію нашей идеи, мы, вѣра которыхъ имѣетъ принципы и обязываетъ насъ предвидѣть тотъ случай, когда присяга, принесенная государю, можетъ сдѣлаться несогласимой съ тѣми дѣйствіями, которыя намъ предписываетъ наша вѣра,—мы отказываемся отъ присяги. Присяга, данная нами, была бы апостазія или клятвопреступленіе; намъ невозможно было бы избѣгнуть этой дилеммы.

Безъ сомнѣнья, уклоняясь отъ подачи голосовъ, мы тѣмъ удаляемся на время, а можетъ быть и очень на долго, отъ власти и ея выгодъ. Почести депутатовъ и всѣ выгоды сліянія партій не для насъ. Самая популярность и та бѣжитъ отъ насъ; современная генерація цѣлой массой вступила на путь, на который мы никогда не вступимъ. Мы умремъ при нашей задачѣ, прежде чѣмъ взойдетъ заря, о которой мы мечтали. Пусть такъ. Мы пойдемъ впередъ безъ надежды и даже противъ надежды. Мы останемся вѣрны нашему прошедшему, нашей политической религіи, намъ самимъ. Мы будемъ помышлять о нашихъ братьяхъ, умершихъ въ изгнаніи, въ тюрьмахъ и на баррикадахъ; мы облобызаемъ прахъ ихъ и скажемъ, подобно маккавеямъ: «умремъ въ нашей простотѣ»—moriamur in simplicitate nostra!..

Но что я говорю! Развѣ мы не вознаграждены уже той анаѳемой, которою гремитъ противъ насъ г. Жирарденъ и прочіе, кому наше воздержаніе, обзываемое инерціей, безсиліемъ, самоубійствомъ, служитъ помѣхой.

Интриганы, безъ уполномочія, предприняли изъ за соб-

ственныхъ выгодъ сочетать бракомъ императора съ демократіею 1848 г. Условія контракта, какъ они говорятъ, должны были быть—честная и умѣренная свобода; и они называютъ это вѣнцомъ зданія. Сами же они, сдѣлавшись министрами, хотятъ, чтобы демократія довольствовалась тѣмъ. Но для этого необходимы были двѣ вещи: заставить эту новую демократію вотировать какъ одинъ человѣкъ безъ уклоненія и завербовать ее присягою ея кандидатовъ. Все казалось было готово для брачной церемоніи; но вдругъ послышался голосъ: этого нельзя! Голосъ выходитъ изъ небольшой группы людей, о которыхъ никто не думалъ. Бракъ не можетъ состояться, ему не бывать, во первыхъ потому, что невѣста не свободна располагать своей рукой; а во вторыхъ она дала обѣтъ дѣвства.

И вотъ бракъ не состоялся къ великому прискорбію г. Жирардена и его аколитовъ. Непризнанные ни одной стороной сваты вынуждены предложить свободный союзъ, внѣ всякаго вліянія партій, нѣчто въ родѣ морганическаго брака между императоромъ и старымъ обществомъ улицы Пуатье, которое въ 1848 г. расточало свои улыбки Лудовику-Наполеону и годъ спустя увидѣло себя столь оскорбительно презрѣннымъ имъ. И вотъ поэтому-то г. Жирарденъ, давъ прежде свой поцѣлуй примѣренія г. Карно и его партіи, нынѣ горячо цѣлуетъ гг. Одилона-Барро и Тьера. Такъ называемые депутаты-демократы, если баллотировка имъ поблагопріятствуетъ, будутъ присутствовать при отходѣ ко сну королевской фаворитки и станутъ держать подсвѣчники.

Исправляйте вашу должность сводчика, г. Жирарденъ, возбуждайте избирательную толпу, сзывайте, сзывайте къ вашей урнѣ потоки бюллетеней, но воздержитесь обзывать

эвнухами гражданъ, неумолимое *veto* которыхъ опрокинуло вашъ честный проектъ. Знайте, что эвнухи суть тѣ, чья тщеславная мелочность готова сойтись со всякимъ режимомъ, и кто хвастается своимъ республиканскимъ образомъ мыслей, для того, чтобы придать болѣе вѣсу своему сближенію и въ комъ присяга кастрировала совѣсть! Ступайте, если смѣете, къ г. де-Персиньи, не давшему вамъ уполномочія скажите ему, что онъ напрасно пугается кандидатуры г. Тьера, вы въ замѣнъ приносите голоса Карно, Корбона, Вашеро, Жюль-Симона, Мари, Пелльтана, Морена, Олливье, Жюль-Фавра, Дрео, Кламажерана, Флоке, Герольда, Геру, Гавена, Нефцера, но не хвастайтесь тѣмъ, что для императорской системы вы пріобрѣли нашу молодую демократію. Здѣсь единство весьма важно, а мы публично протестовали. Что же касается толпы, обманутой вами, дезорганизированной, спутанной вами, съ повязанными глазами бросающейся къ урнамъ, то она неспособна завершить дѣло, къ которому вы ее призываете. Она не можетъ ни помирить, ни компрометировать. Мы же дѣйствующіе съ знаніемъ дѣла, мы своимъ обдуманнымъ уклоненіемъ уничтожаемъ всѣ ея голоса. Бюллетени, которыми вы запасаетесь, какъ бы ихъ число ни было велико, не будутъ имѣть бо́льшаго значенія, чѣмъ пламя плошекъ, зажигаемыхъ во время публичныхъ празднествъ, и которыя, будучи зажжены наемной рукой, горятъ сегодня въ честь короля, завтра въ честь республики, а послѣ завтра въ честь императора.

Что же касается эпитета *подлости*, которую приписываетъ намъ г. Жирарденъ и осмѣливается при этомъ еще спрашивать насъ, зачѣмъ мы не возмущаемся подобно полякамъ, то мы не считаемъ даже нужнымъ на это отвѣчать.

Г. Жирарденъ до того забылся, что даже не замѣтилъ, что прибѣгаетъ въ отношеніи насъ къ гнусному способу — подстрекательству. Нѣтъ сомнѣнія, что между нами есть еще люди, которые уже доказали себя и которые не прочь и теперь еще, въ случаѣ неудачи, поплатиться своей особой; прочіе же послѣдуютъ за ними по мѣрѣ силъ. Но довольно для каждаго дня своей жертвы. Насъ семнадцать человѣкъ, отъ двадцати до шестидесяти-лѣтняго возраста. Пусть же насъ оставятъ засѣвшими въ нашихъ траншеяхъ; въ нихъ мы недосягаемы и непобѣдимы.

Честь имѣю кланяться.

П. Ж. Прудонъ.

II

КАРЛЪ-ЛУДОВИКЪ-НАПОЛЕОНЪ БОНАПАРТЪ.

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

Типографія Эд. Праца, Офицерская улица, домъ Симонова, № 26.

КАРЛЪ-ЛУДОВИКЪ-НАПОЛЕОНЪ БОНАПАРТЪ.

(НАПОЛЕОНЪ III.)

I

БІОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ.

Карлъ-Лудовикъ-Наполеонъ Бонапартъ (впослѣдствіи Наполеонъ III) былъ третьимъ сыномъ экс-королевы голландской, Гортензіи, жены Лудовика Бонапарта, брата императора Наполеона I.

Бракъ Лудовика съ Гортензіей, не смотря на ихъ обоюдное нерасположеніе и даже отвращеніе другъ къ другу, совершился по настоянію Наполеона I и по желанію его жены Жозефины Богарне. Такъ какъ въ то время Лудовикъ Бонапартъ не занималъ еще никакого высокаго поста, и только четыре года позже получилъ назначеніе занять тронъ Голландіи, то нельзя предполагать, чтобы союзъ Лудовика съ Гортензіей имѣлъ какую либо политическую цѣль; скорѣе слѣдуетъ допустить, что тому была другая причина, тайная, и которую первый консулъ не желалъ предавать гласности. Мы ниже увидимъ, что послѣднее предположеніе не совсѣмъ безосновательно.

Самъ Лудовикъ Бонапартъ описываетъ свою женитьбу, въ своихъ мемуарахъ, слѣдующимъ образомъ:

«Въ назначенный день, 4 января 1802 г., былъ подписанъ гражданскій контрактъ и совершенъ церковный обрядъ, Лудовикъ женатъ.... никогда еще супругамъ не приходилось испытывать такого живаго предчувствія всѣхъ тѣхъ отвратительныхъ послѣдствій, какія должны были произойти отъ столь насильственнаго брака.

«Съ того времени начинаются всѣ физическія и нравственныя страданія Лудовика, ему тогда было двадцать два года, и въ немъ сохранялась еще дѣтская наивность и искренность. Но несчастная женитьба измѣнила его характеръ и постепенно подрывала здоровье, хотя онъ и не скоро это замѣтилъ. Онъ навсегда лишился покоя.

«Нѣтъ болѣе дѣйствительнаго и болѣе жгучаго горя, какъ семейное несчастіе, потому что оно порожаетъ прямо въ сердце. Несчастіе испытанное Лудовикомъ наложило на его умъ и на всю его жизнь печать глубокой грусти, безнадежности и такъ сказать сухости, отъ которыхъ ничто не могло и не можетъ его изцѣлить.»

Что касается Гортензіи Богарне, то и она точно также не питала ни малѣйшей склонности къ своему мужу. Камердинеръ императора, Констансъ, въ своихъ мемуарахъ, описываетъ этотъ бракъ слѣдующимъ образомъ:

«Женихъ и невѣста были очень печальны; она горько плакала во все время, пока продолжалась церемонія, но и послѣ слезы ея не осушались. Она ни разу не взглянула на мужа, и онъ съ своей стороны былъ слишкомъ озлобленъ и гордъ, чтобы оказывать ей вниманіе. Добрая Жозефина дѣлала все, что только отъ нея зависило, чтобы сблизить супруговъ, она сознавала, что это супружество было дѣломъ рукъ ея и ей хотѣлось соединить свой личный интересъ, или по крайней мѣрѣ, то,

что она считала таковымъ, съ счастьемъ своей дочери; но всѣ ея усилія и просьбы оставались безплодными. Мнѣ не разъ случалось видѣть какъ жена Лудовика Бонапарта искала уединенія въ своихъ покояхъ, гдѣ на груди одной изъ своихъ подругъ проливала горячія слезы, отъ которыхъ она иногда даже не могла удерживаться и въ гостиной перваго консула. На молодую женщину всѣ смотрѣли съ состраданіемъ; до замужества она въ этихъ собраніяхъ блистала граціей и любезностью, а теперь постоянно удалялась въ уголъ или амбразуру окна и тамъ повѣряла кому нибудь изъ пріятельницъ всѣ свои печали; мужъ же ея, во все время бесѣды, изъ которой она выходила съ красными и влажными глазами, всегда оставался на другомъ концѣ гостиной, задумчивый и безмолвный.»

Королева Гортензія, говоря о своемъ мужѣ, отзывалась о немъ такъ: «Онъ честный человѣкъ, и если наши характеры не сошлись, то это вслѣдствіе нашихъ недостатковъ, которые никакъ не могли ужиться вмѣстѣ. Я была слишкомъ горда; въ молодости меня баловали и я о себѣ много думала. Можно ли же было съ подобными наклонностями жить съ человѣкомъ подозрительнымъ и недовѣрчивымъ.»

Этими нѣсколькими словами объясняется антипатія и тотъ разладъ, который постоянно царствовалъ между супругами. Слѣдуетъ еще прибавить, что Гортензія имѣла характеръ упорный, часто непреклонный, такъ что даже братъ ея Евгеній иногда называлъ ее *кроткая упрямица*.

Наполеонъ I говорилъ о ней на островѣ св. Елены: «Добрая, великодушная и преданная Гортензія не совсѣмъ права передъ своимъ мужемъ... Какъ бы Лудовикъ

не былъ страненъ и несносенъ, но онъ ее любилъ, а въ подобномъ случаѣ и при такихъ интересахъ, каждая женщина должна себя преодолѣть и имѣть на столько ловкости, чтобы въ свою очередь *умѣть полюбить*.

«Если бы она принудила себя, то избѣжала бы огорченія, причиненнаго ей послѣднимъ процессомъ (*); она вела бы жизнь болѣе счастливую, послѣдовала бы за мужемъ въ Голландію и оставалась бы при немъ. Лудовикъ не бѣжалъ бы изъ Амстердама, а я не былъ бы вынужденъ присоединить его королевство къ Франціи, что способствовало моей погибели въ Европѣ, и многое другое совершилось бы совсѣмъ иначе.»

Но мы уже видѣли, что Лудовикъ и Гортензія питали полнѣйшую антипатію другъ къ другу, и слѣдовательно мнимая любовь короля голландскаго къ своей женѣ—не болѣе какъ выдумка императора; братъ его былъ страстно влюбленъ въ одну молодую дѣвушку и хотѣлъ на ней жениться, но Наполеонъ воспрепятствовалъ тому, и бѣдный Лудовикъ былъ слишкомъ слабохарактеренъ, чтобы устоять передъ волей императора: онъ принялъ силою навязанный ему бракъ.

Гортензія Богарне въ свою очередь готовилась выдти за Дюрока, коменданта Тюйльри, но этотъ послѣдній по возвращеніи своемъ изъ посольства въ Россію на отрѣзъ отказался отъ ея руки и даже въ непреличныхъ выраженіяхъ: онъ до того забылся, что сказалъ женѣ перваго консула, что не расположенъ играть роль «*мольеровскаго мужа, Жоржа Дандена.*»

(*) Королева Гортензія отказала мужу своему въ уступкѣ ему втораго своего сына, а мужъ въ скандальномъ процессѣ обвинялъ ее въ этомъ передъ судомъ.

Дюрокъ повѣрилъ злословію, распространенному на счетъ Гортензіи, которую обвиняли въ томъ, что будто бы она раздѣляла нѣжную страсть, питаемую къ ней первымъ консуломъ. Ходили даже слухи, что когда Гортензія вышла за Лудовика, она была уже беременна отъ Наполеона. И такъ какъ злословіе никогда не останавливается, а быстро ростетъ, то къ этому прибавляли, что Жозефина Богарне, которой въ то время было уже около сорока лѣтъ, видя какъ съ каждымъ днемъ ея прелести теряли очарованіе въ оглазахъ ея мужа, бывшаго моложе ея, и боясь быть оставленной для посторонней соперницы, съ цѣлью упрочить свое вліяніе на Наполеона, сама толкнула въ его объятія Гортензію, и чтобы скрыть послѣдствія этой связи, предназначенной подарить наслѣдника Наполеону, въ которомъ ему отказывало безплодіе Жозефины, было рѣшено выдать Гортензію за Лудовика. На сколько вѣрны эти слухи, мы не беремся рѣшать, но вѣрно то, что они имѣли самое горькое вліяніе на жизнь Лудовика Бонапарта и Гортензіи Богарне; первый, считая себя жертвою взаимной страсти брата и своей жены и честолюбивыхъ расчетовъ тещи, смотрѣлъ на свой бракъ какъ на безчестіе; Гортензія же видѣла оскорбленіе въ явной холодности и презрѣніи къ ней мужа; такое ложное положеніе дѣлало бракъ ихъ вполнѣ несчатнымъ.

10 сентября 1802 г., т. е. менѣе чѣмъ черезъ девять мѣсяцевъ послѣ свадьбы, Гортензія родила сына, Наполеона-Лудовика-Карла; явленіе на свѣтъ этого ребенка было радостнымъ событіемъ для всего императорскаго семейства, исключая Лудовика Бонапарта, который продолжалъ сохранять свое обычное грустное и мрачное настроеніе. Рожденіемъ мальчика болѣе всѣхъ былъ до-

воленъ Наполеонъ, онъ сосредоточивалъ на немъ самыя большія надежды, указывалъ на него какъ на своего наслѣдника, и два года позже, сенатусъ-консультомъ 18 мая 1804 г. призналъ его своимъ пріемникомъ императорской власти. Ребенокъ очень походилъ на Наполеона и этотъ послѣдній всегда говорилъ о немъ: «Я узнаю себя въ этомъ ребенкѣ... онъ будетъ моимъ достойнымъ преемникомъ!.. даже можетъ быть превзойдетъ меня.»

Понятно, что такая любовь Наполеона къ сыну Гортензіи еще болѣе способствовала къ подтвержденію тѣхъ слуховъ, о которыхъ мы говорили выше.

Скульптору Картелье было поручено сдѣлать бюстъ молодаго принца въ натуральную величину; внимательно всматриваясь въ этотъ бюстъ, каждый былъ пораженъ сходствомъ всѣхъ чертъ лица ребенка съ лицомъ императора. Но вскорѣ надежды Наполеона рушились, маленькій принцъ умеръ отъ крупа 5 мая 1807 г. Никогда еще Наполеонъ не предавался такой глубокой горести; никогда еще императрица Жозефина и ея дочь Гортензія не были такъ неутѣшны, какъ при смерти этого ребенка; она явилась какъ бы предвѣстницей будущаго паденія императорскаго величія, достигшаго въ то время своего апогея.

Жозефина сознавала все значеніе этой потери для нея самой; она понимала, что талисманъ, связывающій ея судьбу съ судьбою Наполеона, изчезъ вмѣстѣ съ ея внукомъ и всѣ сомнѣнія и тревоги о будущемъ вновь воскресли; она предчувствовала, что Наполеонъ захочетъ имѣть наслѣдника, и разводъ, о которомъ она хотя еще и ничего не слыхала, представлялся ей въ будущемъ неизбѣжнымъ.

Констансъ, камердинеръ императора, говоритъ въ своихъ мемуарахъ: «Эта преждевременная смерть была

для императрицы неутѣшнымъ горемъ; она три дня не выходила изъ своихъ покоевъ, проливая горькія слезы, никого не принимала и почти ничего не ѣла.»

Горесть королевы голландской была еще сильнѣе, никто не могъ развлечь ея глубокаго отчаянія.

Послѣ этого событія у Наполеона въ первый разъ явилась мысль о разводѣ съ императрицей Жозефиной, чтобы въ новомъ союзѣ найти себѣ прямаго наслѣдника.

Вторый сынъ королевы Гортензіи, Наполеонъ-Лудовикъ Бонапартъ, родился 11 октября 1804 г.; когда старшій братъ его умеръ, ему было всего три года; но онъ далеко не пользовался такой привязанностью своего дяди, какъ старшій его братъ, хотя и его рожденіе приписывали также Наполеону I. Три года позже законный отецъ его Лудовикъ Бонапартъ отрекся въ пользу его отъ престола Голландіи и уѣхалъ въ Сирію, подъ именемъ графа Сенъ-Лё, и тамъ отдался всецѣло изученіе литературы, живя согласно своей наклонности въ совершенномъ уединеніи, въ дали отъ шума и въ особенности отъ жены. Нѣсколько позже онъ переѣхалъ въ Римъ, а потомъ во Флоренцію, гдѣ и умеръ 25 іюля 1846 г. Во время своего пребыванія во Флоренціи онъ узналъ о смерти втораго сына Наполеона-Лудовика, умершаго на рукахъ меньшаго своего брата, Карла-Лудовика-Наполеона, отъ кори, въ 1831 г. въ Форли, во время романскаго возмущенія. Оба брата принимали участіе въ этомъ возстаніи противъ папы.

Такъ какъ королева Гортензія постоянно жила вдали отъ мужа, и всѣмъ было извѣстно, что супруги не имѣли между собой никакихъ сношеній, а также, что за годъ до рожденія своего третьяго сына (нашего героя), королева питала самыя нѣжныя чувства къ голландскому

адмиралу Вегуэллю, съ которымъ жила въ тѣсной интимности, то рожденіе Карла-Лудовика-Наполеона прямо приписывали связи Гортензіи съ адмираломъ. Природа же точно хотѣла подтвердить это злословіе: маленькій Карлъ-Лудовикъ-Наполеонъ Бонапартъ былъ весьма похожъ на Вегуэлля лицомъ, походкой и флегматичностью.

Король голландскій, который въ 1814 году требовалъ отъ жены судомъ своего втораго сына и, получивъ отъ нея отказъ, имѣлъ съ ней самый скандальный процессъ, всегда оказывалъ полнѣйшее равнодушіе къ третьему сыну Гортензіи и смотрѣлъ на него какъ на навязаннаго ему; такъ точно смотрѣли на Карла-Лудовика-Наполеона, до самаго его назначенія въ президенты республики, 10 декабря 1848 г., и всѣ другіе члены семейства Бонапартовъ. Его удачи впослѣдствіи измѣнили значительно ихъ мнѣніе, многіе даже совершенно оставили свое предубѣжденіе противъ него. Въ 1848 году принцъ Наполеонъ, сынъ Іеромина Бонапарта, сказалъ ему разъ: «Вы знаете, что наша кровь не течетъ въ вашихъ жилахъ.» 2 декабря этого же года, когда счастье казалось измѣнило президенту республики, принцъ Наполеонъ повторялъ всѣмъ, кому только могъ, что Лудовикъ Бонапартъ не былъ его кузеномъ, что онъ совершенно чужой ихъ семейству и что онъ голландецъ.

Когда вдова Люціана Бонапарта, удалившаяся въ Италію, писала письма къ сыну своему Пьеру Бонапарту, она никогда не называла Лудовика-Наполеона иначе, какъ самозванцемъ (faux nom), такъ его называли постоянно и въ семействѣ Бонапартовъ, во избѣжаніе другаго слова, болѣе рѣзкаго. При этомъ слѣдуетъ замѣ-

тить, что въ его лицѣ нѣтъ ни одной черты общей съ типомъ Бонапартовъ, которые всѣ болѣе или менѣе походятъ на Наполеона I. Луи Бланъ говоритъ, что при свиданіи своемъ съ Лудовикомъ-Наполеономъ въ фортѣ Гама, въ 1840 г., онъ былъ пораженъ этимъ несходствомъ.

«Я прежде никогда его не видалъ, говоритъ Луи Бланъ, и въ то время не зналъ еще ни одного члена изъ семейства Бонапарта и поэтому не могъ судить, насколько онъ непохожъ на нихъ чертами своего лица; но все же отъ меня не ускользнуло, что въ немъ не было ничего изъ наполеоновскаго типа, акцентъ его былъ иностранный и онъ выражался съ большимъ трудомъ.»

Лудовикъ-Наполеонъ средняго роста, съ короткими ногами, несмѣлой поступью, держится неловко, смѣшно, какъ человѣкъ не совсѣмъ проснувшійся, глаза его свѣтло-голубаго цвѣта, малы и тусклы, они закрыты тяжелыми вѣками, изъ подъ которыхъ выходитъ потухшій бѣгающій взглядъ, не переносящій дневнаго свѣта; скулы у него выдавшіяся, щеки впалыя, цвѣтъ лица блѣдно-мертвенный, лобъ узкій и морщинистый, брови дурно обрисованныя, каштановые волосы зачесаны на виски и на лбу завитой хохолокъ; носъ длинный, толстый и крючковатый, на подобіе папугаева клюва; густые закрученные усы закрываютъ тонкія губы; улыбка безжизненная, разговоръ медленный и затрудненный, акцентъ слегка иностранный и вся вообще фигура очень непріятная на видъ. Кинглекъ въ своей исторіи о крымской войнѣ говоритъ о немъ, что «онъ походитъ на ткача, утомленнаго продолжительной, монотонной работой, привыкшаго сидѣть согнувшись и держать глаза опущенными.» Таковъ портретъ наружности этого «Новаго Цезара,» который ни мало не похожъ на пер-

ваго; тотъ, по описанію Светонія, былъ высокаго роста, стройный, съ черными живыми глазами и тонкой бѣлой кожей.

Что же касается нравственнаго портрета Лудовика-Наполеона, то мы намѣрены познакомить съ нимъ нѣсколько позже, посредствомъ изученія его дѣйствій. Мы нашли необходимымъ вдаться во всѣ эти подробности о происхожденіи нашего героя, чтобы найти въ нихъ причины нѣкоторыхъ сторонъ его темперамента и характера, которыя объясняются смѣшеніемъ горячей крови матери, бывшей дочерью креолки, съ холодной кровью его побочнаго отца, принадлежавшаго къ голландской расѣ, терпѣливой и настойчивой, какъ и всѣ жители сѣвера Европы.

Когда Лудовику-Наполеону было восемь лѣтъ, мать его, вмѣстѣ съ нимъ и съ его старшимъ братомъ, вынуждена была покинуть Францію. Одинъ изъ біографовъ Лудовика-Наполеона разсказываетъ про него, что онъ въ то время никакъ не соглашался покинуть родину и горько плакалъ, говоря: «Я хочу остаться во Франціи, я не хочу уѣзжать отсюда.» Королева Гортензія съ трудомъ могла утѣшить его, обѣщая ему скорое возвращеніе. Понятно, что маленькій принцъ унесъ неизгладимое впечатлѣніе о великолѣпіи, окружавшемъ его въ дѣтствѣ, и въ особенности о роковомъ днѣ прощанія императора Наполеона I.»

Мы не беремся судить, какъ глубоко было въ душѣ Лудовика-Наполеона впечатлѣніе изгнанія, но во всякомъ случаѣ впечатлѣніе это не развило въ немъ великодушія, потому что тридцать шесть лѣтъ позже, у изгнанника 1815 г., рука не дрогнула оторвать отъ родныхъ семей и очаговъ 40.000 республиканцевъ, кото-

рые отмѣнили законъ, изгнавшій его изъ Франціи, и возвратили ему отечество, почести, богатство и поставили въ главѣ республики. Одного этого факта изъ его политической жизни уже достачно, чтобы судить о немъ.

Королева Гортензія съ своими дѣтьми удалилась сначала въ небольшое помѣстье, принадлежавшее ей въ Преньи, въ женевскомъ кантонѣ; но графъ Таллейранъ, французскій посолъ въ Швейцаріи, отдалъ немедленно приказъ гельветическому правительству, передавшему приказъ этотъ городу Женевѣ, изгнать ее оттуда. Швейцарское правительство выполняло въ то время съ точно такою же услужливостью королевскіе декреты касательно изгнанія семейства Бонапарта, съ какою съ 1851 по 1864 выполняло приказы Наполеона III объ изгнаніи французскихъ республиканцевъ. Королева Гортензія и ея малолѣтнія дѣти вынуждены были уѣхать изъ Преньи и искать себѣ столь же непрочнаго убѣжища въ Э, въ Савои. Несчастная экс-королева говорила тогда: «мнѣ остается лишь одно — броситься въ озеро, такъ какъ надо же мнѣ куда нибудь дѣваться.» Увы! сколько бѣдныхъ изгнанниковъ, со 2 декабря 1851 г., повторяли тѣ же самыя слова, не находя себѣ убѣжища отъ бонапартистскихъ преслѣдованій.

Едва изгнанница прибыла въ Э, какъ мужъ ея, въ силу рѣшенія суда, потребовалъ отъ нея своего старшаго сына, и она увидѣла себя вынужденной разстаться съ однимъ изъ своихъ дѣтей. Городъ Э далъ лишь временное убѣжище Гортензіи; она подвергалась здѣсь постояннымъ преслѣдованіямъ со стороны французской полиціи и придиркамъ сардинской. Кромѣ этихъ непріятностей, городъ Э, еще два года ранѣе, оставилъ

весьма печальное воспоминаніе въ памяти дочери Жозефины Богарне; въ 1813 году она потеряла здѣсь лучшаго своего друга Адель Огіе, которая, переходя потокъ, оступилась съ бревна и упала въ пропасть. Все это вмѣстѣ вынудило Гортензію покинуть Савою и, 28 ноября 1815 г. она съ меньшимъ сыномъ, его гувернеромъ, аббатомъ Бертраномъ, шталмейстеромъ и чтицей, дѣвицей Кошеле, уѣхала изъ Э. Первую ночь Гортензія имѣла намѣреніе провести въ Преньи, возлѣ Женевы, но тамъ ее окружили жандармы кантона и требовали, чтобы она немедленно удалилась.

Надо полагать, что женевская полиція въ то время была снисходительнѣе, чѣмъ послѣ 2 декабря 1851 г. когда радикальное правительство Джемса Фази обыкновенно поступало съ возвращавшимися изгнанниками слѣдующимъ образомъ: каждый разъ, какъ какой нибудь несчастный политическій бѣглецъ, изгнанный изъ кантона по произволу администраціи и безъ всякой законной причины, возвращался опять въ кантонъ, его грубо арестовывали, надѣвали кандалы и подвергали одиночному заключенію; съ него снимали его одежду, надѣвали арестантское платье, подчиняли строгому тюремному порядку, заставляя при этомъ испытывать всякаго рода оскорбленія. Спустя двѣ или три недѣли послѣ этой предварительной мѣры, жандармы отводили виновнаго въ цѣпяхъ и вмѣстѣ съ уголовными арестантами къ мировому судьѣ, который произносилъ надъ нимъ приговоръ за нарушеніе воспрещенія пребыванія въ странѣ и присуждалъ къ тюрьмѣ и денежному штрафу, а по истеченіи срока наказанія, виновнаго выводили съ цѣпью на шеѣ и на рукахъ на границу и вновь изгоняли. Таковы были дѣйствія главы женевскаго

радикализма по отношенію къ республиканцамъ, преслѣдуемымъ остракизмомъ Лудовика-Наполеона, и это продолжалось даже и послѣ амнистіи 1857 г. когда изгнанникамъ выдавались билеты на проживаніе въ избранныхъ ими мѣстностяхъ. Очень можетъ быть, что еслибы Гортензія не была принцессой, она вытерпѣла бы точно такія же мытарства и оскорбленія.

Изъ Женевы экс-королева со своей свитой отправилась въ Моратъ, въ фрибургскомъ кантонѣ, но тамъ жандармерія продержала ее два дня подъ арестомъ, пока кантонскія власти не отдали ей приказанія продолжать свой путь далѣе. Пріѣхавъ въ Констанцъ, Лудовикъ-Наполеонъ и мать его подверглись новымъ преслѣдованіямъ: сначала имъ велѣно было немедленно выѣхать изъ города, и только благодаря заступничеству одной герцогини, имъ дозволено было остаться на время. Въ 1817 г. Гортензія и сынъ ея принуждены были уѣхать изъ Констанца и поселиться въ Аренембергѣ, въ кантонѣ Тургау, а потомъ въ Аугсбургѣ, въ Баваріи, гдѣ Лудовикъ-Наполеонъ началъ ходитъ въ гимназію. Въ 1829 г. воспитаніе принца было окончено и мать его уже болѣе ничто здѣсь не удерживало; она просила правительство и получила разрѣшеніе провести зиму въ Римѣ, но на лѣтнее время Гортензія съ сыномъ постоянно возвращались въ замокъ Аренембергъ, который былъ купленъ экс-королевой.

Человѣкъ, испытавшій подобное преслѣдованіе, изгоняемый королевскимъ правительствомъ Лудовика XVIII изъ одного убѣжища въ другое, тридцать три года не видавшій родины и обязанный прекращеніемъ своего гоненія великодушію республиканцевъ, отворившихъ ему двери Франціи, человѣкъ этотъ, нашедшій возможность,

посредствомъ презрѣнія собственныхъ торжественныхъ обѣщаній, овладѣть властью, — былъ жестокъ и неумолимъ къ этимъ же самымъ республиканцамъ. Онъ отдалъ повелѣніе изгонять и уничтожать ихъ массами, прибѣгнувъ для этого къ самымъ страшнымъ мѣрамъ. Никогда еще исторія не видѣла примѣра подобной неблагодарности, прямо налагающей клеймо на того, кто ее выказалъ.

Но вернемся къ ходу событій. Правительство Тургау дозволило Лудовику-Наполеону сдѣлаться швейцарскимъ гражданиномъ; милость эту онъ поспѣшилъ принять съ благодарностью, которую выразилъ въ письмѣ своемъ къ ландманну: «Положеніе мое, какъ изгнанника, говоритъ онъ, дѣлаетъ меня особенно чувствительнымъ къ подобному участію съ вашей стороны. Вѣрьте мнѣ, что во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, я какъ французъ и Бонапартъ буду гордиться именемъ гражданина свободнаго государства.»

Сдѣлавшись швейцарскимъ гражданиномъ, Лудовикъ-Наполеонъ пользовался и всѣми правами, связанными съ этимъ званіемъ; но въ то же самое время онъ потерялъ свои права французскаго гражданина, такъ какъ французскій законъ говоритъ: «права француза на гражданство теряются, какъ скоро онъ принимаетъ гражданство или поступаетъ на службу въ чужомъ государствѣ.» Въ качествѣ швейцарскаго гражданина, Лудовикъ-Наполеонъ служилъ въ милиціи тургаускаго кантона и находился въ лагерѣ Туна, въ бернскомъ кантонѣ, гдѣ въ 1834 г. его сдѣлали капитаномъ артиллеріи. «Я горжусь, сказалъ онъ Тавелю, вице-президенту бернскаго кантона, принося ему благодарность за таковое отличіе, — я горжусь, что нахожусь между защитниками государства, въ

которомъ воля народа признается какъ основа конституціи, и гдѣ каждый гражданинъ готовъ принести себя въ жертву за свободу и независимость своей страны.»

Впослѣдствіи, когда Лудовикъ-Наполеонъ устроилъ себя во Франціи, онъ тщательно старался скрывать какъ свое иностранное происхожденіе, такъ и швейцарскую натурализацію; онъ очень опасался, чтобы въ 1848 г. не поставили ему ее препятствіемъ въ выборахъ и въ возведеніи его въ президенты республики, такъ какъ этого было бы уже достаточно для недопущенія его къ подобному назначенію; разъ сдѣлавшись иностраннымъ подданнымъ и служивъ иностранному правительству, онъ, въ глазахъ закона, пересталъ быть французомъ. Всѣ услужливые біографы Лудовика-Наполеона старались скрыть подробности его жизни заграницей, а напротивъ не переставали представлять его весьма преданнымъ своей родинѣ и постоянно о ней вздыхавшемъ, тогда какъ въ дѣйствительности, въ качествѣ швейцарскаго гражданина, онъ отъ нея добровольно отказался и принесъ присягу конфедераціи подъ федеральнымъ знаменемъ. Мы упоминаемъ здѣсь объ этомъ фактѣ единственно для того, чтобы указать, по какому поводу Лудовикъ-Наполеонъ отрекся отъ своего отечества.

Когда разразилась іюльская революція, Лудовикъ-Наполеонъ находился въ тунскомъ лагерѣ; при первыхъ извѣстіяхъ объ успѣхѣ возстанія, онъ возъимѣлъ нѣкоторую надежду на возстановленіе династіи Бонапартовъ, но послѣдующія событія вскорѣ доказали ему, что у французскаго народа совершенно изгладилось всякое воспоминаніе о славѣ имперіи, которая въ то время покоилась въ могилѣ императора, на островѣ св. Елены. Никогда еще никакая династія не имѣла такъ мало шансовъ

на возстановленіе, какъ въ 1830 г., династія Наполеона I; въ то время никому и въ голову не приходила мысль реставрировать ее, и только въ 1848 г., вслѣдствіе пагубныхъ событій, вслѣдствіе неспособности большинства лицъ, которымъ ввѣрена была судьба республики, вслѣдствіе заговора и союза всѣхъ роялистскихъ партій, императорская реставрація сдѣлалась возможною. Фелленсъ, самый пристрастный біографъ-панегиристъ Лудовика-Наполеона, говоритъ о немъ по поводу іюльской революціи, что въ 1830 г. взоры его были обращены къ Италіи, гдѣ революція имѣла свой отголосокъ.

Лудовикъ-Наполеонъ и старшій братъ его, вмѣстѣ съ многими италіанскими патріотами, принадлежали къ обществу извѣстному подъ именемъ Карбонари, и когда началось возстаніе въ Романьи, оба принца обязаны были, согласно принесенной ими присяги, принять участіе въ этомъ возстаніи.

4 и 5 февраля 1831 г., революціонное движеніе въ Италіи разразилось въ городахъ Пармѣ, Моденѣ, Болоньи, Реджіо, Феррарѣ, Равеннѣ, Перузѣ, Сполетто, Камерино и Орвіето; поднявъ трехцвѣтное знамя, заговорщики изгнали войска, низложили папскихъ чиновниковъ и провозгласили временное правительство въ Болоньи. Генералъ Арманди, прежній воспитатель старшаго изъ принцевъ Бонапартовъ, былъ назначенъ военнымъ министромъ. Оба сына Гортензіи организовали отряды волонтеровъ, ставъ въ главѣ которыхъ они пошли на Римъ, подъ предводительствомъ Серконьяни; папскіе солдаты были разбиты въ Мачератѣ, Терни, Сполетто и близъ Чивита-Веккіи. Въ ватиканѣ царствовалъ ужасъ; Григорій XVI, бывъ слишкомъ слабъ, чтобы противиться побѣдоносному вторженію, не имѣлъ другаго средства

къ защитѣ, какъ призвать на помощь австрійцевъ; эти послѣдніе, расположенные по берегу По, 25 февраля двинулись съ своихъ позицій и пошли на инсургентовъ. Временное болонское правительство при извѣстіи о такомъ невыгодномъ для него вмѣшательствѣ, послало немедленно всѣ свои силы, имѣвшіяся подъ руками, въ Болонью, дабы сосредоточить здѣсь всю защиту и противопоставить австрійской арміи сильное сопротивленіе. Но оба принцы Бонапарты, которымъ передано было это приказаніе, отказались повиноваться ему и хотѣли продолжать наступательное движеніе на Римъ, вопреки распоряженіямъ генерала Серконьяни. Это ослушаніе открыло глаза революціонному правительству и итальянскимъ патріотамъ; они поняли, что оба молодые принцы сражались не изъ любви къ Италіи и не для ея освобожденія, а изъ личныхъ интересовъ, чтобы овладѣть римскимъ престоломъ, королемъ котораго рожденъ былъ кузенъ ихъ, Наполеонъ II, впослѣдствіи герцогъ Рейхштадскій. Къ принцамъ посланъ былъ генералъ Арманди для отнятія у нихъ, за неповиновеніе, начальства надъ волонтерами, и такъ какъ приказъ не допускалъ возраженій, то имъ пришлось подчиниться. Оба братья оставили свои колонны и уѣхали въ Анкону, а оттуда въ Болонью, но временное правительство не довѣряло имъ болѣе, и такъ какъ они могли для него быть лишь предметомъ затрудненія или непріятностей, то оно приказало имъ вернуться въ Анкону и они вынуждены были покориться. На другой день по отъѣздѣ своемъ, старшій изъ братьевъ занемогъ корью въ Фаэнцѣ. Австрійцы же воспользовались безпорядками и несогласіями въ лагерѣ инсургентовъ, пошли на Парму, Реджіо, Модену и Феррару и взяли эти города. Вскорѣ и Болонья имѣла ту же участь. Оба братья Бонапарты,

узнавъ, что австрійскіе полки преслѣдуютъ временное правительство и всѣхъ патріотовъ, бѣжавшихъ въ Анкону, и что непріятеля ждутъ въ Фаэнцу, поспѣшили принять необходимыя мѣры къ своему спасенію; не смотря на болѣзнь Наполеона-Лудовика, они рѣшились оставить Анкону. Больнаго, со всевозможными предосторожностями повезли въ Форли, отстоящую на 10 миль отъ Фаэнцы, но тамъ онъ сдѣлался такъ слабъ, что не въ силахъ былъ ѣхать далѣе, его положеніе ухудшалось съ каждымъ часомъ и не смотря на всѣ усилія докторовъ, онъ скончался 27 марта, на рукахъ своего меньшаго брата, Карла-Лудовика-Наполеона.

Такая быстрая и преждевременная смерть породила множество толковъ; одни приписывали ее врагамъ семейства Бонапартовъ и обвиняли римскій и австрійскій дворы въ отравленіи молодаго принца; другіе возлагали отвѣтственность на брата покойнаго принца, который, говорили они, такимъ образомъ приблизился самъ къ императорскому трону, потому что прямой наслѣдникъ императора Наполеона I, герцогъ Рейхштадскій, страдалъ уже въ то время смертельнымъ недугомъ. Мы съ своей стороны передаемъ эти толки лишь какъ слухъ, не принимая на себя ручательства за ихъ достовѣрность. Какъ бы то ни было, но со смертью старшаго брата, а вскорѣ со смертью кузена, послѣдовавшей годомъ позже, Лудовикъ-Наполеонъ сталъ уже позировать какъ претендентъ.

Экс-королева Гортензія, узнавъ о бѣгствѣ сыновей своихъ и вмѣстѣ о болѣзни одного изъ нихъ, поспѣшила къ нимъ на помощь, но она пріѣхала слишкомъ поздно, старшій сынъ ея уже умеръ, а меньшаго она встрѣтила въ Пезрао, преслѣдуемаго австрійцами. Королева вернулась

съ нимъ въ Анкону и успѣла его скрыть. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Анкону Лудовикъ-Наполеонъ занемогъ, но благодаря попеченіямъ своей матери, онъ въ непродолжительномъ времени выздоровѣлъ. Гортензія скрыла сына отъ самыхъ тщательныхъ розысковъ австрійцевъ, овладѣвшихъ въ то время Анконой, посредствомъ распространенія слуха, что онъ уѣхалъ въ Грецію. «Однажды вечеромъ, говоритъ въ своихъ мемуарахъ Гортензія, небольшое судно распустило паруса и вышло въ море; всѣ были убѣждены, что оно увозитъ моего сына.» И въ то время, какъ австрійская полиція, обманутая ложными слухами, считала Лудовика-Наполеона на пути къ родинѣ Гомера и Діогена, самъ онъ, переодѣтый лакеемъ ѣхалъ за каретой своей матери, бѣжавшей съ нимъ въ Пизу. По прибытіи въ этотъ городъ принцъ снялъ лакейское платье и съ помощью англійскаго паспорта, добытаго его матерью, проѣхалъ съ ней черезъ Италію во Францію.

Мы видѣли здѣсь, что будущій католическій императоръ, старшій сынъ церкви, защитникъ и реставраторъ папства, покровитель святаго города, никогда не руководился ни чѣмъ другимъ, какъ своимъ личнымъ интересомъ; онъ участвовалъ въ то время въ заговорѣ противъ папы съ цѣлью обратить на себя глаза Европы и получить реноме *либерала* и революціонера, что̀ очень было выгодно для его честолюбивыхъ замысловъ. Точно также и восемнадцать лѣтъ позже, когда онъ былъ президентомъ республики, въ интересахъ своей власти онъ реставрировалъ свѣтскую власть папы и совершилъ римскую экспедицію противъ друзей своей молодости, итальянцевъ, съ которыми когда-то находилъ выгоднымъ дѣйствовать противъ Григорія XVI.

Пребываніе Лудовика-Наполеона во Франціи, въ 1831 году, даетъ намъ новое доказательство его прямодушія. Выше было сказано, что не смотря на законъ, осуждавшій его и все его семейство на вѣчное изгнаніе, онъ и мать его рѣшились съ помощью англійскаго паспорта проѣхать во Францію. Біографъ его, Феллексъ, разсказываетъ объ этомъ происшествіи слѣдующимъ образомъ: «Прибывъ во Францію, путешественники вынуждены были удвоить предосторожность, чтобы не быть узнанными. Принцъ до того былъ взволнованъ при видѣ своего отечества, что написалъ къ королю письмо, въ которомъ просилъ Лудовика-Филиппа принять его простымъ солдатомъ во французскую армію; онъ далъ матери прочесть письмо.

—«Я прочла его, сказала королева, но не одобрила поступка.

«Въ Парижѣ Гортензія остановилась вмѣстѣ съ сыномъ въ Hôtel de Hollande, возлѣ Вандомской площади и поспѣшила извѣстить о своемъ пріѣздѣ Лудовика-Филиппа. Письмо ея было передано королю въ тотъ самый моментъ, когда Себастіани говорилъ въ совѣтѣ, что королева Гортензія отплыла въ Мальту. По полученіи письма король поручилъ президенту совѣта Казиміру Перье съѣздить къ ней. «Я знаю, сказала Гортензія Казиміру Перье, что я нарушила законъ, и я уже взвѣсила всю важность такого нарушенія: вы имѣете право приказать меня арестовать, это будетъ вполнѣ справедливо.

—«Это будетъ только законно,» отвѣтилъ министръ.

«Лудовикъ-Филиппъ далъ Гортензіи аудіенцію. Онъ говорилъ съ ней объ ея изгнаніи какъ о вещи, тяжелымъ камнемъ лежащей у него на сердцѣ: «Мнѣ извѣстны, сказалъ король, всѣ страданія причиняемыя изгнаніемъ,

но не въ моей власти прекратить ваши.» Гортензія призналась, что сынъ ея съ нею. Король просилъ ее держать это сколько можно въ тайнѣ, потомъ добавилъ: «Я знаю, что у васъ есть законныя требованія; напишите мнѣ счетъ того, что вамъ слѣдуетъ, и пришлите его лично ко мнѣ. Я знакомъ съ такого рода дѣлами и предлагаю вамъ устроить ваши.» Послѣ этого Гортензія была принята королевой, которая выказала ей живое участіе въ ея материнскомъ горѣ.

«О томъ, что Гортензія пріѣхала въ Парижъ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, зналъ лишь одинъ король; даже Казиміру Перье не было это извѣстно, а прочіе министры совсѣмъ ничего не знали. Казиміръ Перье подалъ Гортензіи надежду на возвращеніе Бонапартовъ изъ ссылки и на возвращеніе ей герцогства Сенъ-Лё. Онъ предложилъ ей какъ банкиръ ссудить ее посредствомъ займа суммою для продолженія путешествія. Король сдѣлалъ ей подобное же предложеніе; но она отказалась отъ этихъ услугъ.

«Между тѣмъ Лудовикъ-Наполеонъ тотчасъ по пріѣздѣ въ Парижъ занемогъ лихорадкой, которая съ каждымъ днемъ усиливалась. Наступило 5-е мая, день кончины императора; народъ имѣлъ обыкновеніе въ этотъ день приносить къ подножію вандомской колонны вѣнки изъ иммортелей; на этотъ разъ стеченіе народа, выражавшаго свою симпатію къ великой тѣни, было громадное. Надо сознаться, что тайна о присутствіи инкогнито молодаго принца и его матери проникла въ толпу и вѣсть эта значительно подогрѣла энтузіазмъ массъ. Стеченіе народа скоро перешло почти въ возстаніе, хотя и не имѣло въ себѣ ничего крамольнаго. Маршалъ Лобо, начальникъ національной гвардіи, придумалъ для того,

чтобы разогнать толпу, привести на площадь вмѣсто пушекъ пожарныя трубы и дѣйствіемъ этихъ водяныхъ снарядовъ немедленно погасилъ весь жаръ почитателей великаго человѣка. Но не смотря на успѣхъ этой мѣры, Лудовикъ-Филиппъ и его министръ сильно были встрѣвожены. Необходимо было удалить Гортензію.....

«Экс-королева провела двѣнадцать дней въ столицѣ: еслибы сынъ ея не занемогъ, нѣтъ сомнѣнья, ей не позволили бы остаться столько времени.»

Мы привели здѣсь эту длинную бонапартистскую рекламу для того, чтобы показать, до какихъ размѣровъ наполеоновскіе авторы и члены императорской фамиліи умѣютъ простирать поддѣлку истины, и съ какимъ талантомъ, смѣшаннымъ съ лицемѣріемъ, Лудовикъ-Наполеонъ и мать его всегда умѣли эксплоатировать довѣріе тѣхъ, которые были на столько просты и легковѣрны, чтобы довѣрять имъ.

Болѣе чѣмъ двѣ трети фактовъ, описанныхъ въ вышеприведенныхъ строкахъ, противны истинѣ; мы сейчасъ увидимъ это изъ разсказа герцога Омальскаго, въ его письмѣ къ принцу Наполеону-Жерому (Lettre sur l'histoire de France):

«Дозволеніемъ теткѣ вашей пріѣхать во Францію, король нарушилъ законъ, и что всего хуже, онъ сдѣлалъ это секретно отъ своихъ министровъ; это кажется единственный его поступокъ несогласный съ конституціей, въ которомъ можно его упрекнуть. Но сюда входятъ нѣкоторыя подробности, заслуживающія того, чтобы вамъ передать ихъ. На слѣдующій день послѣ аудіенціи, данной королемъ французевъ королевѣ Гортензіи, былъ совѣтъ министровъ.

— «Что новаго, господа?» спросилъ король.

— «Важная новость, государь, возразилъ маршалъ Сультъ: мнѣ навѣрное извѣстно, что герцогиня Сенъ-Лё и ея сынъ проѣхали черезъ южную Францію.

«Король улыбнулся.

— «Государь, сказалъ тогда Казиміръ Перье, я могу дополнить извѣстіе, сообщенное маршаломъ. Не только королева Гортензія проѣхала чрезъ Францію, но она уже въ Парижѣ и ваше величество принимали ее вчера.

— «Ваши свѣдѣнія такъ полны, мой любезный министръ, возразилъ король, что мнѣ уже болѣе ничего не остается сообщить вамъ.

— «А мнѣ государь, осталось еще кое что сообщить вашему величеству. Герцогиня Сенъ-Лё сказала вамъ вчера, что сынъ ея не покидаетъ комнаты вслѣдствіе нездоровья, не такъ-ли?

— «Такъ точно.

— «Онъ нисколько не боленъ, и въ то самое время, когда ваше величество принимали мать, сынъ былъ на совѣщаніи съ главными дѣятелями республики и обсуждалъ, какимъ способомъ вѣрнѣе опрокинуть вашъ тронъ.»

«Лудовикъ-Филиппъ не обратилъ вниманія на такое предостереженіе, но такъ какъ происки продолжались, то министръ взялъ на себя сократить срокъ пребыванія въ Парижѣ королевы и ея сына.»

Изъ этихъ обоихъ разсказовъ можно сдѣлать слѣдующій выводъ, что хотя королева Гортензія и Лудовикъ-Наполеонъ и вернулись во Францію, вопреки запрещенію закона, тѣмъ не менѣе Лудовикъ-Филиппъ принялъ Гортензію очень милостиво, онъ выказалъ ей и ея семейству много участія, предложилъ ей свои услуги,

обѣщалъ позаботится о возвращеніи ей герцогства Сенъ-Лё и простеръ свою благосклонность такъ далеко, что брался лично хлопотать о выдачѣ ей значительной суммы, которую она считала себя вправѣ получить, а до того времени онъ принималъ на себя устроить для нея заемъ, въ которомъ она можетъ быть нуждалась.

Королева оказала ей точно такое же вниманіе и участіе, а министръ Казиміръ Перье предложилъ къ ея услугамъ свою кассу.

Письмо герцога Омальскаго показало намъ, на сколько королева Гортензія и сынъ ея выказали себя достойными того участія и довѣрія, которыя имъ оказывали. Герцогиня Сенъ-Лё прибѣгала ко всевозможнымъ любезностямъ и уловкамъ, чтобы овладѣть довѣріемъ короля и усыпить бдительность его министра; она самымъ безцеремоннымъ образомъ обманула Лудовика-Филиппа, прибѣгнула въ этомъ случаѣ прямо къ лжи, извинясь за сына, не пріѣхавшаго съ ней на аудіенцію, будто бы вслѣдствіе болѣзни, тогда какъ онъ въ то самое время находился въ тайномъ собраніи заговорщиковъ противъ правительства, предлагавшаго ему гостепріимство и услуги. Весьма важно обратить вниманіе на подобную черту вѣроломства и лицемѣрія характера Лудовика-Наполеона и его матери, такъ какъ въ послѣдствіе мы не разъ будемъ имѣть случай видѣть повтореніе того же самаго. Необходимо также замѣтить здѣсь, къ чести республиканцевъ, что они никогда не конспирировали ни съ Лудовикомъ-Наполеономъ, ни съ его партіею, что доказали Страсбургская и Булонская попытки, въ которыхъ ни одинъ республиканецъ не принималъ участія, а тѣ, о которыхъ упоминаетъ герцогъ Омальскій въ своемъ письмѣ, были ни кто иные какъ бонапартисты, имѣвшіе въ то время

обыкновеніе прикрываться республиканской маской, чтобы быть популярнѣе; это были Лети, Персиньи, Аладенизъ и проч. оказавшіеся впослѣдствіи бонапартистами.

«Передъ отъѣздомъ изъ Франціи, говорятъ авторы брошюры *Biographie des hommes du jour,* (Лагеронньеръ и К°.) принцъ Лудовикъ-Наполеонъ Бонапартъ написалъ королю Лудовику-Филиппу письмо, исполненное достоинства и краснорѣчія, въ которомъ онъ съ благородствомъ требовалъ возвращенія ему имени французскаго гражданина, отнятаго у него реставраціей, закономъ 12 января 1816 г. и которое правительство трехцвѣтнаго знамени не могло у него похитить, не нарушая своего принципа и не злоупотребляя силой. Въ письмѣ своемъ, принцъ признавалъ короля за *представителя великой націи* и испрашивалъ чести служить въ рядахъ французской арміи; онъ гордился тѣмъ, что въ Италіи принялъ сторону святаго дѣла народнаго освобожденія и просилъ дать ему возможность умереть, сражаясь за отечество.

Письмо это оставлено было безъ отвѣта. Лудовикъ-Филиппъ и его правительство достаточно уже ознакомились съ личностью Лудовика-Наполеона, и поэтому сочли безполезнымъ и благоразумнымъ не подвергать себя вторичному испытанію. Въ этомъ случаѣ они были дальновиднѣе и предусмотрительнѣе республиканцевъ 1848 года, которые поддались на удочку великолѣпныхъ обѣщаній и формальныхъ увѣреній: «*Подчинить себя собранію, установленному всеобщей подачей голосовъ, не имѣть другаго честолюбія, какъ служить своей странѣ и возвратить себѣ права французскаго гражданина*» и проч.; всѣмъ извѣстно, на сколько онъ выполнилъ все это. Съ первыхъ же шаговъ своей карьеры Лудовикъ-Наполеонъ Бонапартъ принялъ политику хитрости, лжи и ковар-

ства, которой и позже руководился на своемъ обширномъ поприщѣ.

Въ Англіи Лудовикъ-Наполеонъ и мать его оставались лишь нѣсколько мѣсяцевъ; Гортензія выпросила себѣ у французскаго правительства паспортъ на имя баронессы Аренембергъ, для проѣзда черезъ Францію и возвращенія въ Швейцарію, но ей воспрещено было проѣзжать черезъ Парижъ.

Тотчасъ же по возвращенію въ Тургау, въ августѣ 1831 г., Лудовикъ-Наполеонъ немедленно принялся за заговоры. Іюльская революція возбудила надежду въ польскихъ патріотахъ и они готовились взяться за оружіе; Лудовикъ Бонапартъ не упустилъ изъ вида такого случая, чтобы выдвинуться впередъ; онъ вошелъ въ сношеніе съ главными дѣятелями предстоящаго движенія и вскорѣ принялъ, 18 августа 1831 г., въ Аренембергѣ тайную польскую депутацію, предложившую ему стать въ главѣ вооруженной націи. Мы приводимъ здѣсь одно мѣсто изъ письма, адресованнаго къ нему революціоннымъ комитетомъ въ Варшавѣ и подписаннаго генераломъ Кніацевичемъ, графомъ Платеромъ и многими другими: «Кому лучше какъ ни вамъ можемъ мы довѣрить наше предпріятіе. вамъ, племяннику величайшаго изъ полководцевъ всѣхъ вѣковъ! Появленіе молодаго Бонапарта на нашей почвѣ. съ трехцвѣтнымъ знаменемъ въ рукѣ, произведетъ нравственное впечатлѣніе столь сильное, что нельзя даже предвидѣть громадности его послѣдствій. И такъ, молодой герой, надежда нашей отчизны, довѣрьте волнамъ, которыя узнаютъ ваше имя, судьбу цезаря, и что еще важнѣе — судьбу свободы; васъ ожидаетъ признательность вашихъ братій по оружію и удивленіе міра».

Но молодой герой не рѣшился довѣрить коварнымъ

волнамъ судьбу *новаго цезаря:* онъ нашелъ болѣе безопаснымъ для себя оставаться въ Аренембергѣ подъ крыломъ своей нѣжной матери.

Какъ видно вообще, герой нашъ никогда не отличался личной храбростью, и если онъ умѣетъ устроивать тайные заговоры внутри своего кабинета, то совершенно неспособенъ дѣйствовать лично, когда того требуетъ дѣло.

22 іюля 1832 г. умеръ на 21 году, австрійскимъ полковникомъ, герцогъ Рейхштадскій, сынъ императора Наполеона I, который согласно съ актомъ отрѣченія, подписаннымъ въ Фонтенбло, долженъ былъ вступить на императорскій престолъ подъ именемъ Наполеона II. Смерть герцога открыла широкое поприще честолюбію Лудовика-Наполеона, сдѣлавшагося такимъ образомъ, по установленному сенатусъ-консультомъ порядку о престолонаслѣдіи, прямымъ наслѣдникомъ Наполеона I. Смерть его старшаго брата, а потомъ и смерть кузена, расширила передъ нимъ горизонтъ и облегчила ему доступъ къ трону. Съ той минуты онъ уже совершенно серьозно относился къ своей роли претендента и нашелъ, что лучшій способъ, чтобы обратить на себя вниманіе современниковъ — это выступить передъ ними дѣятелемъ политической публицистики и дать такимъ образомъ пищу *для спора* и критики періодической прессы, что́ не замедлитъ сдѣлать имя его извѣстнымъ и окружить его ореоломъ популярности, такъ какъ всѣ журналы, враждебные французскому правительству, ради оппозиціи, не замедлятъ съ преувеличеніемъ восхвалять литературныя и политическія произведенія императорскаго племянника. Расчетъ былъ вѣренъ.

Первое произведеніе Лудовика-Наполеона — была бро-

шюра подъ названіемъ: *Политическія мечтанія*, (Rêveries politiques).

Замѣтимъ здѣсь, что многіе считали Лудовика-Наполеона за человѣка весьма умнаго, но Джемсъ-Фази, который хорошо зналъ его, такъ какъ онъ участвовалъ вмѣстѣ съ нимъ въ заговорахъ, въ молодой Швейцаріи, молодой Италіи и молодой Франціи, говорилъ о немъ, что онъ «человѣкъ крайне посредственный и только необыкновенно упрямый»; даже Гортензія давала ему тоже названіе, которое сама получила нѣкогда отъ брата своего Евгенія: «кроткій упрямецъ.» Человѣкъ этотъ въ теченіе второй половины своей жизни какъ-бы опровергалъ всѣ теоріи, созданныя имъ въ молодости, какъ будто онъ задалъ себѣ задачей противорѣчить самому себѣ. Въ сущности, во всю жизнь у него была одна лишь idée fixe — реставрація имперіи. Сначала, чтобы сдѣлать имперію популярной, онъ искалъ придать ей всю возможную прелесть и очарованіе, окруживъ ее цѣлою фалангою самыхъ либеральныхъ и гуманныхъ идей, а потомъ онъ самъ же издѣвался надъ своими обязательствами; достигнувъ осуществленія своихъ надеждъ и прійдя къ цѣли, онъ не счелъ уже нужнымъ ни выполнять своихъ обѣщаній, высказанныхъ имъ въ его сочиненіяхъ, ни вообще дѣйствовать въ ихъ смыслѣ. Если же Лудовикъ-Наполеонъ и вспоминаетъ когда нибудь свой прекрасный образъ мыслей, которымъ проникнуты его сочиненія, то развѣ только для того, чтобы посмѣяться и удивиться неизмѣримости народнаго довѣрія и человѣческой глупости.

II

СТРАСБУРГСКІЙ ЗАГОВОРЪ.

Самый лучшій способъ оцѣнить человѣка и судить о немъ, — это изучить его жизнь и его дѣйствія. Съ этой цѣлью мы и нашли необходимымъ изучить Лудовика-Наполеона какъ писателя и мыслителя и какъ заговорщика. Въ трехъ самыхъ главныхъ и самыхъ важныхъ эпизодахъ его жизни, т. е. въ смѣлыхъ попыткахъ Страсбурга, Булони и 2 декабря, мы найдемъ главныя черты необыкновенной личности нашего героя и самыя выдающіяся стороны его характера. Онъ весь на лицо въ этихъ трехъ эпизодахъ, которые вполнѣ раскрываютъ его затаенныя идеи, его теоріи, его политическія и соціальныя системы, его нравственные принципы и философскія доктрины, и резюмируютъ всю его политическую дѣятельность.

Не смотря на всѣ усилія Лудовика-Наполеона съ самой молодости заставить говорить о себѣ, то какъ о соучастникѣ въ романской революціи, то какъ о претендентѣ на польскую корону, то какъ о женихѣ португальской принцессы донны Маріи, рука которой, впрочемъ, никогда не была ему предложена, то какъ о публицистѣ

и творцѣ большаго числа политическихъ сочиненій, въ которыхъ онъ выказывалъ себя реформаторомъ и обновителемъ своей эпохи, выдавая себя за преемника идей Наполеона I, котораго онъ называлъ Моисеемъ, Іосіею, Мессіею, а себя его апостоломъ, призваннымъ судьбою и рожденіемъ своимъ къ тому, чтобы осуществить его идеи; не смотря на все это, не смотря на изысканность стиля, на расчитанные ораторскіе эффекты, если не совсѣмъ искусно, то по крайней мѣрѣ весьма самоувѣренно выраженные, не смотря на сравненія, очень часто лишенныя логики и истины, — Лудовикъ-Наполеонъ прозябалъ въ безвѣстности и сочиненія его имѣли мало успѣха. Это объясняется и самымъ свойствомъ неблагодарнаго предмета сочиненій, не содержавшихъ въ себѣ тѣхъ условій, которыя необходимы для успѣха. Наполеоновская доктрина не содержитъ въ себѣ идеала ни о высокомъ, ни объ истинномъ, что одно только и можетъ увлекать умы массъ; въ ней нѣтъ также тѣхъ благородныхъ и великодушныхъ стремленій, которыя всегда создавали апостоловъ и мучениковъ, — ни тѣхъ высокихъ принциповъ абсолютнаго права, которые составляютъ отличительную печать, условіе sine qua non, всякой системы, основанной на справедливости и истинѣ, ни той смѣлой стремительности генія, которая въ будущемъ открываетъ новый горизонтъ, новые, еще невѣдомые міры, и производитъ обаяніе. «Наполеоновская идея» не заключаетъ въ себѣ ни одного изъ этихъ условій, она подъ перомъ автора тяжело влачится по землѣ, беретъ изъ прошлаго бо́льшую часть устарѣлыхъ учрежденій, предразсудковъ и пороковъ; она одѣваетъ своихъ героевъ въ воинскіе обноски имперіи, прикрываетъ ихъ мишурнымъ блескомъ, украшаетъ перьями изъ киверовъ Аустер-

лица и Маренго, нашиваетъ золотые галуны на ливреи куртизановъ и лакеевъ прежняго двора, надѣваетъ на нихъ толстые эполеты, безчисленные ордена, длинныя сабли и шпаги и призываетъ въ ихъ пользу милость Божію и волю народа. И эту-то уродливую перестройку, это грубое и смѣшное переряживаніе, это возстановленіе отжившаго, наполеоновская идея называетъ синтезисомъ, примиреніемъ прошедшаго съ будущимъ, прочнымъ зданіемъ, предназначеннымъ простоять вѣка.

Понятно, что въ подобной задачѣ Лудовику-Наполеону приходилось бороться съ страшными, непреодолимыми трудностями; и понятно, почему сочиненія его остались въ тѣни, не смотря на ихъ нѣкоторое литературное достоинство, на стратегическую ловкость автора въ способѣ изложенія своихъ мыслей и на необыкновенную его хитрость и изворотливость.

Даже не смотря на обаяніе имени Наполеона, ничто не могло пополнить того, чего не доставало таланту автора и его системѣ: онъ не могъ привлечь на себя вниманіе современниковъ и пріобрѣсти репутацію, которая обезпечила бы за нимъ торжество вліянія на умы; мучимый единственной идеей, снѣдаемый неудержимымъ честолюбіемъ, побуждаемый страннымъ желаніемъ овладѣть тѣмъ, что онъ называлъ наслѣдствомъ своего дяди, и непреодолимымъ стремленіемъ подражать ему въ разыгрываніи блестящей роли императора, Лудовикъ-Наполеонъ рѣшился соединить мысль съ самымъ дѣломъ, чтобы прямо и сразу заявить себя претендентомъ.

Изъ всѣхъ средствъ ему показалось самымъ лучшимъ то, которое употребилъ Наполеонъ I при возвращеніи своемъ съ острова Эльбы; поэтому онъ задумалъ повторить высадку въ Каннѣ и попытать второе историческое

свиданіе съ французской арміею, и предпринялъ вооруженную экспедицію противъ правительства короля Лудовика-Филиппа.

Лудовикъ-Наполеонъ учредилъ свою главную квартиру въ красивомъ замкѣ Аренембергѣ, куда онъ послѣ неудачной романской экспедиціи и кратковременнаго пребыванія въ Англіи, опять вернулся вмѣстѣ съ своею матерью. Въ этомъ уединенномъ убѣжищѣ, расположенномъ у Констанскаго озера и подножія Альпъ, въ обществѣ нѣскольскихъ вѣрныхъ друзей, Лудовикъ-Наполеонъ написалъ съ 1831 по 1836 г. свои «*Политическія мечтанія*» и вслѣдъ за ними «*Военныя и политическія соображенія относительно Швейцаріи*» и «*Руководство для артиллерійскихъ офицеровъ Гельветической республики.*» Одинъ изъ друзей его написалъ тогда же его біографію и напечаталъ ее. «Руководство» свое Лудовикъ-Наполеонъ послалъ большему числу французскихъ артиллерійскихъ офицеровъ; онъ съ большой ловкостью отыскивалъ способы для возобновленія сношенія съ арміею, чтобы получить въ ней приверженцевъ. Военные были предметомъ его всевозможныхъ любезностей и вниманія; онъ сближался съ ними, дѣлалъ имъ самыя лестныя предложенія, давалъ въ честь ихъ банкеты, съ энтузіазмомъ говорилъ имъ объ имперіи, о ея воинской славѣ, о своемъ дядѣ, умершемъ мученикомъ на островѣ св. Елены; онъ говорилъ, между прочимъ, что необходимо отистить за него, осуждалъ іюльское правительство, говорилъ о той великой роли, которую призвана играть въ Европѣ Франція, когда у нея будетъ правительство достойное, чтобы управлять ею. Словомъ онъ пускалъ въ ходъ все обаяніе, связанное съ именемъ Наполеона.

Лудовикъ-Наполеонъ основывалъ свои надежды на

всѣхъ революціонныхъ движеніяхъ и на всѣхъ попыткахъ цареубійства, бывшихъ во Франціи; онъ тайно подстрекалъ къ этимъ движеніямъ, держа себя постоянно на готовѣ, чтобы ими воспользоваться, но такъ, чтобы въ случаѣ неудачи отречься отъ нихъ.

Во время ліонскаго возстанія 1834 года, Лудовикъ-Наполеонъ поспѣшилъ пріѣхать въ Женеву, дабы въ случаѣ успѣха возстанія воспользоваться имъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ фактѣ швейцарская «Gasette Universelle»:

«Швейцарскіе радикалы употребили всѣ силы, чтобы доказать молодому Бонапарту, что онъ предназначенъ для возстановленія трона своего дяди. Принцъ былъ ихъ идоломъ и они окружали его лестью, на немъ сосредоточены были надежды ихъ на европейскій переворотъ, столько уже разъ начинавшійся, но всегда безъуспѣшно. Въ 1834 г., во время ліонскаго возстанія, молодой принцъ, въ сопровожденіи своего ментора, доктора Конно *), съ поспѣшностью истиннаго претендента, опасающагося опоздать, пріѣхалъ изъ Тургау въ Женеву. Но дѣла не имѣли успѣха, возстаніе было подавлено и народившійся было императоръ самымъ скромнымъ образомъ поспѣшилъ вернуться въ Аренембергъ и вмѣсто французскаго трона удовольствовался почетнымъ чиномъ капитана бернской артиллеріи.»

Такимъ образомъ страсбургская попытка 3 октября 1836 г., была не первымъ комплотомъ, затѣяннымъ Лудовикомъ-Наполеономъ противъ правительства Лудовика-Филиппа.

Одинъ изъ свидѣтелей въ страсбургскомъ процессѣ, Гесленъ, французскій офицеръ, объявилъ послѣдователь-

*) Послѣдняго фаворита королевы Гортензіи.

но, что заговоръ давно уже существовалъ и что передъ этимъ онъ два раза не удался: разъ въ Страсбургѣ и другой разъ въ Швейцаріи. Письмо обвиненнаго де-Брюкъ къ Лудовику-Наполеону подтверждаетъ то же самое, такъ какъ въ письмѣ этомъ сказано, что не слѣдуетъ допускать, чтобы «*третья*» попытка не удалась.

Лудовикъ-Наполеонъ и бонапартиская партія не были также чужды и покушенію Фіески; хотя казненный Мореи и унесъ съ собой въ могилу свою тайну, постоянно отвергая свое соучастіе въ этомъ заговорѣ; но тѣмъ не менѣе достовѣрно, что корсиканецъ Фіески, какъ и большая часть его соотечественниковъ, былъ восторженный бонапартистъ, что онъ даже высказалъ въ судѣ, громко и открыто выражая свое удивленіе и свою преданность имперіи. Въ газетѣ «Républicain Suisse», говорилось въ то время о планѣ Лудовика-Наполеона Бонапарта и его сообщниковъ сдѣлать нападеніе на Альзасъ и на Ліонъ, въ случаѣ еслибы покушеніе 28-го іюля удалось.

Генеральный прокуроръ Россе, въ своемъ обвиненіи и въ резюме преній во время страсбургскаго процесса, прямо сопоставилъ покушеніе Фіески и наполеоновскій заговоръ въ Аренембергѣ.

«Готовилось страшное преступленіе, говорилъ прокуроръ, слышался тотъ глухой говоръ, который обыкновенно предшествуетъ катастрофамъ. Преступленіе это, прежде чѣмъ ему совершиться, было уже извѣстно за границей. Лудовикъ Бонапартъ выжидалъ момента; въ сообществѣ съ нимъ въ то время были обвиняемые Персиньи и Грикуръ, которые принимали такое дѣятельное участіе въ покушеніи 30-го октября. Но и на

этотъ разъ преступный замыселъ равно не удался, провидѣніе охраняло жизнь короля.»

Этихъ словъ достаточно, чтобы доказать соучастіе бонапартистской партіи въ покушеніи Фіески; хотя до сихъ поръ ни одинъ историкъ не приводилъ еще большей части обвинительныхъ доказательствъ объ участіи этой партіи въ преступленіи корсиканскаго бандита, который не довольствовался однимъ этимъ поступкомъ, но старался еще сложить отвѣтственность своего покушенія на республиканскую партію; но все это подтверждается историческими фактами, относящимися, къ покушенію 28-го іюля.

Семейство Фіески, также какъ и семейство Бонапартовъ, было итальянскаго происхожденія и также жило на о. Корсикѣ. 15-го августа 1808 г., бывъ еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, Фіески покинулъ деревню, въ которой жилъ пастухомъ, и вступилъ волонтеромъ въ тосканскій баталіонъ, состоящій на службѣ у сестры императора Наполеона I, Элизы Бонапартъ; позже онъ посланъ былъ въ Неаполь и поступилъ на службу къ Мюрату. Во время русской компаніи Фіески познакомился съ Густавомъ Дама̀, адъютантомъ маршала, герцога Далматскаго, и былъ уже сержантомъ въ одномъ полку, которымъ командовалъ генералъ Франческетти, и за отличіе при Полоцкѣ получилъ крестъ. Легіонъ, въ которомъ служилъ Фіески, былъ впослѣдствіи переданъ Мюрату, и Фіески вернулся въ Неаполь, гдѣ былъ извѣстенъ какъ ловкій интриганъ и смѣльчакъ; къ нему обыкновенно обращались во всѣхъ случаяхъ, гдѣ требовалась удаль или изобрѣтеніе какого либо хитросплетенія. Въ 1814 году, послѣ мира, онъ вернулся на о. Корсику и оставался тамъ до эпохи ста дней. Послѣ разстрѣлянія Мю-

рата, король неаполитанскій возвратилъ Франціи всѣхъ солдатъ, сопровождавшихъ Мюрата въ его экспедиціи противъ королевства обѣихъ Сицилій, въ числѣ ихъ находились Дамà, Франческетти и Фіески, которые были преданы суду въ Драгиньянѣ, а потомъ прощены. Фіески послѣ этого вернулся опять на Корсику, но вскорѣ попался въ кражѣ и подлогѣ и былъ приговоренъ къ десятилѣтнему тюремному заключенію. Въ тюрьмѣ онъ часто говорилъ о своей привязанности къ императору и хвалился заслугами, оказанными имъ дѣлу Наполеона I, а также сильно возставалъ противъ царствующей династіи. По освобожденіи, Фіески уѣхалъ въ Ліонъ, откуда прежній его начальникъ Дамà уговорилъ его ѣхать въ Парижъ и самъ вскорѣ собирался послѣдовать за нимъ туда. Прибывъ въ Парижъ, Фіески отыскалъ своего прежняго генерала и соотечественника Франческетти, который щедро помогалъ ему и деньгами и протекціей.

«Послѣ 1830 года, въ качествѣ политическаго изгнанника, говоритъ Фіески, я просилъ занятія; многія особы, зная, что я бонапартистъ, покровительствовали мнѣ; я никогда не былъ ни карлистомъ, ни республиканцемъ.» Черезъ посредство Шовена, послѣдовавшаго за Наполеономъ на островъ св. Елены, Фіески въ 1831 году получилъ должность разнощика газеты «La Révolution», издаваемой подъ дирекціей прежняго эскадроннаго начальника его, Ленокса, но вскорѣ былъ выданъ президенту совѣта и военному министру, какъ человѣкъ, способствующій къ поддержанію сообщенія между Дамà и Ленокcомъ и парижскими полками, съ цѣлью революціонной пропаганды.

«Газета «la Révolution», говоритъ Фіески, не пропагандировала революціи, но наполеонизмъ и, я откровен-

но признаюсь, что еслибы сынъ Наполеона I былъ еще живъ, я бы до сихъ поръ находился въ рядахъ бонапартистовъ.»

Слѣдовательно съ 1831 года Фіески, этотъ фанатикъ императора, участвовалъ въ бонапартистскихъ проискахъ; Дюпонъ, адвокатъ Пепина, и агентъ, инженеръ Конъ, заявили, что Фіески уже въ то время говорилъ «о заговорѣ и покушеніи на королевское семейство». Изъ этого, видно, что бонапартистскій заговоръ существовалъ гораздо прежде знакомства Фіески съ Мореи и Пепиномъ *), которыхъ онъ погубилъ.

Участвуя въ заговорахъ съ бонапартиской партіей, Фіески нашелъ возможность быть отрекомендованнымъ Боде и такимъ образомъ сдѣлался тайнымъ агентомъ полиціи; ему поручено было наблюдать за нѣкоторыми политическими обществами; нѣтъ сомнѣнія, что онъ въ это время сообщалъ бонапартистской партіи обо всемъ, что дѣлалось въ полицейской префектурѣ. Префектъ же полиціи, въ вознагражденіе Фіески за его услуги, выхлопоталъ ему пенсіонъ въ 40 франковъ въ мѣсяцъ, въ видѣ вспомоществованія, какъ политической жертвѣ; но когда Боде вышелъ изъ полицейской префектуры, то замѣчено было, что удостовѣренія, представленныя Фіески о себѣ какъ о политической жертвѣ, были ложны, вслѣдствіе чего у него отняли его пенсіонъ и предали суду; онъ пришелъ отъ этого въ такую ярость, что не разъ говорилъ: «если случатся какія либо безпорядки, то онъ первый ворвется въ Тюйльри и убьетъ короля и принцевъ и будетъ грабить все, что попадетъ подъ руки.» Впрочемъ эта черта

*) Фіески выдавалъ ихъ за своихъ соучастниковъ, они были казнены вмѣстѣ съ нимъ, но протестовали противъ этого обвиненія.

не чужда вообще всѣмъ защитникамъ наполеоновской идеи.

Фіески одинаково ненавидѣлъ какъ республику, такъ и іюльскую монархію; онъ говорилъ: «я признаю лишь древнюю римскую республику; республика же 1789 г., была пагубна для Франціи, и я ее отвергаю вполнѣ; Франціи нужна не республика, а имперія».

Вотъ еще одно показаніе, данное Лавока, директоромъ гобеленевской мануфактуры и полковникомъ національной гвардіи, которое также доказываетъ, что Фіески былъ не республиканецъ, а бонапартистъ. «Въ моихъ политическихъ разговорахъ съ Фіески, говоритъ Лавока, онъ мнѣ постоянно говорилъ лишь объ *одномъ предметѣ — это объ императорѣ;* я съ своей стороны любилъ разговаривать съ Фіески о Наполеонѣ I, и зная его горячій характеръ, я всегда боялся, что онъ примкнетъ къ партіи недовольныхъ. Чтобы отвлечь Фіески отъ разныхъ тайныхъ обществъ, я прибѣгнулъ къ аргументу, который счелъ, въ отношеніи къ нему, самымъ дѣйствительнымъ: я сказалъ ему, что императоръ не любилъ тайныхъ обществъ и что имъ онъ обязанъ своимъ паденіемъ. Этихъ словъ было достаточно, для удаленія его отъ тайныхъ обществъ и ассоціацій. Во всѣхъ возмущеніяхъ онъ всегда былъ возлѣ меня, и я часто посылалъ его для разузнованія непріятельскихъ позицій.....»

Подобно многимъ бонапартистамъ, Фіески исполнялъ всѣ роли: онъ былъ въ одно и тоже время агентомъ ради собственныхъ убѣжденій, а также и ради префекта полиціи, и ради національной гвардіи. Фіески попытался было даже, по выходѣ Боде изъ префектуры полиціи, явиться къ Вивьену, занявшему мѣсто Боде, съ цѣлью

получить отъ него какое нибудь выгодное порученіе. Фіески познакомился съ однимъ венгерскимъ агентомъ Кравскимъ, который за разъ служилъ полицейской префектурѣ, сенской префектурѣ, австрійскому и сардинскому посольствамъ и легитимистамъ; онъ совѣтовалъ Фіески послѣдовать его примѣру, но Фіески, будучи повѣреннымъ венгерскаго агента и его любовницы, сдѣлалъ нѣчто лучшее; онъ укралъ изъ конторки мнимой баронессы Кравской всѣ письма, получаемыя ею отъ своего любовника, находившагося въ отсутствіи, въ Италіи, снялъ съ нихъ копіи и передалъ ихъ чиновнику полицейской префектуры для доставленія Вивьену; ему бы хотѣлось лично вручить ихъ Вивьену, но всѣ его усилія быть принятымъ Вивьеномъ остались безуспѣшными.

Если Фіески вовлеченъ былъ въ преступленіе цареубійства вліяніемъ какой либо политической партіи, то конечно это была партія бонапартистовъ, такъ какъ онъ тѣсно связанъ былъ съ генераломъ Франческетти, съ Шовеномъ и Леноксомъ и разъ обвинялся уже въ бонапартійской вербовкѣ въ полкахъ парижскаго гарнизона. Покровителемъ Фіески былъ Дама, всецѣло преданный имперіи, и жившій въ Швейцаріи одновременно съ Лудовикомъ-Наполеономъ. Фіески поддерживалъ постоянныя сношенія съ Дама, и когда принцъ де-Роганъ, жившій также въ Швейцаріи, въ 1835 году поѣхалъ въ Парижъ нѣсколько ранѣе покушенія 28 іюля, Фіески хотѣлъ поручить ему письмо для передачи Дама.

Какъ всѣ корсиканцы, Фіески, этотъ изобрѣтатель адской машины въ 1835 г., былъ настойчивый и скрытный человѣкъ; онъ искусно скрывалъ подъ личиною республиканца свои бонапартистскія идеи, и сбивалъ съ толку правосудіе въ отношеніи своихъ настоящихъ сообщниковъ

тѣмъ, что велъ знакомство съ республиканцами, которыхъ приносилъ въ жертву своими доносами для спасенія дѣйствительныхъ виновниковъ. Этотъ выводъ такъ вѣренъ, что и Дюпонъ, защитникъ Мореи, погибшаго жертвою ложнаго доноса Фіески, въ заключеніе своей защитительной рѣчи говорилъ: «у Фіески дѣйствительно есть сообщникъ, похожій на Мореи, онъ существуетъ, но Фіески взялъ его подъ свое покровительство, такъ какъ онъ вѣроятно его соотечественникъ. Корсиканецъ всегда легко жертвуетъ французомъ, потому что смотритъ на него не какъ на соотечественника. Послушайте самого Фіески, онъ открыто презираетъ французовъ, говоря, что они вѣтрены, болтливы, довѣряютъ тайну женщинамъ и вину и потому недостойны, чтобы участвовать въ великихъ предпріятіяхъ. Корсиканцы же пользуются полнымъ расположеніемъ Фіески; ему нужно корсиканца, только съ нимъ онъ можетъ вести заговоръ.

«Да, у Фіески есть соучастникъ, который похожъ на Мореи, такъ что до нѣкоторой степени ихъ можно принимать одного за другаго....

«Обязанность адвоката не окончивается тѣмъ, что онъ передъ вами защищалъ своего кліента, съ убѣжденіемъ въ его невинности. Правда, если кліентъ оправданъ, то обязанность окончена, а если онъ осужденъ, то ему еще остается одна обязанность, и что до меня касается, то я объявляю, въ случаѣ осужденія Мореи, я принимаю на себя обязанность употребить всѣ силы, чтобы отыскать дѣйствительнаго сообщника Фіески. И что, если поиски мои увѣнчаются успѣхомъ уже послѣ казни Мореи! — Я приду и здѣсь въ судѣ громко назову вамъ его по имени!»

И такъ, имена дѣйствительныхъ сообщниковъ, кото-

рыхъ искалъ Дюпонъ, неумолимая исторія, отъ которой ни что не ускользаетъ, нашла въ настоящее время, она приноситъ ихъ передъ трибуналъ общественнаго мнѣнія и открыто и громко называетъ по имени: сообщникомъ Фіески въ цареубійствѣ была *бонапартистская партія.*

Вотъ еще и другія доказательства истины этого мнѣнія; мы выше привели слова генеральнаго прокурора Россе, говорившаго по поводу покушенія Фіески: «готовилось страшное преступленіе и проч.» Онъ въ своей рѣчи упомянулъ о томъ, что преступленіе это прежде его совершенія было уже извѣстно за границей; и дѣйствительно, внѣ Франціи, особенно въ Швейцаріи, Аренембергѣ и великомъ герцогствѣ Баденскомъ, гдѣ Лудовикъ-Наполеонъ имѣлъ множество агентовъ, комплотъ этотъ былъ впередъ извѣстенъ; вся бонапартистская партія заграницей постоянно сносилась между собою.

Вотъ какъ выражается по этому поводу де-Порталисъ, въ своемъ рапортѣ по дѣлу Фіески:

«Если мы перенесемъ взоръ нашъ за предѣлы Франціи, то увидимъ, что при приближеніи іюльскихъ дней (1835 г.) все казалось предвѣщало, что къ этому времени готовится большой политической толчекъ. Во Франкфуртѣ на Майнѣ муниципальныя власти 28 іюля обращали вниманіе военныхъ властей на нѣкоторые слухи, могущіе впослѣдствіе требовать ихъ содѣйствія. Въ Швейцаріи, въ Баденѣ, въ Бельгіи и даже въ Мюнхенѣ, въ одно и то же время ожидали большихъ смутъ, сигналомъ которыхъ должно было быть преступленіе 28 іюля.....

«Въ Генуѣ, съ самаго начала іюля уже ходили зловѣщіе слухи; 24 іюля на биржѣ открыто говорили, что король французовъ убитъ....

«Въ Римѣ правительство перехватило дневной приказъ Общества пропаганды Молодой Италіи, объявлявшій, что іюльскія дни «увидятъ смерть тирана Франціи и начало возрожденія Европы, и т. д.»

Послѣдняя фраза какъ будто взята цѣликомъ изъ сочиненій Лудовика-Наполеона, это одна изъ его стереотипныхъ любимыхъ декламаціонныхъ формулъ, къ которымъ онъ часто прибѣгаетъ. Племянникъ Наполеона I въ то время участвовалъ въ Обществѣ Молодой Италіи, которое имѣло въ Римѣ своихъ многочисленныхъ агентовъ, и потому ничего нѣтъ удивительнаго, что общество это было извѣщено Лудовикомъ-Наполеономъ о готовившемся убійствѣ Лудовика-Филиппа, такъ какъ самъ Лудовикъ-Наполеонъ зналъ объ этомъ покушеніи отъ своихъ эмиссаровъ; онъ не пренебрегалъ ни какими случайностями для достиженія трона Франціи, и въ 1834 году, во время ліонскаго возмущенія, мы видѣли, какъ онъ поспѣшилъ въ Женеву, чтобы находиться на французской границѣ и быть готовымъ переѣхать ее въ случаѣ паденія правительства. Въ 1835 г. Лудовикъ-Наполеонъ съ той же самой цѣлью оставался въ Аренембергѣ, вмѣстѣ съ Фіаленомъ, иначе называемымъ де-Персиньи, и Грикуромъ. Но и на этотъ разъ надежды его неосуществились. Наконецъ послѣднее доказательство того, что между Фіески и конспираторами Аренемберга существовали сношенія, — это то, что Фіески взялъ себѣ защитникомъ Паркена, братъ котораго былъ женатъ на дѣвицѣ Кошеле, чтицѣ королевы Гортензіи. Супруги Паркены жили въ замкѣ Вольфъбергѣ, въ пяти минутахъ отъ Аренемберга и участвовали въ заговорѣ вмѣстѣ съ Бонапартомъ противъ Лудовика-Филиппа; ниже мы увидимъ одного изъ Паркеновъ,

того, который былъ мужемъ Кошеле, играющимъ большую роль въ страсбургскомъ дѣлѣ.

Таковы сплетенія обвинительныхъ доказательствъ противъ Лудовика-Наполеона и его партіи въ дѣлѣ Фіески; но обвиненіе, подобно тому какъ было и прежде, пало на республиканцевъ. Во время консульства, въ адской машинѣ, которая была дѣломъ роялистской партіи, обвиненіе пало также на республиканскую партію и огромное число жертвъ было тогда осуждено за покушеніе. Въ 1835 году опять три республиканцы Мореи, Пепинъ и Буаро сдѣлались искупительными жертвами бонапартистской партіи.

Если въ то время, когда совершался судъ надъ Фіески, министерство не заявило болѣе формальнымъ образомъ о соучастіи бонапартиской партіи въ дѣлѣ покушенія, то это только потому, что оно лишь позже открыло глаза на это дѣло и получило неопровержимыя доказательства въ этомъ соучастіи лишь во время страсбургскаго мятежа; не имѣя же этихъ доказательствъ въ данный моментъ, оно не хотѣло наложить на память Наполеона I черное пятно преступленій его партизановъ, тѣмъ болѣе, что главныя дѣятели этихъ преступленій и вмѣстѣ подстрекатели Фіески находились за границей и внѣ его власти.

«Послѣ неудачи покушенія, заговорщики вынуждены были обратить надежды свои въ другую сторону, говоритъ генеральный прокуроръ во время страсбургскаго процесса. Лудовикъ-Наполеонъ обратилъ взоры къ арміи; онъ задумалъ военную революцію; онъ вспомнилъ, что преторіанская гвардія и воспоминанія 18 брюмера и 20 марта принадлежатъ его семейству...

«Ему не доставало лишь одной точки опоры — со-

дѣйствія какого либо военнаго начальника. Такой необдимый человѣкъ представился ему въ лицѣ артиллерійскаго полковника страсбургскаго гарнизона, всѣмъ извѣстнаго своимъ громаднымъ вліяніемъ на командуемый имъ полкъ.

«Въ Баденѣ, на балу, 29 іюля 1836 г., Лудовикъ Бонапартъ познакомился съ этимъ полковникомъ, по фамиліи Водре, и въ тотъ же день предложилъ ему участвовать въ своемъ предпріятіи. Сначала полковникъ упирался и дѣлалъ разныя возраженія, но Лудовикъ Бонапартъ говорилъ ему о славѣ имперіи и увѣрялъ, что большая часть арміи приметъ его съ радостью, что онъ въ ней имѣетъ множество партизановъ, что даже многіе генералы преданы ему и обѣщали свое содѣйствіе. Подобныя увѣренія и вмѣстѣ блестящія обѣщанія поколебали полковника, онъ кончилъ тѣмъ, что согласился и далъ слово содѣйствовать успѣху дѣла.

«Но такъ какъ Лудовикъ Бонапартъ все еще боялся, чтобы въ виду опасности предпріятія Водре не отступился отъ своего слова, онъ написалъ ему письмо подъ псевдонимомъ Луизы Вернеръ; но письмо это не попало въ руки полковника, а было перехвачено полиціей, и въ немъ узнали почеркъ Лудовика-Наполеона. Въ письмѣ говорилось:

«Милостивый государь, я не писала къ вамъ съ того времени какъ разсталась съ вами, потому что сначала ждала письма отъ васъ, въ которомъ вы дали бы мнѣ вашъ адресъ, а потомъ съ возвращеніемъ П.... я нашла безполезнымъ увеличивать переписку. Но теперь, такъ какъ вы все еще заняты моимъ замужествомъ, я немогу отказаться отъ желанія выразить вамъ мои дружескія чувства. Вы довольно знаете меня, чтобы не ошибиться

въ моемъ къ вамъ расположеніи; чтоже касается меня, то я ощущаю потребность высказать вамъ мои чувства, потому что вы совмѣщаете въ себѣ все то, что можетъ заставить сердце биться въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ. До моего знакомства съ вами я бродила безъ вожака, какъ смѣлый пловецъ, отыскивающій новый свѣтъ; и подобно ему лишь въ моемъ собственномъ сознаніи и моемъ личномъ мужествѣ сохраняла убѣжденіе въ успѣхѣ; у меня было много надежды, но мало вѣрнаго, когда же я увидѣла васъ, горизонтъ прояснѣлъ, и я воскликнула: берегъ! берегъ!

«Я считаю долгомъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, когда замужство мое прямо зависитъ отъ васъ, возобновить вамъ выраженія дружбы моей и высказать, что каково бы ни было ваше рѣшеніе, оно ни въ чемъ не можетъ измѣнить моихъ чувствъ. Я буду счастлива доказать вамъ когда нибудь всю мою признательность!

«Въ ожиданіи извѣщенія о томъ, выйду ли я замужъ, или останусь старой дѣвой, я прошу васъ принять увѣреніе въ моемъ искренномъ расположеніи.

Луиза Вернеръ.»

Мы видимъ, какъ велико было желаніе Лудовика Бонапарта преслѣдовать свое предпріятіе и какъ важно для него было въ этомъ дѣлѣ участіе полковника; но для того, чтобы еще тѣснѣе связать его съ своимъ предпріятіемъ, онъ счелъ полезнымъ пустить въ ходъ обольстительное вліяніе женщины. Вотъ что разсказываетъ въ обвинительномъ актѣ генеральный прокуроръ объ этой новой тонкости.

«Не смотря на обѣщаніе Водре, Лудовикъ Бонапартъ опасался отказа; онъ слишкомъ много рисковалъ, дѣло шло не объ одной потерѣ блестящей будущности, чести,

но и о жизни; ему могла придти на память неопровержимая истина: *что измѣна всегда есть гнусная вещь*; даже самый успѣхъ дѣла не можетъ облагородить ее.

«Лудовикъ-Наполеонъ зналъ, что полковникъ Водре былъ тщеславенъ, честолюбивъ и при этомъ любилъ наслажденія; хотя онъ и былъ женатъ на женщинѣ достойной всякаго уваженія и имѣлъ семейство, но у него были и другаго рода наклонности; поведеніе его не соотвѣтствовало ни его лѣтамъ, ни положенію. Полковникъ былъ страстный поклонникъ женщинъ, Лудовикъ Бонапартъ и Персиньи знали это, и имъ слѣдовательно оставалось лишь отыскать такую женщину, которая согласилась бы содѣйствовать имъ въ ихъ замыслѣ. Лудовикъ Бонапартъ, говоритъ генеральный прокуроръ, никакими средствами не гнушается.»

Женщину, которая ему нужна была, онъ не долго искалъ; между многочисленной летучей свитой экс-королевы Гортензіи, ихъ было не мало; онѣ спеціально предназначаемы были для доставленія наслажденія любимому ея сыну и его сообщникамъ. Между этими красавицами, одна вдова Гордонъ, рожденная Элеонора Брольтъ, пѣвица, находившаяся въ штатѣ Гортензіи, какъ излагаетъ обвинительный актъ, была особенно замѣчательна и на ней остановился выборъ Лудовика и Персиньи. Элеонора была красавица, умна, дѣятельна, способна интриговать, легкаго поведенія и безъ денегъ; въ ней соединялись всѣ тѣ условія, которыя изъ существа разумнаго могутъ сдѣлать покорный инструментъ. Она какъ нельзя лучше выполнила порученную ей задачу; одно изъ ея писемъ, писанныхъ ею къ Водре было перехвачено, и оно доказываетъ, что Элеонора пускала въ ходъ всѣ средства, всѣ обольщенія, способныя дѣйствовать на

волю этого человѣка; какъ человѣку тщеславному, она расточала всевозможную лесть, какъ солдату и любовнику она давала чувствовать, что отступать отъ даннаго слова — подлость и что она никогда не будетъ принадлежать ему иначе, какъ когда онъ всецѣло отдастся успѣху предпріятію.

Луи Бланъ удѣляетъ нѣсколько строкъ описанію г-жи Гордонъ: Элеонора Гордонъ была женщина весьма живая и черезъ-чуръ можетъ быть ужъ преданная политическимъ интригамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она съ красотою наружности соединяла горячую душу, природное краснорѣчіе, настойчивость и мужество. Она мнѣ сама разсказывала, какъ она ѣздила въ Дижонъ, гдѣ въ то время находился полковникъ Водре, и лично убѣждала его не отступать отъ принятаго рѣшенія; доводы ея имѣли такую силу и такое вліяніе, что Водре безъ замедленія, едва лишь успѣлъ сбросить съ ногъ туфли, какъ выражалась она, отправился съ ней вмѣстѣ въ Страсбургъ. Дѣло въ томъ, что г-жа Гордонъ питала къ памяти Наполеона I слѣпое, безграничное, какое то суевѣрное поклоненіе, Бонапартовъ же она не уважала, находя ихъ людьми ограниченныхъ умственныхъ способностей и лишенныхъ рѣшимости.... Лудовику-Наполеону она предавала весьма мало значенія; я разъ спросилъ ее шутя, любила ли она его? «да, отвѣчала она съ улыбкой, я его любила политически; по правдѣ сказать, онъ въ моихъ глазахъ походитъ на женщину.»

Полковникъ Водре откровенно признавался, и даже не безъ нѣкотораго самолюбія, въ своихъ отношеніяхъ къ Элеонорѣ Гордонъ; знакомство свое съ ней онъ относилъ ко времени его пребыванія въ Баденѣ, и съ тѣхъ поръ она какъ тѣнь всюду за нимъ слѣдовала, одно вре-

мя она жила въ его загородномъ домѣ въ Дижонѣ, откуда и увезла его въ гостиницу Валь-Данферъ возлѣ Фрейбурга, на свиданіе съ Лудовикомъ-Наполеономъ.

Но какъ видно, г-жа Гордонъ въ одно и тоже время дѣлала за разъ нѣсколько счастливцевъ, она была самою дѣятельною и самою нѣжною душою интриги и ея милости распространялись на всѣхъ заговорщиковъ; почти тоже самое подтверждаетъ и обвинительный актъ, свѣдѣнія котораго по части любовныхъ интригъ конспираторовъ были гораздо полнѣе свѣдѣній о ихъ политическихъ проискахъ:

«Въ Баденѣ, въ іюлѣ, Элеонора нѣсколько разъ *принимала у себя* Лудовика Бонапарта и выѣзжала съ нимъ. Въ то же время *отношенія ея къ Персиньи были самыя интимныя.*»

Надо удивляться, что такія великія и пріятныя услуги остались безъ вознагражденія. Глава заговора, сдѣлавшись президентомъ республики, въ 1848 г., не вознаградилъ г-жу Гордонъ достойнымъ образомъ за ея усердіе; онъ оставилъ ее въ глубокой бѣдности и далъ ей умереть въ больницѣ.

Какъ видно, признательность не всегда бываетъ добродѣтелью президентовъ.

Съ высшими начальниками арміи Лудовикъ Бонапартъ пускалъ въ ходъ другаго рода хитрости. Къ перу Франціи, генералу Экселмансъ, онъ послалъ одного изъ сообщниковъ своихъ, де-Брюка, съ письмомъ, въ которомъ просилъ у него свиданія:

«Аренембергъ, 11 октября 1836 г.

«Генералъ,

«Пользуясь вѣрнымъ случаемъ, я желаю сказать вамъ, что былъ бы счастливъ, еслибы имѣлъ возможность пере-

говорить съ вами. Ваша высокая репутація, ваша гражданская и военная доблесть, даютъ мнѣ надежду, что вы не откажетесь подать мнѣ совѣтъ въ одномъ затруднительномъ обстоятельствѣ. Племянникъ императора съ довѣріемъ обращается къ старому воину, старому другу, и увѣренъ, что вы простите ему этотъ поступокъ, могущій показаться несвоевременнымъ всякому другому, но не вамъ, генералъ, такъ какъ вы способны понимать всякое благородное стремленіе. Полковникъ де-Брюкъ, пользующійся моимъ полнымъ довѣріемъ, взялся рѣшить, съ вашего согласія, гдѣ лучше мнѣ будетъ можно съ вами видѣться.

«Примите, генералъ, и проч...

«Наполеонъ-Лудовикъ Бонапартъ.»

Старый генералъ, которому вѣроятно показалось весьма не лестнымъ, что его принимали за измѣнника, хотя Лудовикъ Бонапартъ и называлъ измѣну весьма наивно и остроумно *благороднымъ стремленіемъ*, на отрѣзъ отказался отъ свиданія и поручилъ подателю письма «сказать принцу, что онъ хорошо бы сдѣлалъ, еслибы не компрометировалъ ни себя, ни своего семейства. Если онъ питаетъ какіе либо замыслы, то скажите ему, что онъ заблуждается. Онъ равно заблуждается, если вѣритъ, что во Франціи существуетъ партія: здѣсь живетъ глубокое уваженіе къ памяти императора, но и только.»

Точно такимъ же образомъ Лудовикъ-Наполеонъ обратился и къ генералу Вуаролю, командиру 5 дивизіи, стоявшей въ Страсбургѣ. Вотъ содержаніе письма Лудовика Бонапарта:

«Баденъ, 14 августа 1836 г.

«Генералъ,

«Въ непродолжительномъ времени я долженъ буду

вернуться въ Швейцарію и мнѣ будетъ весьма прискорбно покинуть границу Франціи, не видавъ старыхъ воиновъ, которыхъ я такъ глубоко уважаю. Я знаю, генералъ, что политическіе законы хотѣли бы отбросить васъ и меня въ два совершенно противные лагеря; но это невозможно, такъ какъ для меня старый воинъ будетъ всегда другомъ, а мое имя будетъ ему всегда напоминать дни его славной молодости.

«Генералъ, сердце мое разрывается; вотъ уже мѣсяцъ какъ передъ глазами у меня Франція, а я не смѣю вернуться на ея почву. Завтра день имянинъ императора и день этотъ я проведу съ чужеземцами. Если вы согласитесь назначить мнѣ на дняхъ свиданіе гдѣ нибудь въ окрестностяхъ Бадена, вы изгладите вашимъ присутствіемъ тяжелыя впечатлѣнія, которыя меня осаждаютъ; обнявъ васъ, я забуду людскую неблагодарность и жестокость судьбы. Прошу васъ, генералъ, извинить мои столь дружественныя изліянія, которыя я позволяю себѣ въ отношеніи лица мнѣ незнакомаго: но я знаю, что сердце ваше не состарѣлось.

«Примите, генералъ, увѣреніе моего къ вамъ неизмѣннаго уваженія вмѣстѣ съ выраженіемъ того счастья, которое доставитъ мнѣ свиданіе съ вами.

«Наполеонъ-Лудовикъ Бонапартъ.»

Это патетическое и нѣжное письмо имѣло также мало успѣха, какъ и первое.

Вмѣсто отвѣта, генералъ Вуароль поѣхалъ къ префекту предупредить его о необходимости усиленія надзора, сказавъ ему при этомъ, что у принца есть эмиссары въ Страсбургѣ и что одному офицеру уже были дѣлаемы предложенія.

Но обѣ неудачи эти нисколько не уронили духа Лу-

довика-Наполеона, онъ кромѣ полковника Водре и г-жи Гордонъ завербовалъ еще нѣсколькихъ военныхъ начальниковъ, между которыми мы прежде всего назовемъ командира Паркена. Гортензія еще въ 1822 году заручилась Паркеномъ, женивъ его на своей чтицѣ, дѣвицѣ Кошеле, и пріобрѣтя въ немъ, такимъ образомъ, для своего сына самого преданнаго повѣреннаго, хотя преданность эта нисколько не помѣшала Паркену въ 1830 году хлопотать о поступленіи на дѣйствительную службу и получить начальство надъ муниципальной гвардіею, вѣроятно съ цѣлью облегчить себѣ путь къ измѣнѣ тому правительству, которое онъ принялъ обязанность оберегать. Паркенъ никогда почти не являлся въ свой полкъ и не носилъ мундира, онъ съ дозволенія своего начальства жилъ постоянно въ купленномъ имъ замкѣ Вольфбергѣ въ самомъ ближайшемъ сосѣдствѣ съ замкомъ Аренембергомъ. Офицеръ этотъ довольствовался тѣмъ, что бралъ жалованье отъ правительства, которому измѣнялъ. Когда на судѣ спросили Паркена, отчего онъ не сдержалъ присяги, онъ отвѣчалъ съ притворнымъ энтузіазмомъ: «Какъ гражданинъ и какъ солдатъ я тридцать три года назадъ присягнулъ въ вѣрности императору Наполеону и его династіи, и я не такой великій дипломатъ, какъ Таллейранъ, который принесъ тринадцать присягъ; когда племянникъ императора потребовалъ моихъ услугъ, то я, связанный присягой, принесенной мною его дядѣ и династіи, считалъ своимъ долгомъ не измѣнять клятвѣ.»

Другой соучастникъ Лудовика Бонапарта былъ Арманъ Лети, 27 лѣтъ, командиръ сапернаго баталіона въ Страсбургѣ; онъ выдавалъ себя за демократа и республиканца и на судѣ, при допросѣ, объяснилъ, что онъ считалъ и Лудовика-Наполеона сочувствующимъ рес-

публикѣ. Однако демократическія и республиканскія убѣжденія Лети нисколько не помѣшали ему впослѣдствіи сдѣлаться сенаторомъ имперіи.

Третій сообщникъ былъ пѣхотный поручикъ де-Керелль, выгнанный изъ полка за долги; находясь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, де-Керелль съ восторгомъ принялъ предложенія Персиньи, обѣщавшаго ему орденъ почетнаго легіона, чинъ полковника и начальство надъ баталіономъ гренадеровъ императорской гвардіи.

Четвертый сообщникъ де-Грикуръ былъ, какъ и де-Керелль, человѣкъ обезславленный; онъ принадлежалъ къ партіи легитимистовъ.

Пятый былъ де-Брюкъ, которому поручено было передать письмо генералу Эксельмансу, былъ эскадроннымъ командиромъ и также принадлежалъ къ партіи легитимистовъ. Всѣ трое, де-Керелль, де-Грикуръ и де-Брюкъ, были люди безъ правилъ, безъ чести, истинные chevaliers d'industrie, принявшіе участіе въ заговорѣ единственно для того, чтобы свободнѣе и больше захватить денегъ. Прочіе заговорщики играли незначительную роль въ интригѣ и большая часть изъ нихъ были обольщены обѣщаніями Лудовика Бонапарта, съ помощію полковника Водре.

Здѣсь мы скажемъ нѣсколько словъ о Персиньи, настоящее имя котораго Жанъ-Жильбертъ-Викторъ Фіаленъ; нетитулованное имя отца не нравилось Фіалену и поэтому онъ назвался Виконтомъ де-Персиньи. Честолюбіе снѣдало молодаго де-Персиньи, между тѣмъ ему не везло ни на военномъ, ни на литературномъ поприщѣ. Онъ поочередно былъ роялистомъ, республиканцемъ, легитимистомъ и наконецъ бонапартистомъ; послѣднее показалось ему всего выгоднѣе и открывало широкій го-

ризонтъ его честолюбію; поэтому онъ явился къ Лудовику-Наполеону, высказалъ ему свое удивленіе и благоговѣніе къ императору и то влеченіе, которое онъ почувствовалъ при прочтеніи «Политическихъ мечтаній» и «Военныхъ и политическихъ соображеній о Швейцаріи», къ автору столькихъ великихъ и благородныхъ идей; словомъ, онъ такъ польстилъ Лудовику Бонапарту, которому нуженъ былъ дѣятельный и способный агентъ, что тотъ поспѣшилъ воспользоваться его преданностью и вскорѣ сдѣлалъ его самымъ близкимъ своимъ повѣреннымъ въ политическихъ предпріятіяхъ.

Около половины 1836 г., Персиньи основалъ свою главную квартиру въ Панси, въ домѣ легитимиста Грикура, и оттуда переписывался съ одной стороны съ де-Брюкомъ, которому поручено было организовать заговоръ въ Парижѣ, въ высшихъ военныхъ сферахъ арміи, и искать соучастниковъ даже на ступеняхъ трона, а съ другой стороны съ полковникомъ Водре, который взялъ на себя вербовку нижнихъ чиновъ въ Страсбургѣ.

Когда заговоръ былъ уже достаточно подготовленъ, главные дѣятели согласились между собою собраться въ Фрейбургѣ въ послѣднихъ числахъ октября; но свиданіе это не состоялось по винѣ Персиньи и де-Брюка, и Лудовикъ-Наполеонъ напрасно прождалъ своихъ сообщниковъ. Какіе-то три генерала, имена которыхъ остались неизвѣстны, также пріѣзжали на это свиданіе, но не найдя никого, уѣхали взбѣшенные.

Послѣ этого де-Брюкъ написалъ, что дѣло слѣдуетъ отложить до марта, но Персиньи, всѣми силами поощрялъ Лудовика-Наполеона попытать счастья ранѣе. Причина, по которой Персиньи дѣйствовалъ такимъ образомъ, объяснится нѣсколько ниже.

Мы не видимъ между соучастниками Лудовика-Наполеона ни одного человѣка, который дѣйствовалъ бы подъ вліяніемъ своихъ личныхъ политическихъ убѣжденій, какъ это большею частію бываетъ въ политическихъ заговорахъ, потому что политика всегда имѣетъ подобно религіи своихъ вѣрующихъ и своихъ фанатиковъ. Одна только г-жа Гордонъ могла еще дѣлать исключеніе въ этомъ сборищѣ людей безъ вѣры и убѣжденій.

Ознакомившись съ персоналомъ страсбургскаго заговора, перейдемъ къ описанію самыхъ дѣйствій заговорщиковъ, заимствуя его изъ письма виновника этого заговора, письма писаннаго имъ въ 1836 г. къ своей матери, въ то время, когда онъ отправился, по распоряженію французскаго правительства, въ Америку.

«28 октября, въ одинадцать часовъ вечера я пріѣхалъ въ Страсбургъ, пишитъ Лудовикъ-Наполеонъ; карета моя безъ всякаго затрудненія проѣхала въ отель, а самъ я помѣстился въ небольшой комнатѣ, нанятой для меня въ улицѣ ла-Фонтень.

«Здѣсь видѣлся я съ полковникомъ Водре и представилъ ему на разсмотрѣніе свой планъ дѣйствій; но полковникъ, благородныя и великодушныя чувства котораго заслуживаютъ лучшей участи, сказалъ мнѣ: «Здѣсь нельзя прибѣгать къ дѣйствію оружіемъ *); ваше дѣло слишкомъ французское и слишкомъ чистое, чтобы осквернять его пролитіемъ французской крови; существуетъ лишь одинъ способъ дѣйствій, достойный васъ, такъ какъ онъ избавитъ васъ отъ необходимости прибѣгать

*) Какъ видно изъ приведенныхъ здѣсь собственныхъ словъ Лудовика-Наполеона, онъ имѣлъ намѣреніе прибѣгнуть къ междоусобной войнѣ, и только полковникъ Водре удержалъ его отъ этого намѣренія.

къ оружію: когда вы станете въ главѣ моего полка, мы вмѣстѣ отправимся къ генералу Вуаролю; старый служака не устоитъ при взглядѣ на васъ и на императорскихъ орловъ, въ особенности, когда узнаетъ, что за вами идетъ весь гарнизонъ.» Я согласился съ нимъ и мы рѣшили на слѣдующей же день привести планъ нашъ въ исполненіе. Одинъ изъ домовъ улицы сосѣдней съ аустерлицкимъ кварталомъ былъ нами нанятъ, съ тѣмъ, чтобы всѣмъ намъ сойтись въ этомъ домѣ и оттуда уже отправиться въ казарму, какъ скоро артиллерійскій полкъ будетъ въ сборѣ.

«29, въ одинадцать часовъ вечера, одинъ изъ друзей моихъ пришелъ за мной и мы отправились къ мѣсту общаго свиданія; вдвоемъ мы прошли черезъ весь городъ.

«Прибывъ въ улицу, гдѣ находился нанятый нами домъ, я нашелъ друзей моихъ въ полномъ сборѣ. Я поблагодарилъ ихъ за преданность моему дѣлу и сказалъ, что съ этой минуты мы будемъ дѣлить вмѣстѣ все — и удачу и неудачу. Одинъ изъ офицеровъ принесъ орла, знамя это принадлежало 7-му линейному полку. «Орелъ Лабедоера!» воскликнули всѣ, и каждый изъ насъ съ чувствомъ обнялъ знамя.... Всѣ офицеры были въ полной формѣ, на мнѣ былъ артиллерійскій мундиръ и шляпа главнаго штаба.»

Лабедоеровскій орелъ, о которомъ такъ трогательно выражается Лудовикъ-Наполеонъ, было совершенно новое знамя, по заказу самого же Лудовика Бонапарта отлитое въ Пасси на заводѣ братьевъ Віо, что и доказано было на судѣ. Если сцена эта описана вѣрно, то что слѣдуетъ думать о человѣкѣ, играющемъ такъ легкомысленно довѣріемъ и наивнымъ энтузіазмомъ офицеровъ, приносившихъ себя въ жертву его дѣлу!

Что же касается парадной формы, въ которую одѣты были офицеры, то не лишнее будетъ сказать и объ этомъ два слова, чтобы дать понятіе о распредѣленіи ролей по усмотрѣнію новаго императора, въ приготовляемой имъ комедіи.

Паркенъ, командиръ муниципальной гвардіи, одѣтъ былъ маршаломъ.

Де-Керелль, экс-поручикъ легкаго пѣхотнаго полка, нашелъ приличнымъ закостюмироваться эскадроннымъ командиромъ.

Де-Грикуръ, никогда не служившій въ военной службѣ, на этотъ разъ облекся въ мундиръ главнаго штаба.

Фіаленъ, онъ же де-Персиньи, бывшій квартирмейстеръ, одѣлся также офицеромъ главнаго штаба.

Наконецъ и самый глава всѣхъ этихъ закостюмированныхъ героевъ, говорящій такъ скромно о своемъ артиллерійскомъ мундирѣ и шляпѣ главнаго штаба, какъ извѣстно, былъ одѣтъ съ головы до ногъ въ историческій костюмъ императора Наполеона I, начиная съ сапогъ и кончая лентой почетнаго легіона.

Условіе безъ сомнѣнія было такого рода, что еслибы попытка удалась, то всѣ дѣйствующія лица остались бы въ своихъ роляхъ и со всѣми тѣми атрибутами, которыя сопровождали ихъ костюмировку, т. е. чинами, орденами и лентами.

Лудовикъ-Наполеонъ, мастерски распредѣлившій въ страсбургскомъ дѣлѣ каждому свою роль, не забылъ запастись и цѣлымъ рядомъ прокламацій, изъ которыхъ одну онъ прочиталъ въ ту же достопримѣчательную ночь, 29 октября 1836 г., на общемъ собраніи всѣхъ своихъ соучастниковъ и въ присутствіи полковника Водре.

Прокламацію эту мы находимъ также въ письмѣ Лудовика-Наполеона:

«Господа! вамъ извѣстно все неудовольствіе націи къ правительству, вамъ извѣстно также и то, что въ настоящее время нѣтъ ни одной партіи достаточно сильной, чтобы опрокинуть это правительство, и достаточно могущественной, чтобы въ случаѣ удачи, соединить всѣхъ французовъ. Безсиліе правительства, также какъ и безсиліе партій, происходитъ отъ того, что и правительство и партіи представляютъ лишь интересы какого либо одного класса общества, опираясь или на духовенство и дворянство, или на буржуазную аристократію, или наконецъ на однихъ пролетаріевъ.

«При подобномъ положеніи дѣлъ, существуетъ лишь одно знамя, способное связать всѣ партіи, знамя Франціи, а не партій, — это орелъ имперіи. Подъ этимъ знаменемъ, напоминающимъ дни великой славы, всѣ классы общества найдутъ себѣ мѣсто, оно есть представитель всеобщихъ правъ и интересовъ. Императоръ Наполеонъ I получилъ власть изъ рукъ французскаго народа, и власть эта была четыре раза освящена — тѣмъ же самымъ народомъ. Въ 1804 г. права наслѣдія въ императорскомъ семействѣ были признаны голосами четырехъ милліоновъ людей, съ тѣхъ поръ народъ болѣе не былъ спрошенъ.

«Какъ старшій между племянниками императора, я слѣдовательно могу считать себя представителемъ народнаго избранія, я не говорю имперіи, потому что въ теченіе двадцати лѣтъ идеи и потребности Франціи должны были измѣниться; но факты не уничтожаютъ принципа, онъ только можетъ быть уничтоженъ другимъ принципомъ, а принципъ избранія 1804 г. не могъ быть уничтоженъ ни 200,000 иноземцевъ 1815 г., ни палатою 1830 г.

«Наполеоновская система заключается въ томъ, чтобы дать цивилизаціи мирное и правильное движеніе, дать идеѣ свободное стремленіе, развивая при этомъ и матеріальные интересы, пріучить массы къ дисциплинѣ, согласно ихъ умственнымъ способностямъ, наконецъ соединить у алтаря отечества французовъ всѣхъ партій, вручивъ имъ знамя чести и славы. И такъ, возстановимъ народъ въ его правахъ, возстановимъ орла на нашихъ знаменахъ и упрочимъ наши учрежденія. Неужели, государи божественнаго права могутъ находить людей, которые готовы умирать за возстановленіе злоупотребленій власти и ея привилегій, а я, чье имя выражаетъ славу, честь и права народа, я обреченъ умереть одиноко въ изгнаніи!...»

«Нѣтъ, отвѣчали мои храбрые товарищи, — прибавляетъ Наполеонъ: вы не умрете одиноко, мы умремъ вмѣстѣ съ вами, или вмѣстѣ одержимъ побѣду во имя французскаго народа!»

Нельзя не замѣтить, что въ этой прокламаціи Лудовикъ-Наполеонъ предъявляетъ на Францію права какъ бы на родовое помѣстье своего дяди. Это тѣмъ болѣе было неумѣстно, что ему ни въ какомъ случаѣ не принадлежало въ 1836 г. право наслѣдованія. Сенатусъ-консультъ XII года, ст. 5 постановляла: «за неименіемъ Наполеономъ Бонапартомъ прямаго и законнаго наслѣдника, а также и наслѣдника признаннаго, императорская власть будетъ передана Іосифу Бонапарту и его прямымъ и законнымъ потомкамъ.»

Ст. 6. «За смертью Іосифа Бонапарта и за неимѣніемъ отъ него прямыхъ и законныхъ наслѣдниковъ мужскаго пола, императорская власть передается Лудовику Бонапарту и его законнымъ и прямымъ потомкамъ.»

Въ 1836 же году Іосифъ и Лудовикъ Бонапарты, т. е. дядя и отецъ страсбургскаго героя, были еще живы, слѣдовательно императорскій тронъ могъ въ то время принадлежать только Іосифу Бонапарту, а Лудовикъ-Наполеонъ не имѣлъ на него никакого права даже въ силу акта, на который онъ ссылался въ своей прокламаціи.

По произнесеніи рѣчи, приведенной нами выше, Лудовикъ-Наполеонъ сдѣлалъ всѣ распоряженія къ слѣдующему дню, предназначенному для выполненія его предпріятія. Мы приводимъ здѣсь опять выдержки изъ того же самого его письма, писаннаго къ королевѣ Гортензіи:

«Ночь показалась намъ необыкновенно длинной; я провелъ ее въ писаніи моихъ прокламацій, которыя изъ предосторожности не хотѣлъ печатать заблаговременно. Рѣшено было всѣмъ оставаться въ нанятомъ для насъ домѣ, до тѣхъ поръ, пока полковникъ Водре дастъ мнѣ знать, что пора отправиться въ казарму. Мы считали часы и минуты; шесть часовъ утра было время, назначенное для дѣйствій. Трудно изобразить словами что происходило въ моей душѣ! Въ подобномъ положеніи въ секунду проживается болѣе чѣмъ въ десять лѣтъ; жить — значитъ дѣйствовать разомъ всѣми внутренними способностями всего своего существа, а въ такія критическія минуты всѣ способности наши съ неимовѣрной силой устремляются на одну точку; минута эта рѣшаетъ судьбу всей нашей жизни. Крѣпость духа является лишь тогда, когда мы можемъ сказать себѣ: завтра я или буду освободителемъ моей отчизны, или умру за нея. Когда же обстоятельства слагаются такъ, что не случается ни

того, ни другаго, то человѣкъ достоинъ глубокаго сожалѣнія.»

Изъ этихъ строкъ можно заключить, что Франція въ 1836 г. была въ какой либо великой опасности и стояла на краю гибели. Но кому же не извѣстно, что при Лудовикѣ-Филиппѣ Франція была какъ нельзя болѣе миролюбиво настроена и ей не угрожала ни какая гибель, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ самая неудача страсбургской попытки Лудовика-Наполеона, попытки, предпринятой имъ въ видахъ спасенія отечества. Не смѣшна ли такая претензія? Но всякій претендентъ старается всегда прикрыть свои собственные честолюбивые замыслы мнимой преданностью политическому дѣлу, а потому и Лудовикъ-Наполеонъ прикрывался фразами, называя себя освободителемъ Франціи, хотя въ 1836 году, никто, даже сами партизаны Лудовика-Наполеона, не считали его за освободителя. Что же касается опасности жизни, о которой онъ говоритъ, то и тутъ онъ хорошо зналъ, что Лудовикъ-Филиппъ не способенъ былъ послѣдовать примѣру Наполеона I и поступить подобно тому какъ поступлено было съ принцемъ Конде.

Но будемъ продолжать выдержки изъ письма страсбургскаго героя:

«Не смотря на принятыя предосторожности, шумъ отъ присутствія такого количества людей разбудилъ другихъ жильцовъ нашего дома; мы слышали какъ они отворяли окна; было пять часовъ и мы удвоили предосторожность. Скоро все опять стихло, жильцы заснули.

«Наконецъ пробило шесть часовъ! Никогда еще бой часовъ не раздавался съ такой силой въ моемъ сердцѣ; но удары его сдѣлались еще учащеннѣе, когда вдругъ раздался звукъ аустерлицкой трубы. Великая минута на-

ступала. Послышался шумъ на улицѣ и мимо нашихъ оконъ пробѣжали солдаты и проскакали кавалеристы. Я тотчасъ послалъ одного изъ офицеровъ узнать о причинѣ тревоги, полагая, что можетъ быть штабъ былъ извѣщенъ о нашихъ намѣреніяхъ и заговоръ нашъ былъ открытъ. Офицеръ вскорѣ вернулся съ извѣстіемъ, что шумъ происходилъ оттого, что полковникъ послалъ солдатъ за лошадьми, которыя не находились въ казармѣ, а въ другомъ мѣстѣ.

«Спустя нѣсколько минутъ мнѣ пришли сказать, что полковникъ Водре ждетъ меня. Исполненный надежды на успѣхъ я бросаюсь на улицу; Паркенъ, въ мундирѣ бригаднаго генерала, и начальникъ батальона съ орломъ въ рукахъ шли рядомъ со мною, двѣнадцать другихъ офицеровъ шли позади.

«Переходъ былъ короткій. Полкъ былъ выстроенъ по батальонамъ на самомъ дворѣ казармы за рѣшеткой; на плацу стояло сорокъ канонеровъ верхомъ.

«Полковникъ Водре стоялъ посреди двора, я направился прямо къ нему. Тогда полковникъ, высокая фигура и прекрасное лицо котораго выражали нѣчто величественное, выхватилъ изъ ноженъ свою шпагу и воскликнулъ: «Солдаты 4-го артиллерійскаго полка, въ настоящую минуту совершается великій переворотъ, вы видите здѣсь передъ собою племянника императора Наполеона, онъ явился для того, чтобы возстановить права народа; народъ и армія могутъ на него положиться. Вокругъ него должны собраться всѣ, кто любитъ славу, свободу и Францію. Солдаты! вы должны чувствовать, подобно вашему начальнику, все величіе того предпріятія, которое мы готовимся осуществить. Солдаты! можетъ ли племянникъ императора положиться на васъ?»

Это горячее воззваніе полковника Водре, вызвавшее всеобщій энтузіазмъ между артиллеристами, предварительно подогрѣто было раздачей по сорока франковъ на батарею и болѣе двухсотъ франковъ унтеръ-офицерамъ.

Послѣ горячаго привѣтствія со стороны солдатъ, племянникъ императора, окруженный своимъ импровизированнымъ штабомъ, выступилъ весьма робко и неловко передъ полкомъ и, вынувъ изъ кармана рукопись, началъ медленно, протяжно и съ иностраннымъ акцентомъ читать слѣдующую свою прокламацію:

«Рѣшившись побѣдить или умереть за дѣло французскаго народа, я хотѣлъ прежде всего представиться вамъ, такъ какъ васъ и меня связываютъ великія воспоминанія: въ вашемъ полку дядя мой, императоръ Наполеонъ I, служилъ въ чинѣ капитана; съ вами онъ отличился при осадѣ Тулона и вашъ полкъ открылъ передъ нимъ двери Гренобля при возвращеніи его съ острова Эльбы. Солдаты! передъ вами новая будущность. Вамъ принадлежитъ честь начинать великое предпріятіе! Вы избраны привѣтствовать первыми аустерлицкаго и ваграмскаго орла!»

Вслѣдъ за тѣмъ, схвативъ знамя изъ рукъ де-Керелля, будущій императоръ поднесъ его солдатамъ, воскликнувъ: «Солдаты! вотъ символъ французской славы, предназначенный сдѣлаться также и символомъ свободы. Въ теченіи пятнадцати лѣтъ знамя это водило отцевъ нашихъ къ побѣдамъ, развѣвалось на всѣхъ поляхъ битвы и побывало во всѣхъ столицахъ Европы. Солдаты! Согласны ли вы примкнуть теперь къ этому благородному знамени, которое я вручаю вашей чести, вашей храбрости? Согласны ли вы идти со мною противъ измѣнниковъ и угнетателей страны, при крикахъ: да здравствуетъ Франція! да здравствуетъ свобода!»

Солдаты, заручившись дененежными подарками и имѣя въ виду еще другія подобныя же награды, очень дружно прокричали: да здравствуетъ императоръ! да здавствуетъ Наполеонъ!

Ободренный таковымъ пріемомъ, Лудовикъ-Наполеонъ со всѣмъ полкомъ направился къ квартирѣ генерала Вуароля, въ надеждѣ увлечь его въ свою интригу. Но пусть герой нашъ самъ продолжаетъ разсказъ въ своемъ письмѣ:

«Мы пошли съ музыкой; радость и надежда сіяли на всѣхъ лицахъ. Рѣшено было явиться къ генералу, но не для того, чтобы приставить къ его груди пистолетъ, а для того, чтобы поднести къ его глазамъ императорскаго орла. Намъ приходилось идти черезъ весь городъ. По дорогѣ я послалъ одного изъ офицеровъ въ типографію, для напечатанія моихъ прокламацій, другаго — чтобы арестовать префекта, и еще шестерыхъ съ разными частными порученіями. . . . . .

. . . . . .

«Прибывъ во дворъ квартиры генерала Вуароля, я, въ сопровожденіи Водре, Паркена и еще двухъ офицеровъ вошелъ въ комнату. Генералъ еще не былъ одѣтъ; я сказалъ ему: «Генералъ, я пришелъ къ вамъ какъ другъ; мнѣ было бы весьма больно возстановить наше старое трехцвѣтное знамя безъ участія такого стараго служиваго какъ вы; гарнизонъ стоитъ за меня, рѣшайтесь и слѣдуйте за мною.»

«Ему показали орла; но онъ оттолкнулъ его, сказавъ: «ваше высочество, васъ обманули; армія не забыла своихъ обязанностей и я сейчасъ докажу вамъ это.»

«Тогда я удалился, приказавъ пикету караулить ге-

нерала.... но онъ вскорѣ выбѣжалъ изъ своей квартиры черезъ потаенную дверь.»

По офиціальнымъ же источникамъ, взятымъ изъ обвинительнаго акта и со словъ самого генерала Вуароля и постороннихъ свидѣтелей, сцена эта произошла нѣсколько иначе:

«....Нѣсколько инсургентовъ явились къ начальнику дивизіи, генералу Вуаролю, который еще былъ въ постели; одинъ изъ лакеевъ генерала едва имѣлъ время предупредить его, что въ гарнизонѣ вспыхнуло возстаніе и что солдаты явились къ нему на домъ. Генералъ поспѣшилъ одѣться. Когда инсургенты вошли къ нему, онъ былъ готовъ къ ихъ принятію. Принцъ Лудовикъ-Наполеонъ въ сопровожденіи полковника Водре и Паркена выступилъ впередъ съ распростертыми объятіями. «Оставьте меня, воскликнулъ генералъ, я васъ не знаю!» И обратясь къ заговорщикамъ сталъ порицать ихъ поступокъ.

—«Полноте, генералъ, сказалъ принцъ, вы знали моего дядю и служили подъ его начальствомъ, возможно ли по этому, чтобы вы отвергли меня; подумайте о томъ, что вся Франція ждетъ меня съ нетерпѣніемъ.

—«Если вамъ это говорятъ, отвѣчалъ строго генералъ, то васъ жестоко обманываютъ.» Потомъ обратясь къ полковнику Водре, онъ выразилъ ему глубокое свое прискорбіе и удивленіе видѣть его въ рядахъ подобной интриги.

—«Поведеніе ваше, прибавилъ Вуароль, доказываетъ страшную неблагодарность по отношенію ко мнѣ; я имѣлъ такое полное къ вамъ довѣріе и выказывалъ вамъ всегда столько расположенія.».

—«Вы обо мнѣ дурно судите, генералъ, отвѣчалъ пол-

ковникъ: мое настоящее поведеніе служитъ напротивъ доказательствомъ моего къ вамъ уваженія, такъ какъ я пришелъ спасти васъ. Весь гарнизонъ въ возмущеніи, и всякое сопротивленіе съ вашей стороны будетъ безполезно и только погубитъ васъ.» — «Нѣтъ, возразилъ генералъ, вы не проведете меня подобными увѣреніями; гарнизонъ исполнитъ свой долгъ, я въ этомъ увѣренъ, и вы скоро убѣдитесь въ своей ошибкѣ.»

«Во время этого горячаго спора три артиллерійскіе офицера и одинъ офицеръ главнаго штаба успѣли протѣсниться къ генералу; завязалась схватка, но спустя нѣсколько минутъ, генералъ Вуароль и присоединившіеся къ нему офицеры успѣли высвободиться отъ инсургентовъ.»

Такой недружелюбный пріемъ, встрѣченный у генерала Вуароля претендентомъ, произвелъ на него тяжелое впечатлѣніе, которое онъ описываетъ въ своемъ письмѣ слѣдующимъ образомъ:

«Когда я вышелъ отъ генерала, меня встрѣтили тѣ же самые возгласы: да здравствуетъ императоръ! но уже эта первая неудача меня глубоко огорчила; я къ ней не приготовился, убѣжденный, что одинъ взглядъ на орла пробудитъ въ старомъ генералѣ воспоминанія о прежней славѣ и увлечетъ его....»

Изъ дома генерала Вуароля, Лудовикъ-Наполеонъ и прочіе инсургенты направились къ казармѣ, гдѣ помѣщался 46 линейный полкъ. Явясь въ казарму, они не нашли тамъ подготовленныхъ къ возстанію людей, а только въ расплохъ застигнутыхъ солдатъ, которымъ вдругъ объявили, что они видятъ передъ собой племянника великаго Наполеона; солдаты, узнавъ подобную новость, ожидали конечно увидѣть героя въ полномъ

смыслѣ этого слова, блестящаго, съ выразительной наружностью, благородной, гордой осанкой, исполненнаго вдохновенія и краснорѣчія; но какого же было ихъ удивленіе при взлядѣ на маленькаго человѣчка, самой ничтожной наружности, объяснявшагося съ трудомъ, медленно, неловкаго, закостюмированнаго въ традиціонный сюртукъ павшаго героя, но не имѣвшаго съ нимъ ни малѣйшаго сходства ни въ лицѣ ни въ осанкѣ. И когда Лудовикъ-Наполеонъ, подойдя къ одному старому сержанту, сказалъ: «я сынъ императора,» тотъ отвѣтилъ ему презрительно: «э, братецъ! да ты никакъ меня дурачить захотѣлъ? сынъ императора давнымъ давно умеръ, а ты просто переряженная кукла.» *) Весь эффектъ, весь прежній успѣхъ, достигнутый стараніями полковника Водре, мигомъ разлетѣлся, такъ что даже артиллеристы, оказавшіеся сначала столь преданными, сильно поколебались. Къ довершенію разочарованія, на дворѣ казармы внезапно появился полковникъ 46 полка, Талландье; онъ приказалъ запереть рѣшетку и исполненный ярости, негодованія и презрѣнія, прямо подошелъ къ импровизированному императору и его штабу и, указывая на нихъ своимъ солдатамъ, въ сильныхъ выраженіяхъ отдалъ приказъ арестовать всѣхъ.

При такомъ неожиданномъ поворотѣ дѣла, Лудовикъ-Наполеонъ оторопѣлъ, растѣрялся и поспѣшилъ скрыться отъ грозныхъ взоровъ полковника въ глубину двора между стѣной и лошадьми, предоставивъ весь свой штабъ и преданныхъ ему людей на произволъ судьбы. Эти послѣдніе попытались было сопротивляться, но храброе поведеніе ихъ главы уже испортило все дѣло и имъ скоро

*) Moniteur universel 15 января 1837 г.

пришлось сдаться. Полковникъ Водре защищался до послѣдней крайности, онъ не позволилъ себя обезоружить иначе какъ въ комнатѣ казармы, куда его отвели.

Съ претендента же, взбѣшенный полковникъ Талландье собственноручно сорвалъ при всѣхъ на дворѣ эполеты, ленту, ордена и стопталъ ихъ ногами. Шпагу, которую мнимый императоръ и не думалъ пустить въ дѣло, полковникъ разломилъ на двое.

Заговорщика и его партизановъ отвели въ тюрьму.

Въ этомъ дѣлѣ Лудовикъ-Наполеонъ выказалъ полное отсутствіе личнаго мужества, достоинства, чести. Искусный интриганъ, настойчивый скрытный заговорщикъ, онъ ловко подготовлялъ обстановку, сочинялъ прокламаціи, раздавалъ роли и костюмы, но когда дѣло дошло до дѣйствія, гдѣ требовалась энергія, храбрость, гдѣ нужно было съ достоинствомъ поддержать свою роль и защищать себя и компрометированныхъ въ его дѣлѣ людей, онъ спрятался въ кусты и не сдѣлалъ ни одного движенія къ сопротивленію и къ отстраненію отъ себя того унизительнаго оскорбленія, которому подвергъ его грозный и разъяренный полковникъ Талландье. Равно и послѣ своего постыднаго пораженія онъ точно такъ же покорно принялъ «милость короля» выславшаго его вмѣсто наказанія въ Америку. Лудовикъ-Наполеонъ принесъ даже сознаніе своего и своихъ сообщниковъ преступленія, написавъ: «Дѣйствительно мы всѣ виноваты; но самый виновный изъ всѣхъ это я.»

Подобное поведеніе, столь не гармонирующее съ той блестящей ролью, которую Лудовикъ-Наполеонъ замышлялъ для себя, было оцѣнено по достоинству и даже самими его партизанами; они видѣли въ этомъ дѣлѣ одну

лишь интригу. Въ особенности въ глазахъ арміи племянникъ великаго императора упалъ весьма низко.

Но какъ скоро жизни Лудовика-Наполеона перестаетъ грозить опасность, къ нему тотчасъ же возвращается все его присутствіе духа и онъ опять обращается къ своей роли и новымъ попыткамъ съ цѣлью пріобрѣсти популярность.

Послѣ ареста, когда его повели на гауптвахту, онъ встрѣтился тамъ съ Паркеномъ, который сказалъ ему, протягивая руку: «Принцъ, насъ всѣхъ растрѣляютъ, но мы умремъ мужественно.» — Да, отвѣчалъ Лудовикъ-Наполеонъ, мы проиграли прекрасное, благородное дѣло.»

Вскорѣ послѣ того, его навѣстилъ генералъ Вуароль, и сказалъ ему: «Принцъ, вы не нашли во французской арміи сочувствія». Лудовикъ-Наполеонъ отвѣтилъ ему высокопарно: «скажите, лучше, генералъ, что я нашелъ другаго Лабедоера.»

Мы видимъ, что даже и послѣ своего пораженія, Лудовикъ-Наполеонъ не переставалъ придерживаться своего идеала — волшебнаго появленія императора Наполеона въ 1815 г. на французской почвѣ. Онъ старался сопоставить свою неудачную попытку въ страсбургскомъ гарнизонѣ съ высадкою императора по возвращеніи съ Эльбы, не смотря на все различіе пріема, сдѣланнаго въ обоихъ случаяхъ французской арміей.

Изъ гауптвахты, Лудовикъ - Наполеонъ переведенъ былъ въ новую страсбургскую тюрьму.

«И такъ, пишетъ онъ къ своей матери, я запертъ въ четырехъ стѣнахъ, съ рѣшеткою у окна, въ помѣщеніи преступниковъ. О! кто испыталъ внезапный переходъ отъ полнаго торжества, благородныхъ иллюзій, къ крайнимъ

несчастіямъ, не оставляющимъ даже и надежды, тому понятно, что теперь происходитъ въ моей душѣ!»

Если Лудовикъ-Наполеонъ дѣйствительно чувствовалъ такъ глубоко всю безнадежность своего несчастія, то отчего же пятнадцать лѣтъ позже, когда онъ сдѣлался президентомъ республики, онъ не задумался погубить болѣе сотни тысячъ жертвъ, все преступленіе которыхъ заключалось лишь въ томъ, что они не хотѣли допустить его нарушить клятву, принесенную конституціи и общественной свободѣ? Онъ разослалъ этихъ несчастныхъ въ жгучія степи Африки, въ гнилыя болоты Гвіаны, на галеры; смѣшалъ ихъ съ каторжниками, предалъ ихъ смерти. Многіе поплатились за свой честный и благородный образъ мыслей своими головами. Подобное сопоставленіе хорошо обрисовываетъ характеръ Лудовика-Наполеона.

Но возвратимся къ его письму.

«На допросѣ мы всѣ вновь свидѣлись. Де-Кереллъ пожалъ мнѣ руку, произнося громкимъ голосомъ: «Принцъ, не смотря на пораженіе, я все же горжусь тѣмъ, что сдѣлалъ.» Меня подвергли допросу: я былъ спокоенъ и готовъ къ отвѣтамъ.

«На вопросъ: что побудило меня такъ дѣйствовать? я отвѣчалъ:

«Мои политическія убѣжденія и мое желаніе увидѣть вновь отечество, котораго меня лишало чуземное вторженіе. Въ 1830 г. я просилъ, чтобы на меня смотрѣли какъ на гражданина, но на меня смотрѣли какъ на претендента, — я и дѣйствовалъ послѣ этого какъ претендентъ.

— «Вы намѣрены были учредить военное правительство?

«Я намѣренъ былъ учредить правительство народнаго избранія.

—«Что думали вы дѣлать въ случаѣ удачи предпріятія?

«Я собралъ бы національный конгресъ.»

Правительство Лудовика-Филиппа сдѣлало великую ошибку, продолжая прилагать къ семейству Бонапарта законъ 14 января 1816 г., возобновивъ законъ этотъ 11 апрѣля 1832 г., по которому всѣ потомки Наполеона I прямые и косвенные навсегда изгонялись изъ Франціи. Этимъ самымъ дѣйствіемъ правительство придавало слишкомъ большое значеніе членамъ императорскаго семейства. Лудовикъ-Наполеонъ былъ гораздо опаснѣе какъ изгнанникъ, нежели могъ бы быть опасенъ внутри Франціи, какъ ея гражданинъ. И если бы ему тогда вздумалось интриговать противъ правительства, то его, какъ гражданина, тогда легче было бы подвести подъ общій законъ, и легче было бы наблюдать за нимъ вблизи, чѣмъ изъ далека. Перевозить прахъ Наполеона и вмѣстѣ съ тѣмъ продолжать изгонять членовъ его семейства были двѣ несогласимыя вещи. Подобное противорѣчіе даетъ вѣрное понятіе о Тьерѣ, бывшемъ въ то время президентомъ совѣта министровъ. Что же касается идеи Лудовика-Наполеона объ учрежденіи правительства *народнаго избранія*, то она намъ теперь уже извѣстна послѣ его coup d'Etat 1851 г. равно какъ и то, что понималъ онъ подъ словами *собрать національный конгресъ*.

Но вернемся къ письму Лудовика-Наполеона, гдѣ онъ продолжаетъ описывать свой арестъ.

«Я объявилъ, пишетъ онъ, что такъ какъ я одинъ велъ все свое дѣло и я одинъ увлекъ другихъ, то и отвѣтственность должна подать на меня одного. Возвратясь

въ тюрьму, я бросился на постель и не смотря на душевныя муки, сонъ вскорѣ успокоилъ мои возбужденныя нервы; сонъ, какъ видно, не покидаетъ несчастныхъ, онъ бѣжитъ только отъ упречной совѣсти. Но все же пробужденіе было ужасно! Мнѣ казалось, что меня давилъ страшный кошемаръ: болѣе всего страдалъ я за моихъ соучастниковъ; поэтому я написалъ къ генералу Вуаролю, прося его принять участіе въ судьбѣ полковника Водре, такъ какъ неудача моей попытки произошла можетъ быть отъ его привязанности и уваженія къ генералу, заставивъ полковника дѣйствовать менѣе энергично, чѣмъ слѣдовало. Я окончилъ письмо просьбою о томъ, чтобы вся кара закона обрушилась на одного меня, такъ такъ я одинъ только виновенъ и я одинъ только страшенъ.»

Если дѣйствительно вѣрно, какъ то говоритъ Лудовикъ-Наполеонъ, что *сонъ бѣжитъ лишь отъ упречной совѣсти*, то что долженъ былъ испытывать вѣроломный авторъ 2 декабря 1851 г., послѣ всѣхъ совершенныхъ имъ преступленій? Что же касается его просьбы, выраженной въ письмѣ къ генералу Вуаролю, о томъ, чтобы вся тяжесть закона обрушилась на него одного, такъ какъ *страшенъ лишь онъ одинъ*, она намъ кажется весьма смѣшной и наивной послѣ его далеко не храбраго поведенія въ казармѣ. Нечего сказать, онъ не польстилъ этимъ никому изъ своихъ сообщниковъ. Вслѣдствіе этого вѣроятно жюри и оправдали всѣхъ обвиненныхъ.

«Девятаго ноября, пишитъ Лудовикъ-Наполеонъ, мнѣ пришли сказать, что меня переведутъ въ другую тюрьму. Я вышелъ, генералъ и префектъ посадили меня въ свою карету, не сказавъ мнѣ ни слова куда меня везутъ. Я настаивалъ, чтобы меня не разлучали съ моими злополучными товарищами, но правительство рѣшило иначе. При-

бывъ въ префектуру, я нашелъ готовыми двѣ почтовыя кареты, въ одну изъ нихъ сѣлъ я съ Кюльнатомъ, начальникомъ сенской жандармеріи, и поручикомъ Тибулетомъ, въ другую помѣстились четыре унтеръ-офицера.

«Когда я увидѣлъ, что приходится разставаться съ Страсбургомъ и что меня разлучаютъ съ прочими обвиненными, я почувствовалъ невыразимое страданіе. Итакъ, меня принуждаютъ покинуть людей, оказавшихъ мнѣ столько преданности! меня лишаютъ возможности высказать передъ судомъ мои оправданія, мои мысли и намѣренія! Меня заставляютъ принять благодѣяніе отъ того, кому я болѣе всѣхъ хотѣлъ сдѣлать зла! Я не выдержалъ и разразился въ жалобахъ и протестѣ!...»

Претендентъ этотъ, арестованный за подстрекательство солдатъ къ возмущенію съ цѣлью своего личнаго честолюбія, и который самъ въ подобномъ случаѣ велѣлъ бы разстрѣлять безъ суда и милости всякаго заговорщика, кто былъ бы захваченъ подобно ему на самомъ дѣлѣ преступленія, — въ то время жаловался на то, что его разлучаютъ съ его товарищами и лишаютъ возможности защищать себя и высказать свои мысли и намѣренія; а когда 2 декабря 1851 г. онъ совершилъ свой позорный заговоръ противъ націй, то нашелъ весьма естественнымъ арестовать, не заговорщиковъ, но гражданъ, защитниковъ права, и лишить ихъ не только возможности защищать себя, но даже велѣлъ безъ суда сослать ихъ на галеры.

Правительство Лудовика-Филиппа какъ нельзя лучше обращалось съ Лудовикомъ-Наполеономъ, онъ самъ даже говоритъ объ этомъ въ письмѣ къ матери:

«Оба офицера, сопровождавшіе меня, были офицеры имперіи и друзья Паркена, они оказывали мнѣ всевоз-

можную предупредительность, такъ что я могъ думать, что путешествую съ друзьями. 11 числа въ два часа я пріѣхалъ въ Парижъ прямо въ префектуру полиціи. Префектъ былъ со мною очень вѣжливъ и объявилъ мнѣ, что вы (т. е. мать Лудовика Бонапарта) пріѣзжали во Францію просить короля о помилованіи и что черезъ два часа я отправлюсь въ Лоріентъ, а оттуда поѣду на французскомъ фрегатѣ въ Соединенные Штаты.

«Я рѣшился написать къ королю и высказать ему, что находясь въ тюрьмѣ за то, что поднялъ оружіе противъ его правительства, я болѣе всего страшусь его великодушія, такъ какъ оно лишаетъ меня самаго сладостнаго утѣшенія — возможности раздѣлить участь злополучныхъ товарищей моихъ. Я прибавилъ, что жизнью своей я не дорожу, но признательность моя къ нему будетъ безгранична, если онъ пощадитъ жизнь старыхъ служивыхъ, остатки нашей старой арміи, которыхъ я увлекъ и обольстилъ славными воспоминаніями прошедшаго.»

Хотя Лудовикъ-Наполеонъ очень хорошо зналъ, что правительство Лудовика-Филиппа не намѣрено было тронуть ни одного волоса на головѣ заговорщиковъ, все же онъ письмомъ этимъ доказалъ, что когда ему есть время для размышленія, то онъ умѣетъ прикинуться честнымъ человѣкомъ. Одно только остается не разгаданнымъ: зачѣмъ Лудовикъ-Наполеонъ, такъ много говорившій о своемъ желаніи раздѣлить участь товарищей, вмѣстѣ съ тѣмъ принялъ съ благодарностью милость короля и писалъ по поводу этого Одилону Барро: «Вы видите какъ виноватъ я передъ правительствомъ! А все же правительство было великодушно ко мнѣ, оно поняло мое положеніе изгнанника и что моя любовь къ родной странѣ и

родство съ великимъ человѣкомъ были единственныя побудительныя причины моихъ дѣйствій.»

Непонятно, почему Лудовикъ-Наполеонъ далъ слово правительству Лудовика-Филиппа не возвращаться изъ Америки ранѣе десяти лѣтъ? Если онъ такъ желалъ раздѣлять участь своихъ товарищей, то ему стоило только не соглашаться на десятилѣтнее пребываніе въ новомъ свѣтѣ, и тогда ему пришлось бы явиться передъ судомъ вмѣстѣ съ своими товарищами. Но онъ не только согласился на условіе, предложенное ему королевскимъ правительствомъ уѣхать въ Америку и не возвращаться въ Европу ранѣе десяти лѣтъ, но поступилъ при этомъ еще такъ неделикатно и такъ неприлично, что принялъ 15,000 франковъ отъ того самаго правительства, противъ котораго велъ свой заговоръ.

Далѣе мы увидимъ, что онъ точно также сдержалъ свое слово относительно правительства Лудовика-Филиппа, какъ сдержалъ свою присягу въ вѣрности республикѣ и конституціи.

Послѣ всего, что мы разсказали здѣсь о страсбургской попыткѣ, не трудно понять, что еслибы Лудовикъ-Наполеонъ былъ человѣкъ одаренный истиннымъ мужествомъ и способностью дѣйствовать какъ слѣдуетъ, то дѣло его имѣло бы непремѣнный успѣхъ. Такъ какъ за него уже былъ весь 4-й артиллерійскій полкъ, и онъ успѣлъ арестовать префекта и генерала Вуароля, ему оставалось лишь, вмѣсто того, чтобы выставлять на показъ, переходя изъ казармы въ казарму, свою смѣшную фигуру, закостюмированную въ дядюшкино платье, отправиться прямо къ ратушѣ, окружить ее своими солдатами и пушками, поднять народъ, учредить инсуррекціонное правительство, оставаясь главнымъ его начальникомъ,

назначить полковника Водре на мѣсто генерала Вуароля начальникомъ 5 й дивизіи, Паркена начальникомъ крѣпости, Фіалена, или кого другаго, префектомъ Нижняго-Рейна, и нѣтъ сомнѣнья, что такое смѣлое и быстрое распоряженіе увлекло бы народъ и армію, находившуюся въ Страсбургѣ, и какъ знать, что произошло бы и въ другихъ городахъ? Во всякомъ случаѣ герой страсбургской комедіи не попался бы тогда на подобіе того, какъ онъ попался въ казармѣ, какъ крыса въ ловушку.

Лудовикъ-Наполеонъ такъ дурно заявилъ себя въ страсбургской попыткѣ, что когда по возвращеніи изъ Америки, онъ снова задумалъ заговоръ противъ правительства Лудовика-Филиппа, ни одинъ изъ штабъ-офицеровъ не рѣшился уже содѣйствовать ему. Когда послѣ назначенія своего въ президенты республики, обладая сильной арміей, онъ предлагалъ самымъ способнымъ изъ французскихъ генераловъ оказать ему помощь противъ республики, ни одинъ изъ этихъ генераловъ не согласился на его предложеніе и всѣ поспѣшили отвергнуть его; такъ что ему пришлось обратиться къ генераламъ обезславленнымъ, каковы: Маньянъ, Сентъ-Арно и имъ подобные, и эти также согласились быть его соучастниками лишь въ такомъ случаѣ, если онъ имъ впередъ выплатитъ чистыми деньгами и сверхъ того дастъ письменные документы, снимавшіе съ нихъ, въ случаѣ неудачи, всякую отвѣтственность; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ обѣщать имъ не вмѣшиваться въ ихъ распоряженія.

Въ то время когда Лудовикъ-Наполеонъ плылъ въ Америку, соучастники его всѣ до одного были оправданы судомъ Нижняго Рейна.

Не смотря на осмѣяніе, которому, послѣ неудачи страсбургской попытки, подвергалось имя и личность

Лудовика-Наполеона Бонапарта, онъ, возвратясь изъ Америки ранѣе обязательнаго срока, напечаталъ въ Лондонѣ чрезъ посредство Персиньи оправдательную брошюру о страсбургскомъ событіи. Но такъ какъ сочиненій его не дозволялось ввозить во Францію, то онъ рѣшилъ издать свою брошюру въ самомъ Парижѣ. Выполненіе этой задачи принялъ на себя Арманъ Лети; онъ въ маѣ 1838 г. пріѣхалъ изъ Аренемберга въ Парижъ и издалъ подъ своимъ именемъ брошюру подъ заглавіемъ *Принцъ Наполеонъ въ Страсбургѣ.*

Правительству Лудовика-Филиппа очень не нравилось подобное изданіе, и оно весьма неискусно вмѣшалось, отдавъ изданіе это на разсмотрѣніе парижскаго суда, и тѣмъ самымъ обратило на брошюру всеобщее вниманіе; авторъ только этого и желалъ. Арманъ Лети, подписавшій подъ сочиненьемъ свое имя, былъ арестованъ и привлеченъ къ суду, что дало ему случай порисоваться въ ролѣ защитника *наполеоновской идеи* и получить въ награду за свою преданность племяннику императора и за пятилѣтнее пребываніе въ тюрьмѣ, по приговору суда — неожиданное наслѣдство отъ одного стараго генерала временъ имперіи, завѣщавшаго ему, по сочувствію, все свое состояніе, приносившее болѣе 20 тысячъ франковъ дохода.

Лети выдавалъ себя передъ судомъ за демократа и республикапца, дабы придать болѣе популярности своему бонапартистскому фетишизму. Но это нисколько однако не помѣшало ему постоянно говорить *о правахъ принца*, который по его мнѣнію *лучше всѣхъ отвѣчаетъ требованіямъ Франціи.* Лети сказалъ, между прочимъ, «что пощадивъ Лудовика-Наполеона, король французовъ

тѣмъ самымъ вынужденъ признать въ лицѣ принца наполеоновскую династію.»

Бонапартистская партія — это есть самый любопытный политическій хамелеонъ: она принимаетъ всевозможныя цвѣта и мнѣнія. Въ страсбургскомъ дѣлѣ мы видѣли въ этой партіи участіе людей всѣхъ убѣжденій, или вѣрнѣе сказать совсѣмъ безъ убѣжденій, безъ чести и нравственности. Для людей бонапартистской партіи нѣтъ ничего священнаго, ничего достойнаго уваженія, нѣтъ ни вѣры, ни присяги.

Президентъ парижскаго суда прочелъ Арману Лети мѣсто изъ письма Лудовика-Наполеона къ Одилону Барро, письма, входившаго также въ составъ брошюры, и гдѣ говорилось: «Вы видите, милостивый государь, что я ихъ увлекъ всѣмъ тѣмъ, что только можетъ расшевелить сердце француза; они мнѣ возражали, что принесли присягу въ вѣрности существующему правительству, а я напомнилъ имъ, что они въ 1815 г. присягнули Наполеону II и его династіи; вторженіе, сказалъ я имъ, освобождаетъ васъ отъ вашей клятвы; только сила можетъ возстановить то, что уничтожено было силой.» Лети возразилъ на это, «что всѣ присяги есть ничто иное какъ обезьянство, и нарушеніе ихъ не составляетъ никакого преступленія.»

Таково убѣжденіе наполеоновской партіи.

III

БУЛОНСКАЯ ВЫСАДКА.

Въ ночь на 6 августа 1840 года пароходъ Château d'Edimbourg бросилъ якорь недалеко отъ Вимера близъ Булони; около двухъ часовъ ночи шлюпка, наполненная пассажирами, отдѣлилась отъ пакетбота и погребла къ берегу. Находившіеся на караулѣ три таможенные солдата окликнули ее; люди, бывшіе въ шлюпкѣ, отвѣчали, что они солдаты 40-го линейнаго полка, ѣхавшіе изъ Дюнкирхена въ Шербургъ, и что такъ какъ у нихъ сломалось на пакетботѣ колесо, то они должны были высадиться на берегъ.

Таможенные служители, которые дѣйствительно увидѣли, что на берегъ высаживаются человѣкъ пятнадцать солдатъ въ мундирахъ 40-го линейнаго полка, сначала нисколько не усомнились въ правдивости даннаго имъ отвѣта. Но едва высадившіеся приблизились къ нимъ, какъ тотчасъ же скрестили надъ ними штыки и сказали имъ: «Не дѣлайте никакихъ препятствій высадкѣ, иначе съ вами поступятъ какъ съ бедуинами.» И затѣмъ шлюпка возвратилась къ пакетботу и въ три пріема перевезла на берегъ остальное находившееся на немъ войско.

Пятеро другихъ стражниковъ, дѣлавшихъ обходъ, были также арестованы и захвачены въ плѣнъ вмѣстѣ съ ихъ товарищами.

Изъ Булони прибыли на берегъ какія-то четыре личности, расцѣловались со многими изъ прибывшихъ военныхъ, и послѣдніе вручили имъ офицерскіе мундиры, въ которые они тотчасъ же и одѣлись. Въ это время случайно проходилъ мимо одинъ таможенный поручикъ, котораго высадившіеся также арестовали и потребовали отъ него, чтобы онъ указалъ имъ дорогу въ Булонь. Высадившихся было человѣкъ 60 или 70, изъ которыхъ около 30 были одѣты въ солдатскіе мундиры 40-го линейнаго полка и приблизительно столько же въ офицерскіе мундиры всевозможныхъ чиновъ и степеней.

Всѣ построились въ колонну и вскорѣ двинулись въ путь къ Булони; тщетно таможенный поручикъ отказывался слѣдовать за ними, его самого и его команду принудили силою идти вмѣстѣ съ ними и служить имъ проводникомъ.

Этотъ небольшой отрядъ дѣлалъ дорогой нѣсколько привалов и истреблялъ въ огромномъ количествѣ шампанское и водку; почти у всѣхъ въ рукахъ были бутылки; а карманы набиты были золотомъ.

Когда отрядъ поравнялся съ колонной, стоящей предъ входомъ въ городъ, большая часть солдатъ, его составлявшихъ, были пьяны.

До тѣхъ поръ захваченные въ плѣнъ несчастные таможенные стражники не знали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло: они думали, что попались въ руки смѣлыхъ контрабандистовъ и далеко не подозрѣвали истины; поэтому весьма понятно, что безпокойство таможеннаго поручика еще болѣе увеличилось, когда одинъ изъ спутниковъ, гене-

нералъ Монтолонъ, подошелъ къ нему и сказалъ: — «Знаете-ли вы, что въ главѣ насъ идетъ принцъ Лудовикъ-Наполеонъ Бонапартъ, что Булонь принадлежитъ намъ и что черезъ нѣсколько дней принцъ будетъ провозглашенъ императоромъ, націей, которая его желаетъ видѣть на престолѣ, и министерствомъ, которое его ожидаетъ.

— То, о чемъ вы меня извѣщаете, дѣлаетъ положеніе мое и моей команды еще болѣе критическимъ, чѣмъ я сначала думалъ; прошу васъ теперь, когда вы видите Булонь и дорогу, которая туда ведетъ, позвольте мнѣ возвратиться къ своему посту вмѣстѣ съ моими солдатами, — просилъ поручикъ.

Генералъ отказалъ ему въ этомъ, потребовавъ, чтобы онъ проводилъ его отрядъ еще дальше; онъ предложилъ ему 1,200 франковъ пенсіи отъ имени принца, если онъ къ нимъ присоединится, но этотъ честный офицеръ отказался. Четверть часа спустя поручикъ повторилъ свою просьбу и затѣмъ обратился къ самому принцу, который позволилъ ему возвратитья къ своему посту, съ тѣмъ, чтобы онъ не говорилъ никому ни слова о происшедшемъ.

Такимъ образомъ таможенные служащіе могли возвратиться, но четверо вооруженныхъ людей сопровождали ихъ до колонны, наблюдая, слѣдуютъ ли они по указанной дорогѣ. Прежде чѣмъ разстаться съ ними, штабъ-офицеръ, который ихъ конвоировалъ, подошелъ къ поручику Бальи и хотѣлъ предложить ему горсть золота, но и эта новая попытка подкупа была отвергнута съ негодованіемъ; таможенные солдаты, которымъ было сдѣлано такое же предложеніе, также его отвергли, за исключеніемъ одного, принявшаго небольшую сумму, за что онъ и былъ уволенъ отъ службы.

Вскорѣ вооруженный отрядъ вступилъ въ городъ; въ

главѣ его шли постоянно гг. Монтолонъ и Паркенъ, одѣтые въ генералъ-лейтенантскіе мундиры, а посреди ихъ шелъ человѣкъ довольно низкаго роста, одѣтый въ обычный костюмъ Наполеона I. По его сильно загнутому носу, по его безжизненному взгляду, по его короткимъ ногамъ, его неувѣренной походкѣ, легко было узнать въ немъ бывшаго страсбургскаго инсургента, который явился во второй разъ попытать счастіе, на берегу моря, хотя это счастіе такъ жестоко обмануло его, четыре года назадъ, на берегахъ Рейна.

Претендентъ на императорскій престолъ потратилъ на этотъ разъ немного воображенія; обстановка была таже самая, только кортежъ былъ болѣе многочисленный, и кромѣ того онъ озаботился нарядить всѣхъ своихъ слугъ солдатами 40-го линейнаго полка, который содержалъ гарнизонъ въ Дюнкирхенѣ; для этой цѣли онъ велѣлъ изготовить въ Англіи мундиры, подобные мундирамъ этого полка. Многіе изъ его бывшихъ товарищей страсбургской экспедиціи находились вмѣстѣ съ нимъ, какъ-то: гг. Паркенъ, Персиньи и де-Керелль. Г. Водре отказался на этотъ разъ участвовать въ этой новой экспедиціи. Но онъ былъ замѣненъ генераломъ графомъ Монтолономъ, полковниками Вуазеномъ и Боффе де-Монтабаномъ, комендантомъ Мезонаномъ и пр. и пр., а также полсотнею другихъ лицъ, одѣтыхъ, какъ мы сказали, въ мундиры солдатъ 40-го линейнаго полка.

Кортежъ Лудовика-Наполеона Бонапарта, вступивъ въ улицу Grande Rue, принялся кричать изо всѣхъ силъ: «да здравствуетъ императоръ! да здравствуетъ императоръ!» направляясь къ казармамъ, бывшимъ въ то время занятыми нѣсколькими ротами 42-го линейнаго полка.

Мы прерываемъ здѣсь нашъ разсказъ, чтобы привести

и разобрать разныя прокламаціи, которыя Лудовикъ-Наполеонъ приготовилъ для этого новаго предпріятія.

Вотъ первый изъ этихъ документовъ, съ которымъ онъ обратился къ солдатамъ булонскаго гарнизона:

«Солдаты! Франція предназначена для того, чтобы повелѣвать, а между тѣмъ она повинуется. Вы составляете лучшую часть народа, а между тѣмъ васъ трактуютъ какъ жалкое стадо.... Назначеніе ваше защищать національную честь, а между тѣмъ ваше оружіе обращаютъ противъ вашихъ братьевъ. Тѣ, которые вами управляютъ, желаютъ унизить благородное ремесло солдата! Вы пришли въ негодованіе и стали искать, куда дѣвались орлы Арколя, Аустерлица и Іены. Вотъ эти орлы! Я вамъ ихъ приношу, возьмите ихъ; съ ними вы будете имѣть славу, честь, богатство и, что дороже всего этого — признательность и уваженіе вашихъ согражданъ.

«Солдаты! между вами и мною существуютъ неразрывные узы; у насъ одна и та же ненависть и одна и та же любовь, одни интересы и одни и тѣ же враги.

«Солдаты! Великая тѣнь Наполеона говоритъ вамъ моими устами. Спѣшите, пока она переплываетъ океанъ, прогнать измѣнниковъ и угнетателей, и покажите ей, когда она явится, что вы достойные сыны великой арміи и что вы вновь приняли тѣ священныя эмблемы, которыя въ продолженіи сорока лѣтъ заставляли трепетать враговъ Франціи, въ числѣ которыхъ находятся тѣ, кто вами нынѣ управляетъ.

«Солдаты! Къ оружію! Да здравствуетъ Франція!»

Читатель видитъ, что это новая прокламація Лудовика-Наполеона Бонапарта къ солдатамъ не менѣе утрирована и не менѣе смѣшна, какъ и та, которую онъ издалъ къ солдатамъ въ Страсбургѣ; онъ въ особенности

настаиваетъ на эпитетахъ «измѣнники и угнетатели», которыми снова клеймитъ правительство Лудовика-Филиппа. Спрашивается, кому они измѣнили? Они никогда не нарушали открыто хартіи; они никогда не провинились въ чемъ бы то ни было, что походило бы на измѣну, на клятвопреступленіе и западню 2-го декабря; и іюльское правительство нельзя сравнить съ деспотизмомъ, тяготѣвшимъ надъ Франціей съ 1851 г. Если тронъ Лудовика-Филиппа зиждѣлся на искуственныхъ политическихъ подмосткахъ, на буржуазной олигархіи, то по крайней мѣрѣ онъ не обязанъ былъ своимъ происхожденіемъ преступленію и не безчестилъ народнаго самодержавія позорнымъ примѣненіемъ всеобщей подачи голосовъ, въ томъ видѣ, какъ организовалъ ее Наполеонъ III. Лудовикъ-Филиппъ не замѣнилъ волю цѣлаго народа личнымъ управленіемъ, волею и прихотью самовластнаго и безсовѣстнаго деспота. Онъ не уничтожилъ разомъ всѣхъ вольностей, свободу печати, трибуну, даже избирательную свободу, право составлять избирательные комитеты, право избирать и даже предлагать опозиціонныхъ кандидатовъ. Читая эту прокламацію и вспоминая при этомъ объ измѣнѣ 2-го декабря, нельзя не удивляться, до какой степени Карлъ-Лудовикъ-Наполеонъ способенъ прибѣгать ко лжи и клеветѣ и съ какимъ ужасающимъ цинизмомъ онъ обманывалъ своими обѣщаніями народъ.

Рядомъ съ этой прокламаціей къ арміи Лудовикъ-Наполеонъ Бонапартъ счелъ нужнымъ обратиться съ подобной же прокламаціей къ жителямъ департамента Па-де-Кале.

«Жители департамента Па-де-Кале и Булони! Въ сопровожденіи небольшаго числа храбрыхъ я высадился на французскую почву, ступить на которую мнѣ воспре-

щалъ несправедливый законъ. Не бойтесь моей отважности; я явился для того, чтобы упрочить судьбы Франціи, а не для того, чтобы подвергать ихъ опасности. У меня есть сильные друзья за границей, также какъ и внутри Франціи, которые обѣщали мнѣ поддержать меня. Сигналъ поданъ, и вскорѣ вся Франція, и въ особенности Парижъ, возстанетъ массою, чтобы поправить десять лѣтъ лжи и безславія; ибо всѣ города, также какъ и всѣ хижины, должны потребовать у правительства отчета въ частныхъ интересахъ, которыми оно пренебрегло, и въ общихъ интересахъ, которымъ оно измѣнило.

«Взгляните на ваши опустѣлыя палаты; взгляните на ваши суда, безъ пользы лежащіе на берегу; взгляните на ваше трудолюбивое населеніе, которому нечѣмъ кормить своихъ дѣтей, потому что правительство не имѣло смѣлости защитить его торговлю, и воскликните вмѣстѣ со мною: «Измѣнники, удалитесь! наполеоновскій духъ, который заботится лишь о благѣ народа, приближается, чтобы уличить васъ.

«Жители Па-де-Кале, не вѣрьте, чтобы узы, связывающія васъ съ нашими заморскими сосѣдями, были порваны.

«Бренные останки императора и императорскій орелъ возвращаются изъ изгнанія съ чувствами любви и примиренія. Два великіе народа созданы для того, чтобы жить въ мирѣ между собою, и славная колонна, гордо возвышающаяся у берега, какъ воспоминаніе о войнѣ, сдѣлается очистительнымъ памятникомъ нашей прошлой ненависти.

«Жители Булони, которую Наполеонъ такъ любилъ, вы сдѣлаетесь первымъ звеномъ въ цѣпи, которая сое-

динитъ всѣ образованные народы; ваша слава никогда не погибнетъ и Франція возблагодаритъ великодушныхъ людей, кототорые первые привѣтствовали своими восклицаніями аустерлицкое знамя.

«Жители Булони, обратитесь ко мнѣ и имѣйте вѣру въ миссію, назначенную провидѣніемъ, которую завѣщалъ мнѣ мученикъ св. Елены. Съ высоты колонны великой арміи геній императора бодрствуетъ надъ нами и онъ рукоплещетъ нашимъ усиліямъ, потому что они имѣютъ только одну цѣль—счастіе Франціи».

Такъ видно, эта прокламація, обращенная къ жителямъ Па-де-Кале, столь же эксцентрична, какъ и прокламація къ солдатамъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ она гораздо комичнѣе; трудно не расхохотаться, когда подумаешь, что это было за *«небольшое число храбрыхъ» сопровождавшихъ* Лудовика-Наполеона въ Булонь. Изъ 70 человѣкъ, высадившихся вмѣстѣ съ нимъ, было приблизительно десять отставныхъ офицеровъ; всѣ они были произведены принцемъ въ высшіе чины, начиная съ чина подполковника до чина маршала; даже тѣ, которые не захотѣли участвовать въ экспедиціи, какъ напр. полковникъ Водре и корсиканецъ Баччіоки, камергеръ короля виртембергскаго и кузенъ принца, были сдѣланы: первый—артиллерійскимъ полковникомъ, первымъ адъютантомъ принца, а второй—начальникомъ штаба. Генералъ Монтолонъ, полковникъ Вуазенъ и графъ Мезонанъ были генералами при главномъ штабѣ. Послѣ отставныхъ офицеровъ, составлявшихъ штабъ принца, является вся его придворная челядь, именно: секретари, поставщики, банкиры, негоціанты, рантье, инженеры, врачи и пр., которымъ всѣмъ онъ далъ высшіе чины и должности; между прочими: Конно, врачъ принца, назначенъ былъ штабъ-докторомъ; знаменитый Фіаленъ,

назвавшій себя виконтомъ де-Персиньи, бывшій унтеръ-офицеръ, игравшій такую жалкую роль въ Страсбургѣ, былъ назначенъ командиромъ конныхъ гидовъ, что̀ ему должно было доставить случай облечься въ свой прежній алый доломанъ, съ которымъ онъ разстался съ такимъ сожалѣніемъ, и къ которому онъ всегда имѣлъ такое пристрастіе, и пр. и пр. Наконецъ третья категорія «храбрыхъ», слѣдовавшихъ за Лудовикомъ-Наполеономъ Бонапартомъ, состояла изъ его низшей прислуги: лакеевъ, метръ-д'отелей, valetsdepied, конюховъ, курьеровъ, охотниковъ, кучеровъ, садовниковъ, поваровъ, чернорабочихъ и пр. Всѣ эти «храбрые» были одѣты въ костюмъ 40-го линейнаго полка и имѣли разные чины: простые слуги были капралами, повара, лакеи—сержантами, фурьерами и пр.; большая часть, болѣе 52, были иностранцы; а именно: баварцы, баденцы, романьолы, женевцы, ваатландцы, тургауцы, савояры, поляки, флорентинцы и пр. и пр. Французы, если даже причислить къ нимъ нѣсколькихъ корсиканцевъ и одного уроженца Ямайки, составляли меньшинство между булонскими инсургентами, да это и не удивительно, потому что начальникъ экспедиціи самъ потерялъ свое званіе француза, натурализовавшись гражданиномъ Тургау и вступивъ въ иностранную службу, въ швейцарскую армію, въ которой онъ получилъ чинъ артиллерійскаго капитана.

Таковы были «храбрые», о которыхъ упоминалъ Лудовикъ-Наполеонъ Бонапартъ въ своей прокламаціи.

Если бы Наполеонъ I былъ живъ и видѣлъ, какъ его племянникъ разыгрывалъ подобный фарсъ въ компаніи честолюбивыхъ и недовольныхъ своею судьбою офицеровъ, среди толпы лакеевъ, переодѣтыхъ капралами и унтеръ-офицерами, среди сброда людей всѣхъ націй,

вмѣстѣ съ своими поварами, кучерами и проч., смѣшная и пошловатая осанка которыхъ внушала прохожимъ смѣхъ, презрѣніе или жалость; если бы Наполеонъ видѣлъ своего племянника, одѣтаго въ его историческій костюмъ, съ его знаками отличія и съ его шпагой, дѣйствовавшей въ 100 битвахъ, шествующимъ въ главѣ этой колонны, посреди двухъ генераловъ, изъ которыхъ одинъ несетъ мѣшокъ, наполненный золотою и серебряной монетою, а другой бутылку, при чемъ всѣ трое бросаютъ деньги зѣвакамъ и дѣтямъ, слѣдующимъ за ними; если бы онъ слышалъ, какъ его племянникъ говоритъ уличной толпѣ, дерущейся изъ за бросаемыхъ ей монетъ, что онъ высадился на французскую землю съ «небольшимъ числомъ храбрыхъ» и что съ высоты колонны великой арміи геній его дяди бодрствуетъ надъ этой шайкой пьяныхъ лакеевъ, переодѣтыхъ героями — что, спрашиваемъ мы, сказалъ бы императоръ? Онъ отрекся бы отъ своего племянника, который профанировалъ такимъ образомъ его имя и его славу. Что подумалъ бы также «мученикъ св. Елены», если бы онъ слышалъ, какъ говоритъ его наслѣдникъ о народѣ, который уморилъ его на пустынномъ островѣ: «что у него есть могущественныя друзья за границей?» Англичане сдѣлались друзьями, Бонапартъ проситъ иностранной помощи! Не было ли это жестокой обидой, самымъ великимъ позоромъ, который можно было нанести памяти его дяди; мы думаемъ, что злѣйшіе враги его, самъ Гудсонъ Лоу, не могли бы никогда придумать ничего подобнаго!

Глава булонскихъ заговорщиковъ адресовалъ также прокламацію къ французскому народу, прокламацію, отмѣченную той же печатью напыщенности, утрировки, фатализма, мономаніи и лжи, какъ и двѣ первыя:

«Французы! Прахъ императора возвратится только въ возрожденную Францію. Бренные останки великаго человѣка не должны быть осквернены нечистыми и лицемѣрными почестями.

«Нужно, чтобы слава и свобода окружали гробъ Наполеона! Нужно, чтобы измѣнники отечества исчезли.

«Изгнанникъ изъ моей страны, если бы я былъ одинъ несчастенъ, я не сталъ бы жаловаться; но слава и честь страны изгнаны такъ же, какъ и я; французы, мы возвратимся вмѣстѣ! Сегодня, какъ и три года тому назадъ, я съ самоотверженіемъ отдаюсь народному дѣлу. Если, благодаря случаю, я потерпѣлъ неудачу въ Страсбургѣ, то эльзасскіе *жюри* доказали мнѣ, что я не ошибся.

«Что сдѣлали тѣ, которые вами управляютъ, чтобы имѣть права на вашу любовь? Они обѣщали вамъ миръ, а между тѣмъ произвели междоусобную войну и бѣдственную войну въ Африкѣ; они обѣщали вамъ уменьшеніе налоговъ, а между тѣмъ все золото, которымъ вы обладаете, не насытило бы ихъ алчности. Они обѣщали вамъ безкорыстное управленіе, а царствуютъ только при помощи подкуповъ; они обѣщали вамъ свободу, а защищаютъ только привиллегіи и злоупотребленія; они противятся всякой реформѣ; они порождаютъ только произволъ и анархію; они обѣщали прочность, а въ продолженіи десяти лѣтъ они ничего не упрочили. Наконецъ они обѣщали, что станутъ добросовѣстно защищать нашу честь, наши права, наши интересы, а они всюду продали наши права, покинули нашу честь, измѣнили нашимъ интересамъ. Настало время положить предѣлъ такимъ беззаконіямъ; настало время спросить у нихъ, что сдѣлали они изъ этой столь великой, столь великодушной, столь единодушной Франціи 1830 г.!

«Земледѣльцы, — они возложили на васъ во время мира болѣе тяжкіе налоги, чѣмъ тѣ, какіе Наполеонъ взималъ во время войны.

«Промышленники и торговцы, — ваши интересы приносятъ въ жертву иностранцамъ; ваши деньги, которыми пользовался императоръ, чтобы поощрить ваши усилія и обогатить васъ, употребляютъ для того, чтобы развращать васъ.

«Наконецъ, вы, рабочіе и бѣдные классы, между которыми во Франціи находятъ убѣжище всѣ благородныя чувства, вспомните, что изъ вашей среды Наполеонъ избиралъ своихъ намѣстниковъ, своихъ маршаловъ, своихъ министровъ, своихъ друзей. Окажите мнѣ содѣйствіе, и покажемъ міру, что ни вы, ни я не выродились.

«Я надѣялся также, какъ и вы, что мы безъ революціи можемъ исправить зловредныя вліянія власти; но нынѣ нѣтъ болѣе надежды; въ продолженіи десяти лѣтъ перемѣнили десять министерствъ; ихъ перемѣнили бы еще десять разъ, и все-таки бѣдствія родины остались бы тѣже.

«Когда имѣешь честь находиться въ главѣ такого народа, каковъ народъ французскій, есть одно вѣрное средство совершить великія дѣла: это захотѣть ихъ совершить.

«Во Франціи нынѣ съ одной стороны видишь только насиліе, съ другой распущенность, я хочу возстановить порядокъ и свободу. Я хочу, окруживъ себя всѣми отборными умами страны, безъ различія, и опираясь единственно на волю и интересы массъ, основать непоколебимое зданіе.

«Я хочу дать Франціи дѣйствительныхъ союзниковъ,

прочный миръ, а не подвергать ее риску всеобщей войны.

«Французы! Я вижу предъ собою блестящую будущность родины. Я чувствую за собою тѣнь императора, которая толкаетъ меня впередъ; я остановлюсь только тогда, когда вновь возьму въ руки аустерлицкую шпагу, возстановлю орлы на нашихъ знаменахъ, а народъ въ его правахъ. Да здравствуетъ Франція!»

Булонь. 1840 г.

Подписано: *Наполеонъ.*

Прокламація эта въ особенности дѣлается смѣшной теперь, когда «блестящая будущность» предвидѣнная Наполеономъ въ 1840 г. оказалась нынѣ полнымъ упадкомъ и гибелью страны, когда «толкающая тѣнь императора» привела его племянника, съ «аустерлицкой шпагой» въ рукахъ, къ Седану.

Кромѣ этихъ прокламацій у булонскаго конспиратора былъ еще заготовленъ слѣдующій декретъ. «Принцъ Наполеонъ отъ имени французскаго народа постановляетъ слѣдующее:

«Династія орлеанскихъ Бурбоновъ перестала царствовать.

«Французскій народъ возстановляется въ своихъ правахъ.

«Войска разрѣшаются отъ присяги въ вѣрности.

«Палата перовъ и палата депутатовъ распущены.

«По прибытіи принца Наполеона въ Парижъ будетъ созванъ національный конгрессъ.

«Г. Тьеръ, президентъ совѣта, назначается въ Парижѣ президентомъ временнаго правительства.

«Маршалъ Клозель назначается главнокомандующимъ войсками, собранными въ Парижѣ.

«Генералъ Пажоль сохраняетъ за собою командованіе первой военной дивизіей.

«Всѣ начальники корпусовъ, которые не покорятся немедленно этимъ приказаніямъ, будутъ замѣнены другими лицами.

«Всѣ офицеры, унтеръ-офицеры и солдаты, которые выкажутъ энергическое сочувствіе къ національному дѣлу, будутъ вознаграждены блистательнымъ образомъ отъ имени отечества.

«Богъ да хранитъ Францію!»

Подписано: «*Наполеонъ.*»

Кромѣ того приготовлено было множество другихъ документовъ, которые были также захвачены при арестованіи Лудовика-Наполеона и его соучастниковъ, и именно: подробный планъ кампаніи, съ весьма тщательно изготовленными картами, на которыхъ принцъ начерталъ собственноручно маршрутъ своего торжественнаго шествія на столицу и означилъ этапы, гдѣ онъ долженъ былъ останавливаться. Приказы для своихъ сообщниковъ, въ которыхъ онъ давалъ имъ самыя точныя инструкціи; приказъ, назначающій чины офицерамъ, которымъ онъ распредѣлилъ роли; декретъ, назначающій новыя гражданскія власти для города Булони и новыя должности и новые посты для военныхъ. Всѣ эти документы, равно какъ три его прокламаціи, были подписаны имъ и почти всѣ контрасигнированы генераломъ Монтолономъ, полковникомъ Вуазеномъ и графомъ Мезонаномъ, исправляющимъ должность начальника штаба.

Въ отношеніи концепціи, приготовленія, организаціи заговора, Лудовикъ-Наполеонъ выказалъ, также какъ и въ Страсбургѣ, дѣйствительную способность и ловкость; онъ простеръ мелочность подробностей до послѣднихъ

предѣловъ; онъ составилъ свой планъ съ истиннымъ талантомъ опытнаго metteur en scène и организатора. Посмотримъ теперь, выказалъ ли онъ тоже дарованіе въ исполненіи плана, и для этого возвратимся къ нашему разсказу, на томъ мѣстѣ, гдѣ мы его прервали, т, е. къ 5-ти часамъ утра, когда Лудовикъ-Наполеонъ одѣтый императоромъ, приближался, во главѣ своего вооруженнаго отряда къ казармамъ 42-го линейнаго полка.

Подобно тому, какъ въ Страсбургѣ, солдаты ожидали его: здѣсь простой поручикъ, по имени Аладенизъ, велѣлъ ударить тревогу, собралъ солдатъ на дворѣ, построилъ ихъ въ ряды и извѣстилъ ихъ о прибытіи принца Лудовика Бонапарте и его *войска*, объявивъ, что Лудовикъ-Филиппъ пересталъ царствовать, и приказывая имъ кричать: «да здравствуетъ императоръ!»

Минуту спустя Лудовикъ-Наполеонъ и его приверженцы, неся знамя, на верху котораго былъ прикрѣпленъ императорскій орелъ, явились въ казармы. Затѣмъ онъ былъ представленъ солдатамъ, поручикомъ Аладенизомъ, и приказалъ сначала бросать имъ пятифранковыя монеты, думая обольстить ихъ этимъ способомъ; но вскорѣ ему пришлось разочароваться; послѣ этой безплодной попытки онъ приказалъ прочесть солдатамъ приготовленную для нихъ прокламацію.

Однако, впечатлѣніе произведенное имъ на солдатъ, было далеко не въ его пользу. Этотъ молодой человѣкъ съ смущеннымъ видомъ, вялый, съ безжизненнымъ взглядомъ, съ лицомъ, на которомъ было написано утомленіе, съ длиннымъ носомъ, сутуловатый, осанка котораго нисколько не походила на военную, черты лица котораго ни сколько не походили на черты императора, показался

солдатамъ дурной каррикатурой послѣдняго. Его протяжный голосъ, его иностранный акцентъ, его неувѣренная рѣчь произвели весьма дурное дѣйствіе на его слушателей. Солдаты смотрѣли на него съ недовѣріемъ и спрашивали себя: не мистификація ли это? Поэтому, чтобы сколько нибудь сгладить это дурное впечатлѣніе, поручикъ Аладенизъ и офицеры, сопровождавшіе Лудовика-Наполеона, стали раздавать имъ печатныя прокламаціи и деньги горстями. «Лудовикъ самъ одѣлялъ деньгами, цѣловался съ солдатами, сулилъ имъ повышеніе и награды; всѣ унтеръ-офицеры были произведены въ офицеры, капралы были сдѣланы сержантами, солдаты замѣнили капраловъ и всѣ получили ордена.» *).

Тогда солдаты, наполовину увлеченные, наполовину обольщенные деньгами, повышеніями и орденами, принялись кричать: «да здравствуетъ императоръ! да здравствуетъ императоръ! «А инсургенты отвѣчали имъ криками: «да здравствуетъ 42-й полкъ!»

Затѣмъ поручикъ Аладенизъ, представивъ Лудовику сержанта гренадеровъ, украшеннаго орденомъ, по имени Шаполяра, сказалъ: «Принцъ, вотъ старый, храбрый служака, которому слѣдуетъ дать пару эполетъ.»—«Принцъ велѣлъ мнѣ выступить впередъ, разсказываетъ Шаполяръ въ своемъ показаніи передъ судомъ, и сказалъ мнѣ: «Сержантъ, я васъ произвожу въ капитаны гренадеровъ.» Шаполяръ отвѣчалъ ему: «Принцъ, я отказываюсь, я ничего не желаю.» Это пожалованіе чиномъ тотчасъ внушило Шаполяру мысль, что дѣло идетъ о заговорѣ противъ правительства, и онъ сказалъ гренадерамъ: «Гренадеры, тутъ есть заговоръ; я принимаю на-

*) Рапортъ капитана Пюижелье отъ 6 августа 1840 года.

чальство надъ ротой; дѣлайте только то, что я вамъ прикажу.» Принцъ, повидимому, сильно разсердился на слова сержанта и измѣнился въ лицѣ *).

Въ то время, какъ эта сцена происходила на дворѣ, на кухнѣ 42-го полка происходила другая, весьма комическая сцена, которая можетъ дать точное понятіе о способѣ дѣйствій бонапартистскихъ заговорщиковъ и показать, на какія возвышенныя страсти человѣка они стараются дѣйствовать. Приводимъ буквально показаніе гренадера Жофруа, котораго, какъ мы увидимъ нѣсколько далѣе, Лудовикъ-Наполеонъ ранилъ выстрѣломъ изъ пистолета.

6 августа, въ пять часовъ утра, говоритъ гренадеръ Жофруа, я стряпалъ на полковой кухнѣ, какъ вдругъ офицеры, въ сопровожденіи множества солдатъ, вошли во дворъ и, выстроившись въ боевомъ порядкѣ, прокричали нѣсколько разъ: «да здравствуетъ императоръ!» Я выразилъ удивленіе моему товарищу, сказавъ ему: «Императоръ умеръ, развѣ онъ воскресъ?» Вдругъ въ нашу кухню входятъ офицеръ и сержантъ, съ орденомъ на груди, которыхъ я не могъ вдругъ узнать, потому что они были безъ мундировъ; у сержанта была въ рукахъ бутылка, а у офицера сабля; оба они предложили мнѣ выпить вина и закричать: «да здравствуетъ императоръ!» Я имъ отвѣчалъ, что я не пью и не закричу «да здравствуетъ императоръ!» потому что онъ умеръ. Тогда офицеръ сказалъ: «такъ какъ вы не хотите пить, то я заставлю васъ пить насильно; становитесь скорѣе во фронтъ и берите ваше оружіе; мы имѣемъ приказаніе отъ вашего полковника,

---

*) Показаніе сержанта Шаполяра передъ судомъ пэровъ 29 сентября 1840 года.

мы идемъ на Парижъ. Послѣ этого я одѣлся и взялъ свое оружіе, спустился во дворъ и сталъ въ ряды» *).

Вообще когда Бонапартисты стараются склонить людей къ нарушенію присяги, они берутъ въ одну руку саблю, а въ другую бутылку и кошелекъ; они предлагаютъ сначала золота и вина, и если это средство не удается, то пробуютъ другое—угрозу; въ этомъ маневрѣ заключается вся тайна ихъ успѣха и въ 1851 году.

Въ то время, какъ эти сцены обольщенія происходили во дворѣ казармъ 42-го полка, объ этомъ извѣстили капитана Коль-Пюижелье: онъ поспѣшилъ надѣть свой мундиръ и прибѣжалъ въ казармы въ сопровожденіи двухъ подпоручиковъ Рагона и Моссіона. Они увидѣли вскорѣ у воротъ группу офицеровъ и солдатъ и нѣсколько впереди двухъ—караульныхъ, у которыхъ на шако былъ № 40 и которые сказали имъ, что войти нельзя; но эти три офицера отвѣчали, что караулъ содержитъ не 40-й полкъ, и приблизились къ группѣ, охранявшей входъ во дворъ. Тутъ одинъ офицеръ съ эполетами баталіоннаго командира подошелъ съ ласковымъ видомъ къ капитану Коль-Пюижелье, и сказалъ ему: «Капитанъ, принцъ Лудовикъ здѣсь, присоединитесь къ намъ, ваша карьера будетъ составлена.» Въ отвѣтъ на это капитанъ быстро схватился за саблю и своими жестами и словами выразилъ намѣреніе пробраться къ своей командѣ.

Его обхватили со всѣхъ сторонъ, нѣсколько лицъ овладѣли его вооруженной рукою, онъ боролся изо всѣхъ силъ, чтобы пробиться къ своимъ солдатамъ. Продолжая свои геройскія усилія, онъ пытался вразумить самихъ заговорщиковъ. «Васъ обманываютъ, говорилъ онъ, знай-

---

*) Показаніе Жофруа передъ судомъ перовъ. 29 сентября 1840 года.

те, что васъ побуждаютъ къ измѣнѣ.» Голосъ его былъ заглушенъ криками «да здравствуетъ принцъ Лудовикъ!» —Гдѣ же онъ, вашъ принцъ? воскликнулъ онъ въ свою очередь. Тогда подошелъ къ нему человѣкъ небольшаго роста, бѣлокурый, на видъ лѣтъ тридцати, на головѣ котораго была небольшая историческая шляпа императора, а на плечахъ штабъ-офицерскіе эполеты, который сказалъ: «Капитанъ, я принцъ Лудовикъ, будьте съ нами и вы получите все, что хотите.» Тогда капитанъ прервалъ его и сказалъ: «Принцъ ли вы Лудовикъ или нѣтъ, я васъ не знаю: во Франціи теперь новый законъ о престолонаслѣдіи и вы напрасно ссылаетесь на законность вашихъ правъ; я вижу въ васъ только измѣнника; пусть очистятъ дворъ.» Говоря такимъ образомъ, Коль-Пюижелье продолжалъ свои усилія. Будучи не въ состояніи пробиться къ своимъ солдатамъ, онъ воскликнулъ: «Ну, такъ убейте меня, или я исполню свой долгъ!» Въ эту минуту Фіаленъ, т. е. Персиньи, вооруженный ружьемъ, бросился на него со штыкомъ, чтобы убить его, но къ счастію для капитана, Аладенизъ, который услышалъ голосъ послѣдняго, устремился на помощь къ нему и отвратилъ ударъ, который былъ такъ силенъ, что штыкъ, ударившись въ стѣну, согнулся. Тогда Аладенизъ заслонилъ собою капитана, объявивъ инсургентамъ, что онъ отвѣчаетъ за его жизнь и что если они его тронутъ, то онъ немедленно обратится противъ нихъ.

Унтеръ-офицеры поспѣшили на голосъ своего начальника, они помогли ему освободиться изъ рукъ заговорщиковъ, которые отступили въ улицу, но пока капитанъ давалъ необходимыя приказанія своему войску, инсургенты и въ главѣ ихъ принцъ Лудовикъ, генералъ Мон-

толонъ и главнѣйшіе изъ нихъ плотными рядами снова вступили во дворъ.

Коль-Пюижелье тотчасъ подошелъ къ нимъ и, обращаясь въ особенности къ принцу, энергически требовалъ, чтобы онъ тотчасъ же удалился, въ противномъ случаѣ грозилъ употребить силу, прибавивъ: «для васъ будетъ хуже, если вы меня къ тому принудите.»

Въ это время Лудовикъ-Наполеонъ воспользовался минутой, когда капитанъ обернулся къ своимъ солдатамъ для какихъ-то приказаній, вынулъ изъ кармана пистолетъ, прицѣлился въ капитана и выстрѣлилъ ему въ спину, но пуля не попала въ него, такъ какъ солдаты успѣли во время оттащить своего начальника. Пуля пистолета поразила гренадера Жофруа, того самаго, который, отказывался въ кухнѣ пить и кричать: «да здравствуетъ императоръ!» Она попала ему въ верхнюю губу съ лѣвой стороны, вышибла три зуба и затѣмъ засѣла въ шеѣ съ правой стороны *).

Послѣ этого выстрѣла въ спину, Лудовикъ отступилъ съ своимъ войскомъ и оставилъ казармы.

Но если онъ отказался отъ всякой надежды обольстить

---

*) Относительно пистолетнаго выстрѣла, сдѣланнаго Лудовикомъ-Наполеономъ и ранившаго гренадера Жофруа, извлечено изъ показанія сего послѣдняго. Принцъ Лудовикъ не представилъ никакого возраженія и ограничился отвѣтомъ: «Я не имѣю ничего сказать противъ этого, сожалѣю только, что ранилъ французскаго солдата.» (Судь баровъ, засѣданіе 29-го сентября 1840 года). Во время же слѣдствія онъ объяснилъ слѣдующимъ образомъ причину, побудившую его сдѣлать этотъ выстрѣлъ: «Такъ какъ все зависѣло отъ попытки склонить на свою сторону обѣ роты, то, видя, что мое предпріятіе не удается, я впалъ въ какое-то отчаяніе и — не хочу ничего скрывать — я взялъ пистолетъ, съ цѣлью отдѣлаться отъ капитана и прежде чѣмъ хотѣлъ выстрѣлить, выстрѣлъ раздался и пуля попала въ гренадера, какъ я послѣ узналъ.»

гарнизонъ, то онъ надѣялся, по крайней мѣрѣ, быть болѣе счастливымъ у народа.

Заговорщики направились въ верхній городъ, разбрасывая по дорогѣ прокламаціи и деньги, съ криками: «да здравствуетъ императоръ!» За ними слѣдовала толпа ребятишекъ, которымъ принцъ бросалъ новыя пятифранковыя монеты съ изображеніемъ императора *). Лудовикъ-Наполеонъ старался овладѣть замкомъ и взять въ немъ оружіе, чтобы раздать его народу. Подъ-префектъ, Лонгле-Прово, увѣдомленный о намѣреніяхъ инсургентовъ, отправился въ поиски за ними; онъ не замедлилъ встрѣтить ихъ и направился прямо къ нимъ, убѣждая ихъ разойтись. Они ему отвѣчали неодиократными криками: «да здравствуетъ императоръ!» Лудовикъ Бонапартъ, шедшій въ срединѣ перваго ряда, приказалъ оттолкнуть подъ-префекта и продолжать шествіе, на минуту прерванное, что и было исполнено. Знаменосецъ Ломбардъ хватилъ подъ-префекта въ животъ славнымъ аустерлицкимъ орломъ, насаженнымъ на знамя. Это, вмѣстѣ съ пистолетнымъ выстрѣломъ, сдѣланнымъ Лудовикомъ-Наполеономъ въ спину капитану Коль-Пюижелье, были два самые блистательные подвига этого геройскаго войска.

Подойдя къ воротамъ верхняго города, оно нашло ихъ запертыми; тщетно пытались выломать ихъ; они не поддавались усиленнымъ ударамъ топора заговорщиковъ, которые, видя безполезность своихъ усилій, вынуждены были покинуть и эту вторую часть своего предпріятія.

Отчаявшись въ успѣхѣ своего дѣла, они направились къ колоннѣ, воздвигнутой въ городѣ въ честь великой арміи, и Ломбардъ подумалъ тогда, что самое лучшее

---

*) Annotateur de Boulogne, отъ 8-го августа 1840 года.

употребленіе, какое онъ можетъ сдѣлать изъ своего знамени, это — водрузить его на вершинѣ этого памятника. Дѣйствительно онъ вскорѣ это и сдѣлалъ при одобрительныхъ восклицаніяхъ своихъ товарищей и крикахъ «да здравствуетъ императоръ!»

Между тѣмъ національная гвардія, собранная наскоро подъ-префектомъ и своимъ полковникомъ г. Сансо, а также войско, подъ начальствомъ капитана Коль-Пюижелье, приближалось со всѣхъ сторонъ, чтобы окружить инсургентовъ; но они предупредили ихъ прибытіе и бросились спасаться, какъ только завидѣли войско, оставивъ героя Ломбарда съ его знаменемъ, на колоннѣ, гдѣ онъ и былъ задержанъ двумя булонскими жителями, а аустерлицкій орелъ поверженъ въ прахъ.

Герои этой экспедиціи разсѣялись въ разныя стороны, одни бросились въ городъ съ намѣреніемъ скрыться тамъ, другіе въ поле, гдѣ они надѣялись ускользнуть отъ розысковъ властей, наконецъ третіе—къ морскому берегу, надѣясь добраться до своего пакетбота. Лудовикъ-Наполеонъ, полковникъ Вуазенъ, Форъ, Мезонанъ, Персиньи, Дюненъ успѣли сѣсть въ лодку и направились къ пакетботу; на сдѣланное имъ приказаніе остановиться они отвѣчали выстрѣломъ изъ пистолета; тогда г. Мартине, членъ магистрата, вошелъ въ воду и выстрѣлилъ по нимъ изъ ружья; за этимъ выстрѣломъ послѣдовали еще нѣсколько другихъ, пущенныхъ національными гвардейцами и линейными солдатами *).

Полковникъ Вуазенъ и полякъ Овенскій были ранены, а Форъ убитъ. Бѣглецы въ страхѣ бросились всѣ

---

* Показанія г. Мартине передъ судомъ перовъ, 27-го сентября 1840.

на одну сторону лодки, вслѣдствіе чего она перевернулась и они упали въ море. Дюненъ утонулъ, между тѣмъ, какъ прочіе, и въ томъ числѣ принцъ Лудовикъ, пытались достичь пакетбота вплавь.

Но командиръ порта, Полле, успѣлъ всѣхъ ихъ перехватить.

Такъ кончилась эта морская битва, въ которой славные моряки парохода Chateau d'Edinbourg, столь же храбрые на водѣ, какъ и на сухомъ пути, имѣли несчастіе потерять двухъ изъ своихъ товарищей.

Лудовикъ-Наполеонъ находился въ самомъ плачевномъ положеніи, когда его вытащили изъ воды; онъ былъ очень блѣденъ и такъ испуганъ, что не могъ ни ходить, ни стоять на ногахъ; офицеръ національной гвардіи велъ его подъ руку, а съ другой стороны его поддерживалъ одинъ молодой человѣкъ, который ни на минуту не отходилъ отъ него. *)

Разсказываютъ, что при прибытіи Лудовика Бонапарта въ замокъ, пришлось раздѣвать его одному національному гвардейцу, потому что у него не было слуги и къ тому же онъ слишкомъ упалъ духомъ, чтобы быть въ силахъ раздѣться самъ. **)

Корреспондентъ газеты «Presse» расказываетъ, что онъ видѣлъ принца. На немъ была, говоритъ онъ, его вѣчная зеленая одежда, онъ былъ безъ галстуха и весь промокшій, лицо его имѣло мертвенный видъ. Онъ казался удрученнымъ своимъ горемъ: ничего великаго, ничего благороднаго не было замѣтно въ его фигурѣ.

Корреспондентъ «Times» отъ 10 августа писалъ: «Я

*) L'indépendant de Bruxelles отъ 7-го августа 1840 г.

**) Le Globe Anglais, отъ 12-го августа 1840 г. и l'Indépendant de Bruxelles, отъ 14-го августа 1840 г.

только что видѣлъ Лудовика-Наполеона; бѣдняга находится въ плачевномъ положеніи. Онъ едва не утонулъ и пули порядкомъ напугали его. Если бы одна изъ нихъ поразила его, это все-таки было бы самымъ лучшимъ концомъ для такого пошлаго глупца (mischievous block-head)».

Достаточно было полицейскаго коммиссара Бержере, чтобы задержать Паркена и Монтолона, и вскорѣ всѣ инсургенты, въ числѣ 57 человѣкъ, попались въ руки правосудія.

Генералъ Монтолонъ выказалъ не болѣе твердости, чѣмъ Лудовикъ-Наполеонъ. Вотъ что объ этомъ говоритъ l'Annotateur de Boulogne, отъ 8-го августа: «Мы видѣли его въ кухнѣ замка, одного, въ генеральскомъ мундирѣ, сидящимъ на соломенномъ стулѣ, съ повисшими руками, съ головой, склоненной на грудь, въ самомъ горестномъ положеніи.»

Пароходъ «Chateau d'Edinbourg» былъ также захваченъ г. Полле, командиромъ булонскаго порта, съ помощью 10 человѣкъ команды, почти безъ всякихъ затрудненій, хотя на пароходѣ было 19 человѣкъ экипажа, 3 человѣка для ухода за лошадьми и 3 грума. Всѣ эти люди были на время задержаны, но потомъ отпущены.

Кромѣ цѣнныхъ золотыхъ и серебряныхъ вещей почти на полмиліона, четырехъ боченковъ, наполненныхъ золотою монетою въ 40 франковъ, на «Chateau d'Edinbourg» находилось девять великолѣпныхъ англійскихъ лошадей, живой орелъ, двѣ совершенно новыя кареты; великолѣпные мундиры, только что сшитые, на которыхъ были написаны имена ихъ владѣльцевъ; 23 или 24 ящика съ превосходными винами, пивомъ, имбирнымъ пивомъ (ginger-beer), содовой водой и водкой brandy);

прекрасный дамскій нессесеръ, альбомъ, въ которомъ принцъ Лудовикъ нарисовалъ зàмокъ Арепембергъ и пейзажи и написалъ эротическіе стансы. Въ чемоданахъ и сакъ-вояжахъ нашли партикулярную одежду совершенно новую и прекрасно сдѣланную.

У капитана парохода «Chateau d'Edinbourg», Джемса Кро, спросили, пили ли эти господа въ послѣдніе часы своего пребыванія на пароходѣ? — Онъ отвѣчалъ, что «они пили ужасно всякаго рода вина и ликеры, и что онъ никогда не видывалъ, чтобы кто нибудь столько пилъ, что они выпили 16 дюжинъ бутылокъ вина, не считая водки и ликеровъ» *).

Точно также солдаты 42-го полка, присутствовавшіе при покушеніи, утверждали, что почти всѣ заговорщики были пьяны.

Вотъ въ какомъ положеніи находилось «небольшое число *храбрыхъ*», слѣдовавшихъ за Лудовикомъ-Наполеономъ и надъ которыми бодрствовалъ «съ высоты колонны геній императора, рукоплескавшій ихъ усиліямъ.»

Два дня спустя послѣ арестованія, Лудовика-Наполеона изъ булонскаго зàмка, гдѣ онъ содержался, отправили въ Гамъ. Этотъ внезапный отъѣздъ, котораго онъ не ожидалъ, его сильно поразилъ, разставаніе его съ генераломъ Монтолономъ было весьма трогательное; когда онъ спускался во дворъ зàмка, его велъ подъ руку полковникъ національной гвардіи.

Повидимому булонскій герой не оправился еще отъ сильнаго страха и не могъ еще ходить одинъ.

Никакой симпатической манифестаціи не обнаружилось при его проѣздѣ по Франціи. 8-го августа онъ про-

*) Рапортъ булонскаго подъ-префекта, отъ 8-го августа 1840 г.

Ехалъ черезъ Амьенъ; многочисленная толпа, состоявшая преимущественно изъ рабочихъ, ожидала его; на лицахъ было написано равнодушіе, не раздалось ни одного крика; Лудовикъ Бонапартъ казался весьма печальнымъ, онъ прятался въ глубь кареты, чтобы избѣгнуть взоровъ. Гамское населеніе выказало тоже равнодушіе, какъ и амьенское; оно не обнаружило ни малѣйшей симпатіи къ плѣннику; неодобреніе было всеобщее *).

12-го августа Лудовикъ Бонапартъ былъ изъ гамской тюрьмы перевезенъ въ тюрьму Conciergerie, въ Парижъ.

---

* L'Independant бельгійская газета, отъ 13-го августа 1840 года.

IV

СУДЪ ПЭРОВЪ.

Послѣ того, какъ всѣ булонскіе инсургенты были перевезены въ Парижъ, 9-го августа 1840 года, послѣдовалъ королевскій указъ, которымъ созывался судъ пэровъ для разсмотрѣнія этого дѣла.

18-го августа судъ собрался подъ предсѣдательствомъ канцлера Паскье, чтобы выслушать указъ и обвинительный актъ генеральнаго прокурора и назначить слѣдственную коммисію; докладчикомъ былъ Персиль.

28-го сентября обвиняемые въ инсуррекціонной попыткѣ въ Булони явились въ первый разъ предъ судъ пэровъ. Ихъ ввели подъ конвоемъ сенскихъ жандармовъ; за ними слѣдовали ихъ адвокаты.

Лудовикъ-Наполеонъ Бонапартъ входитъ первымъ; онъ одѣтъ въ черный сюртукъ, на груди у него орденъ почетнаго легіона, который, надо замѣтить, не былъ ни кѣмъ ему пожалованъ. Повидимому, его злополучная попытка въ Страсбургѣ, и униженіе, которому онъ подвергся отъ полковника Тайландье, сорвавшаго съ него орденъ почетнаго легіона, не излечилъ его отъ маніи

украшать себя орденами; затѣмъ являются гг. Монтолонъ, Вуазенъ, Мезонанъ, Паркенъ и другіе обвиняемые, которые и размѣщаются на нѣсколькихъ скамьяхъ.

Между защитниками находились, между прочимъ, гг. Берье, Фердинандъ Барро, Жюль Фавръ и др.

Чтобы дать болѣе точное понятіе о поведеніи обвиняемыхъ на судѣ, всего лучше будетъ привести статью изъ одной французской газеты того времени, l'Univers, отъ 30 сентября 1840 г.

«Пренія по процессу Лудовика Бонапарта, говоритъ газета, начались и продолжаются среди полнѣйшаго равнодушія; даже любопытство не было возбуждено. Передъ зданіемъ суда пэровъ не было замѣтно ни одной группы любопытныхъ.

«Мы не думаемъ, чтобы въ какомъ либо другомъ процессѣ судьи были столь многочисленны, какъ въ настоящемъ. Сто шестьдесятъ семь пэровъ участвуютъ въ преніяхъ.

«Принцъ Лудовикъ Бонапартъ молодой человѣкъ, тридцати двухъ лѣтъ, средняго роста; въ его чертахъ, въ его физіономіи, въ его голосѣ трудно найти какое нибудь выраженіе, которое бы показывало въ немъ человѣка, способнаго продолжать роль Наполеона I. Прежде чѣмъ отвѣчать на вопросы президента, Лудовикъ Бонапартъ прочелъ свое политическое profession de foi, въ которомъ онъ выставилъ себя не обвиняемымъ, но побѣжденнымъ. Чтеніе это не произвело никакого впечатлѣнія. Голосъ у обвиняемаго слабый, вслѣдствіе чего секретарь де-ла-Шовиньеръ принужденъ былъ повторять всѣ его отвѣты.

Точно также невозможно было разслышать отвѣтовъ

почти всѣхъ прочихъ обвиняемыхъ, почему отвѣты ихъ также повторялъ судьямъ г. де-ла-Шовиньеръ.

«Судя по смущенному, постыдно-робкому виду обвиняемыхъ, ихъ можно было скорѣе принять за школьниковъ, застигнутыхъ въ расплохъ учителемъ, чѣмъ за бойцовъ за какое нибудь дѣло, побѣжденныхъ въ смѣлой попыткѣ. За исключеніемъ поручика Аладенпза всѣ упорно держались своей смѣшной системы защиты, утверждая, что принцъ скрывалъ отъ нихъ свои намѣренія; даже его домашній секретарь (Далмберъ) и тотъ изъ его повѣренныхъ, который печаталъ его прокламаціи и его афиши (Конно), употребили это средство защиты. Къ тому же отвѣтами своими они не сказали ничего новаго, развѣ только доказали свою радикальную и унизительную неспособность; трудно себѣ вообразить *болѣе полное собраніе немощностей физическихъ и моральныхъ*. Странный заговоръ, въ которомъ для всѣхъ членовъ нужны обильныя возліянія, чтобы приступить къ дѣлу и почти половина которыхъ убогіе. Поэтому, когда видишь передъ важнымъ судомъ пэровъ эту нестройную массу молодыхъ людей и стариковъ, сгрупированныхъ вокругъ тридцатилѣтняго предводителя, которому на видъ нѣтъ и двадцати пяти, и который держитъ себя безъ всякаго величія, невольно проникаешся глубокимъ состраданіемъ. Еслибы не пролитая кровь и не опасность, которой подвергался миръ страны, можно было бы просить состраданія суда къ этимъ сѣдымъ и бѣлокурымъ головамъ, которыхъ одно и тоже великое имя одинаково смутило.»

Г. Персиль, назначенный судомъ докладчикъ, прочелъ рапортъ о покушеніи 6-го августа 1840 года.

Мы приводимъ здѣсь въ сокращеніи этотъ замѣчатель-

ный документъ, который составляетъ безпристрастное резюме всѣхъ обвиненій, тяготѣвшихъ тогда на Лудовикѣ Бонапартѣ и его сообщникахъ:

«Мм. гг., Страсбургское покушеніе, которое выказало въ его виновникахъ, вмѣстѣ съ самой странной оцѣнкой національныхъ чувствъ, столько же самообольщенія, сколько и непредусмотрительности, повидимому, не должно было повториться. Общественное мнѣніе осудило его и общее негодованіе замѣнило въ извѣстной степени законную кару, которой избѣгло это великое преступленіе. Безнаказанность, выпавшая на его долю, и которая произвела на страну такое тягостное впечатлѣніе, была явленіемъ совершенно необыкновеннымъ, такъ что можно было думать, что тѣ, которые ею воспользовались, предостереженные опасностью, висѣвшею надъ ихъ головою, съумѣютъ почерпнуть въ ней спасительный урокъ. Эта столь естественная надежда не осуществилась. Страсбургское оправданіе сдѣлалось, въ ихъ глазахъ, доказательствомъ «сочувствія всего населенія къ наполеоновскому дѣлу» (брошюра Laity, стр. 75; прокламація къ французскому народу, раздававшаяся въ Булони, и когда, позднѣе, король возымѣлъ благородную мысль возвратить Франціи славные останки императора, они увидѣли въ выраженіяхъ энтузіазма, возбужденнаго воспоминаніями объ эпохѣ, въ которую совершились столь великія дѣла, лишь случай удовлетворить, преступными средствами, безумное честолюбіе и ниспровергнуть наши учрежденія во имя того, кому мы должны быть признательны за уничтоженіе анархіи. Ничто не остановило ихъ: ни уроки опыта, которые должны были бы вразумить ихъ на счетъ непопулярности ихъ дѣла, покинутаго всѣми; ни цвѣтущее состояніе Франціи, съ каждымъ днемъ все

болѣе и болѣе привязывающейся къ своей династіи и къ правительству, которое она себѣ дала; ни то охлажденіе страстей, которое время и неотразимая сила общественнаго мнѣнія произвели даже среди самыхъ крайнихъ партій. Они ничего не хотѣли признать, они напали на все съ тѣмъ же самообольщеніемъ и увѣренностью, еще болѣе безумною, чѣмъ та, которая привела ихъ къ стѣнамъ Страсбурга.

«Намъ было бы пріятно думать, что не международныя затрудненія, озабочивающія и тревожащія въ настоящую минуту всѣхъ, вызвали ихъ на преступные замыслы. Но чего нельзя подумать о тѣхъ, кто предпринявъ неожиданное нападеніе на Булонь, съ нѣсколькими отставными офицерами, съ нѣсколькими людьми безъ имени, неизвѣстными Франціи, и съ горстью солдатъ, переодѣтыхъ слугами, или слугъ, переодѣтыхъ солдатами, возъимѣли мысль овладѣть Франціей и возстановить тамъ, во имя народа и свободы, подъ эгидою имени, слишкомъ высоко стоящаго, чтобы кто нибудь могъ явиться его преемникомъ, систему управленія, которая, правда, дозволила собрать намъ обильную жатву славы, но которая не заслужила нашей признательности и не отличается ни пламенной любовью къ свободѣ и равенству, ни глубокимъ уваженіемъ къ правамъ гражданъ! Иныя времена, иныя потребности; то, что могло быть благомъ, что могло быть предписываемо неумолимой необходимостью въ первые годы XIX-го столѣтія, когда внутренніе раздоры и бремя самой ужасной войны, которая когда либо велась, удручали страну, было бы нынѣ вопіющимъ анохронизмомъ. Цивилизація идетъ впередъ и шествіе ея должно быть освѣщаемо свободой, уваженіемъ къ правамъ всѣхъ и учрежденіями, дѣлающими

произволъ и абсолютизмъ невозможными. Поэтому, взгляните, какъ было принято это преступное нападеніе на Булонь: въ этихъ солдатахъ, въ этихъ національныхъ гвардейцахъ, которые, какъ внушала заговорщикамъ ихъ высокомѣрная увѣренность, должны были непремѣнно примкнуть къ нимъ, они нашли только защитниковъ существующаго порядка. Пусть наконецъ поймутъ они этотъ урокъ! Это дѣйствительно и случится, потому что часъ правосудія насталъ!

«Вы должны быть, мм. гг., его органами, и для того, чтобы подготовить ваши рѣшенія, мы отдаемъ вамъ отчетъ о результатахъ слѣдствія, производившагося по этому дѣлу.

«Одинъ изъ первыхъ отвѣтовъ главнаго обвиняемаго, Лудовика Бонапарта, на допросѣ, слѣдственной коммисіи, тотчасъ же перенесъ насъ къ происхожденію, къ первой мысли, къ первымъ приготовленіямъ покушенія.

«Я возобновилъ свои связи во Франціи, сказалъ онъ, не болѣе какъ годъ или полтора тому назадъ. Пока я думалъ, что честь запрещаетъ мнѣ предпринимать что-либо противъ правительства, я оставался спокойнымъ. Но когда меня стали преслѣдовать въ Швейцаріи подъ тѣмъ предлогомъ, будто я кую заговоры—что̀ тогда было несправедливо, то я вновь принялся за мои прежніе замыслы.» (Допросъ принца Лудовика отъ 19 августа.)

«Вы сейчасъ разсудите, справедливъ ли этотъ отвѣтъ. Едва Лудовикъ Бонапартъ возвратился изъ Соединенныхъ Штатовъ, куда онъ былъ высланъ,—мѣра внушенная величайшимъ милосердіемъ и великодушіемъ, — какъ онъ пріѣзжаетъ въ Лондонъ, печатаетъ и распространяетъ при содѣйствіи Персиньи, своего всегдашняго сообщника, брошюру, предназначенную для апологіи страсбургска-

го покушенія, въ которой доказываетъ возможность удачи и шансы своихъ дальнѣйшихъ успѣховъ. Это было первое изданіе сочиненія Лэти (Laity), которое вы осудили въ іюнѣ 1838 года.

«Еще въ предшествовавшемъ февралѣ мѣсяцѣ Лудовикъ Бонапартъ обращался къ командиру Мезонану, котораго министръ заставилъ подать въ отставку; онъ хотѣлъ воспользоваться недовольствомъ этого офицера, которое послѣдній даже публично выразилъ въ газетахъ *). Въ это время онъ еще не возвращался въ Швейцарію и правительство не требовало его изгнанія: оно рѣшилось на это гораздо позднѣе, послѣ того, какъ открыло происки, которые Лудовикъ-Наполеонъ продолжалъ вести въ этомъ, сосѣднемъ съ Франціей, государствѣ. Страсбургская неудача не лишила его бодрости. Тотчасъ по своемъ возвращеніи въ Европу, онъ не пренебрегъ ничѣмъ, чтобы вновь завязать порванныя нити своихъ замысловъ и вновь сталъ заниматься своими прежними планами въ такое время, когда, по его собственному выраженію, честь запрещала ему предпринимать что либо противъ французскаго правительства.

---

*) Извлеченіе изъ допроса Мезонана отъ 29 августа:

В. Съ которыхъ поръ вы состоите въ сношеніяхъ съ Лудовикомъ Бонапартомъ?

О. Года два съ половиной: въ это время я былъ уволенъ въ отставку. Будучи оскорбленъ въ своихъ интересахъ, я написалъ къ военному министру, который вынудилъ меня выдти въ отставку, довольно строгія письма, которыя были напечатаны въ Courrier Français и въ другихъ газетахъ. Принцъ написалъ ко мнѣ поэтому поводу изъ Аренемберга, въ февралѣ 1838 года, сколько я помню, письмо, въ которомъ превозносилъ похвалами мой образъ дѣйствій. До тѣхъ поръ я его не зналъ и даже никогда не видалъ. Я увидѣлъ его уже позднѣе, когда онъ былъ въ Англіи годъ или 15 мѣсяцевъ тому назадъ.

«Приготовленія для этого новаго покушенія тѣже самыя, какія были употреблены для страсбургскаго; это есть ничто иное, какъ второй опытъ одного и тогоже плана. Ежедневная печать есть самое дѣйствительное средство въ наше время расположить умы, взволновать ихъ, это есть необходимое начало всякаго предпріятія. И такъ ее попросятъ нападать на все существующее, унижать его, чтобы возвратить то, что хотятъ поставить на его мѣсто; ее попросятъ быть посредницею между партіями, изъ которыхъ хотятъ образовать коалицію противъ власти. Призовутъ на помощь также всѣ другіе роды публикацій, которые могутъ оказать тѣмъ большую поддержку, что въ нихъ можно развить идеи подробнѣе и прибѣгнуть къ самымъ маленькимъ форматамъ, потому что они удобно переносятся и быстрѣе переходятъ изъ рукъ въ руки. Притомъ, примутъ всѣ предосторожности, чтобы газеты и памфлеты доходили всюду, гдѣ заговорщики надѣятся найти адептовъ. Затѣмъ явятся эмиссары, которымъ поручатъ объѣзжать департаменты и останавливаться въ городахъ, гдѣ есть гарнизоны, потому что Лудовикъ-Наполеонъ хочетъ добиться своей цѣли преимущественно при содѣйствіи арміи. Вербовщики, вѣстники безпорядковъ, антрепренеры международныхъ войнъ и революцій всегда и вездѣ одинаковы. Тѣ, къ которымъ прибѣгнутъ, должны пользоваться недовольствомъ, которое имъ удасться возбудить или породить; они станутъ отыскивать людей, которыхъ заговорщики всѣхъ временъ называютъ жертвами произвола и тираніи; солдатамъ они будутъ предлагать высокою плату и ордена; унтеръ-офицерамъ повышенія; штабъ-офицеру, котораго неумолимый военный уставъ уволилъ въ отставку прежде, чѣмъ онъ утратилъ всю свою бодрость, посулятъ возвратить

ту дѣятельность, потерю которой онъ оплакиваетъ; наконецъ, въ ожиданіи рѣшительной минуты, будутъ набирать и держать въ какомъ нибудь сборномъ мѣстѣ или даже принимать въ услуженіе отставныхъ военныхъ, которыхъ безпорядочная жизнь или несчастіе вынудитъ принять такую тяжкую зависимость.

«Таково, мм. гг., резюме главныхъ пунктовъ, собранныхъ слѣдствіемъ касательно приготовленій къ покушенію. Теперь позвольте сообщить вамъ подробности и доказательства.

«На допросѣ, о которомъ мы уже говорили и которому Лудовикъ Бонапартъ былъ подвергнутъ канцлеромъ при содѣйствіи слѣдственной коммисіи, онъ не колеблясь сознался, что «онъ истратилъ много денегъ, чтобы основать и поддерживать во Франціи нѣсколько газетъ»; онъ отказался сообщить названія этихъ газетъ, цифру означенныхъ расходовъ и указать лицъ, съ которыми находился въ перепискѣ; но молчаніе его возбудитъ немного сожалѣнія въ виду важнаго открытія, добытаго слѣдствіемъ.

«Нѣкоторыя обвиненія, брошенныя одной газетой Сѣвернаго департамента въ нѣкоего Круи-Шанеля, вызвали со стороны послѣдняго протестъ, который вы могли прочесть въ Courrier Français отъ 22 прошлаго августа. Круи-Шанеля обвиняли въ томъ, будто бы онъ получилъ отъ принца Лудовика сумму въ 250,000 франковъ для преступнаго употребленія. Отвергнувъ это утвержденіе, какъ оскорбительную клевету, Круи-Шанель прибавлялъ: «Никогда принцъ не давалъ мнѣ такой суммы.» Изъ этихъ словъ Courrier вывелъ такое заключеніе, что Круи-Шанель открыто сознается, что руки у него не совсѣмъ чисты.

«Гласность этой полемики указала слѣдственной коммиссіи путь, которому ей предстояло слѣдовать. Канцлеръ вытребовалъ къ себѣ Круи-Шанеля. Послѣдній объявилъ, что въ 1839 году, когда была основана газета Capitole, онъ получилъ отъ Лудовика Бонапарта 140,000 франковъ, которые онъ употребилъ на эту газету и на исполненіе разныхъ весьма дозволительныхъ порученій принца; что ихъ сношенія продолжались три мѣсяца, съ іюня 1839 года до слѣдующаго октября или ноября; что съ тѣхъ поръ сношенія ихъ совершенно прекратились; что если онъ въ послѣднее время предпринималъ поѣздку въ Лондонъ, то не видѣлся тамъ съ Лудовикомъ Бонапартомъ.

«Послѣдній, будучи въ свою очередь спрошенъ объ этомъ случаѣ, 26-го прошлаго августа, подтвердилъ показанія Круи-Шанеля; съ одной стороны относительно присылки суммъ, назначенныхъ и употребленныхъ имъ на изданіе Capitole; съ другой, относительно прекращенія ихъ сношеній около конца 1839 г., съ тою только разницею, что, по словамъ Лудовика Бонапарта, сношенія эти начались въ іюнѣ и августѣ 1838 года, вскорѣ послѣ изданія брошюры Лети. Круи-Шанель, который пріѣзжалъ къ нему въ Швейцарію, предлагалъ ему въ то время оказать содѣйствіе къ основанію какой нибудь газеты. Онъ не принялъ тогда этого предложенія, но впослѣдствіи согласился и результатомъ его было основаніе Capitole. Во все продолженіе слѣдствія ни одинъ фактъ не опровергъ утвержденія Лудовика Бонапарта касательно сношеній его съ Круи-Шанелемъ и, должно замѣтить, они согласны съ утвержденіями Круи-Шанеля. Послѣдній уже былъ арестованъ за свои сношенія съ Лудовикомъ Бонапартомъ и за другія политическія интриги; но такъ

какъ противъ него не оказалось явныхъ уликъ, то онъ и былъ оправданъ. Тѣмъ не менѣе у него на дому была захвачена обширная переписка; не могла ли она навести на слѣдъ приготовленій булонскаго покушенія и указать нѣкоторыхъ лицъ, которыя ему содѣйствовали? Канцлеръ приказалъ принести въ судъ дѣло, въ которомъ содержалась эта переписка. Коммиссія тщательно ее разсмотрѣла и убѣдилась, что происки, которые велъ Круи-Шанель и большая часть которыхъ относилась дѣйствительно къ Лудовику Бонапарту, окончились въ ноябрѣ 1839 года и что ихъ сношенія съ тѣхъ поръ совершенно прекратились. И такъ, какъ не судить о характерѣ намѣреній, которыя Круи-Шанель питалъ въ теченіи всего времени, какъ эти интриги продолжались, невозможно однако вывести изъ нихъ заключеніе, что онъ зналъ о рѣшеніи дѣйствовать противъ Булони, или же какимъ нибудь образомъ ему содѣйствовалъ.

«Но не принималъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, какого нибудь участія въ выборѣ лицъ и средствъ для этого покушенія? На слѣдующій вопросъ канцлера Лудовику Бонапарту: «Вѣроятно, Круи-Шанель могъ давать вамъ о людяхъ и вещахъ крайне лживыя понятія, если они могли вліять на замыслы, которыя вы недавно осуществили», (допросъ 26-го августа) Лудовикъ Бонапартъ отвѣчалъ: «Онъ не имѣлъ никакого вліянія на мои замыслы, потому что я мало вѣрилъ въ его сужденія».

«И такъ, самое внимательное разсмотрѣніе сношеній Лудовика Бонапарта съ Круи-Шанелемъ доказали только еще яснѣе, какъ долго первый обдумывалъ планъ своего покушенія, въ то время, когда онъ еще не рѣшилъ окончательно, какимъ способомъ и въ какомъ мѣстѣ его предпринять.

«Мы уже говорили, что Лудовикъ-Наполеонъ не ограничился подготовлять свое вступленіе на престолъ при содѣйствіи одной лишь ежедневной печати; дѣйствительно, онъ вознамѣрился присоединить къ ней, кромѣ своей біографіи, которая должна была поднять надежды приверженцевъ наполеоновской династіи, небольшія брошюры, которыя будучи распространяемы въ большомъ числѣ въ публикѣ, а въ особенности въ городахъ, содержащихъ гарнизоны и въ казармахъ, могли—какъ онъ надѣялся—популяризировать его имя и связать его неразрывно съ именемъ императора.

«Вы помните брошюру, которая раздавалась въ Лондонѣ подъ именемъ брошюры Персиньи, а въ Парижъ подъ именемъ Лэти. Она слишкомъ хорошо извѣстна судьямъ, чтобы мнѣ нужно было вновь указывать на ея опасный духъ; назначеніемъ ея было — возстановить честь страсбургскаго покушенія, превозносить дѣло Лудовика Бонапарта, обмануть ложными надеждами тѣхъ, которые попытались бы къ нему присоединиться, — словомъ создать ему вездѣ новыхъ и довѣрчивыхъ прозелитовъ.

«Другія брошюры имѣли подобное же назначеніе. Это были: Idées napoléoniennes, Лудовика Наполеона и Lettres de Londres. Всѣ эти сочиненія обнаруживаютъ тѣ же притязанія и стремятся къ тѣмъ же усиліямъ создать ему приверженцевъ и дѣятельно собрать ихъ подъ его знаменемъ.

«Были приняты всѣ мѣры, употреблены всѣ предосторожности, чтобы съ пользою распространять эти возмутительныя сочиненія. Выбирали преимущественно мѣстности, гдѣ проживаютъ старые служивые, еще полные чудныхъ воспоминаній объ имперіи, и сборные пункты нашихъ молодыхъ солдатъ, всегда готовыхъ съ

жадностью слушать почти баснословные, не смотря на ихъ дѣйствительность, разсказы о нашей старинной воинской славѣ.

«Между прочими доказательствами, собранными въ этомъ отношеніи слѣдственной коммиссіей, вотъ одно, которое не оставитъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ вашихъ умахъ.

«24-го прошлаго іюня, какой-то человѣкъ, по имени Озіазъ, подошелъ въ одной изъ улицъ Лилля къ гренадеру 46-го линейнаго полка, занимающаго гарнизонъ въ этомъ городѣ; назвавшись его землякомъ, онъ свелъ его въ кабакъ, гдѣ и далъ ему два экземпляра Lettres de Londres. Онъ оставилъ десять экземпляровъ этой брошюры кабатчику, предлагая ему роздать ихъ. Ободренный успѣхомъ Озіазъ явился на слѣдующій день въ казармы, которыя онъ попросилъ осмотрѣть. Получивъ на то дозволеніе, онъ проникъ въ одну комнату, гдѣ собрались гренадеры; онъ счелъ долгомъ возобновить свою смѣлую вербовку партизановъ для Лудовика Бонапарта, но былъ застигнутъ на мѣстѣ преступленія и преданъ въ руки судебной власти.

«Другіе эмиссары, занимающіе болѣе высокое положеніе въ обществѣ, взялись также распространять эти брошюры. Мы можемъ упомянуть здѣсь командира Мезонана, командира Паркена и проч. Но они имѣли другое назначеніе, которое болѣе согласовалось съ сношеніями, которыя они имѣли средства поддерживать; они должны были навѣщать лицъ, на которыхъ надѣялись оказать какое нибудь вліяніе; они должны были дѣлать имъ самыя заманчивыя предложенія, словомъ, не пренебрѣгать ничѣмъ, чтобы окончательно завербовать ихъ подъ знамена партіи.

«Слѣдствіе, конечно, не открыло всѣхъ этихъ столь ревностныхъ вербовщиковъ, но открыло главныхъ изъ нихъ; это: обвиняемые Паркенъ, Ломбардъ, Персиньи, Дальмбертъ, Мезонанъ, Форестье.

«Обвиняемый Паркенъ, съ тѣхъ поръ, какъ принцъ возвратился изъ Соединенныхъ Штатовъ, почти постоянно жилъ у него, называя себя его адъютантомъ. Вѣчно готовый исполнять его приказанія, онъ былъ безпрестанно посылаемъ съ разными порученіями въ интересахъ дѣла, которому служилъ слѣпо. Не далѣе, какъ за нѣсколько дней до булонскаго покушенія, онъ былъ въ Парижѣ; вы поймете, что онъ тамъ дѣлалъ. Ему было приказано обратить въ особенности вниманіе на старыхъ солдатъ имперіи, бѣдныхъ и впавшихъ въ несчастіе. Онъ ихъ отыскивалъ и посылалъ въ Лондонъ подъ разными предлогами.

«Такимъ-то образомъ онъ завербовалъ нѣкоего Бриго и капитана Дежардена, которыхъ потомъ нашли между заговорщиками.

«Слѣдствіе не раскрыло вполнѣ происковъ, которымъ предавались, во время своихъ частыхъ поѣздокъ во Францію, обвиняемые Ломбардъ и Персиньи. Все заставляетъ думать, что измѣна поручика 42-го полка Аладениза была дѣломъ Дальмберта или Баталя и Форестье; но особеннаго вниманія заслуживаетъ случай, касающійся командира Мезонана. Тутъ дѣло идетъ уже не о нѣсколькихъ отдѣльныхъ солдатахъ, привязанныхъ къ дѣлу, къ которому ихъ заставили пристать, бѣдностью, бездѣльемъ или хитростью какого нибудь ловкаго вербовщика. Мезонанъ простираетъ свои честолюбивые виды на самихъ начальниковъ. Если бы ему удалось завлечь въ свои сѣти генерала, командующаго сѣвернымъ департаментомъ,

развѣ ему не позволено было бы считать себя владѣтелемъ границы и прибрежья, на которомъ должна совершиться высадка; развѣ многочисленные гарнизоны, находящіеся подъ начальствомъ этого генерала, не послѣдуютъ неизбѣжно его примѣру?

«Канцлеръ допрашивалъ Мезонана на счетъ этого столь дерзкаго, столь невѣроятнаго предпріятія. Онъ спросилъ его, не обращался ли онъ, во время своихъ поѣздокъ по сѣвернымъ департаментамъ, къ нѣкоторымъ генераламъ съ предложеніями отъ имени Лудовика Бонапарта; именно, не показывалъ ли онъ одному генералу письмо, которое, по его словамъ, было прислано отъ него? Вотъ его буквальный отвѣтъ: (допросъ отъ 20-го августа) «Нѣтъ, я долго бесѣдовалъ о политикѣ съ однимъ генераломъ; онъ открылся мнѣ, что онъ оскорбленъ нѣкоторыми происшедшими повышеніями; онъ высказался даже по этому поводу съ большой горячностью. Я не скрылъ отъ него, что ѣду въ Англію, что увижу тамъ принца, но не дѣлалъ ему никакого предложенія отъ имени принца.»

«Канцлеръ спросилъ у Мезонана, какъ фамилія этого генерала и тотъ отвѣчалъ: «генералъ Маньянъ».

«Отвѣтъ этотъ указалъ слѣдственной коммиссіи на ея обязанность. Канцлеръ вытребовалъ къ себѣ генералъ-маіора Маньяна, выслушалъ его и вотъ показаніе генерала цѣликомъ:

«Въ концѣ марта 1840 года, я былъ извѣщенъ префектомъ сѣвернаго департамента, что нѣкто Ломбардъ, бывшій полковой лекарь, замѣшанный въ страсбургскихъ событіяхъ, прибылъ въ Лилль и что онъ тамъ находится въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми офицерами гарнизона. Я не назову этихъ офицеровъ, а также полковъ, къ которымъ

они принадлежатъ; король увѣдомленный военнымъ министромъ и мною о ихъ безразсудствѣ, снисходительно помиловалъ ихъ.

«6 го апрѣля 1840 г. я имѣлъ честь донести военному министру, что бывшій командиръ Паркенъ, одинъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ страсбургскихъ событіяхъ, прибылъ въ Лилль. Я ему писалъ: «Такимъ образомъ, едва успѣлъ уѣхать Ломбардъ, какъ прибылъ Паркенъ. Прибытіе его нисколько меня не встревожило, тѣмъ не менѣе, чтобы исполнить свой долгъ, я созвалъ офицеровъ лильскаго гарнизона и хотя вѣрность ихъ престолу и преданность мнѣ извѣстны, однако я счелъ долгомъ указать имъ на присутствіе Паркена въ нашихъ стѣнахъ. Паркенъ пробылъ въ городѣ только сутки и уѣхалъ. Онъ былъ наканунѣ въ театрѣ, я его тамъ видѣлъ; онъ вошелъ въ ложу, бывшую занятой кирасирскимъ эскадроннымъ командиромъ Гранже, который тотчасъ же оставилъ свою ложу и занялъ другое мѣсто.

«Около того же времени, въ февралѣ мѣсяцѣ, помнится, прибылъ въ Лилль командиръ Мезонанъ. Онъ явился къ одному своему старому другу, эскадронному командиру, Кабуръ-Дюге, состоявшему при дивизіономъ штабѣ. Онъ былъ также у полковника 60-го полка въ Лиллѣ, одного изъ своихъ друзей. Этотъ полковникъ сказалъ ему: «я не могу пригласить тебя къ обѣду, потому что обѣдаю у генерала Маньяна. Знаешь ты его? Поди къ нему, онъ безъ сомнѣнія пригласитъ тебя обѣдать и мы проведемъ время вмѣстѣ.» Командиръ Мезонанъ явился ко мнѣ; я его зналъ въ Брестѣ, въ 1829 году, когда онъ былъ адъютантомъ генералъ-лейтенанта графа Буркъ, главнаго инспектора полка, которымъ я тогда командовалъ. Я сохранилъ большую признательность къ графу

Буркъ за его доброту ко мнѣ и къ моему полку, и адъютантъ его пользовался моимъ расположеніемъ. Я не видалъ его съ 1829 года, мнѣ было пріятно его видѣть; я пригласилъ его обѣдать, онъ согласился. Послѣ обѣда, я спросилъ Мезонана, въ залѣ, въ присутствіи другихъ гостей, что его привело въ Лилль и куда онъ ѣдетъ? Онъ мнѣ отвѣчалъ, что ѣдетъ въ Гентъ повидаться съ старыми друзьями; спрашивалъ у меня свѣдѣній о нѣкоторыхъ лицахъ этого города, гдѣ я имѣлъ квартиру, какъ командиръ фландрской дивизіи, когда меня посылали въ Бельгію. Я далъ ему эти свѣдѣнія. Онъ мнѣ сказалъ также, что онъ поѣдетъ въ Брюссель повидаться съ однимъ бывшимъ негоціантомъ, его товарищемъ по заключенію въ Англіи. Я представилъ его обѣдавшимъ у меня вмѣстѣ съ нимъ генералъ-лейтенанту, командующему дивизіей, и префекту. Составились партіи виста и я не говорилъ больше съ Мезонаномъ, который ушелъ отъ меня домой вмѣстѣ съ остальнымъ обществомъ.

«На слѣдующій день Мезонанъ пришелъ ко мнѣ, онъ былъ введенъ въ мой кабинетъ моимъ адъютантомъ, онъ сталъ мнѣ говорить о своемъ увольненіи въ отставку въ то время, когда ему обѣщали повышеніе въ чинъ подполковника; онъ говорилъ объ услугахъ, которыя оказалъ въ 1830 году, во время іюльской революціи, когда онъ сдѣлался адъютантомъ генерала Морена, командовавшаго первой дивизіей; подробно разсказывалъ мнѣ о своихъ услугахъ въ Ліонѣ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Эмара, въ ту минуту, когда вспыхнуло республиканское движеніе въ этомъ городѣ. Я увидѣлъ въ немъ человѣка недовольнаго, но онъ ничего не говорилъ мнѣ о своихъ связяхъ съ принцемъ Лудовикомъ. Онъ мнѣ вручилъ небольшую брошюру, бывшую въ свое время напечатанною въ газетѣ Courrier de l'Europe, и въ кото-

рой было выражено его недовольство и его жалобы. Я бросилъ брошюру на бюро и сказалъ ему, что я все это читалъ въ газетахъ, будучи въ Бельгіи; я прибавилъ: «если вы хотите, любезный Мезонанъ, чтобы я вамъ высказалъ свое мнѣніе объ этомъ дѣлѣ, я вамъ скажу, что я васъ порицалъ въ Бельгіи и порицаю и теперь; вы человѣкъ холостой, у васъ нѣтъ ни семьи, ни дѣтей, вы имѣете небольшое состояніе; вы должны быть счастливы, что находитесь въ отставкѣ; что выиграли бы вы, сдѣлавшись полковникомъ? пятьдесятъ или 60 франковъ пенсіона болѣе».

Мезонанъ простился со мной; онъ нѣсколько разъ возвращался въ Лилль, заходилъ ко мнѣ, не засталъ меня дома, потому что я находился въ трехмѣсячномъ инспекторскомъ объѣздѣ. Однако, эти частыя поѣздки въ Лилль показались мнѣ подозрительными, я спросилъ у командира Кабура, что дѣлаетъ безпрестанно въ Лиллѣ г. Мезонанъ; Кабуръ отвѣчалъ, что онъ пріѣзжаетъ изъ за одной женщины, и я повѣрилъ. Однако, въ послѣднихъ числахъ іюня командиръ Мезонанъ снова пріѣхалъ въ Лилль, снова зашелъ ко мнѣ и я опять пригласилъ его обѣдать. Я ему назначилъ для этого день, не помню какой, кажется 22 или 23 іюля. На этотъ же день я пригласилъ капитана Гереля, 50-го линейнаго полка, который пріѣхалъ въ Лиллѣ, чтобы дать показаніе по одному военно-судному дѣлу. Оба эти господина, жена моя и я отправились вчетверомъ, послѣ обѣда гулять на эспланаду; около восьми часовъ вечера я простился съ капитаномъ Гереемъ и Мезонаномъ, которые оба уѣзжали на слѣдующій день изъ города. На эспланадѣ Мезонанъ, прощаясь со мною, вручилъ мнѣ небольшую книжку, прося ее прочесть; я подумалъ, что это опять что нибудь

относящееся къ его полемикѣ, положилъ книжку въ карманъ, и отправился въ префектуру.

«На слѣдующій день послѣ этого обѣда, Мезонанъ, котораго я считалъ уѣхавшимъ, вошелъ въ мой кабинетъ, попросилъ по обыкновенію, адъютанта доложить о себѣ; на лицѣ у него было написано смущеніе; я спросилъ его, почему онъ не уѣхалъ? Онъ мнѣ отвѣчалъ, что имѣетъ передать мнѣ письмо.—Отъ кого?—Прочтите, генералъ. Онъ вручилъ мнѣ письмо, на которомъ было надписано: «Г-ну командиру Мезонану». Я ему возвратилъ письмо, сказавъ: «Вы ошибаетесь, м. г., оно адресовано къ вамъ, а не ко мнѣ». Онъ мнѣ отвѣчалъ: «Нѣтъ, оно написано къ вамъ». Я открылъ письмо и прочелъ первыя фразы, которыя мнѣ хорошо припомнились:

«Любезный командиръ, весьма важно, что вы сейчасъ же повидались съ извѣстнымъ вамъ генераломъ; вы знаете, это человѣкъ рѣшительный, котораго я записалъ у себя кандидатомъ въ будущіе маршалы Франціи. Вы ему предложите 100,000 франковъ отъ моего имени и 300,000 франковъ, которые я положу у какого нибудь банкира въ Парижѣ, по его выбору, на случай, если онъ лишится командованія своей арміей». Я остановился, такъ какъ негодованіе все болѣе и болѣе овладѣвало мною; я обернулъ листокъ и увидѣлъ, что письмо подписано: Наполеонъ-Лудовикъ. Я возвратилъ письмо командиру, сказалъ ему, что я думаю, что внушилъ ему достаточно уваженія къ себѣ, чтобы онъ осмѣливался дѣлать мнѣ подобное предложеніе; что никогда я не измѣнялъ своей присягѣ, даже въ 1815 г., не захотѣлъ служить первой реставраціи; что мое поклоненіе памяти императора никогда не заставитъ меня измѣнить моимъ клятвамъ, что онъ, Мезонанъ, дѣйствуетъ безумно,

присоединившись къ партіи племянника, что эта партія смѣшная и погибшая.

«Я прибавилъ: И если бы я былъ на столько подлъ, на столько гнусенъ, чтобы принять 400,000 франковъ отъ принца, я бы ихъ укралъ у него, потому что, если бы я завтра явился къ лильскому гарнизону и сталъ бы убѣждать его измѣнить своей присягѣ, то послѣдній изъ капраловъ схватилъ бы меня за воротъ и арестовалъ, — до такой степени армія проникнута чувствомъ долга и чести. Я сказалъ Мезонану: Мнѣ слѣдовало бы арестовать васъ и отправить ваше письмо въ Парижъ; но я считаю дѣломъ не достойнымъ донести на человѣка, котораго я принималъ у себя, съ которымъ я дѣлилъ хлѣбъ-соль, я этого не сдѣлаю. Спасайтесь, пока еще не поздно; сохраните, отказавшись отъ этихъ замысловъ, уваженіе вашихъ товарищей и пусть армія не знаетъ о томъ, на что вы хотѣли покуситься. Мезонанъ хотѣлъ мнѣ возражать, но я отворилъ дверь моего кабинета, предложилъ ему выйти вонъ, сказавъ: «Идите упражняться въ другомъ мѣстѣ *). Разставаясь съ нимъ, я ему обѣщалъ, что если онъ уѣдетъ изъ Лилля, что если онъ не будетъ болѣе возвращаться въ этотъ городъ, то я оставлю безъ послѣдствій его гнусныя предложенія. Мезонанъ сказалъ мнѣ, что онъ уѣзжаетъ въ тотъ же вечеръ и болѣе не возвратится.

«Послѣ его ухода, я вспомнилъ о книгѣ, которую онъ мнѣ далъ наканунѣ, я спросилъ ее у моего слуги,

---

*) Этотъ самый генералъ Маньянъ, который при Наполеонѣ III сдѣлался маршаломъ имперіи, хладнокровно, съ заранѣе обдуманнымъ планомъ и ловушкой, совершилъ страшную рѣзню на бульварахъ 4 декабря 1851 года.

такъ какъ она осталась у меня въ карманѣ, и увидѣлъ, что эта книга была: «Письма изъ Лондона.» Я позвалъ полковника Сенъ-Пэра, 4-го кирасирскаго полка, которому я ее и передалъ, предложивъ ему удостовѣриться, не распространены ли въ его полку подобныя книги, и передать ее другимъ полковникамъ съ тою же цѣлью. Дѣйствительно эта брошюра была распространена наканунѣ въ казармахъ 46-го линейнаго полка. Подполковникъ Саллексъ, командовавшій временно этимъ полкомъ, донесъ мнѣ объ этомъ, о чемъ я 26 іюня представилъ рапортъ военному министру.

«Въ тотъ же день я розослалъ циркуляръ къ 13 командирамъ, состоящимъ подъ моимъ начальствомъ, чтобы предостеречь ихъ отъ бонапартистскихъ вербовщиковъ.

«Первыя сообщенія, которыя я сдѣлалъ военному министру о покушеніяхъ Ломбарда и Паркена, показались съ моей стороны смѣшными и ребяческими — такъ мало важности придавали этимъ проискамъ. Полковникъ баронъ де-Вареннъ, начальникъ штаба дивизіи, пріѣхавъ изъ Парижа, сказалъ мнѣ, что тамъ находятъ, что слишкомъ много тревожусь изъ за разныхъ нелѣпостей.

«Но долгъ мой требовалъ болѣе того: необходимо было, чтобы я объѣхалъ свои войска, для чего я и отправился вмѣстѣ съ префектомъ сѣвернаго департамента. Дорогой я ему сообщилъ всѣ подробности свиданія моего съ Мезонаномъ; префектъ попросилъ у меня дозволенія предупредить объ этомъ министра внутреннихъ дѣлъ. Такимъ образомъ правительство было предупреждено, правда, не мною, но префектомъ сѣвернаго департамента, съ моего дозволенія. Когда я возвратился домой, адъютантъ мой извѣстилъ меня, что Мезонанъ приходилъ ко

мнѣ въ мое отсутствіе, жалуясь на то, что полиція за нимъ наблюдаетъ. Я тотчасъ же разсказалъ своему адъютанту обо всемъ, что произошло между Мезонаномъ и мною: негодованіе мое было сильно; я запретилъ своему адъютанту впускать Мезонана, если онъ явится. Я приказалъ тоже самое своему вѣстовому и слугѣ. Въ туже минуту я позвалъ командира жандармовъ, указалъ ему на Мезонана, какъ на агента принца Лудовика, и приказалъ ему розыскать его и арестовать. Я лично ѣздилъ къ королевскому прокурору, чтобы заявить ему о Мезонанѣ, и въ тотъ же день, т. е. 5 іюля писалъ о немъ къ военному министру. Едва я возвратился домой и усѣлся въ своемъ кабинетѣ, какъ Мезонанъ, не сказавъ своего имени вѣстовому, проникъ украдкой въ мой кабинетъ; я всталъ, пошелъ къ нему на встрѣчу и сказалъ: «Вы не низвергните правительства, но вы потеряете голову или, лучше сказать, вы ее уже потеряли. Вы безумецъ, уйдите, жандармы васъ ищутъ, спасайтесь. Прежде я былъ вашимъ другомъ, а теперь дѣлаюсь вашимъ врагомъ; вы хотите низвергнуть правительство, которое я клялся защищать; разстанемтесь. Онъ ушелъ и я его болѣе не видалъ.»

«Что же это были за странные мотивы, за необыкновенныя причины, которыя ускорили роковое рѣшеніе Лудовика Наполеона? Слѣдствіе тщетно пыталось разгадать эту тайну. Лудовикъ Бонапартъ обнаружилъ на допросахъ скрытность, отъ которой не отступалъ ни на минуту. Сообщники его приняли такую же систему. Большая часть изъ нихъ—если вѣрить ихъ словамъ—обрекли себя на пассивное повиновеніе и слѣдовательно ничего не могли знать о намѣреніяхъ своего вождя.

«И такъ, остается открытымъ обширное поле для до-

гадокъ. Дѣйствительно ли Лудовикъ Бонапартъ и его сообщники думали, искренно вѣрили, что ихъ силъ весьма незначительныхъ, потому что они простирались не свыше 50 или 60 человѣкъ, будетъ достаточно, въ соединеніи съ приверженцами, которыхъ доставили имъ интриги трехъ послѣднихъ лѣтъ, чтобы одолѣть всякое сопротивленіе и привести ихъ тріумфаторами въ столицу? Разсчитывали ли они, что корона достанется имъ послѣ одной побѣды или послѣ цѣлаго ряда болѣе или менѣе ожесточенныхъ битвъ?

«Лудовикъ Бонапартъ, какъ извѣстно, питалъ убѣжденіе, что правительство помиловало его за страсбургскую попытку потому, что видѣло всеобщую симпатію народа къ наполеоновскому дѣлу. Впрочемъ, исторія свидѣтельствуетъ намъ, что всѣ, розыгрывавшіе роль претендентовъ, имѣли слабость вѣрить, что нація пламенно желаетъ ихъ видѣть у себя на престолѣ и ждетъ только ихъ прибытія, чтобы свергнуть иго, подъ которымъ, по ихъ мнѣнію, она томится. По увѣреніямъ сообщниковъ, которыми былъ окруженъ Лудовикъ Бонапартъ, Франція была покрыта недовольными, которыхъ великое имя Наполеона тотчасъ бы собрало около того, кто былъ его самымъ достойнымъ представителемъ. Развѣ императоръ Наполеонъ не явился съ о. Эльбы въ Парижъ, не обнажая шпаги? И почему бы тому, кто носилъ его имя, кто является наслѣдникомъ его правъ, не встрѣтить такого же счастія?»

Затѣмъ докладчикъ разсматриваетъ, какую роль игралъ каждый изъ подсудимыхъ и степень виновности каждаго изъ нихъ.

1) *Карлъ Лудовикъ-Наполеонъ Бонапартъ* есть авторъ и душа покушенія. Онъ долженъ былъ главнымъ обра-

зомъ извлечь изъ него пользу, потому что, низвергнувши королевскую власть, онъ долженъ былъ естественно занять тронъ. По его словамъ, искреннее безкорыстіе, истинное величіе души побудили его къ его патріотическому нападенію. «Тронутый страданіями народа, говоритъ онъ, онъ обрекъ себя въ жертву, чтобы спасти его отъ тираніи правительства, которое портило его славу и жертвовало его матеріальными интересами ради разныхъ мелкихъ заботъ. Послѣ успѣха онъ предоставилъ бы націи выбрать себѣ правительство!...» (См. прокламаціи, раздававшіеся въ Булони).

«Не позволительно-ли думать, что эта мнимая умѣренность, это лицемѣрное уваженіе къ народной волѣ были только ловкимъ средствомъ прикрыть свои безумныя притязанія? Развѣ онъ не представляетъ самъ тому доказательства, являясь отъ имени французскаго народа и объявляя, отъ имени его же, что династія орлеанскихъ Бурбоновъ перестала царствовать, что палата перовъ и палата депутатовъ распущены? Развѣ за этой узурпаціей не послѣдовали бы другія? Низпровергнувъ существующій порядокъ, развѣ онъ не счелъ бы себя въ правѣ устроивать общество на новыхъ основаніяхъ? Развѣ онъ не приписываетъ себѣ этого права въ актахъ, которые онъ назвалъ декретами? Развѣ оно не проистекаетъ изъ его притязаній на императорское наслѣдство? По какому праву онъ заставилъ бы себя привѣтствовать криками: да здравствуетъ императоръ!»

О другихъ обвиняемыхъ мы не будемъ приводить буквально словъ докладчика, который воспроизводитъ большую часть фактовъ и подробностей, уже сообщенныхъ нами, а постараемся представить наиболѣе важныхъ сообщниковъ Лудовика-Наполеона въ болѣе новомъ видѣ,

приведя относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ факты, которые были открыты впослѣдствіи и которые вполнѣ дорисовываютъ ихъ личности.

2) *Генералъ графъ Карлъ-Тристанъ-де-Монтолонъ* проживалъ въ Лондонѣ послѣдніе нѣсколько мѣсяцевъ. По возвращеніи съ о. св. Елены, куда онъ сопровождалъ императора и раздѣлялъ съ нимъ его плѣнъ, генералъ Монтолонъ потерялъ въ раззорительныхъ спекуляціяхъ около двухъ милліоновъ франковъ и надѣлалъ долговъ на такую же сумму. Онъ былъ объявленъ банкротомъ и дошелъ до такой нужды, что нашелся вынужденнымъ продавать драгоцѣнныя вещи, которыя ему далъ императоръ Наполеонъ на о. св. Елены, а именно: знаменитый плащъ и шляпу, которые были на Наполеонѣ при Ватерлоо, несессеръ, подаренный первому консулу англійскимъ принцемъ-регентомъ, впослѣдствіи Георгомъ IV, нѣсколько часовъ и драгоцѣнностей и пр.*) Повидимому, въ это время Лудовикъ Бонапартъ, который располагалъ однако значительными суммами, какъ это доказываетъ имущество, найденное на пароходѣ «Château d'Edinbourg», не слишкомъ дорожилъ священными для него вещами своего покойнаго дяди, такъ какъ позволялъ ихъ продавать; видно также, что онъ не всегда оказывалъ помощь своимъ приверженцамъ, потому что оставлялъ въ *бѣдности* человѣка такъ сильно ему преданнаго, какъ графъ Монтолонъ, стариннаго слугу своего дяди, за которымъ онъ послѣдовалъ на о. св. Елены.

Генералъ Монтолонъ принялъ туже систему защиты, какъ почти всѣ обвиняемые; подобно имъ, онъ утверждалъ, что ничего не зналъ о предпріятіи прежде отплы-

---

*) См. англійскую «Globe», августъ 1840 г.

тія въ море и что онъ послѣдовалъ за принцемъ изъ преданности къ его особѣ и его дѣлу; онъ жалуется даже въ довольно горькихъ выраженіяхъ, что принцъ весьма тщательно скрывалъ отъ него свои планы. Принцъ, прибавилъ онъ, изыскивалъ всякаго рода средства возвратиться во Францію вооруженной рукою и захватить корону. Я усиливался отвратить его отъ его замысловъ и потому, зная, что я держусь противнаго съ нимъ мнѣнія, онъ таилъ ихъ не только отъ меня, но и отъ своего дяди. *) Онъ насъ обманулъ обоихъ.

3) *Буффе де-Монтобанъ*, 47 лѣтъ отъ роду, называющій себя генераломъ парижскихъ волонтеровъ съ 1830 по 1831 годъ, родившійся въ Верпелѣ (въ департаментѣ Эры), проживающій въ Лондонѣ, назначенный Лудовикомъ Бонапартомъ командиромъ волонтеровъ центра.

Этотъ знаменитый воинъ не отличился ничѣмъ въ славной булонской экспедиціи, напротивъ, онъ, какъ и всегда, блисталъ своимъ совершеннымъ ничтожествомъ и присутствовалъ при подвигахъ инсургентовъ, какъ настоящій аматёръ; когда его допрашивали на судѣ перовъ, онъ отвѣчалъ, что онъ думалъ, что предпринимаетъ съ принцемъ partie de plaisir, что онъ совершенно не зналъ его замысловъ. Онъ разсказалъ затѣмъ вступленіе бонапартистской шайки въ Булонь, сцену въ казармахъ и какъ онъ былъ арестованъ на берегу, въ ту минуту, какъ собирался сѣсть въ лодку. Что касается его личной роли, то она вся заключалась въ простой прогулкѣ въ мундирѣ.

*) Дядя Лудовика Бонапарта, о которомъ здѣсь говорится, есть графъ Сюрвилье, бывшій король неаполитанскій и испанскій, Іосифъ Бонапартъ, который сенатскимъ постановленіемъ XII года былъ объявленъ наслѣдникомъ престола Наполеона I и права котораго, согласно этому декрету, имѣли преимущество передъ правами Лудовика Бонапарта, отца и сына.

Тѣмъ не менѣе, повидимому это герой рѣдкихъ достоинствъ, потому что когда его господинъ достигъ власти, то возложилъ на него командованіе китайской экспедиціей, гдѣ онъ стяжалъ неувядаемую славу тѣмъ, что разграбилъ лѣтній дворецъ императора небесной имперіи. Чтобы вознаградить его за этотъ новый подвигъ и въ особенности за его участіе въ булонскомъ покушеніи, е. в. императоръ Наполеонъ III сдѣлалъ его герцогомъ Па-ли-као, а такъ какъ Франція никогда не умѣла цѣнить по достоинству преданность особѣ бывшаго императора, то послѣдній хотѣлъ, чтобы законодательный корпусъ вотировалъ дотацію новому герцогу. Однако это государственное учрежденіе, не смотря на свое раболѣпіе, на этотъ разъ въ видѣ исключенія, имѣло мужество воспротивиться приказаніямъ своего повелителя. Дотація не была вотирована, вслѣдствіе чего бывшій императоръ взялся выплачивать ему ее изъ своей частной шкатулки, причемъ жестоко насмѣялся надъ Франціей, сказавъ ей болѣе чѣмъ невѣжливымъ образомъ въ письмѣ къ своему любезному Паликао: «что только выродившіяся націи торгуются изъ-за наградъ за услуги, которыя имъ оказываютъ.»

4) *Конно*, докторъ медицины, состоящій при принцѣ Лудовикѣ-Наполеонѣ, былъ секретаремъ отца Лудовика-Наполеона Бонапарта, докторомъ, а потомъ фаворитомъ бывшей королевы Гортензіи; онъ сознается, что участвовалъ въ заговорѣ, былъ извѣщенъ о немъ заранѣе и печаталъ прокламаціи Лудовика Бонапарта.

Когда его спросили, какія причины побудили его вступить въ заговоръ, онъ отвѣчалъ:

«Мое положеніе и долгъ еще болѣе священный —

признательность за милости, которыми меня осыпала мать принца, королева Гортензія.»

Какъ удивительно воспользовался Барильонъ, защитникъ г-на Конно, этими воспоминаніями любви и этимъ трогательнымъ положеніемъ, когда онъ съ тончайшей деликатностью, съ прелестнымъ паѳосомъ напомнилъ послѣднія слова добродѣтельной принцессы: «я желаю, чтобы сынъ мой постоянно имѣлъ при себѣ доктора Конно.»

Поэтому, когда краснорѣчивый защитникъ, обратясь къ судьямъ и указывая на доктора, сидящаго на скамьѣ обвиняемыхъ рядомъ съ принцемъ Лудовикомъ, сказалъ: «Это послѣднее желаніе, мм. гг., было свято соблюдено, ибо на этой скорбной скамьѣ вы видите Конно подлѣ сына своей благодѣтельницы», то гг. пэры не могли удержаться отъ чувства глубокаго удовольствія.

Во время второй имперіи докторъ Конно былъ щедро вознагражденъ за предупредительную услужливость, любезную нѣжность, за сладкія утѣхи, которыя онъ доставлялъ снисходительной Королевѣ Гортензіи и за преданность, которую онъ такъ *свято* засвидѣтельствовалъ сыну этой влюбчивой и чувствительной принцессы; ибо Лудовикъ Бонапартъ сдѣлалъ Конно сенаторомъ, съ 30,000 фр. жалованья, не считая огромнаго жалованья, которое онъ ему платилъ какъ лейбъ-медику е. в., жаловалъ ему кресты, мѣста, чины, дотаціи для него и для семейства. Этотъ бывшій булонскій обвиняемый былъ во вторую имперію высокимъ и могущественнымъ лицомъ; когда онъ бывалъ нездоровъ, «Moniteur officiel» печаталъ бюллетени о его здоровьѣ; всѣ придворныя газеты спѣшили на перерывъ разсказывать объ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ семейства Конно и передавали восхищен-

ному міру, какіе восхитительные туалеты были на mesdames и mesdemoiselles Конно и придворные или бальные костюмы на гг. Конно, отцѣ, сынѣ и К°.

Эти удовольствія и ихъ описанія составляютъ самую блестящую сторону славныхъ дѣяній имперіи.

4) *Фіаленъ де-Персиньи.* Намъ приходится говорить объ одномъ изъ самыхъ знаменитыхъ наполеоновскихъ заговорщиковъ, о Донъ-Кихотѣ императорской шайки, подвиги котораго въ Страсбургѣ мы уже описали.

Послѣ этого достопамятнаго дня, Жанъ-Жильбертъ Фіаленъ, названный Персиньи, впалъ въ немилость у своего господина и былъ сильно подозрѣваемъ въ измѣнѣ всѣми прочими заговорщиками; множество причинъ породили эту холодность и эти подозрѣнія.

Страсбургскіе инсургенты нашли, что Фіаленъ игралъ весьма странную роль при исполненіи заговора, котораго онъ былъ, послѣ Лудовика Бонапарта, главнымъ двигателемъ. Въ самомъ дѣлѣ тогдашнее поведеніе его было необъяснимо. Его не было видно ни въ Финкматѣ, ни у генерала Вуароля, ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, гдѣ предстояла какая нибудь опасность. Что же дѣлалъ во время этихъ несчастныхъ попытокъ тотъ, кого считали душою заговора?

Онъ исполнялъ тогда, съ помощью подкрѣпленія изъ двадцати артиллеристовъ, наименѣе опасную изъ операцій—арестовывалъ Шопена д'Арнувиля, страсбургскаго префекта, набожнѣйшаго изъ чиновниковъ, не оказавшаго ни малѣйшаго сопротивленія. Тѣмъ не менѣе Фіаленъ, чтобы придать болѣе важности своему геройскому поступку, приказалъ своимъ солдатамъ бѣднаго префекта, трясшагося всѣми членами, бить кулаками, ногами, ружейными прикладами въ то время, какъ его вели съ его квар-

тиры въ аустерлицкіе казармы, куда онъ велѣлъ его запереть. Вотъ чѣмъ ограничились подвиги Фіалена въ позорный день 30 октября 1836 года. Поэтому Шовенъ Бейляръ, его бывшій сотрудникъ въ газетѣ l'Occident Français и защитникъ обвиняемаго Грикура, отозвался въ ассизномъ судѣ слѣдующимъ образомъ о двусмысленной роли, которую тогда игралъ Фіаленъ:

«Кто же этотъ важный заговорщикъ, сказалъ онъ, который все знаетъ, который находится повсюду и которому, въ концѣ концовъ, поручаютъ въ великій день 30 октября арестовать нижнерейнскаго префекта, безобиднѣйшаго изъ префектовъ. По истиннѣ, это весьма странное назначеніе для вождя заговорщиковъ, который имѣлъ въ своемъ распоряженіи столько храбрыхъ офицеровъ и уже цѣлый полкъ.»

Какъ бы то ни было, но этимъ и ограничилась вся роль мнимаго главнаго директора заговора, который, послѣ этого подвига, узнавъ о несчастномъ исходѣ попытки, сдѣланной въ Финкматѣ, бросился еле-живой отъ страха домой, гдѣ, если бы не присутствіе духа, мужество и хладнокровіе m-me Гордонъ, спасшей его изъ рукъ жандармовъ, онъ былъ бы непремѣнно арестованъ.

Вотъ какъ одно бонапартическое изданіе *), которое нельзя заподозрить въ недоброжелательствѣ, разсказываетъ этотъ эпизодъ:

«Послѣ печальнаго исхода событія, m-me Гордонъ отправилась къ Персиньи, котораго она застала въ сильномъ отчаяніи и *проливающимъ обильныя слезы*. Не смотря на свою собственную горесть, она старалась *возбудить его мужество*, потомъ схватила какъ попало разныя бу—

*) Biographie des hommes du jour, томъ IV, стр. 171.

маги, бросила ихъ въ печку и сожгла. Вскорѣ явились четыре жандарма, чтобы арестовать того и другую: не заботясь о самой себѣ, она бросила взглядъ отчаянія и сожалѣнія на своего товарища несчастія; онъ не видалъ этого взгляда. Вдругъ у ней блеснула счастливая идея и съ быстротою мысли она приступила къ ея исполненію. «Персиньи! вскричала она, мой флаконъ, я не въ силахъ болѣе, я задыхаюсь...» казалось, что она готова умереть!!!

Молодой человѣкъ подаетъ ей флаконъ съ спиртомъ и въ ту минуту, когда онъ подымаетъ на нее глаза, она указываетъ ему взглядомъ на полуоткрытую дверь; за этой дверью находилось окно, выходящее на rez-de-chaussée; онъ понимаетъ ее, но чувствуетъ свое безсиліе, потому что двѣ сильныя руки крѣпко ухватили его. Тогда эта женщина, которая за минуту передъ тѣмъ лежала въ обморокѣ, приходитъ въ чувство, встаетъ, глаза ее вспыхиваютъ и, бросившись на жандарма, который держалъ въ одной рукѣ Персиньи, а въ другой сакъ, который онъ у него отнялъ, кричитъ: «отдайте мнѣ мой сакъ, тутъ мои бумаги, мои деньги!» и съ силою вырываетъ его. Жандармъ изумленный, почти испуганный этимъ внезапнымъ нападеніемъ, не въ силахъ его удержать. Молодой человѣкъ, воспользовавшись этой минутой, въ одинъ мигъ выскакиваетъ въ окно.»

Этотъ недостатокъ энергіи, это двусмысленное поведеніе и наконецъ бѣгство Фіалена въ ту минуту, когда всѣ его сообщники были арестованы, произвели на послѣднихъ самое дурное дѣйствіе и породили странныя подозрѣнія въ ихъ умахъ, они обвинили бывшаго унтеръ-офицера Фіалена не только въ трусости, но и въ измѣнѣ.

Это мнѣніе сильно подѣйствовало также на Лудовика

Бонапарта, который пересталъ питать прежнее довѣріе къ своему главному агенту.

Но когда Лудовикъ-Наполеонъ Бонапартъ, вопреки данной клятвѣ, возвратился изъ Америки, чтобы снова приняться за свои интриги и заговоры, Фіаленъ усугубилъ усиліе и рвеніе, чтобы вновь пріобрѣсти охладѣвшую дружбу.

Онъ снова предложилъ свою преданность и свои услуги, которыя были наконецъ приняты; онъ вновь началъ свои поѣздки во Францію и въ особенности въ Лондонъ, гдѣ Лудовикъ-Наполеонъ окончательно поселился, послѣ того, какъ былъ вынужденъ покинуть Швейцарію вслѣдствіе разныхъ понудительныхъ мѣръ, которыя его присутствіе вызвало противъ этой маленькой республики со стороны французскаго правительства. Тогда Лудовикъ Бонапартъ издалъ, какъ мы уже говорили, нѣсколько политическихъ брошюръ, между прочимъ «Lettres de Londres», писанныя будто бы однимъ генераломъ къ другому, въ которыхъ Персиньи, авторъ брошюры, прославлялъ страсбургское предпріятіе и провозглашалъ законность правъ племянника императора на французскій престолъ. Эти письма были, при помощи многочисленныхъ бонапартистскихъ агентовъ, распространены въ большомъ количествѣ между войскомъ.

Мы уже отчасти видѣли, какъ велъ себя Фіаленъ въ булонскомъ предпріятіи, гдѣ онъ выказалъ не болѣе мужества, какъ и въ Страсбургѣ, и гдѣ онъ хвастался передъ судомъ перовъ, что хотѣлъ убить поручика Мосьона и капитана Пюижелье въ ту минуту, когда они входили во дворъ казармы, послѣ чего траги-комически прибавилъ: «я ничего не имѣю болѣе сказать, я принесъ сюда мою голову, пусть берутъ ее.» Но кому нужна была го-

лова знаменитаго Фіалена, что можно было бы съ нею сдѣлать? Ему оставили ее на плечахъ и хорошо сдѣлали, потому что иначе современники лишились бы забавнаго зрѣлища видѣть Фіалена въ качествѣ посла, министра и наконецъ — герцога имперіи.

Но, какъ говоритъ пословица, утро вечера мудренѣе, а потому первый фигурантъ смѣшныхъ комедій страсбурской и булонской на слѣдующій день одумался; онъ испугался, что судъ пэровъ приметъ его слова серьезно и что ему придетъ фантазія приговорить его къ смертной казни, и вслѣдствіе этого измѣнилъ показаніе, данное имъ наканунѣ, слѣдующимъ образомъ:

«Гг. пэры, сказалъ онъ, 11 августа я сдѣлалъ въ Булони декларацію, касательно поведенія моего въ казармахъ относительно капитана Коль-Пюижелье и поручика Мосьона. Я сдѣлалъ эту декларацію свободно, добровольно, послѣ шести дней размышленій, хотя противъ меня не было сдѣлано никакихъ показаній, не выступилъ ни одинъ свидѣтель. Но вчера, когда я отдавалъ отчетъ суду, волненіе которое я испытывалъ, говоря передъ такимъ важнымъ собраніемъ, преувеличило мои выраженія до такой степени, что придало моимъ отвѣтамъ рѣзкій характеръ, который не былъ ни въ моихъ мысляхъ, ни въ моемъ сердцѣ, ни въ характерѣ предпріятія принца. И такъ покорнѣйшу прошу судъ позволить мнѣ отказаться отъ того, что я сказалъ вчера по этому предмету и сослаться на мою декларацію 11 августа.

Впрочемъ, гг. пэры, если бы вы знали, какія гнусныя клеветы я вынужденъ переносить, вы бы поняли раздражительность моихъ словъ.»

Видно, что по нѣкоторомъ размышленіи, хвастовство Фіалена страннымъ образомъ умѣрилось. Во всякомъ слу-

чаѣ такое поведеніе его не было ни достойно, ни прилично и обнаруживало все тщеславіе, ребячество и измѣнчивость характера этого сообщника Лудовика Бонапарта.

Булонскіе заговорщики обвиняли тогда Фіалена: въ недостаткѣ рѣшимости въ казармахъ, вмѣсто энергіи, которой онъ хвастался на допросѣ; въ томъ, что онъ подалъ сигналъ къ отступленію въ верхній городъ; что онъ первый подалъ примѣръ къ бѣгству у колонны великой арміи; что онъ, устремившись очертя голову въ море, заставилъ опрокинуться лодку, на которой онъ спасался вмѣстѣ съ Лудовикомъ Бонапартомъ и другими своими товарищами, которыхъ онъ такимъ образомъ заставилъ упасть въ воду и предалъ ихъ беззащитныхъ и безъ средствъ къ бѣгству, ихъ врагамъ. Но они подозрѣвали его даже въ измѣнѣ, какъ онъ самъ даетъ это понять судуперовъ, говоря: «Если бы вы знали, какія гнусныя клеветы я вынужденъ переносить, вы бы поняли раздражительность моихъ словъ.»

Эліасъ Реньо въ своей Histoire de huit ans выражается слѣдующимъ образомъ по поводу тѣхъ же фактовъ:

«Всѣ булонскіе обвиняемые были убѣждены, что имъ измѣнили; подозрѣніе многихъ изъ нихъ пало на Фіалена де-Персиньи. Во время судебныхъ преній ихъ поведеніе и ихъ взгляды свидѣтельствовали о ихъ недовѣріи; они не разговаривали съ нимъ и во время перерывовъ засѣданія; между тѣмъ какъ всѣ вмѣстѣ изливали другъ другу свои чувства, они держались отъ него вдали и старались оставлять его одинокимъ. Адвокатъ Мари былъ до такой степени пораженъ этими демонстраціями, что счелъ нужнымъ спросить объясненій у принца. Послѣдній отвѣчалъ, что онъ считаетъ эти подозрѣнія неосновательными.»

Извѣстно было тогда, что графъ де Сенъ-Лё *) указывалъ на Фіалена, когда послѣ арестованія сына въ 1840 году писалъ въ письмѣ, напечатанномъ во всѣхъ газетахъ:

«..... Будучи убѣжденъ, что мой сынъ, единственный, который у меня остался, сдѣлался жертвой *гнусной интриги и обольщенъ низкими льстецами, ложными друзьями и можетъ быть коварными совѣтами*, я не могу хранить молчанія, безъ того, чтобы не уклониться отъ своего долга и не подвергнуться самымъ горькимъ упрекамъ.

«И такъ я объявляю, что мой сынъ, Наполеонъ-Лудовикъ, попался въ третій разъ въ страшную ловушку, потому что нельзя допустить, чтобы человѣкъ, нелишенный способностей и здраваго смысла, добровольно бросился въ такую пропасть.

«Если онъ виновенъ, то наиболѣе виновные и истинные виновники суть тѣ, которые его соблазнили и ввели въ заблужденіе....

«Рекомендую моего заблудшаго и обольщеннаго сына его судьямъ и всѣмъ тѣмъ, которые носятъ въ груди сердце французское и отеческое.

Подписано: *Лудовикъ-де-Сенъ-Лё.*

Флоренція, 24 августа 1840 г.»

Чтобы покончить вопросъ объ измѣнѣ Фіалена, скажемъ въ заключеніе, что послѣ его осужденія правительство Лудовика Филиппа обращалось съ нимъ снисходительно: оно сначала назначило ему мѣстомъ заключенія дуланскую цитадель, а впослѣдствіи возвратила ему свободу и водворило въ Версали, гдѣ онъ могъ спокойно гу-

---

*) Бывшій король голландскій, законный отецъ Лудовика-Наполеона Бонапарта.

лять, развлекаться или работать, какъ ему заблагоразсудится.

Вообще іюльское правительство приберегало всю свою строгость для республиканцевъ все свое снисхожденіе для династическихъ претендентовъ и ихъ приверженцевъ. Въ благодарность эти послѣдніе, лишь только достигли власти, тотчасъ же поспѣшили конфисковать имущества орлеанской фамиліи, которыя пощадили революціонеры 1848 года. Фіаленъ Персиньи тожъ, когда занялъ высокій постъ въ имперіи, забылъ о снисходительности, которое выказало къ нему іюльское правительство; онъ былъ безжалостенъ, онъ умѣлъ только поражать, заключать въ тюрьму, изгонять, ссылать, разстрѣливать, гильотинировать защитниковъ законности. Таковъ этотъ человѣкъ.

5) *Орси*, Жозефъ, родившійся во Франціи, проживающій въ Лондонѣ. Этотъ обвиняемый былъ банкиромъ фамиліи Бонапартъ во Флоренціи; подобно всѣмъ прочимъ обвиняемымъ онъ участвовалъ въ булонской экспедиціи. Но кромѣ своего матеріальнаго участія въ булонскомъ покушеніи, банкиръ Орси оказалъ гораздо важнѣйшую услугу Лудовику Бонапарту, потому что именно онъ открылъ средство достать деньги, необходимыя для предпріятія. Вотъ какимъ образомъ: Орси знавалъ въ низшихъ слояхъ лондонскихъ биржевыхъ спекуляторовъ одного генуэзскаго авантюриста, по имени Рапалло, у котораго была значительная денежная сумма, въ видѣ билетовъ, украденныхъ изъ англійскаго казначейства.

Эти цѣнности уже были предлагаемы другому претенденту, графу Монтемолино, который отказался отъ нихъ изъ деликатности; но булонскій герой, менѣе его

совѣстливый; принялъ ихъ съ радостью и такъ какъ онъ былъ въ то время добрымъ и негордымъ принцемъ, то и захотѣлъ засвидѣтельствовать свою признательность генуэзскому авантюристу и оказалъ ему честь, вызвавшись быть крестнымъ отцомъ его дочери.

Газета «Morning-Post» увѣряла тогда, что пароходъ, перевезшій Лудовика Бонапарта и его сообщниковъ, былъ зафрахтованъ биржевыми игроками, которые вмѣстѣ съ тѣмъ подвигнули этого молодаго безумца на это предпріятіе, съ цѣлью произвести вліяніе на англійскіе консолидированные фонды.

Но вскорѣ разнеслись еще болѣе важные слухи, обвинявшіе англійское правительство въ томъ, что оно не чуждо булонскаго покушенія; указывали даже на членовъ англійскаго кабинета, какъ на тѣхъ «могущественныхъ друзей за границей», о которыхъ Лудовикъ Бонапартъ говоритъ въ своей прокламаціи къ жителямъ Паде-Кале; эти слухи до такой степени усилились, что англійское правительство сочло долгомъ ихъ опровергнуть, какъ о томъ извѣщала газета «Débats» отъ 10-го августа 1840 года, говоря: «Англійское правительство поручило офиціально опровергнуть извѣстіе, будто бы принцъ Лудовикъ Бонапартъ имѣлъ свиданіе съ лордомъ Пальмерстономъ.»

Отношенія между Франціей и Англіей были въ то время до такой степени напряжены по поводу восточнаго вопроса, что каждый день ожидали войны между этими двумя націями. Въ подтвержденіе этого приводимъ слова корреспондента «Times», который писалъ изъ Булони: «Уже нѣсколько дней слухи о войнѣ до такой степени волнуютъ наше населеніе, что когда сегодня ут-

ромъ ударили тревогу, многіе вообразили себѣ, что англичане уже высадились на берегъ.» *).

И это-то была «удобная минута», которую племянникъ Наполеонъ избралъ, чтобы возбудить междоусобную войну во Франціи съ помощью своихъ «могущественныхъ друзей за границей»!

Дѣйствительно ли лордъ Пальмерстонъ участвовалъ въ булонскомъ предпріятіи? Это болѣе, чѣмъ вѣроятно, не смотря на офиціальное опроверженіе англійскаго правительства, которое, какъ и всѣ подобнаго рода опроверженія, не имѣетъ никакой нравственной цѣны, потому что газета «Capitole» утверждала, что свиданіе дѣйствительно происходило. Это свидѣтельство имѣетъ большую цѣну, потому что помянутая газета принадлежала Лудовику Бонапарту, который ее основалъ, и слѣдовательно она должна была получать вѣрныя свѣдѣнія.

Въ виду подобнаго утвержденія органа Лудовика Бонапарта, тайна, окружавшая это свиданіе, разсѣялась, сомнѣніе сдѣлалось болѣе не возможно, и, естественно, французскій народъ пришелъ въ сильное негодованіе, узнавъ, что Бонапартъ злоумышляетъ въ союзѣ съ *англичаниномъ* противъ внутренней безопасности Франціи, возбудилъ въ ней возмущеніе войскъ и междоусобную войну.

Корпорація биржевыхъ маклеровъ и негоціанты Сити послѣдовали примѣру англійскаго правительства и поспѣшили также отвергнуть всякое участіе съ своей стороны въ булонскомъ дѣлѣ и всякую связь съ Рапалло, объявивъ, что онъ непатентованный маклеръ. **)

---

*) Корреспонденція «Times» отъ 6-го августа 1840 г.

**) «Journal des Débats» отъ 14-го августа 1840 г.

Но тѣмъ не менѣе осталось несомнѣннымъ, что именно послѣдній доставилъ заговорщикамъ, черезъ посредство обвиняемаго Орси, капиталы, необходимые для того, чтобы довести предпріятіе до благополучнаго конца, что онъ самъ нанималъ пароходъ, заплативъ впередъ большую часть фрахта.

Трудно было однако объяснить себѣ, какимъ образомъ Рапалло, который находился въ весьма бѣдномъ положеніи, могъ доставить претенденту, финансовыя средства котораго совершенно истощились, значительныя суммы, необходимыя для его экспедиціи; тайна эта разъяснилась годъ спустя.

Въ концѣ октября 1841 года открыли, что множество билетовъ англійскаго казначейства имѣютъ дубликаты. Гг. Мастерманъ и К°, бывшіе впослѣдствіи акціонерами въ многихъ компаніяхъ французскихъ желѣзныхъ дорогъ, первые убѣдились въ неправильности многихъ билетовъ государственнаго казначейства, находившихся въ обращеніи. *)

Слѣдствіе, которое было тотчасъ же наряжено, привело къ открытію, что эти билеты были украдены Бомонтомъ Смитомъ, однимъ изъ главныхъ чиновниковъ казначейства и племянникомъ адмирала Сиднея Смита. Будучи арестованъ, виновный объявилъ, что онъ передалъ всѣ украденные билеты Рапалло, который обѣщалъ ему, что ихъ выкупятъ, прежде, чѣмъ они поступятъ на биржу, и кромѣ того прибавилъ: «что Рапалло былъ замѣшанъ въ экспедиціи Лудовика Бонапарта противъ Франціи и что именно онъ нанималъ пароходъ для высадки въ Булонь.» Тогда Рапалло былъ арестованъ, какъ

*) «Observer», 31-го октября 1841 г.

сообщникъ Смита и на вопросы слѣдователя отвѣчалъ: «что онъ знаетъ обвиняемаго давно, что ему извѣстно его офиціальное положеніе и что онъ зналъ, что билеты, довѣренные ему Смитомъ, не есть собственность послѣдняго.» *)

Бомонтъ Смитъ объяснилъ слѣдующимъ образомъ, въ уголовномъ судѣ, обстоятельства, побудившія его похитить означенные билеты:

«Денежныя затрудненія, сказалъ онъ, происшедшія отъ неумѣстнаго довѣрія, но не превышающія нѣсколькихъ сотенъ фунтовъ стерлинговъ, заставили меня поддаться внушеніямъ людей, которые пригласили меня высвободиться изъ моего стѣсненнаго положенія и для этого воспользоваться на короткій срокъ билетами казначейства, находившимися въ моемъ распоряженіи. Я поддался этому искушенію, не достигнувъ цѣли, которую я себѣ постановилъ, и разъ попавшись въ руки искусителя, я уже не могъ изъ нихъ вырваться: обольщенный, околдованный дьявольскими совѣтами и обѣщаніями, противъ которыхъ я не могъ устоять, я попалъ въ безъисходное положеніе, и въ то время, какъ отъ меня получили билетовъ казначейства на громадную сумму, я не извлекъ изъ нихъ даже настолько денегъ, чтобы освободиться отъ незначительныхъ стѣсненій, которыя меня первоначально тревожили.» **)

Несчастный Бомонтъ Смитъ былъ приговоренъ къ пожизненной ссылкѣ, а Рапалло, поставщикъ билетовъ бонапартистскимъ заговорщикамъ, черезъ посредство бывшаго флорентинскаго банкира Орси, пробылъ въ тюрьмѣ

---

*) «Observer», 7-го ноября 1841 г.

**) «Observer», 5-го декабря 1841 г.

до конца сессіи парламента, въ которомъ это дѣло разсматривалось, и затѣмъ освобожденъ.

Кромѣ показанія Бомонта Смита, который говоритъ, что Рапалло былъ замѣшанъ въ экспедиціи Лудовика Бонапарта, къ дѣлу о булонскомъ заговорѣ, послѣ того, какъ было открыто похищеніе билетовъ казначейства, были присоединены документы, доказывавшіе, что эти билеты перешли изъ рукъ Рапалло въ руки Лудовика Бонапарта и что полмилліона, найденные на пароходѣ «City-Edinbourg», захваченномъ во время булонской экспедиціи, были добыты продажею билетовъ казначейства, украденныхъ Смитомъ; изъ того же источника былъ заплаченъ фрахтъ и получены всѣ суммы, которыя заговорщики такъ усердно расточали, какъ мы видѣли, они бросали прохожимъ серебро и золото цѣлыми горстями. Но теперь этихъ доказательствъ болѣе не существуетъ, такъ какъ одной изъ первыхъ заботъ булонскаго заговорщика, послѣ того, какъ онъ былъ выбранъ въ президенты республики, было завладѣть этими компрометирующими документами и уничтожить ихъ, для чего онъ не убоялся нарушить неприкосновенность архивовъ. Поэтому-то случаю, чтобы не быть солидарнымъ съ этимъ фактомъ, Мальвиль, бывшій тогда министромъ Лудовика Бонапара, подалъ въ отставку.

Послѣ неудачи булонской экспедиціи, генуэзскій маклеръ Рапалло снова впалъ въ бѣдность, изъ которой вышелъ только на минуту.

Въ 1849 году, когда счастіе улыбнулось наконецъ тому, кого онъ обязалъ въ 1840 году, онъ потребовалъ у него плату за услуги, которыя онъ ему оказалъ и сумму билетовъ, украденныхъ въ казначействѣ, — сумму, простиравшуюся свыше милліона. Лудовикъ Бонапартъ

сначала ничего ему не отвѣчалъ, онъ хотѣлъ справадить безотвязнаго; но послѣдній пригрозилъ ему, что онъ все откроетъ, что онъ обнародуетъ письма и росписки принца, а также его переписку съ бывшими банкиромъ Орси.

И такъ нашему герою ничего болѣе не оставалось, какъ уступить, чтобы избѣжать скандала, который бы его погубилъ. Конно устроилъ свиданіе между Рапалло и его могущественнымъ должникомъ, который къ несчастію оказался не при деньгахъ. Лудовикъ-Наполеонъ далъ понять своему кредитору, какъ сильно онъ стѣсненъ въ своихъ средствахъ; онъ вручилъ ему билетъ въ 2,500 франковъ и золотую цѣпочку съ сердцемъ изъ бриллiантовъ для его дочери, своей крестницѣ, и обѣщалъ разсчитаться съ нимъ, лишь только позволятъ болѣе благопріятныя обстоятельства. Благодаря успѣху 2-го декабря 1851 года Рапалло получилъ свои деньги, его должникъ выплатилъ ему ихъ посредствомъ сорока мѣсячныхъ уплатъ въ 25,000 фр. каждая. И въ этомъ случаѣ опять Лудовикъ Бонапартъ уплатилъ золотомъ Франціи и общественнымъ достояніемъ, которое онъ похитилъ, свою нечистую долговую претензію; деньги гражданъ, потъ народа покрыли издержки булонской экспедиціи, подобно тому, какъ они въ продолженіи 20 лѣтъ поддерживали пышность, баснословные расходы и мотовство бывшихъ заговорщиковъ Страсбурга и Булони.

6) *Аладенизъ*, поручикъ 42-го линейнаго полка, 27-ми лѣтъ отъ роду. Этотъ булонскій инсургентъ былъ единственнымъ военнымъ, состоявшимъ на службѣ, котораго могъ завлечь Лудовикъ Бонапартъ въ 1840 году. Онъ участвовалъ въ іюльскомъ возстаніи 1830 года и былъ въ то время награжденъ орденомъ. Въ 1848 году онъ сталъ выдавать себя за республиканца и добился командованія

однимъ изъ отрядовъ подвижной гвардіи, гдѣ, разумѣется, онъ служилъ бонапартистскому, дѣлу. Послѣ государственнаго переворота 2-го декабря онъ былъ наконецъ награжденъ за свои прежнія и новыя услуги; глава булонскихъ заговорщиковъ назначилъ его консуломъ въ Ниццу, гдѣ онъ исполнялъ почетную должность изгонять республиканскихъ выходцевъ, жертвъ остракизма своего повелителя, между тѣмъ, какъ прежде назывался ихъ другомъ и съ 1848 по 1851 годъ проповѣдывалъ самыя крайнія республиканскія мнѣнія. Но когда этотъ старинный и безвѣстный воинъ 1830 года, сдѣлавшійся впослѣдствіи однимъ изъ героевъ Булони, занялъ офиціальное положеніе, то онъ не зналъ болѣе предѣловъ своей роскоши и своимъ оргіямъ, и г. консулъ е. в. императора Наполеона въ Ниццѣ произвелъ такой скандалъ, что его патронъ, который между прочимъ не особенно взыскателенъ въ подобныхъ случаяхъ, вынужденъ былъ отозвать его. Между тѣмъ, такъ какъ этотъ свѣже-испеченный дипломатъ, вслѣдствіе своихъ безумныхъ расходовъ надѣлалъ пропасть долговъ, то его движимое имущество было конфисковано и продано съ публичнаго торга, самъ же онъ принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ, чтобы избѣжать преслѣдованій своихъ кредиторовъ; съ тѣхъ поръ объ немъ ничего не было слышно; безъ сомнѣнія онъ прозябаетъ въ низшихъ слояхъ императорской челяди.

V

ОСТАЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ НАПОЛЕОНОВСКОЙ ПАРТІИ.

Прежде чѣмъ передавать судебныя пренія по процессу булонскихъ инсургентовъ, намъ остается еще сказать объ одномъ изъ самыхъ дѣятельныхъ заговорщиковъ, котораго мы уже видѣли участвовавшимъ въ Страсбургской попыткѣ, но котораго и на этотъ разъ обвинительная власть не сочла нужнымъ преслѣдовать, не смотря на его недвусмысленное содѣйствіе второму покушенію Лудовика-Наполеона Бонапарта.

Этотъ сообщникъ — прекрасная и любезная m-me Гордонъ. Вотъ что говоритъ о ней Times отъ 28-го августа;

«Бумаги, находящіяся въ рукахъ правительства, развиваютъ планъ заговора, въ которомъ г-жа Гордонъ была однимъ изъ главныхъ агентовъ, хотя полиція и не арестовала ее. Какъ кажется, принцъ предполагалъ сначала произвести свое покушеніе около ноября, т. е. въ то время, когда должны были прибыть во Францію останки Наполеона; въ эту минуту энтузіазмъ арміи и народа достигли бы своего апогея. Гордонъ была того мнѣнія, что

ноябрскіе и декабрскіе холода могли оказать свое вліяніе и оледѣнить умы, и дать такимъ образомъ Лудовику Филиппу шансы, которые жаръ каникулярныхъ дней обезпечили бы за принцемъ. Это мудрое замѣчаніе имѣло величайшій успѣхъ. Принцъ выбралъ для своей экспедиціи моментъ, указанной его подругой; онъ извѣстилъ ее даже о днѣ высадки и о своемъ маршрутѣ, и безъ сомнѣнія секретъ этотъ былъ свято сохраненъ.

«М-me Гордонъ, которая пѣла въ Парижѣ, привлекала въ свои салоны многочисленную толпу посѣтителей не прелестью своего голоса и не совершенствомъ своего таланта. Ея слушатели состояли по большей части изъ друзей императорскаго дѣла. Остальное общество состояло изъ полицейскихъ агентовъ и любопытныхъ.

«Эта дама, окончивъ свои концерты въ Парижѣ, давала ихъ въ провинціи; ее слушали послѣдовательно въ Мецѣ, Руэ и въ другихъ укрѣпленныхъ городахъ, въ которыхъ находились многочисленные гарнизоны; и тамъ эта пѣвица или, лучше сказать, императорская пропагандистка, хвалилась въ своихъ письмахъ къ принцу, что она склонила на его сторону цѣлые полки и большое число офицеровъ. Принцъ, положившись на точность этихъ свѣдѣній, повелѣлъ, по полученіи одной изъ ея депешъ, произвести общее возстаніе. Одинъ изъ его приверженцевъ долженъ былъ отправиться въ Гентъ, чтобы оттуда вторгнуться въ Лилль, а другой въ Монсъ, откуда вступить въ Валансьенъ. Однако этотъ планъ былъ оставленъ. Не мѣшаетъ указать на одну изъ дѣйствительныхъ услугъ этой дамы. Легитимисты и бонапартисты во Франціи безъ сомнѣнія храбры, но, къ несчастію, люди, которые подъ начальствомъ Жанна и Барбеса выходятъ на улицу, чтобы вступать въ борьбу съ правительствомъ,

опирающимся на 120,000 штыковъ, не легитимисты и не бонапартисты: лиліи или орелъ не въ силахъ поднять этихъ предпріимчивыхъ людей; поэтому Круи-Шанель предложилъ произвести сліяніе съ республиканцами. Принцъ отвѣчалъ на это внушеніе формальнымъ отказомъ. *Никогда идея республики не приходила мнѣ въ голову*, сказалъ онъ. Никогда онъ не вымолвилъ ни одного слова въ интересѣ ея принциповъ. Тѣмъ не менѣе мысль Круи-Шанеля поразила г-жу Гордонъ, которая, съ совершеннымъ тактомъ, взялась за это дѣло и привлекла на сторону имперіи нѣсколько тысячъ красныхъ калпаковъ, портныхъ подмастерьевъ. Эта дама говорила имъ откровенно, что дѣло идетъ объ учрежденіи не республики, но имперіи. Неизвѣстно, какія средства убѣжденія употребила она, чтобы обратить портныхъ, напитанныхъ Бабёфомъ и Барбесомъ, и заставить ихъ перейти на сторону имперіализма.

«Есть три отдѣленія имперіалистской партіи. Первое и предводителя ея мы сейчасъ описали. Другое отдѣленіе находится подъ предсѣдательствомъ m-me Рено де-Сенъ-Жанъ-д'Анжели, вдовы извѣстнаго сенатора этого имени. Членовъ этого отдѣленія называютъ *обожателями*. Третье отдѣленіе имѣетъ вождемъ m-me де-Сальважъ-де-Фавероль, при содѣйствіи герцогини Рагузской. Это отдѣленіе — наиболѣе просвѣщенное изъ всѣхъ трехъ; членовъ ея называютъ *выжидающими* (espectants). Они не хотятъ никакой внезапной попытки.

«Круи-Шанель не совсѣмъ отказался отъ своего плана создать республиканско-бонапартистскую партію. Онъ утверждалъ, что никакая другая комбинація не будетъ имѣть успѣха. Онъ напомнилъ принцу, что первоначально этотъ планъ ему улыбался; что онъ соглашался быть

представленнымъ вождямъ республиканскихъ выходцевъ въ Лондонѣ, гг. Кавеньяку и Маррасту, но что эти вожди отказались отъ этого сближенія. Однако впослѣдствіи было условлено такъ, что во время десерта у генерала Монтобана принцъ войдетъ какъ бы невзначай и будетъ представленъ г-ну Кавеньяку. Этотъ послѣдній отвѣчалъ на любезности принца такими же любезностями, но не сдѣлалъ ему никакой уступки. Съ этого дня между принцемъ и Кавеньякомъ не было болѣе никакихъ сношеній. Но принцъ сказалъ по этому поводу одному изъ своихъ приверженцевъ: «Пусть Круи-Шанель розыгрываетъ какъ хочетъ *комедію съ народомъ*, я же надѣюсь только на армію и буду ей обязанъ всѣмъ моимъ успѣхомъ.» Это истинно наполеоновская идея; tout pour le peuple, rien par le peuple (все для народа, ничего при помощи народа), говаривалъ Наполеонъ. M-me Гордонъ пользовалась полнымъ довѣріемъ принца. Во время своихъ странствованій вдоль границы она извѣстила Лудовика Бонапарта, что одно важное лицо готово оказать содѣйствіе, въ случаѣ если будетъ сдѣлано какое нибудь усиліе. Правительство, не извѣстно на какомъ основаніи, связывало съ этимъ извѣщеніемъ прибытіе въ прошломъ мѣсяцѣ въ Висбаденъ Іосифа Бонапарта.

«Форестье, арестованный въ Булони, былъ однимъ изъ самыхъ предпріимчивыхъ агентовъ партіи Лудовика Бонапарта въ Парижѣ. Подъ его руководствомъ происходила раздача «Писемъ изъ Лондона», касающихся Лудовика-Наполеона.

«Увѣряютъ, что стараются выбрать Берье въ адвокаты къ принцу. Цѣль та, чтобы примирить легитимистовъ съ бонапартистами и побудить послѣднихъ способствовать попыткѣ, которую легитимисты намѣрены сдѣлать въ

пользу герцога Бордосскаго тотчасъ послѣ смерти герцогини Ангулемской, которая изо всѣхъ силъ возстаетъ противъ поспѣшности и безразсудной отваги».

Эти открытія касательно бонапартистской партіи во время булонскаго заговора не лишены извѣстнаго интереса. Видно, что Лудовикъ-Наполеонъ считалъ народный элементъ за ничто; идеаломъ его всегда была военная диктатура или порабощеніе народа арміей. Онъ позволялъ только Круи-Шанелю *розыграть комедію съ народомъ*, но самъ онъ надѣялся только на армію и утверждалъ, что ей именно онъ будетъ обязанъ своимъ успѣхомъ. Однако, обѣ неудачныя попытки, страсбургская и булонская, доказали ему противное, и безъ голосовъ народа, благодаря которымъ онъ въ 1848 году сдѣлался президентомъ республики, онъ не былъ бы, конечно, впослѣдствіи императоромъ.

Это доказываетъ всю шаткость сужденій Лудовика Бонапарта и то, что онъ обязанъ своимъ торжествомъ не своимъ достоинствамъ и талантамъ, но своему рожденію и обстоятельствамъ, сложившимся въ его пользу въ 1848 году. Статья, которую мы выше привели, доказываетъ также, что республиканцы постоянно отвергали авансы и предложенія императорскаго претендента и что они никогда не хотѣли имѣть ничего съ нимъ общаго. Они въ этомъ отношеніи не послѣдовали примѣру легитимистовъ и орлеанистовъ, которые 10-го декабря 1848 года почти всѣ подали голосъ за Лудовика Бонапарта, которые ковали вмѣстѣ съ нимъ заговоры во все время его президентства, въ надеждѣ, что онъ низвергнетъ республику въ ихъ пользу, и которые перестали его поддерживать только тогда, когда увидѣли, что онъ ихъ только проводитъ, что онъ хлопочетъ только о своимъ собствен-

ныхъ интересахъ. Это однако не помѣшало гг. Ларошжаклену, Буасси, Монталамберу, Дюпену и нѣкоторымъ другимъ роялистамъ пристать къ имперіи.

Мы уже видѣли вѣроломную роль, которую игралъ Круи-Шанель въ бонапартистскомъ заговорѣ, который онъ предалъ полиціи; онъ вѣроятно старался снискать согласіе республиканцевъ съ тою же цѣлью, но къ счастію вѣрность ихъ своимъ принципамъ и презрѣніе ихъ къ бонапартистской партіи, составленной исключительно изъ авантюристовъ, помогли имъ избѣгнуть этой западни. М-me Сальважъ-де-Фавероль, бывшая статсъ-дама королевы Гортензіи и ея душеприкащица, есть одна изъ тѣхъ старыхъ бонапартистскихъ вѣдьмъ, изрытыхъ *морщинами* и *беззубыхъ*, которыя составляли заговоръ въ пользу имперіи и на которыхъ остроумно намекаетъ Альфонсъ Карръ въ своихъ «Осахъ». Во время булонскаго покушенія полиція захватила обширную переписку у этой дамы, которая была арестована и впослѣдствіи освобождена.

Приказано было также арестовать полковника Водре, жившаго тогда въ Парижѣ, и которому Лудовикъ Бонапартъ назначилъ въ своихъ приказахъ командованіе артиллеріею. Но его не было дома, когда явились его арестовать, и вмѣсто него, по ошибкѣ, арестовали его брата, который такимъ образомъ облегчилъ ему средства скрыться. Полковникъ утверждалъ впослѣдствіи, что онъ не хотѣлъ участвовать въ этой второй экспедиціи, такъ какъ первая совершенно разочаровала его на счетъ способностей и мужества страсбургскаго героя. «Capitole», органъ наполеоновской партіи, утверждалъ тогда, что Лудовикъ Бонапартъ не сдѣлалъ бы своей безразсудной попытки, если бы послушался Водре.

Баччіоки, родственникъ императорскаго претендента

и бывшій впослѣдствіи первымъ камергеромъ императора Наполеона III, былъ въ то время камергеромъ короля виртембергскаго; его также обвиняли въ томъ, что онъ участвовалъ въ булонскомъ заговорѣ и арестовали, но не подвергли судебному преслѣдованію и вскорѣ освободили.

Французское правительство получало самыя точныя свѣдѣнія о всѣхъ проискахъ и замыслахъ бонапартистской партіи черезъ свою полицію и въ особенности черезъ Круи-Шанеля, который продавалъ ему секреты заговорщиковъ. Дѣйствительно, въ Moniteur Parisien отъ 7 августа 1840 года читаемъ:

«Правительство знало довольно давно, что Лудовикъ Бонапартъ и его агенты замышляютъ упредить время перенесенія останковъ императора Наполеона, чтобы занять собою публику посредствомъ какой нибудь неожиданной попытки. Эмиссары постоянно разъѣзжали изъ Парижа въ Лондонъ, изъ Лондона въ наши крѣпости, чтобы ознакомиться съ духомъ нашихъ гарнизоновъ и заняться тѣми, столь же пустыми, какъ и преступными, происками, которыя составляютъ препровожденіе времени для нѣкоторыхъ умовъ.

«Въ послѣдніе дни нельзя было уже сомнѣваться въ томъ, что минута дѣйствовать наступила. Вслѣдствіе того были даны приказанія и предостереженія во всѣ города, на которые могли разсчитывать, въ своихъ химерическихъ надеждахъ habitués Карльтонъ-Гардена *), а также во всѣ пункты прибрежья и границъ.»

Courrier de l'Europe, французская газета, издающаяся въ Лондонѣ, извѣщала на своихъ столбцахъ, за двѣ недѣли до булонскаго покушенія, что на берегу Франціи

*) Отель Лудовика Бонапарта въ Лондонѣ.

должна произойти высадка и называла даже этотъ послѣдній городъ, какъ одинъ изъ портовъ, гдѣ должна была произойти эта высадка. Она съ точностью сообщила всѣ подробности экспедиціи и называла главныхъ участниковъ заговора; она имѣла такія вѣрныя свѣдѣнія, что даже извѣщала, что Тьеръ будетъ назначенъ членомъ временнаго правительства.

Изъ этого видно, что эта экспедиція не была въ то время тайною, потому что газеты извѣстили о ней со всѣми подробностями за двѣ недѣли впередъ; что правительство французское имѣло о ней самыя точныя свѣдѣнія и что если англійскій кабинетъ не воспрепятствовалъ ей, то потому, что онъ ее терпѣлъ, втайнѣ одобрялъ и былъ ея сообщникомъ.

VI

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕССЪ.

Если Лудовикъ-Наполеонъ потерпѣлъ такую же неудачу въ Булони, какъ и въ Страсбургѣ, то на этотъ разъ по крайней мѣрѣ ему дозволено было «высказать въ своей защитѣ свои идеи и свои намѣренія» *), что̀ онъ желалъ сдѣлать еще по случаю помилованія, дарованнаго ему въ 1836 году, послѣ его первой, страсбургской попытки.

Когда канцлеръ Паскье сталъ допрашивать его въ судѣ поровъ, въ засѣданіи 28 го сентября 1840 года, то вмѣсто того, чтобы отвѣчать на обращенный къ нему вопросъ, въ которомъ у него спрашивали: «не высадился ли онъ на булонскомъ берегу съ значительнымъ числомъ лицъ въ ночь съ 5 по 6 прошлаго года и не пытался ли онъ измѣнить форму правленія, установленною хартіей 1830 года?» онъ попросилъ, прежде чѣмъ отвѣчать на вопросъ, представить суду нѣкоторыя замѣчанія. Когда это дозволеніе было ему дано, онъ развернулъ

---

*) Письмо Лудовика-Наполеона къ своей матери 10-го января 1837 года.

тетрадь, которую держалъ въ рукѣ и прочелъ медленнымъ и слабымъ голосомъ, съ весьма рѣзкимъ иностраннымъ акцентомъ, слѣдующее политическое profession de foi, каждый параграфъ котораго секретарь де-ла-Шовиньеръ принужденъ былъ повторять, чтобы судъ могъ ихъ разслышать; понятно, какое тягостное впечатлѣніе производила эта сцена на публику.

«Гг. пэры, сказалъ онъ: въ первый разъ въ жизни мнѣ позволено наконецъ возвысить голосъ во Франціи и говоритъ свободно къ французамъ.

«Не смотря на стражу, которая меня окружаетъ, не смотря на обвиненія, которыя я сейчасъ слышалъ, полный воспоминаній моего перваго дѣтства, находясь въ этихъ стѣнахъ сената *), среди васъ, которыхъ я знаю, мм. гг., я не могу думать, чтобы я здѣсь имѣлъ надежду оправдаться, а также то, чтобы вы могли быть моими судьями. Мнѣ представляется торжественный случай объяснить моимъ согражданамъ мое поведеніе, мои намѣренія, мои планы, то, что я думалъ, чего я хочу.

«Если я безъ гордости, также какъ и безъ слабости напоминаю права, врученныя націей моей фамиліи, то единственно для того, чтобы объяснить обязанности, которыя эти права наложили на всѣхъ насъ.

«Въ продолженіи пятидесяти лѣтъ, какъ принципъ самодержавія народа былъ освященъ во Франціи самой могучей революціей, какая когда либо происходила въ мірѣ, никогда національная воля не была провозглашаема такъ торжественно, не заявляла себя такимъ множе-

---

*) Видно, что Лудовикъ Бонапартъ былъ до такой степени напитанъ воспоминаніями объ учрежденіяхъ имперіи, что называетъ палату пэровъ *сенатомъ*.

ствомъ свободныхъ голосовъ, какъ при принятіи учрежденій имперіи.

«Нація никогда не отмѣняла этого великаго акта своей верховной власти, и императоръ сказалъ: «Все, что было сдѣлано безъ нея — незаконно.»

«Поэтому прошу васъ не думать, чтобы я, поддавшись внушеніямъ личнаго честолюбія, хотѣлъ попытаться, наперекоръ народной волѣ, возстановить во Франціи имперію. Я образовался подъ вліяніемъ болѣе высокихъ уроковъ и имѣлъ передъ глазами болѣе благородные примѣры.

«Я родился отъ отца, который безъ сожалѣнія сошелъ съ престола въ тотъ день, когда увидѣлъ невозможность примирить съ интересами Франціи интересы народа, которымъ онъ былъ призванъ управлять.

«Императоръ, мой дядя, предпочелъ скорѣе отречься отъ имперіи, чѣмъ согласиться, на основаніи трактатовъ, на стѣсненныя границы, которыя должны были подвергнуть Францію пренебреженію и угрозамъ, которыя иностранецъ себѣ нынѣ позволяетъ. Я никогда не могъ забыть такихъ уроковъ. Незаслуженная и жестокая проскрипція, которая въ продолженіи двадцати пяти лѣтъ влачила мою жизнь со ступеней трона, на которыхъ я родился, до тюрьмы, откуда я сейчасъ выхожу, была не въ силахъ раздражить или утомить мое сердце; она не могла меня ни на одинъ день сдѣлать чуждымъ достоинству, славы, правамъ, интересамъ Франціи. Отсюда понятно мое поведеніе, мои убѣжденія.

«Когда въ 1830 году народъ вновь завоевалъ себя верховную власть, я думалъ, что будущее будетъ столь же честно, какъ и само завоеваніе и что судьбы Франціи навсегда упрочены; но странѣ пришлось пережить пе-

чальный опытъ десяти послѣднихъ лѣтъ. Я думалъ, что голоса четырехъ милліоновъ гражданъ, возведшіе мою фамилію на императорскій престолъ, налагаютъ на насъ по крайней мѣрѣ обязанность обратиться съ воззваніемъ къ націи и спросить ея волю; я думалъ даже, что еслибы въ средѣ національнаго конгресса, который я хотѣлъ созвать, послышались какіе нибудь протесты, то я имѣлъ бы право пробудить въ немъ блистательныя воспоминанія имперіи, указать на старшаго брата императора, на этого добродѣтельнаго человѣка, который прежде меня имѣетъ право на его наслѣдство, и поставить нынѣшнюю Францію, ослабленную, не имѣющую голоса на конгрессѣ государей, лицомъ къ лицу съ тогдашней Франціей, столь сильной внутри, столь могущественной и столь уважаемой за своими предѣлами. Нація отвѣчала бы: республика или монархія, имперія или королевство; отъ ея свободнаго рѣшенія зависитъ конецъ нашихъ бѣдствій, нашихъ споровъ.

«Что касается моего предпріятія, повторяю, я не имѣю сообщниковъ. Я одинъ все рѣшилъ; никто не зналъ заранѣе ни моихъ плановъ, ни моихъ средствъ, ни моихъ надеждъ. Если я виновенъ передъ кѣмъ нибудь, то только передъ моими друзьями. Однако, пусть они не обвиняютъ меня въ томъ, будто бы я игралъ ихъ мужествомъ и преданностью. Они поймутъ побужденія чести и благоразумія, не позволяющія мнѣ открыть даже имъ, какія обширныя и сильныя причины имѣлъ я надѣяться на успѣхъ.

«Еще одно слово, мм. гг. Я представляю передъ вами принципъ, дѣло, пораженіе. Принципъ, это — самодержавіе народа; дѣло — имперія; пораженіе — Ватерлоо. Принципъ вы признали; дѣло — вы ему служили, пора-

женіе — вы хотѣли за него отомстить. Нѣтъ, между вами и мною нѣтъ разногласія и я не хочу думать, чтобы я былъ обреченъ нести наказаніе за пораженія другихъ.

«Будучи представителемъ политическаго дѣла, я не могу принять судьями моихъ намѣреній и моихъ дѣйствій политическую юрисдикцію. Въ борьбѣ, которая открывается, есть только побѣдитель и побѣжденный. Если вы слуги побѣдителя, мнѣ нечего ожидать отъ васъ справедливости, а великодушія я не желаю.»

На вопросы президента Лудовикъ Бонапартъ почти ничего не хотѣлъ отвѣчать и ссылался на показанія, данныя имъ на предшествовавшихъ допросахъ.

На вопросъ, сознается-ли онъ, что выстрѣлилъ изъ пистолета въ капитана Коль-Пюижелье, противившагося его намѣреніямъ, Лудовикъ Бонапартъ отвѣчалъ: «Бываютъ минуты, когда не отдаешь себѣ вполнѣ отчета въ точномъ смыслѣ выраженій. Я отнюдь не имѣлъ намѣренія произвести свалку. Я сдѣлалъ этотъ выстрѣлъ невольно.

Президентъ. Признаете-ли вы, что поручили напечатать и распространить брошюру Лэти и другую, подъ заглавіемъ Idées napoléoniennes?

Обвиняемый. Нѣтъ.

През. Какимъ образомъ вы присвоивали себѣ верховную власть, провозглашая вмѣстѣ съ тѣмъ самодержавіе народа?

Обв. Я хотѣлъ учредить временное правительство и затѣмъ созвать національный конгрессъ.

През. Но прежде чѣмъ созывать конгрессъ, вы произнесли низложеніе нынѣшняго правительства?

Обв. Безъ революціи нельзя было созвать національный конгрессъ.

През. Какимъ образомъ вы достали суммы, найденныя на пароходѣ?

Обв. Продажею части моего родоваго имѣнія.

През. До какой цифры простирались эти суммы?

Обв. Я объяснилъ это на моихъ допросахъ.

Вотъ что обвиняемый отвѣчалъ касательно этого пункта булонскому судебному слѣдователю:

«У меня было 15,000 фунт. стерл. билетами англійскаго банка. Я имѣлъ эти билеты при себѣ. Я довѣрилъ Телену и Бюру два жестяныхъ ящика, изъ которыхъ каждый заключалъ въ себѣ по 25,000 фр. золотомъ. Бюръ и Теленъ довѣрили двумъ лицамъ, имена которыхъ они мнѣ не сказали, два этихъ ящика, содержавшихъ въ себѣ по 25,000 фр. золотомъ каждый. Я думалъ, что ключи отъ этихъ ящиковъ находятся въ портфелѣ, оставшемся въ моей каретѣ.

«Во время переѣзда изъ Англіи въ Булонь я роздалъ вѣроятно 100 или 105 фунт. стерл. Я полагаю, что ящики содержали вмѣстѣ только 78,000 франковъ, и что у меня при себѣ было отъ 20 до 22,000 франковъ, которыя я роздалъ во время переѣзда. Эти суммы были моимъ личнымъ достояніемъ, я въ послѣднее время скоплялъ деньги, для приведенія въ исполненіе моихъ замысловъ.»

Коммисары суда представили обвиняемому запечатанный пакетъ, въ которомъ, по его вскрытіи, оказалось три пакета билетовъ англійскаго банка, на сумму 11,190 фунт. стерл., или 279,750 франковъ, считая фунтъ стерл. въ 25 фр.

Презид. Повидимому суммы, которыя вы роздали дорогой, простираются приблизительно до 22,000 франковъ. Кому вы дали эти деньги?

Обв. Всѣмъ одинаково; я даже далъ денегъ прислугѣ, для того, чтобы никто не нуждался.

Политическое profession de foi составлено ловко, не смотря на ошибки и софизмы, которыми оно изобилуетъ. Но мы были бы несправедливы къ его автору, если бы хотѣли сдѣлать его лично отвѣтственнымъ за лживыя ученія, которыя оно въ себѣ содержитъ, потому что въ этомъ случаѣ виновенъ не онъ, но несправедливое дѣло, которое онъ защищаетъ и которое вынуждаетъ его поддерживать съ возможной ловкостью ложные принципы, которые самому великому искусству не удалось бы выдать за истинные.

Поэтому онъ требуетъ здѣсь, весьма естественно, мнимыхъ правъ, которыя, по его словамъ, *были вручены націей его фимиліи*, указываетъ на пресловутые четыре милліона голосовъ, болѣе или менѣе ловко эскамотированныхъ въ пользу имперіи, — голосовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ самодержавіемъ народа, которые, напротивъ, были совершеннымъ его отрицаніемъ, которые его совершенно уничтожили, чтобы воздвигнуть на его развалинахъ военный деспотизмъ тирана.

Что касается *высокихъ уроковъ и благородныхъ примѣровъ*, подъ вліяніемъ которыхъ образовался Лудовикъ Бонапартъ, то если бы ихъ и не знали, можно было бы легко судить по плодамъ, которые они принесли, образовавъ такаго *малонравственнаго*, по выраженію газеты Times, человѣка, каковъ нашъ герой, напрасно ссылающійся на качества своего *законнаго отца*, потому что всѣмъ извѣстно, что кровь бывшаго короля голландскаго не течетъ въ его жилахъ; онъ былъ по своему происхожденію и правилъ совершенно равенъ знаменитому герцогу Морни, съ той лишь разницей, что отцомъ этого

послѣдняго считается графъ Флаго, бывшій сенаторъ второй имперіи, тогда какъ отцомъ Лудовика считается голландскій адмиралъ Вегюэль. Воспитанникъ своей матери, онъ пріученъ былъ къ хитрости, притворству, лжи, лицемѣрію, любви къ роскоши, къ чувственнымъ наслажденіямъ; Гортензія внушила ему съ ранняго возраста непомѣрное честолюбіе, жажду власти, богатства и постоянно указывала ему на тронъ Наполеона, какъ на цѣль стремленій его честолюбія. Вотъ *высокіе уроки и благородные примѣры*, которые образовали нашего героя.

И вообще говоря, ссылки на примѣры сдѣланы были Лудовикомъ-Наполеономъ весьма не кстати. Онъ, конечно, имѣлъ въ виду напомнить французамъ, что и Наполеонъ I сдѣлалъ высадку на берегъ Франціи, которая встрѣтила его съ вновь возгорѣвшимся чувствомъ увлеченія; но обѣ попытки племянника, страсбургскій заговоръ и булонская высадка, напротивъ, будучи сопоставлены съ удавшейся высадкой Наполеона I, казались еще смѣшнѣе, еще опрометчивѣе. Спекулируя на имя Наполеона I, Лудовикъ-Наполеонъ хотѣлъ эксплоатировать и самыя дѣйствія его, что видно во всей его послѣдующей карьерѣ; но это является простымъ обезьянствомъ, обличившимъ, что подражатель въ умственномъ отношеніи отстоитъ неизмѣримо далеко отъ своего образца. Опрометчивый заговорщикъ оказался впослѣдствіи и не менѣе опрометчивымъ правителемъ. О немъ можно сказать теперь, что онъ держался только злоупотребленіями своей власти и, естественно, не могъ чувствовать себя прочнымъ. Злоупотребленіе власти онъ обратилъ въ систему, одинаково вредную и ему и странѣ.

Если бы Лудовикъ-Наполеонъ имѣлъ малѣйшее чувство приличія, онъ бы не сослался на примѣръ быв-

шаго короля голландскаго, Лудовика Бонапарта, который сошелъ съ престола не добровольно, но потому, что не въ силахъ былъ болѣе сносить капризы и тиранство своего брата Наполеона I и въ особенности стыдъ, который послѣдній наносилъ ему каждый день, удерживая у себя жену его Гортензію де-Богарне, съ которой онъ открыто поддерживалъ интимную связь; онъ бы не примѣшалъ имени своего *законнаго отца* къ своимъ безумнымъ замысламъ, особенно послѣ того, какъ послѣдній рѣшительно осудилъ ихъ въ письмѣ, напечатанномъ во всѣхъ газетахъ, въ которомъ онъ называетъ страсбургское покушеніе *гнусной интригой, ужасной ловушкой и страшной засадой*.

Точно также невѣрно, будто бы *императоръ, его дядя*, предпочелъ отрѣчься отъ имперіи, чѣмъ принять, въ силу трактатовъ, сжатыя границы, предавшія Францію въ жертву пренебреженія и угрозъ, которыя иноземецъ позволилъ себѣ въ 1840 году.

Когда Лудовикъ-Наполеонъ говоритъ, то для того, чтобы лгать; когда онъ цитируетъ исторію, то для того, чтобы ее исказить; слово его, точно также какъ и его перо, порождаютъ только ложь и коварство.

Въ 1819 году Наполеону I не приходилось выбирать между отрѣченіемъ отъ престола и уменьшенной имперіей, съ сжатыми границами; онъ былъ покинутъ большей частью своихъ маршаловъ, которыхъ онъ осыпалъ почестями и богатствомъ, и которые послѣ упрекали его въ его ненасытномъ честолюбіи. Его насильственное отрѣченіе отъ престола въ пользу своего сына Наполеона II, отдававшее Францію на произволъ иностранца, съ границами, какія послѣднему угодно будетъ ей даровать, даже не было уважено. Его собственный *охранительный*

сенатъ (Senat conservateur), выразивъ ему жестокіе упреки въ его тиранствѣ, клятвопреступленіяхъ, въ его разорительныхъ и безпрерывныхъ войнахъ, въ его политическихъ убійствахъ, въ его государственныхъ тюрьмахъ, цензурѣ, произволѣ его полиціи, его деморализаціи, въ оскорбленіяхъ нравственности и справедливости, его ненасытномъ честолюбіи, его жестокости, презрѣніи къ жизни другихъ, его глубокомъ эгоизмѣ, его безнравственности, въ *раззореніи городовъ, опустошеніи селъ, въ голодѣ и заразительныхъ болѣзняхъ*, — его охранительный сенатъ, говоримъ мы, обвинивъ его во всемъ этомъ, изданъ слѣдующій декретъ:

«Статья I. Наполеонъ Бонапартъ низложенъ съ престола и право наслѣдованія, установленное въ его семействѣ, уничтожено.

Статья II. Французскій народъ и армія освобождаются отъ «клятвы въ вѣрности Наполеону Бонапарту.»

Если Наполеонъ — что мы оспариваемъ — дѣйствительно хотѣлъ спросить волю народа, созвать національный конгрессъ, то почему онъ не сдѣлалъ этого въ 1851 году, послѣ переворота 2-го декабря? Почему въ то время, вмѣсто того, чтобы прямодушно спросить желанія народа, онъ предложилъ ему слѣдующій лукавый и коварный вопросъ:

«Пусть тѣ, которые желаютъ продлить полномочія президента республики на десять лѣтъ и одобряютъ его плебисцитъ отъ 2-го декабря 1851 года, подадутъ голосъ: *да*. Если они рѣшатъ *нѣтъ*, то все по прежнему останется нерѣшеннымъ и снова впадетъ въ анархію.»

Вотъ какимъ способомъ Лудовикъ-Наполеонъ сдѣлалъ воззваніе къ народу въ 1851 году, вмѣсто того, чтобы постановить честно и прямодушно вопросъ между

республикой и монархіей, между имперіей и королевствомъ, какъ онъ, по его словамъ на судѣ пэровъ въ 1840 году, намѣренъ былъ это сдѣлать.

Но, впрочемъ, заключеніе его рѣчи въ судѣ пэровъ доказываетъ неискренность его намѣренія предоставить народу свободу выбрать себѣ форму правленія по желанію.

Развѣ онъ является передъ судомъ какъ боецъ за справедливость, за свободное выраженіе народной воли? Нѣтъ, онъ выдаетъ себя за представителя, за наслѣдника въ боковой линіи *самодержавія народа*, которое, какъ онъ утверждаетъ, передано его фамиліи вотированіемъ 1804 года; за представителя *дѣла имперіи*, т. е. за реставратора, продолжателя императорскаго управленія, и наконецъ ва мстителя за *пораженіе при Ватерлоо*. Это столь ясное, столь рѣшительное profession de foi не оставляетъ болѣе сомнѣній на счетъ истинныхъ убѣжденій и цѣли Лудовика-Наполеона Бонапарта; помѣщенныя же въ началѣ его предписываемыя обстоятельствами и приличіемъ фразы суть только средства, ораторскія приготовленія, имѣющія цѣлью снискать благосклонность, симпатію суда и публики, но которыя не имѣютъ иного значенія и цѣны.

Генералъ Монтолонъ, спрошенный въ свою очередь, сознался, что послѣдовалъ за Лудовикомъ-Наполеономъ въ Булонь изъ отеческой дружбы, которую онъ питаетъ къ этому молодому человѣку, что онъ ничего не зналъ о его замыслахъ на Булонь и что принцъ открылъ ему ихъ только за нѣсколько минутъ до высадки на французскій берегъ. Понятно, какъ неправдоподобны были эти отрицанія генерала; по этому судьи увидѣли въ нихъ только неловкія извиненія, не заслуживающія никакой вѣры.

Канцлеръ Паскье замѣтилъ ему это, но онъ до конца упорствовалъ въ своихъ декларацiяхъ.

Полковникъ Вуазенъ, Паркенъ, Буффе-Монтобанъ и Ломбардъ дѣлаютъ почти такiя же декларацiи, утверждая, что они раньше ничего не знали о намѣренiяхъ принца; они, на своихъ допросахъ, не выходятъ изъ одного и того же круга, отвѣты ихъ какъ бы стереотипированы.

Только допросъ Фiалена, принявшаго имя Персиньи, представляетъ нѣкоторые варiанты; вотъ наиболѣе интересная часть его:

През. Вы приняли имя Персиньи, это не ваше имя, вы называетесь Фiаленъ.

Обв. Я принялъ имя Персиньи, потому что это имя моего дѣда *(общiй смѣхъ)*.

През. Вы приняли также титулъ виконта, развѣ вашъ дѣдъ былъ графъ?

Обв. Нѣтъ, мой прадѣдъ былъ графомъ.

Изъ этого видно, что генеалогическое древо г-на виконта де-Персиньи оставляло многаго желать и что онъ присвоилъ себѣ имя, которое ему не принадлежало. Это не помѣшало ему однако выказать предъ судомъ большое самохвальство.

Онъ объявилъ, что участвовалъ въ экспедицiи, не зная ея цѣли, и разсказалъ слѣдующимъ образомъ эпизодъ въ казармахъ:

«Когда принцъ отправился въ казармы, я поставилъ у воротъ шесть часовыхъ, приказавъ имъ никого ни впускать, ни выпускать. Этотъ приказъ былъ исполненъ въ продолженiи нѣкотораго времени, но въ ту минуту, когда войска провозглашали принца и привѣтствовали знамя, одинъ офицеръ 42-го полка, который, какъ мнѣ пока-

залось, читалъ враждебныя намѣренія, силою ворвался въ казармы. Я тогда былъ одѣтъ пѣхотнымъ унтеръ-офицеромъ и имѣлъ въ рукѣ ружье; я бросился на него и въ ту минуту, какъ я его хотѣлъ убить, поручикъ Аладенизъ устремился ко мнѣ и отвратилъ ударъ, который я готовъ былъ нанести. Ударъ этотъ былъ такъ силенъ, что штыкъ согнулся надвое.

Минуту спустя прибылъ капитанъ гренадеровъ 42-го полка и завязался новый ожесточенный споръ, во время котораго, по вышеупомянутымъ причинамъ, я бы непремѣнно убилъ капитана, если бы г. Аладенизъ снова не бросился между этимъ офицеромъ и мною и не остановилъ меня самымъ энергическимъ образомъ; онъ объявилъ мнѣ тогда съ большой гордостью, что если я трону капитана, то онъ, Аладенизъ, тотчасъ же обратится противъ насъ.

През. Такимъ образомъ, вы сдѣлались виновны въ покушеніи на убійство.

Персиньи. Я бы могъ убить его изъ своего ружья, которое было заряжено. Но я не имѣлъ этого намѣренія, я бы напалъ на него съ равнымъ оружіемъ.

През. Капитанъ имѣлъ только саблю, у васъ же было ружье со штыкомъ, оружіе было не равное; еслибы вы его убили, вы были бы убійцей.

Въ другомъ засѣданіи суда Фіаленъ де-Персиньи, виконтъ милостію своего прадѣда, попросилъ дозволить ему разъяснить это показаніе и отвергъ его.

Затѣмъ канцлеръ допрашиваетъ *Форестье* и *Баталя*, которые не показали ничего новаго. Канцлеръ спрашиваетъ у послѣдняго, не принадлежалъ ли онъ къ редакціи газеты Capitole? «Да, сказалъ онъ, потому что эта газета редактировалась въ смыслѣ моихъ мнѣній; я раз-

бралъ въ ней спеціальный вопросъ — восточный. Я трактовалъ его съ точки зрѣнія союза съ Россіей.»

Любопытно сравнить теперь, что Лудовикъ Бонапартъ поручалъ въ 1840 г., въ своей газетѣ Capitole, трактовать восточный вопросъ съ точки зрѣнія союза съ Россіей, а въ 1854 году онъ основывалъ свою политику на востокѣ на союзѣ съ Англіей и предпринялъ крымскую экспедицію вмѣстѣ съ Англіей противъ Россіи.

Это одно изъ многочисленныхъ доказательствъ шаткости внѣшней политики Лудовика Бонапарта, которая, также какъ и его внутренняя политика, состояла вся изъ уловокъ, влачась изо дня въ день, и лишена твердыхъ правилъ и принциповъ.

Поручикъ *Аладенизъ* сознается въ своемъ участіи въ покушеніи.

« Мое положеніе трудное, сказалъ онъ: будучи поставленъ между моими товарищами-офицерами полка и моими симпатіями, я не могу ничего сказать въ свою защиту, чтобы могло потомъ обратиться въ ущербъ моихъ политическихъ друзей. Въ такомъ положеніи мнѣ остается ожидать показаній, которыя, какъ я въ томъ не сомнѣваюсь, будутъ въ мою пользу; а до тѣхъ поръ я не имѣю ничего лучшаго сказать.

Президентъ допрашиваетъ обвиняемыхъ Орнено, Гальвани, д'Альмберта, Орси и Бюра; всѣ они сознаются, что участвовали въ экспедиціи изъ преданности къ принцу.

Никогда не бывало примѣра столь ничтожныхъ, столь пошлыхъ допросовъ; между всѣми этими обвиняемыми мы не найдемъ ни одного человѣка съ глубокими убѣжденіями, всѣ они говорятъ, что дѣйствовали изъ личной

преданности, повинуясь, какъ автоматы, какъ машины. Лудовикъ Бонапартъ говорилъ имъ: ступайте туда, и они шли туда, садитесь на этотъ пароходъ — и они отправлялись на пароходъ; надѣньте этотъ мундиръ, и они его надѣвали, сойдите на землю, идите въ казармы, кричите: « да здравствуетъ императоръ! » и они это дѣлали. Это тѣла безъ души, безъ мысли, безъ воли, безъ иниціативы, которыя движутся въ силу внѣшняго, чуждаго имъ побужденія. Почти всѣ: до бывшихъ страсбургскихъ сообщниковъ; до домашняго секретаря Лудовика-Наполеона; до доктора Конно, находившагося при Лудовикѣ Бонапартѣ въ продолженіи многихъ лѣтъ, который жилъ въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ съ его матерью и который печаталъ прокламаціи; до банкира Орси, доставившаго краденыя деньги, послужившія для экспедиціи, до командира Мезонана, который хотѣлъ завербовать генерала Маньяна; до Паркена, посылавшаго къ Лудовику Бонапарту лакеевъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ солдатъ экспедиціи; до генерала Монтолона, занимавшаго первую роль при принцѣ, который подписывалъ прокламаціи — повторяемъ, почти всѣ упорно держались пошлой системы защиты, состоявшей въ томъ, что они утверждали, будто бы они не знали заранѣе о заговорѣ.

Обыкновенно заговорщики, къ какой бы партіи они не принадлежали, дѣйствуютъ въ силу глубокихъ убѣжденій, основанныхъ или на разумѣ, или на предразсудкахъ, на фанатизмѣ, или на заблужденіи, но во всякомъ случаѣ ихъ вѣрованія сильны и искренни; печальнымъ же и смѣшнымъ спутникамъ Лудовика Бонапарта было суждено выказать совершенное отсутствіе убѣжденій, отсутствіе всякихъ благородныхъ, возвышенныхъ и великодушныхъ чувствъ. Всѣ эти люди повиновались какъ

лакеи; они послѣдовали за тѣмъ, кто ихъ кормилъ, содержалъ, платилъ имъ жалованье, давалъ имъ пить, ѣсть, раздавалъ имъ на пароходѣ вино и золото, и который обѣщалъ имъ мѣста, почести, ордена, чины и могущество. Предводитель ихъ не отличается также благородствомъ чувства: когда онъ хочетъ завлечь генерала, то онъ ничего лучшаго не находитъ, какъ предложить ему 400,000 или 500,000 фр. и жезлъ маршала Франціи; когда онъ высадился на берегъ, первымъ дѣломъ его было предложить золото таможеннымъ солдатамъ и пенсію ихъ начальнику, — всѣ они съ достоинствомъ отказываются; когда его представляютъ капитану Коль-Пюижелье, то вмѣсто того, чтобы повести рѣчь о военной славѣ, о національной чести, о роли защитника народовъ, которую, по его словамъ, онъ готовитъ арміи, онъ пытается грубымъ образомъ подкупить его, говоря ему, какъ человѣку, котораго презираютъ, какъ съ продажной совѣстью: «Капитанъ, присоединитесь къ намъ, и вы получите все, что хотите.» Чтобы завлечь стараго сержанта, онъ тутъ же производитъ его въ капитаны, но послѣдній обращается противъ него.

Мы видѣли, что Лудовикъ-Наполеонъ употребилъ тѣже самыя средства низкаго и гнуснаго подкупа въ Страсбургѣ, раздавалъ всѣмъ чины, одѣлялъ солдатъ деньгами и хотѣлъ назначить пенсію дѣтямъ полковника Тайландье, отъ чего послѣдній съ негодованіемъ отказался, сказавъ ему: «я отдаю мою кровь, но не продаю ее.» Только, такъ какъ въ Страсбургѣ принцъ не имѣлъ на милліонъ билетовъ, украденныхъ изъ англійскаго казначейства, то онъ былъ менѣе великодушенъ, чѣмъ въ Булони, онъ не бросалъ золото горстями прохожимъ и уличнымъ мальчуганамъ. Позднѣе, 2-го декабря 1851

года, онъ употребилъ тѣже самыя средства постыднаго подкупа, раздавалъ деньги солдатамъ, свертки золота офицерамъ и завлекъ главныхъ начальниковъ арміи: Канробера, Форея, Еспинасса, Флёри, Маньяна, Сентъ-Арно, и пр. и пр., далъ каждому изъ нихъ двѣ, три, пять, шесть, восемьсотъ тысячъ фр. и до милліона. Булонскій герой всегда былъ тѣмъ же грубымъ и омерзительнымъ лиходателемъ, понимающимъ и эксплоатирующимъ только самыя низкія страсти человѣческаго сердца. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, это — типъ, который нигдѣ не встрѣтишь въ исторіи, даже въ исторіи величайшихъ преступниковъ, прославившихъ собою уголовные суды.

Мы не приводимъ здѣсь показанія генерала Маньяна, которое уже находится въ докладѣ Персиля, сообщенномъ нами. Онъ повторилъ передъ обвиняемымъ Лудовикомъ-Бонапартомъ, осыпая его презрѣніемъ, все, что онъ показалъ на слѣдствіи, не забывъ снова объявить, что «партія племянника императора есть смѣшная и погибшая партія» и что онъ прогналъ Мезонана, присланнаго къ нему принцемъ, сказавъ ему: «Идите вѣшаться въ другомъ мѣстѣ.» Впослѣдствіи Маньянъ продался за полмилліона франковъ представителю этой *смѣшной и погибшей* партіи; для него-то онъ устроилъ побоище на бульварахъ, за что былъ награжденъ титуломъ сенатора и маршала имперіи.

Генеральный прокуроръ *Франкъ-Карре* произнесъ весьма краснорѣчивую обвинительную рѣчь, въ которой, между прочимъ, сказалъ:

« Не мѣсто-ли здѣсь, мм. гг., показать всю ничтожность этого предпріятія до смѣшнаго противорѣчія между пышною программою и жалкими подробностями испол-

ненія? Вы читали, мм. гг., вы имѣли передъ глазами эти постановленія, эти декреты, приказы (Лудовика Бонапарта), въ которыхъ невозможное дѣло, о которомъ мечтали, предполагается уже исполненнымъ, совершеннымъ. Въ нихъ назначенъ маршрутъ побѣдоносной арміи, распредѣлено командованіе: этотъ помѣщенъ въ авангардѣ; этотъ командуетъ всей кавалеріей; тотъ имѣетъ подъ своимъ начальствомъ всю пѣхоту центра, третьему поручено наблюдать за арьергардомъ; штабъ организованъ; военное интендантство учреждено; оно дѣйствуетъ..... не забыта и медицинская часть, — и однако, гг. пэры, эта могущественная армія была вся цѣликомъ приведена къ намъ на судъ; когда же съ нея сняли нарядъ, въ который ее облекли, мы увидѣли передъ собою *лакейскую ливрею;* потомъ, когда судъ освободилъ большую часть этого войска, за неимѣніемъ достаточныхъ поводовъ къ обвиненію, всѣ эти солдаты, *ставшіе снова лакеями*, поспѣшили потребовать чрезъ судей свое жалованье.

Говорить-ли намъ о лживыхъ прокламаціяхъ, печальныхъ пародіяхъ на неподражаемый языкъ, гдѣ въ каждой строкѣ прочтешь незнакомство съ положеніемъ страны и забвеніе *національнаго достоинства*; гдѣ тотъ, кто упрекаетъ наши учрежденія въ томъ, что они не защищаютъ свободы, *учреждаетъ военныя коммиссіи, чтобы судить тѣхъ, которые позволятъ себѣ остаться вѣрными своему долгу*; гдѣ тотъ, кто занимался *вербовкой и раздавалъ деньги, чтобы купить измѣну, обвиняетъ наше правительство въ подкупахъ*; гдѣ племянникъ Наполеона возвѣщаетъ Франціи, что *у него есть могущественные друзья за границей, которые обѣщали ему поддержать его*? какъ будто бы Франція не знаетъ, что иноземецъ, который бы сталъ злоумышлять противъ ея правитель-

ства, злоумышлялъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ противъ нея; гдѣ этотъ молодой человѣкъ, извѣстный только по своимъ двумъ *безумнымъ предпріятіямъ страсбургскому и булонскому*, осмѣливается обѣщать, что онъ остановится только тогда, когда снова возьметъ въ руки аустерлицкую шпагу..... Аустерлицкую шпагу! Она *слишкомъ тяжела для вашихъ слабыхъ рукъ!* Эта шпага — шпага Франціи! Горе тому, кто ее отниметъ у нея!

Однако, мм. гг., *импровизированный диктаторъ*, высадившійся въ Булони среди своей *переодѣтой челяди*, уже уничтожилъ однимъ почеркомъ пера національное правительство, основанное въ 1830 году; приговоръ лаконическій, какъ приговоръ судьбы, но къ счастью не столь неотразимый, опредѣляетъ низложеніе нашей королевской династіи и распущеніе обѣихъ палатъ. И нужно же, мм. гг., чтобы всѣ эти произведенія, которыя всего приличнѣе приписать *воображенію, находящемуся въ бреду*, были подписаны великимъ именемъ Наполеона!»

Обвинитель заключаетъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Насъ поражаетъ, мм. гг., то, что десять лѣтъ спустя послѣ великой іюльской революціи, одного изъ самыхъ достопамятныхъ и самыхъ плодотворныхъ событій нашей исторіи, Лудовикъ Бонапартъ, не потерявъ бодрости послѣ плачевнаго исхода двухъ сумазбродныхъ попытокъ, осмѣливается провозглашать передъ вами — неизвѣстно по какому праву — что онъ намѣренъ уничтожить наши учрежденія своими декретами и созвать національный конгрессъ, чтобы организовать на новый ладъ управленіе страною. Онъ отстаиваетъ ими уже незаконность своихъ правъ на императорскій престолъ, онъ имѣетъ въ виду уже не раставрацію: онъ самопроизвольно захватываетъ диктатуру, по долгу къ отечеству, чтобы

вести его, подъ покровительствомъ своего счастія, къ лучшимъ судьбамъ.

Но, въ самомъ дѣлѣ, кто же вы такой, чтобы выражать такіе *сумазбродныя притязанія?* Кто-же вы такой, который выдаете себя за представителя верховой власти народа въ этой землѣ, гдѣ царствуетъ государь избранный націей и которому она сама вручила скипетръ и шпагу? Кто же вы такой, который разыгрываете изъ себя роль представителя имперіи, вы, который являетесь такимъ *жалкимъ* въ высшихъ предпріятіяхъ, который своими дѣйствіями безпрестанно *оскорбляете здравый смыслъ?*

Императоръ, знайте это, не могъ никому завѣщать скипетра, выпавшаго изъ его мощной руки прежде, чѣмъ свершилась его судьба.

Узнайте наконецъ, эту Францію, которая была вашимъ отечествомъ и откуда васъ изгналъ законъ, мудрость котораго вы какъ нельзя лучше доказали; оцѣните эти уже испытанныя учрежденія, которыя она любитъ за ихъ благодѣянія, и которыя она защищаетъ какъ свое завоеваніе. Дважды провинившись передъ страною, вы вынудили ее призвать противъ васъ законы, охраняющіе ея спокойствіе и ея безопасность. Будучи приведены въ ея высшій судъ, не говорите, что васъ, побѣжденнаго, приволокли на судъ слугъ побѣдителя. Это—притязаніе, которое никогда ничего не возвышало и не оправдывало.

Узнайте, напротивъ, что Франція имѣла право требовать у васъ отчета за нарушеніе ея территоріи, за *французскую кровь, пролитую вашею рукою*, и вспомните, что раскаяніе смягчаетъ всѣ вины и прилично всякому званію!»

За этой рѣчью, произведшей на всѣхъ слушателей самое сильное впечатлѣніе, послѣдовалъ довольно долгій перерывъ. Лудовикъ-Наполеонъ и генералъ Монтолонъ

взяли себѣ въ защитники Бертье, легитимистскаго адвоката. Этотъ выборъ покажется сначала страннымъ, но его легко объяснить, если принять во вниманіе, что наполеновская партія никогда не имѣла въ своихъ рядахъ ни одного способнаго человѣка и что она всегда безъ зазрѣнія совѣсти пользовалась людьми всѣхъ партій, или для того, чтобы защищать ее, или же ковать вмѣстѣ съ нею заговоры, и за это впослѣдствіи платила неблагодарностью или преслѣдованіемъ, что̀ она сдѣлала и относительно Бертье. Именно, Лудовикъ-Наполеонъ Бонапартъ велѣлъ арестовать его 2 декабря 1851 года, въ ратушѣ, гдѣ онъ присоединился къ своимъ товарищамъ, чтобы защищать конституцію; онъ велѣлъ его бросить въ карету, въ которой возятъ каторжниковъ, и запереть въ казематахъ одной казармы. Вотъ какъ булонскій герой засвидѣтельствовалъ свою признательность своему знаменитому защитнику.

Въ своей защитительной рѣчи Бертье старался придать поступку Лудовика Бонапарта чисто политическій характеръ и оспаривалъ право судить его кліента, потому что Лудовикъ Бонапартъ не только совершилъ покушеніе, но и явился оспаривать верховную власть у орлеанскаго дома; во вторыхъ потому, что Лудовикъ Бонапартъ поставленъ, въ силу одного закона *) страны, внѣ общаго права; наконецъ потому, что безпристрастіе есть первое условіе правосудія, а въ такомъ политическомъ дѣлѣ судьи не могутъ быть безпристрастны.

---

*) Законъ 11 апрѣля 1832 года: «Вступленіе на французскую территорію воспрещается на вѣчныя времена родственникамъ Наполеона по восходящей и нисходящей линіи, его дядямъ и теткамъ, его племянникамъ и племянницамъ, его братьямъ, ихъ женамъ и потомкамъ, его сестрамъ и ихъ мужьямъ.»

Во время волненія произведеннаго защитительной рѣчью Бертье встаетъ генералъ Монтолонъ и читаетъ слабымъ голосомъ записку, въ которой онъ снова старается доказать, что ничего не зналъ о замыслахъ Лудовика Бонапарта, пока послѣдній не открылъ ихъ ему на пароходѣ, когда уже было поздно имъ воспрепятствовать, и заключаетъ слѣдующими словами: «Я принялъ послѣдній вздохъ императора. Я закрылъ ему глаза. Это достаточно объясняетъ мое поведеніе. Я безъ сожалѣнія вижу себя нынѣ обвиняемымъ за то, что принялъ рѣшеніе, на которое, судя по доброму мнѣнію, какое я имѣю о людяхъ, я увѣренъ гг. пэры, каждый изъ васъ былъ бы способенъ.»

Послѣ защитительныхъ рѣчей адвокатовъ Фердинанда Барро и Делакура, адвокатъ Берильонъ объявляетъ суду, что одинъ изъ его кліентовъ, обвиняемый Персиньи, желаетъ лично представить суду нѣкоторыя объясненія.

Персиньи читаетъ писанную рѣчь: «Гг. пэры, семь лѣтъ тому назадъ глубокое изученіе великой эпохи консульства и имперіи, которую я невольно сравнилъ съ нынѣшней эпохой, заставили меня принять наполеоновскія идеи. Результатомъ было мое удивленіе къ великому человѣку, основавшему эти идеи, и моя преданность принцу, его племяннику, какъ ихъ представителю.

Наполеоновская идея есть вмѣстѣ идея величія и свободы; нужно ли удивляться, что ее не понимаютъ теперь, когда нѣтъ ни истинной власти, ни истинной свободы, теперь, когда партіи и власть одинаково безсильны, за недостаткомъ личности, которая бы олицетворяла въ себѣ эти великіе и спасительные принципы.

Презид. Я не могу допустить этихъ словъ, обвиняемый говоритъ, что въ наше время нѣтъ власти.

Персиньи. Я сказалъ, что нѣтъ ни истинной власти, ни истинной свободы.

Презид. Фіаленъ, я не хочу мѣшать вашей защитѣ, но умѣрьте ваши выраженія.

Персиньи. Я не имѣю того намѣренія, которое вы предполагаете.

Презид. Не желая разсматривать, какія могутъ быть у васъ намѣренія, я говорю, что вы уже много заблуждались, вы можете увлечься еще болѣе.

Перс. Я горжусь тѣмъ, что рисковалъ своей жизнью и свободой съ цѣлью упрочить и *расширить вольности моей страны;* я горжусь тѣмъ, что принялъ девизъ того великодушнаго принца, который подвергалъ опасности свою жизнь на берегу Франціи, который умеръ при Креси и который взялъ себѣ девизомъ слѣдующія скромныя, но полныя величія слова: *«Я служу!»* Я горжусь тѣмъ, что принадлежу къ солдатамъ человѣка, фамиліи, составляющей славу Франціи, ибо наполеоновская идея есть высшее выраженіе французской революціи.

Наполеоновская идея обезпечиваетъ между нами равенство, она обезпечиваетъ свободу и счастіе народа (!??) Наполеоновская идея вамъ извѣстна: потому что вы способствовали ея торжеству, потому что почти всѣ вы раздѣляли съ императоромъ его славу.

Чтобы выразить наполеоновскую идею во время ея развитія, для этого, гг. пэры, нуженъ былъ бы голосъ краснорѣчивѣе моего.

Сенаторы имперіи, согласитесь, до какой степени величія, могущества дошла бы Франція, если бы не было заключено постыдныхъ трактатовъ 1814 и 1815 годовъ?

Презид. Обвиняемый, все это нисколько не касается

вашей защиты, трактаты 1814 и 1815 годовъ не имѣютъ никакого отношенія къ настоящему процессу.

Персиньи. Судъ можетъ оцѣнить отношенія, которыя, по моему мнѣнію, существуютъ. Я не понимаю, почему мнѣ не хотятъ дать развить мою мысль.

Презид. Предупреждаю васъ, что вы нисколько не стараетесь себя оправдать.

Персиньи. Сравните, въ самомъ дѣлѣ, прошлое величіе и нынѣшнее положеніе Франціи, мм. гг.; всѣхъ обвиняемыхъ возмущаетъ одно общее, тягостное чувство при видѣ Франціи униженной и оскорбленной, между тѣмъ какъ недавно она посылала свои побѣдоносныя арміи поочередно во всѣ столицы Европы. Вотъ, гг. пэры, одно мѣсто изъ брошюры, подъ заглавіемъ Idées napoleoniennes, которое я васъ прошу послушать; вы тогда убѣдитесь въ справедливости мною сказаннаго.

Презид. Приступайте скорѣе къ вашей защиты; судъ собрался здѣсь не для того, чтобы слушать чтеніе брошюръ.

Персиньи. Я долженъ развернуть передъ вами печальную картину нынѣшняго положенія Франціи сравнительно съ *господствомъ*, которое она нѣкогда имѣла въ Европѣ. Тщетно между вами находится столько знаменитыхъ мужей...

Презид. Повторяю вамъ, Фіаленъ, что это совершенно не относится къ вашему дѣлу.

Персиньи. Ну, такъ если судъ не хочетъ меня слушать, я замолчу; но мнѣ не даютъ защищаться.

Презид. У васъ есть адвокатъ.

Персиньи. Я протестую противъ перерыва. *(Обвиняемый прячетъ свои бумаги и садится.)*

Послѣ того, какъ были выслушаны рѣчи всѣхъ за-

щитниковъ и послѣ заключительной рѣчи генеральнаго прокурора, президентъ предлагаетъ послѣднему представить свои выводы.

Генеральный прокуроръ. Принимая во вниманіе, что Карлъ-Лудовикъ-Наполеонъ Бонапартъ, Карлъ-Тристанъ графъ де-Монтолонъ, Жанъ-Батистъ Вуазенъ, Дени-Карлъ Паркенъ, Ипполитъ-Франсуа-Аталь-Себастіанъ, Буфе-Монтобанъ, Этьенъ Лабордъ, Лудовикъ-Северинъ Ледюфъ-де-Мезонанъ, Жюль-Бартелеми Ломбаръ, Генрихъ Конно, Жанъ-Жильбертъ-Викторъ-Фіаленъ, по прозванію Персиньи, Альфредъ д'Альмберъ, Жозефъ Орси, Матьё Сальвани, Наполеонъ Орнано, Жанъ-Батистъ-Теодоръ Форестье, Марсіалъ-Эженъ Баталь, Жанъ-Батистъ-Карлъ Аладенизъ, Пьеръ-Жанъ-Франсуа Бюръ, оказались 6 прошлаго августа въ Булони виновными въ покушеніи, цѣлью котораго было или уничтожить или измѣнить существующую нынѣ форму правленія, или возбудить гражданъ къ возстанію противъ королевской власти, или же возбудить междоусобную войну, вооружившись или склонивъ гражданъ вооружиться другъ противъ друга.

«Преступленія эти предусмотренны ст. 87, 88, 89 и 91 уголовнаго закона.»

Королевскій генеральный-прокуроръ проситъ судъ примѣнить къ вышеупомянутымъ лицамъ наказанія опредѣленныя означенными статьями.

Президентъ. Защитники обвиняемыхъ не имѣютъ-ли чего нибудь прибавить? *(Молчаніе на скамьяхъ защитниковъ.)*

Принцъ Карлъ-Лудовикъ-Наполеонъ Бонапартъ, имѣете-ли вы что нибудь прибавить въ свою защиту?

Принцъ Лудовикъ Бонапартъ. Я не имѣю ничего прибавить.

Генералъ Монтолонъ и прочіе обвиняемые, на такой же вопросъ, объявляютъ, что они не имѣютъ ничего сказать.

Президентъ. «Судъ объявляетъ, что пренія закончены, онъ произнесетъ свой приговоръ въ одномъ изъ своихъ ближайшихъ засѣданій. Публичное засѣданіе закрыто. Пусть уведутъ обвиняемыхъ.»

Судъ пэровъ въ засѣданіи 6 октября 1840 года произнесъ свой осудительный приговоръ, главныя постановленія котораго слѣдующія: Относительно принца Карла-Лудовика-Наполеона Бонапарта:

Имѣя въ виду, что изъ слѣдствія и судебныхъ преній обнаруживается, что онъ 6 прошлаго августа въ Булони оказался виновнымъ въ покушеніи, имѣвшемъ цѣлью уничтожить или измѣнить существующую форму правленія, или возбудить гражданъ вооружиться другъ противъ друга, — преступленія, предусмотрѣнныя ст. 87, 88 и 91 уголовнаго устава;

Принимая во вниманіе также ст. 59 и 60 уголовнаго устава, по которымъ наказаніе должно быть соразмѣримо съ долею участія, которое каждый изъ виновныхъ принималъ въ совершенномъ имъ покушеніи: — приговариваетъ Карла-Лудовика-Наполеона Бонапарта къ пожизненному заключенію въ одной изъ крѣпостей, находящихся на континентальной территоріи королевства.

Ж. Батиста Аладениза къ ссылкѣ.

К. Тристана графа де-Монтолона, К. Паркена, Жюля Ломбара. Ж. Жильберта Фіалена, по прозванію Персиньи, къ 20-лѣтнему заключенію.

Повелѣваетъ, согласно 436-й статьи угол. уст., чтобы вышеупомянутые осужденные оставались въ теченіе всей своей жизни подъ надзоромъ высшей полиціи, объявляетъ ихъ лишенными званій, чиновъ и орденовъ.

Г. Ж. Конно приговариваетъ къ пятилѣтнему заключенію, а Лаборда къ двухлѣтнему.

Повелѣваетъ, чтобы Г. Ж. Конно оставался подъ надзоромъ высшей полиціи въ продолженіи пяти лѣтъ; а Этьенъ Лабордъ въ продолженіи двухъ лѣтъ. Присуждаетъ ихъ всѣхъ въ совокупности къ судебнымъ издержкамъ, которыя будутъ ликвидированы согласно закону.

Объявляетъ Просцера Дежардена, М. Гальвани, д'Альмбера и Бюра оправданными отъ взведеннаго на нихъ обвиненія, повелѣваетъ, чтобы они были освобождены, если они не подлежатъ тюремному заключенію по какой нибудь другой причинѣ.»

Прочіе инсургенты, бывшіе слуги Лудовика Бонапарта, и матросы City-of Edimbourg были уже ранѣе освобождены, вслѣдствіе изданнаго относительно ихъ судомъ указа о невмѣшаемости.

Таковъ былъ конецъ смѣшнаго булонскаго предпріятія. Лудовикъ Бонапартъ былъ на слѣдующій день переведенъ въ Гамскую цитадель, которую ему назначили мѣстомъ заключенія.

Прочихъ осужденныхъ перевели въ тюрьму Conciergerie; генералъ Монтолонъ и докторъ Конно получили вскорѣ дозволеніе и милость раздѣлить съ принцемъ его заключеніе. Кромѣ того послѣднему дозволили имѣть при себѣ своего каммердинера, Карла Телена, который хотя и не былъ осужденъ, но могъ проживать въ Гамской крѣпости, сохраняя свободу; m-me Монтолонъ пользовалась такой же привиллегіей подлѣ своего мужа; изъ этого

видно, что правительство Лудовика Филиппа поступало гуманно относительно осужденныхъ. Имъ были отведены весьма комфортабельныя помѣщенія; кромѣ того они имѣли въ своемъ распоряженіи множество слугъ и рабочаго народа, а также всякаго рода книги, которыя имъ приходило желаніе требовать. Лудовикъ Бонапартъ получилъ даже позволеніе прогуливаться верхомъ по крѣпостному двору и ему позволили кромѣ того принимать посѣтителей, что однако не мѣшало ему жаловаться на строгости администраціи и правительства.

Онъ употребилъ свои досуги на изданіе разныхъ политическихъ брошюръ: Fragments historiques, l'Extinction du paupérisme и пр., и напечаталъ нѣсколько статей въ газетѣ Courrier du pas-de-Calais, въ которыхъ поносилъ правительство Лудовика Филиппа, который былъ такъ добродушенъ, что позволялъ безнаказанно нападать на себя своему плѣннику.

Прибывъ въ гамскую крѣпость, Лудовикъ-Наполеонъ не преминулъ произнести, по обыкновенію, эфектную фразу: «Здѣсь я на своемъ мѣстѣ, сказалъ онъ; мнѣ нуженъ или мракъ тюрьмы или свѣтъ власти.»

Но эти громкія и высокомѣрныя слова не помѣшали тому, кто ихъ произнесъ, добиваться свободы, прибѣгнувъ къ чувству милосердія короля.

Лудовикъ-Наполеонъ воспользовался болѣзнью своего отца и просилъ освобожденія, чтобы навѣстить больнаго. Вотъ письмо, которое онъ написалъ съ этой цѣлью къ министру внутреннихъ дѣлъ:

Фортъ Гамъ, 25-го декабря 1845 года.

Г. министръ внутреннихъ дѣлъ.

Отецъ мой, болѣзнь котораго и преклонный возрастъ

требуютъ сыновнихъ попеченій, просилъ правительство, чтобы оно дозволило мнѣ прибыть къ нему. Ходатайство его оставлено безъ послѣдствій. Правительство, пишутъ мнѣ, требуетъ отъ меня формальной гарантіи. При такихъ обстоятельствахъ на счетъ рѣшенія моего не можетъ быть никакого сомнѣнія. Я обязанъ сдѣлать все, что согласно съ моей честью, чтобы имѣть возможность предложить моему отцу утѣшенія, на которыя онъ имѣетъ столько правъ.

Поэтому, г. министръ, я считаю нужнымъ объявить вамъ, что если французское правительство согласится позволить мнѣ отправиться во Флоренцію, чтобы исполнить священный долгъ, то я обязуюсь моей честью возвратиться снова въ мѣсто моего заключенія, какъ скоро правительство того пожелаетъ.

Примите, г. министръ, выраженіе моего глубокаго уваженія

Подписано: *Наполеонъ-Лудовикъ Бонапартъ.*

Г. Дюшатель, министръ внутреннихъ дѣлъ, отвѣчалъ, «что совѣтъ министровъ рѣшилъ, что просьба принца не можетъ быть уважена, потому что она противна законамъ и что это временное освобожденіе было бы замаскированнымъ помилованіемъ, а каково бы ни было званіе осужденныхъ, помилованіе можетъ быть получено только отъ милосердія короля.»

Тогда Лудовикъ Бонапартъ обратился прямо къ королю съ слѣдующимъ письмомъ:

«Государь, не безъ глубокаго волненія прошу я у вашего величества, какъ *благодѣянія*, позволеніе оставить, хотя бы на короткое время, Францію, — я, который въ продолженіи пяти лѣтъ находилъ въ воздухѣ моего оте-

чества обильное вознагражденіе за муки заточенія; но нынѣ мой больной и хилый отецъ требуетъ моихъ попеченій; онъ обращался, чтобы выхлопотать мнѣ свободу, къ лицамъ, извѣстнымъ своей преданностью вашему величеству; долгъ мой предписываетъ мнѣ, съ своей стороны, сдѣлать все, что отъ меня зависитъ, чтобы прибыть къ нему.

Такъ какъ совѣтъ министровъ не счелъ себя компетентнымъ удовлетворить мою обращенную къ министру внутреннихъ дѣлъ просьбу, о томъ, чтобы мнѣ позволено было отправиться во Флоренцію, при чемъ я обязывался возвратиться въ мѣсто моего заключенія, какъ скоро правительство того пожелаетъ, — то я, государь, съ довѣріемъ взываю къ чувствамъ человѣколюбія вашего величества и повторяю свою просьбу, повергая ее, государь, на ваше высокое и великодушное посредничество.

Ваше величество — я въ этомъ убѣжденъ — *оцѣните по достоинству* ходатайство, которое заранѣе вызываетъ мою глубокую признательность и, будучи тронуты одинокимъ положеніемъ, на чуждой землѣ, человѣка, который на престолѣ заслужилъ уваженіе Европы, ваше величество услышитъ мольбы моего отца и мои собственныя.

Прошу, государь, ваше величество принять выраженіе моего глубокаго уваженія.

Подписано: *Наполеонъ-Лудовикъ Бонапартъ.*
Фортъ-Гамъ, 14-го января 1846 года.

Не смотря на это письмо, въ которомъ, ловко избѣгая произнести слово *помилованіе*, Лудовикъ-Наполеонъ униженно просилъ своего освобожденія, *какъ благодѣянія*, взывая къ *чувствамъ человѣколюбія* короля, Лудовикъ Филиппъ отказался даровать замаскированное помилова-

ніе, о которомъ просилъ Лудовикъ Бонапартъ, и поручилъ Дюшателю отвѣтить ему: «что для того, чтобы король могъ оказать милосердіе, нужно, чтобы помилованіе *было заслужено и чистосердечно признано.*»

Король вспомнилъ безъ сомнѣнія, что въ 1836 году, когда онъ такъ великодушно помиловалъ предводителя страсбургскихъ инсургентовъ, послѣдній написалъ къ нему письмо, въ которомъ выражалъ ему признательность за эту милость, говоря: «*что онъ цѣнитъ какъ слѣдуетъ милости короля.*» Но такъ какъ изъ этой добросовѣстной *оцѣнки* проистекло то, что четыре года спустя, помилованный въ 1836 году, вопреки данному имъ тогда слову остаться десять лѣтъ въ Америкѣ и вопреки своихъ щедрыхъ изъявленій признательности, возвратился въ Европу, чтобы вновь начать свои интриги, свои заговоры и свои покушенія противъ Франціи, противъ монарха и противъ правительства, которые такъ великодушно съ нимъ поступили, и такъ какъ онъ снова называлъ въ своихъ прокламаціяхъ обоихъ послѣднихъ *измѣнниками и притѣснителями*, въ знакъ благодарности за ихъ милости, — то Лудовикъ Филиппъ счелъ также нужнымъ *оцѣнить по достоинству ходатайство* булонскаго рецидивиста и не вѣрить его обѣщаніямъ болѣе того, чего они заслуживали.

Какъ бы то ни было, когда гамскій узникъ увидѣлъ, что не можетъ добиться освобожденія, то сталъ пытаться бѣжать изъ зàмка. Такъ какъ въ то время въ его помѣщеніи дѣлались значительныя исправленія, то онъ воспользовался этимъ. Переодѣвшись столяромъ и неся доску на плечѣ, онъ легко вышелъ изъ за ограды своей тюрьмы, пробрался за городъ, гдѣ вскорѣ присоединился къ нему съ каретой его камердинеръ Теленъ, который,

пользуясь свободой выходить изъ гамскаго форта, когда ему вздумается, доставилъ ему средство къ быстрому бѣгству. Лудовикъ Бонапартъ, освободившись отъ своего костюма столяра и оставшись въ костюмѣ кучера, который былъ на немъ надѣтъ подъ его рабочей блузой и панталонами, быстро вскочилъ на козлы, схватилъ вожжи и поскакалъ, вмѣстѣ съ своимъ вѣрнымъ слугой, въ Сенъ-Кентенъ, гдѣ они взяли почтовыхъ лошадей до Валансьена, а оттуда по желѣзной дорогѣ въ Брюссель и Остенде. Въ этомъ послѣднемъ городѣ бѣглецы сѣли на корабль, шедшій въ Англію.

Прибывъ въ Лондонъ, Лудовикъ Бонапартъ написалъ письмо къ французскому посланнику, графу де Сентъ-Олеру, въ которомъ говорилъ: «Графъ, я откровенно объявляю здѣсь человѣку, который былъ другомъ моей матери, что я покинулъ свою тюрьму отнюдь не съ цѣлью возобновить съ французскимъ правительствомъ борьбу, которая была для меня пагубна, но единственно для того, чтобы посѣтить моего больнаго отца.»

Онъ надѣялся, что эта декларація успокоитъ французское правительство на счетъ его дальнѣйшихъ замысловъ и что оно не воспротивится его намѣренію отправиться къ больному отцу во Флоренцію, но надежды его не сбылись. Когда онъ явился для полученія паспорта, въ австрійское посольство въ Лондонѣ, завѣдывавшее дѣлами великаго герцогства тосканскаго, посланникъ отвѣчалъ ему рѣшительнымъ отказомъ. «Я не могу, сказалъ онъ, нарушить уваженія, которымъ я обязанъ передъ французскимъ правительствомъ.»

Семейство Лудовика-Наполеона, узнавъ объ этомъ отказѣ, обратилось прямо къ великому герцогу тосканскому съ просьбою о выдачѣ паспорта, но и здѣсь потер-

пѣло неудачу. Леопольдъ отказалъ. Онъ отвѣчалъ, что «какъ ему ни прискорбно, но что французское правительство принуждаетъ его дѣйствовать такимъ образомъ.»

Нѣсколько недѣль спустя графъ де-Сенъ-Лё *) скончался, не увидѣвшись съ Лудовикомъ-Наполеономъ. Мы находимъ, что въ этомъ случаѣ правительство Лудовика Филиппа поступило не гуманно; ему не грозило никакой опасности, если бы бѣглый гамскій узникъ поѣхалъ во Флоренцію; оно должно было бы ему это дозволить, хотя бы изъ уваженія къ желанію умирающаго старика.

Впослѣдствіи Лудовикъ Бонапартъ выместилъ свою обиду на республиканцахъ, которые открыли ему и его фамиліи двери Франціи и благодаря которымъ онъ сдѣлался президентомъ республики. Сколькимъ несчастнымъ сыновьямъ изгнаннымъ, заключеннымъ въ тюрьму и сосланнымъ суждено было видѣть своихъ родителей умирающими вдали отъ нихъ, сколько отцовъ и супруговъ томились въ изгнаніи или умерли въ каторжныхъ острогахъ Африки и Кайенны, въ то время, какъ ихъ дѣти и жены страдали отъ нищеты и голода! Этихъ несчастныхъ можно насчитывать многими десятками тысячъ!

Герой нашъ, послѣ суроваго урока, который онъ вынесъ въ Гамѣ, повидимому отказался на время отъ своихъ безумныхъ попытокъ противъ правительства Лудовика-Филиппа; онъ готовился даже ѣхать въ Америку, чтобы предаться одному промышленному предпріятію — прорытію Панамскаго перешейка; но въ это время разразилась февральская революція и нашъ герой перемѣнилъ свое рѣшеніе, находя, что Европа въ то время пред-

*) Эту фамилію носилъ Лудовикъ Бонапартъ, бывшій король голландскій.

ставляла для него болѣе интереса, чѣмъ Панамскій каналъ.

За тѣмъ мы должны остановиться здѣсь на сочиненіяхъ Лудовика-Наполеона, такъ какъ онъ, прежде чѣмъ начать свое политическое поприще, пустилъ въ ходъ извѣстныя идеи въ цѣломъ рядѣ сочиненій. Здѣсь же мы скажемъ и о его «Исторіи Юлія Цезаря», которая написана авторомъ уже въ императорскомъ санѣ.

VII

СОЧИНЕНІЯ ЛУДОВИКА БОНАПАРТА.

I.

Литературные труды свои Лудовикъ Бонапартъ началъ съ брошюры подъ заглавіемъ: Rêveries politiques (Политическія мечтанія).

Вотъ какъ опредѣляетъ онъ разныя формы правленія, смѣнявшіяся во Франціи съ конца прошлаго столѣтія:

«Характеръ республики состоялъ въ томъ, чтобы установить царство равенства и свободы, и страсти, ею руководившія, были: любовь къ отечеству и истребленіе всѣхъ враговъ.

«Характеромъ реставраціи была свобода, дарованная для того, чтобы забыть славу, а страсти ея были — возстановленіе старинныхъ привиллегій и стремленіе къ произволу.

«Характеръ монархіи 1830 года былъ возрожденія французской славы, самодержавіе народа, царство достоинства; страстями ея были страхъ, эгоизмъ и трусость.»

Мы тщетно старались бы себѣ уяснить, какимъ обра-

зомъ авторъ «Политическихъ мечтаній» могъ сказать, не оскорбивъ логики, что правительство, характеромъ котораго было возрожденіе французской славы, было робко, эгоистично и трусливо; кажется такихъ противоположныхъ чувствъ никакъ нельзя сочетать.

Авторъ безъ сомнѣнія хотѣлъ сказать, что характеромъ іюльской революціи было возрожденіе французской славы и пр., между тѣмъ, какъ характеръ монархіи 1830 года былъ страхъ, эгоизмъ и трусость.

Мы также не подозрѣвали до сихъ поръ, чтобы *характеромъ монархіи 1830 года было самодержавіе народа и царство достоинства;* мы, напротивъ, думали, что она была управленіемъ привиллегированнаго класса, буржуазіи, избирателей и депутатовъ, платившихъ ценсъ, и царствомъ привиллегіи и богатства; что касается свободы реставраціи, то она была дарована для того, чтобы сколько нибудь загладить деспотизмъ первой имперіи, а не для того, чтобы *заставить забыть ея славу*, которая привела къ двукратному вторженію непріятеля во Францію, къ раззоренію ея, къ отнятію части ея территоріи и къ позору.

Непонятно также, почему послѣ опредѣленія республики, какое дѣлаетъ Лудовикъ Бонапартъ, онъ могъ рѣшиться ниспровергнуть порядокъ вещей, *который зиждился на любви къ отечеству* и который поставилъ *себѣ чудную задачу установить царство свободы и равенства,* особенно же послѣ того, какъ 20-го декабря 1848 года, онъ, съ трибуны учредительнаго собранія, торжественно клялся ему въ вѣрности *предъ лицомъ Бога и народа французскаго.*

Но послушаемъ глубокаго политика, котораго мы изучаемъ: онъ самъ намъ это объяснитъ.

Это оттого, «что характеромъ имперіи было упрочить тронъ на принципахъ революціи, уврачевать всѣ раны Франціи, призвать народы къ новой жизни; ея страстями были любовь къ отечеству, къ славѣ и чести».

Нужно замѣтить, что вторая имперія простерла свою любовь къ отечеству до того, что увеличила бюджетъ на четверть, а государственный долгъ на нѣсколько милліардовъ, въ интересахъ и къ высшей славѣ фамиліи Бонапарта. Безплодные лавры ею пожатыя стоютъ дорого людьми и деньгами. Чтобы быть справедливымъ, нужно сознаться, что если она сдѣлала неудачныя спекуляціи въ Римѣ, въ Крыму, въ Мексикѣ и въ Китаѣ, за то съ выгодой дѣйствовала въ Кохинхинѣ, гдѣ за 20,000 французскихъ солдатъ, которые тамъ были убиты, она должна была получить 100,000,000 фр., что составитъ по 5,000 фр. за каждаго, какъ разъ цѣну негра въ Соединенныхъ Штатахъ. Если бы императорское правительство могло помѣстить за эту выгодную цѣну всѣхъ своихъ 800,000 солдатъ, съ условіемъ однако, чтобы они не были перебиты, то оно сдѣлало бы выгодную спекуляцію, которая доставила бы ему 4,000,000,000 фр., сумму, впрочемъ, недостаточную для того, чтобы заплатить его долги и его славу.

Далѣе мы читаемъ: «Настанетъ день, когда добродѣтель восторжествуетъ надъ интригой, когда достоинство сдѣлается сильнѣе предразсудковъ, когда *слава увѣнчаетъ свободу!*»...

Вотъ какой остроумный способъ, по мнѣнію Лудовика-Наполеона, доставитъ Франціи этотъ прекрасный результатъ: «Я полагалъ, говоритъ онъ, что этой цѣли можно достигнуть не иначе, какъ соединивъ оба народ-

ныя дѣла, — дѣло Наполеона съ дѣломъ республики. Наслѣдникъ великаго человѣка есть единый представитель величайшей славы, подобно тому, какъ республика есть единая представительница величайшей свободы. Съ именемъ Наполеона нельзя болѣе опасаться возраженія террора; съ именемъ республики — возвращенія абсолютизма».

«Французы! продолжаетъ онъ далѣе, не будемъ несправедливы и воздадимъ благодарность тому, кто, выйдя изъ рядовъ народа, сдѣлалъ все для его благоденствія, который распространилъ просвѣщеніе и обезпечилъ независимость отечества. Если нѣкогда народы сдѣлаются свободными, то они будутъ этимъ обязаны Наполеону. Онъ пріучалъ народъ къ добродѣтели, этой единственной основѣ республики. Не ставьте ему упрека въ его диктатурѣ: она вела насъ къ свободѣ, подобно тому, какъ желѣзный сошникъ, проводящій борозду, подготовляетъ плодородіе нивы.... Равенство передъ закономъ, преобладаніе достоинства, преуспѣяніе торговли и промышленности, освобожденіе всѣхъ народовъ, — вотъ куда онъ велъ насъ усиленнымъ шагомъ....»

Какъ! Наполеонъ I, человѣкъ, который не могъ терпѣть ученыхъ, который обзывалъ ихъ идеологами, который уничтожилъ преподаваніе нравственныхъ наукъ въ университетѣ, который понизилъ уровень народнаго образованія, который оставлялъ народъ коснѣть въ невѣжествѣ, въ царствованіе котораго изъ 100 рекрутовъ 95 не умѣли писать, а 75 не умѣли читать, — Наполеонъ I, распространялъ просвѣщеніе?

Какъ! Наполеонъ I обезпечилъ независимость отечества? Нужно быть совершенно незнакомымъ съ исторіей, чтобы не знать, что когда онъ достигъ власти, Франція

была свободна и независима, что она имѣла своими границами Рейнъ и Альпы, что Пишегрю завоевалъ Голландію, что Гошъ обезпечилъ ей линію Рейна до Вейсенбурга, что Савоія и Женева ей принадлежали и что Бонапартъ нисколько не способствовалъ этимъ успѣхамъ генераловъ республики; что, напротивъ пораженіямъ Наполеона Франція обязана двукратнымъ вторженіемъ въ свои предѣлы непріятеля, потерей своихъ границъ и позоромъ иноземной оккупаціи; что онъ не только не обезпечилъ независимость отечества, но оставилъ его, связаннаго по рукамъ и ногамъ, на произволъ его непріятелей въ 1814 и 1815 годахъ.

Притязанія, что если народы будутъ нѣкогда свободны, то они этимъ будутъ обязаны Наполеону I, столь же неосновательно, какъ и предъидущія. Пусть племянникъ великаго полководца укажетъ намъ хотя бы на одинъ народъ, который былъ бы свободенъ подъ управленіемъ его и членовъ его фамиліи, или который былъ бы ему обязанъ своей свободой; впослѣдствіи развѣ не во имя своей свободы и своей національности Испанія и Германія вели съ нимъ бранную борьбу, пока наконецъ не свергли съ себя его деспотизма? развѣ онъ не продалъ венеціанскую республику игу Австріи? развѣ онъ не уничтожилъ генуэзскую республику? развѣ Швейцарія, эта искони свободная страна, не была подчинена его господству?

«*Диктатура его*, говоритъ Лудовикъ Бонапартъ, *вела насъ къ свободѣ, подобно тому, какъ желѣзный сошникъ, проводящій борозду, подготовляетъ плодородіе нивы....*»

Сравненіе разсчитанное на эфектъ, но къ несчастію, совершенно невѣрное. Развѣ Лудовикъ Бонапартъ не чи-

талъ Mémorial de Sainte-Hélène, развѣ онъ не знаетъ, что по сознанію его дяди, диктатура его, въ случаѣ, если бы военное счастіе ему постоянно улыбалось, вело Францію къ *всемірной имперіи*. Борозда, прорытая Наполеономъ I, есть борозда кровавая, поглотившая цѣлое поколеніе, обезлюдившая Европу, и если она подготовила плодородіе полей, то не иначе, какъ удобривъ ихъ человѣческими трупами....

Лудовикъ-Наполеонъ, также какъ и его дядя, повидимому хотѣли подтвердить своими сочиненіями народную поговорку: «по слогу узнаешь человѣка»; въ его сочиненіяхъ замѣтна большая изысканность, читая ихъ, вы чувствуете, что передъ вами рисуется политическій актеръ, который гораздо болѣе заботится объ эфектѣ, который она произведетъ какой нибудь сентенціозной и парадоксальной фразой, чѣмъ о вѣрности, достоинствѣ мыслей, имъ выражаемыхъ; онъ нисколько не тревожится о томъ, что ему впослѣдствіи, на дѣлѣ, придется ихъ самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергнуть, лишь бы только они были ему полезны въ данную минуту.

Проэктъ конституціи, который онъ въ то время издалъ, и который, по его словамъ, онъ извлекъ большей частію изъ конституцій 91 и 93-хъ годовъ, представляетъ весьма любопытный документъ. Онъ предпослалъ ему также декларацію правъ человѣка и гражданина, съ слѣдующимъ оригинальнымъ вступленіемъ:

«Х., (т. е. Лудовикъ-Наполеонъ Бонапартъ), волею народа, *императоръ французской республики*» (формула, уже принятая нѣкогда его дядей въ началѣ имперіи).

Онъ заимствуетъ у Гракха-Бабефа, котораго Наполеонъ I велѣлъ казнить, его опредѣленіе общества, которое, по его словамъ, имѣетъ цѣлью «*общее счастіе*».

Права человѣка, прибавляетъ онъ, суть равенство, свобода, безопасность, собственность и пр., почти тоже, что говорится въ конституціи 1793 года. Кромѣ того, онъ опредѣляетъ каждое право въ частности самымъ либеральнымъ образомъ.

«*Ст. V.* Право выражать свою мысль и свои мнѣнія путемъ печати или инымъ способомъ, право устроивать мирныя сходки, свободно исповѣдывать вѣру не могутъ быть воспрещены.

«*Ст. VII*, Всякое дѣйствіе, совершенное относительно частнаго лица внѣ условій и формъ, опредѣленныхъ закономъ, есть произвольное и тиранническое; тотъ, противъ котораго его хотѣли бы совершить насильно, имѣетъ право отразить его силою.»

Но тогдашній законодатель былъ не только республиканцемъ, но и соціалистомъ, и такимъ образомъ Франція имѣла бы императорскую и соціальную республику, если бы народъ французскій догадался въ то время провозгласить его главою государства. Такъ въ ст. XII читаемъ; «Общественная помощь есть домъ священный. Общество обязано помогать несчастнымъ гражданамъ, доставляя имъ работу, или обезпечивая средства существованія тѣмъ, которые не въ состояніи работать.»

Затѣмъ слѣдующія разныя постановленія касательно правъ гражданства, формъ управленія: законодательный корпусъ, сенатъ, трибунатъ, которые всѣ трое избираются народомъ; министры; судебная власть, ввѣренная судьямъ, избраннымъ народомъ: вооруженная сила; отношенія французской республики къ иностраннымъ націямъ; частныя распоряженія: отмѣна штемпельнаго сбора и залоговъ съ газетъ; самодержавіе народа, само со-

бою разумѣется, «*единое, нераздѣльное, неотчуждаемое*» и пр. и пр....

Что касается императора, то это простой президентъ республики, ея чиновникъ; «онъ издаетъ нужные указы для исполненія законовъ, но никогда не можетъ ни покуситься на ихъ неприкосновенность, ни отказаться отъ ихъ исполненія. Особа его неприкосновенна до тѣхъ поръ, пока онъ не нарушилъ своей присяги. Его министры отвѣтственны за всякое преступленіе, совершенное ими противъ національной безопасности и конституціи, за всякое покушеніе на собственность и свободу гражданина.»

Любопытно сравнить эту конституцію съ конституціей 2-й имперіи, въ которой Лудовикъ-Наполеонъ присвоилъ себѣ самую неограниченную власть, даже право назначать пэровъ и офицеровъ національной гвардіи и только ради формы предоставилъ народу избирать собраніе, законодательный корпусъ, засѣданія котораго дѣлались закрытыми, какъ скоро пять его членовъ того требовали, пренія котораго не могли быть свободно обнародываемы, который даже не имѣлъ право выбирать себѣ президента, предложить какой нибудь законъ, какую нибудь поправку, не имѣлъ никакого контроля,—словомъ это была чистая машина для голосованія, безъ которой впрочемъ сынъ королевы Гортензей весьма удобно обходился, когда считалъ это полезнымъ для своей политики.

II.

Послѣ Rêveries politiques, Лудовикъ Бонапартъ издалъ въ слѣдующемъ году Considérations politiques et militaires sur la Suisse. (Взглядъ на политическое и военное положеніе Швейцаріи), трудъ болѣе зрѣлый, чѣмъ предъ-

идущій, но который, также какъ и первый, доказываетъ, что авторъ, издавая эти брошюры, имѣлъ только ту цѣль, чтобы привлечь къ себѣ приверженцевъ и расположить въ свою пользу общественное мнѣніе. Онъ самъ впослѣдствіи въ томъ сознался, когда изъ гамской крѣпости писалъ къ одному изъ своихъ друзей, посылая ему свою брошюру «*Объ искорененіи пауперизма*»: «Прочтите это сочиненіе о пауперизмѣ и скажите мнѣ, можетъ-ли оно, по вашему мнѣнію, принести мнѣ какую нибудь пользу»? Вся мысль и единственная забота Лудовика-Наполеона, когда онъ писалъ свои книги, выражена въ этой, невольно вырвавшейся у него фразѣ. Вотъ почему всѣ его сочиненія носятъ на себѣ оттѣнокъ самаго крайняго либерализма.

Разсматривая внутреннее устройство Швейцаріи и замѣчая, что въ немъ преобладаетъ избирательное начало, авторъ брошюры говоритъ: «Нѣкоторые утверждаютъ, что въ большомъ государствѣ избирательная система можетъ быть источникомъ великихъ безпорядковъ; но всякая вещь имѣетъ свою хорошую и дурную сторону.

« Враги народнаго самодержавія скажутъ вамъ: избирательная система всюду порождала смуты, въ Римѣ она раздѣлила республику между Маріемъ и Силлою, между Цезаремъ и Помпеемъ; Германія вела ожесточенныя войны изъ-за выбора императоровъ; христіанскій міръ волновался изъ-за выбора папъ; Польша не разъ обагрялась кровью по поводу выбора королей, между тѣмъ, какъ во Франціи наслѣдственная система въ продолженіи трехсотъ лѣтъ смиряла всѣ раздоры.

« Другіе отвѣтятъ: избирательная система управляла Римомъ въ продолженіи 450 лѣтъ и Римъ былъ владыкою міра, разсадникомъ цивилизаціи. Наслѣдственная систе-

ма не остановила революцій, которыя изгнали одинъ разъ фамилію Ваза, два раза Стюартовъ и три раза Бурбоновъ (и два раза Бонапартовъ, прибавимъ мы). Если наслѣдственный принципъ предотвратилъ *избирательныя войны*, бывшія напр. въ Польшѣ и въ Германіи, за то онъ породилъ *войны за наслѣдство*, какъ напр., войну алой и бѣлой розы, войну за испанскій престолъ, войну Марія Терезія и пр. Природа не остается неподвижной. Учрежденія старѣются, но родъ человѣческой безпрестанно обновляется. Первыя суть шаткія созданія людей, послѣдній — созданіе Божества; только народъ долженъ рѣшать о пользѣ и современности перемѣнъ, какія слѣдуетъ ввести въ управленіе; духъ небесный, духъ совершенства влечетъ насъ впередъ.»

И такъ, авторъ — приверженецъ избирательной системы, которая, по его словамъ, есть гарантія прогресса, *духъ небесный* и пр. При всемъ томъ, онъ воспользовался избирательной системой только для того, чтобы при помощи ея заставить народъ одобрить свою узурпацію, эскамотировать народное самодержавіе и провозгласить наслѣдственность въ своемъ потомствѣ.

Переходя затѣмъ къ вопросу о финансахъ, Лудовикъ Бонапартъ предлагаетъ столь же простую, какъ и гуманную систему: «Всякая финансовая система, говоритъ онъ, должна отнынѣ сводиться къ слѣдующей задачѣ: облегченіе участи бѣдныхъ классовъ. Эта филантропическая истина признана всѣми здравыми умами; и только на счетъ средствъ ея осуществленія идутъ споры и пререканія между публицистами.»

И такъ, авторъ показываетъ намъ только цѣль, но не указываетъ практическихъ средствъ для ея достиженія; далѣе, разсматривая его книгу объ «Искорененіи

пауперизма», мы найдемъ всеобщую панацею, которую онъ предлагаетъ. Впрочемъ, съ 1851 года намъ извѣстны практическія средства *Императора республики для облегченія участи бѣдныхъ классовъ;* мы знаемъ, что онъ предоставилъ заботу о томъ ажіотажу, Обществу Поземельнаго Кредита, Обществу Движимаго Кредита, промышленнымъ компаніямъ желѣзныхъ дорогъ, биржевой игрѣ, займамъ, увеличенію налоговъ и государственнаго долга, тайному выпуску билетовъ государственнаго казначейства и пр. и пр.; мы видѣли въ дѣлѣ его новыхъ Сенъ-Венсенъ-де-Пол'ей; Перейру, Мереса, этого добродѣтельнаго человѣка, осужденнаго въ судѣ исправительной полиціи и оправданнаго судомъ Дуэ, Фульда, этого честнаго и неподкупнаго финансиста, предлагавшаго въ 1848 году временному правительству объявить общее банкротство. Съ какою трогательною заботливостью эти апостолы ажіотажа пеклись о бѣдныхъ классахъ, всего яснѣе видно изъ того, что несчастные руанскіе рабочіе были принуждены спать на хворостѣ, за недостаткомъ даже соломы и питаться разнымъ мусоромъ, отъ котораго отказались бы нечистыя животныя, въ то время, какъ ихъ братья въ Сентъ-Этьенѣ боролись съ голодной смертью.

Правда, имперія основала *Общество императорскаго принца*, но благодѣянія его совершались въ такой глубокой тайнѣ и съ такой скупостью, что не проявились ни въ какихъ видимыхъ результатахъ.

Умѣренность налоговъ въ Швейцаріи доставляетъ нашему автору случай заявить, что первая имперія обходилась весьма дешево странѣ, потому что бюджетъ ея никогда не превышалъ 700 милліоновъ (бюджетъ второй имперіи пять лѣтъ тому назадъ простирался до *двухъ мил-*

ліардовъ трехсотъ милліоновъ). Во время первой имперіи иноземецъ платилъ за ея славу, но правительство второй имперіи было болѣе великодушно и достаточно богато, чтобы самому платить за свою славу.

Не смотря на всю свою признательность къ странѣ, давшей ему убѣжище, принявшей его въ число своихъ гражданъ, Лудовикъ-Наполеонъ не забываетъ мудрой и осторожной политики своего дяди относительно Швейцаріи, коей онъ былъ медіаторомъ. Подобно Наполеону I, онъ хочетъ, чтобы «центральная власть въ ней не имѣла силы и крѣпости», ибо, говоритъ онъ, дядя его, императоръ, не хотѣлъ, чтобы Швейцарія могла мѣшать его планамъ; онъ желалъ, чтобы она была счастлива, но пока безсильна, и къ тому же онъ держался подобной системы и относительно всѣхъ другихъ странъ. Всюду водворялъ онъ только правительства, колеблющіяся между старыми и новыми идеями. Вездѣ въ его учрежденіяхъ можно замѣтить два опредѣленные элемента: принципъ переходный, съ наружнымъ видомъ прочности, для того, чтобы обмануть враговъ на счетъ своихъ великихъ замысловъ и чтобы его не обвиняли въ стремленіи создать *всемірную имперію*. Онъ дѣлалъ своихъ братьевъ королями не для того, чтобы раздать короны своей фамиліи, но для того, чтобы они сдѣлались, въ разныхъ странахъ, столпами *новаго зданія*. Онъ сдѣлалъ ихъ королями для того, чтобы Европа повѣрила прочности учреждаемаго имъ порядка вещей и не видѣла въ его дѣйствіяхъ только честолюбія.»

«Но, спросятъ нѣкоторые, когда-же долженъ былъ прекратиться этотъ временный порядокъ вещей?

«Послѣ пораженія русскихъ, послѣ униженія англійской системы, герцогство варшавское превратилось бы

въ польскую національность, Вестфалія превратилась бы въ нѣмецкую національность, итальянское вице-королевство въ итальянскую. Во Франціи либеральное управленіе замѣнило бы диктатуру; всюду водворилась бы прочность, свобода, независимость, вмѣсто національностей неполныхъ и учрежденій переходныхъ.»

Тирада эта заимствована Лудовикомъ-Наполеономъ, почти буквально изъ Mémorial de Sainte-Hélène.

Отсюда видно, каковы были виды дяди и племянника, относительно Швейцаріи и всей Европы: урѣзывать, подчинять, поставить въ вассальныя отношенія къ Бонапартамъ всѣ европейскія государства и въ данную минуту образовать изъ всѣхъ разныхъ національностей Европы одну великую имперію. Вотъ цѣль, которая должна была быть достигнута *послѣ пораженія русскихъ*, *послѣ униженія англійской системы*. Эта-то устарѣлая политика римскихъ императоровъ, политика католицизма, іезуитизма, Карла Великаго, Карла V, Филиппа II, Лудовика XIV и привела Наполеона I къ гибели, а Францію къ раззоренію; но не смотря на то, Лудовикъ-Наполеонъ въ продолженіи своего 20-ти-лѣтняго властвованія надъ Франціей, надѣялся доставить ей торжество болѣе хитростію, чѣмъ силою. Только, спрашивается, сколько вѣковъ понадобилось бы ему для осуществленія этого гигантскаго плана, если онъ во все время своего могущества успѣлъ добиться только присоединенія Савоіи и Ниццы, т. е. едва положилъ зародыши *всемірной имперіи*, о которой онъ мечталъ подобно своему дядѣ.

Въ названной нами брошюрѣ Лудовикъ-Наполеонъ совѣтуетъ Швейцаріи покинуть свою нейтральность и вступить въ союзъ съ Франціей, безъ сомнѣнія въ тайномъ намѣреніи увлечь ее, вслѣдъ за собою, въ свою по-

литику оккупацій и присоединеній, какъ онъ сдѣлалъ это съ Викторомъ-Эммануиломъ; но едва-ли совѣты его будутъ услышаны, потому что присоединеніе къ Франціи сѣверной Савоіи достаточно раскрыло глаза швейцарскому правительству и народу.

«Швейцарія, говоритъ онъ, есть естественная союзница Франціи, потому что она прикрываетъ собою часть ея границъ. Императоръ Наполеонъ говорилъ: «Францію связываетъ съ Швейцаріей интересъ защиты, для прочихъ же державъ Швейцарія можетъ сдѣлаться важной въ интересѣ нападенія. Первый есть интересъ *постоянный*, второй — только *временный*, зависящій отъ прихоти...» Для небольшаго государства призракъ нейтральности есть только химера, за которую оно радостно ухватывается, потому что она скрываетъ отъ него опасности затруднительнаго положенія, на самомъ же дѣлѣ нисколько не защищаетъ его независимости.

«Оно полагается на трактатъ, подписанный всѣми державами: но различныя государства никогда не позволяютъ себя сдерживать холоднымъ соблюденіемъ трактатовъ; неотразимая сила движенія соединяетъ ихъ или раздѣляетъ.

«Да и почему бы, говоритъ онъ далѣе, свободному народу оставаться равнодушнымъ зрителемъ, если бы вспыхнула ожесточенная борьба между дѣломъ свободы и дѣломъ рабства? Къ чему Швейцаріи оставаться въ бездѣйствіи, когда торжество одного дѣла упрочило бы ея независимость и напротивъ торжество другаго поработило бы ее желѣзному игу?...»

Статья эта о политической роли, которую слѣдуетъ принять Швейцаріи, исполнена столькихъ парадоксовъ; авторъ ея выказываетъ такое незнаніе, такое ис-

каженіе исторіи и такую недобросовѣстность, что необходимо возстановить факты въ ихъ истинномъ видѣ и исправить ошибочные выводы.

Во первыхъ, несправедливо, что для *мелкаго государства* и особенно для Швейцаріи, *призраки нейтральности только химера* и пр., потому что всякое мелкое государство, вступающее въ союзъ съ большимъ, въ особенности же одержимымъ страстью къ завоеваніямъ, играетъ роль простака и неосторожнаго. Сильное государство ищетъ его союза только въ интересахъ самосохраненія или честолюбія, для того, чтобы слабое помогло ему побѣдить его враговъ; но какъ скоро первому нечего болѣе ихъ опасаться, союзъ слабаго становится ему безполезнымъ и даже отяготительнымъ, вслѣдствіе признательности, которою онъ ему обязанъ. Оно тотчасъ же оставляетъ его въ жертву своихъ бывшихъ враговъ, которые вымещаютъ на слабомъ понесенное ими, благодаря его союзу, пораженіе. Или же его прежній и могущественный союзникъ захочетъ подать ему помощь и обезпечить ему свою защиту, единственно для того, чтобы обобрать его въ свою пользу, а иногда и совершенно поглотить.

За примѣрами ходить не далеко. Викторъ-Эммануилъ вступилъ въ союзъ съ французской имперіей во время крымской экспедиціи; позднѣе онъ просилъ помощи ея противъ Австріи и за это долженъ былъ уступить своему могущественному союзнику два самые лучшіе алмаза своей короны—Ниццу и Савоію, т. е. приморской городъ, ключъ его южныхъ владѣній, и Савоію, колыбель его предковъ и его естественную защиту, уступка которыхъ поставила его еще въ сильнѣйшую зависимость отъ своего

союзника, такъ что итальянское министерство превратилось въ первокласную французскую префектуру.

Но возвратимся къ Швейцаріи и предположимъ, что она послѣдовала совѣту своего коварнаго друга — вступила въ союзъ съ императорской Франціей и рискнула предпринять вмѣстѣ съ нею европейскую войну; что станется, если Франція будетъ побѣждена? Покинувъ нейтральную политику, къ которой ее обязали трактаты, она возстановитъ противъ себя побѣдоносныя великія державы, которыя въ наказаніе за это уменьшатъ ея территорію, займутъ ее своими войсками или раздробятъ. Если бы, напротивъ, французская имперія осталась побѣдителемъ, то Швейцарія, безъ сомнѣнія, имѣла бы неоспоримыя права на ея признательность, но извѣстно какимъ образомъ сильный выражаетъ свою признательность слабому. Великая имперія не могла бы лучше засвидѣтельствовать благодарность своему союзнику, какъ сдѣлавшись его покровителемъ, его медіаторомъ, и если бы послѣдній не захотѣлъ добровольно принять этой великой милости, на него обрушился бы весь гнѣвъ его благодѣтеля, который не сталъ бы болѣе съ нимъ стѣсняться, зная, что его союзникъ утратилъ симпатіи всей Европы.

«Къ чему, говоритъ намъ публицистъ, свободному народу оставаться равнодушнымъ зрителемъ ожесточенной борьбы между дѣломъ свободы и дѣломъ рабства?» и пр. и проч.

Но, во первыхъ, развѣ вторая имперія представляла въ Европѣ дѣло свободы? Никто, кромѣ недобросовѣстныхъ бонапартистовъ, не сталъ бы утверждать этого. Имперія уничтожила свободу во Франціи и въ Римѣ, чтобы возстановить въ послѣднемъ городѣ самый ужас-

ный изъ всѣхъ деспотизмовъ — папскую теократію; она старалась посредствомъ угрозъ уничтожить свободу печати и трибуны въ самыхъ либеральныхъ государствахъ Европы, въ Піемонтѣ, въ Бельгіи, вынудивъ парламенты этихъ обѣихъ странъ вотировать законы Федера (Faider) и Форестье, нанесшихъ жесточайшій ударъ свободѣ и достоинству этихъ двухъ небольшихъ національностей.

Французское императорское правительство преслѣдовало также личную свободу и право убѣжища у своихъ сосѣдей, Бельгія вынуждена была изгонять французскихъ политическихъ выходцевъ при помощи крайне-строгихъ мѣръ; неприкосновенность бельгійской территоріи была нарушена агентами бонапартовской полиціи, которые простерли пренебреженіе къ международному праву и трактатамъ до того, что конвоировали генераловъ Бедо, Ламорисьера, Шангарнье и полковника Шарраса вплоть до самой столицы Бельгіи.

Швейцарскій союзъ принужденъ былъ переносить подобное же униженіе; только Англія мужественно противилась требованіямъ императорскаго правительства и угрозамъ французскихъ военачальниковъ, грозившимъ, послѣ покушенія Орсини, занять почву свободной Англіи, которую они, на своемъ грубомъ казарменномъ языкѣ, называли: «притономъ разбойниковъ и убійцъ.»

Вотъ какимъ образомъ французская имперія боролась за свободу!

Мы не будемъ здѣсь разбирать двухъ спеціальныхъ сочиненій нашего автора: «Manuel d'artillerie» для офицеровъ швейцарской республики и первый томъ «Etudes sur le passé et l'avenir de l'artillerie»; можемъ только сказать, что второе изъ этихъ сочиненій весьма ничтожно; это не болѣе какъ взглядъ на младенчество артиллеріи, на

первые опыты изготовленія пушекъ, представляющій въ настоящее время только интересъ пустаго любопытства и неимѣющій никакого научнаго значенія. Что касается Manuel d'artillerie, то многіе приписываютъ его сотрудничеству генерала Дюфура. Лудовикъ-Наполеонъ работалъ надъ этой книгой три года и издалъ ее только въ концѣ 1835 года.

III.

Лудовикъ-Наполеонъ есть истинный мономанъ императорской идеи; его образецъ, его пророкъ, его полубогъ, это его дядя Наполеонъ I. Его евангеліе, его коранъ — Mémorial de Sainte-Hélène и книга его Idées Napoléoniennes, изданная имъ въ Лондонѣ въ 1839 году, есть только блѣдная копія этихъ записокъ Наполеона I.

Изучивъ эту книгу и особенно Mémorial de Sainte-Hélène, читатель пойметъ всю сущность императорской идеи и наполеоновской политики.

Первая глава «Idées Napoléoniennes» посвящена разсмотрѣнію правительства вообще. Подобно всѣмъ религіямъ, «*Наполеоновскія идеи*» признаютъ два начала въ обществѣ: добрый и злой духъ, добро и зло, Бога и сатану, *съ одной стороны безсмертіе и прогрессъ, съ другой стѣсненіе и разстройство*. Посредствомъ этого-то тонкаго метафизическаго различія авторъ объясняетъ назначеніе правительствъ, которыхъ онъ считаетъ добрыми геніями, путеводителями народовъ, истиннымъ провидѣніемъ, которымъ, въ силу ихъ всемогущества и предвѣденія, поручено направлять народы и *помогать обществу преодолѣвать препятствія, затрудняющія его шествіе*.

По мнѣнію автора «Наполеоновскихъ идей», когда

прогрессъ «*находится въ главѣ общества, онъ идетъ смѣло, потому что ведетъ за собою общество; когда онъ сосредоточенъ въ массѣ, онъ идетъ медленными шагами, потому что борется.*» Отсюда слѣдуетъ заключить, что, напримѣръ, въ демократическомъ государствѣ, каковы сѣверо-американскіе Соединенные Штаты, гдѣ прогрессъ разлитъ въ массѣ, онъ долженъ необходимо развиваться гораздо медленнѣе, чѣмъ въ Китаѣ, гдѣ прогрессъ сосредоточенъ въ главѣ общества, въ лицѣ императоровъ или класса дворянства, ученыхъ мандариновъ. Вотъ къ чему приводятъ пышные парадоксы «Idées Napoléoniennes», этого евангелія новаго мессіи, имѣющаго притязаніе обновить Европу и міръ. По мнѣнію Лудовика Бонапарта рядъ цивилизующихъ геніевъ идетъ: «отъ Александра Великаго къ Цезарю, отъ Цезаря къ Константину, отъ Константина къ Карлу Великому, отъ Карла Великаго къ Наполеону I.»

Что касается формъ правленія, то нашъ авторъ находитъ ихъ всѣ одинаково хорошими. «Нельзя, говоритъ онъ, придавать большаго значенія ученымъ различіямъ, которыя публицисты постановляли между управленіемъ одного и управленіемъ нѣсколькихъ лицъ, между правительствомъ демократическимъ и аристократическимъ, между республикой и монархіей. Всѣ эти правленія были хороши, потому что они продолжались извѣстное время; такая-то форма была лучше для такого-то народа, потому что она продолжалась долѣе.» Видно, что нашъ авторъ исповѣдуетъ величайшій скептицизмъ относительно правительственныхъ формъ, но это изъ чистой скромности и для того, чтобы не раздражить демократовъ, которые должны были впослѣдствіи пригодиться претенденту на императорскій

престолъ. Что касается его страннаго афоризма, то изъ него слѣдуетъ, что самыя деспотическія правительства тѣхъ бѣшеныхъ тирановъ, которые желали, чтобы у всего человѣчества была только одна голова, чтобы ее можно было сразу срубить, которые жгли Римъ, дѣлали своихъ лошадей консулами, покрывали міръ трупами, развалинами и кровью, были хороши, потому что они продолжались извѣстное время.

Таковы правительственныя теоріи наполеоновскихъ идей.

Глава II-я почти вся посвящена апологіи имперіи и императора.

Впрочемъ, въ этой главѣ, точно также какъ и въ другихъ, нѣтъ ни одной новой идеи, всѣ онѣ заимствованы, часто слово въ слово, изъ Mémorial de Sainte-Hélène, которыя авторъ, безъ сомнѣнія, выучилъ наизусть. Поэтому конекъ его, точно также какъ и его дяди, тотъ, что императоръ «*есть исполнитель завѣщанія революціи 1789 года.*»

Глава III-я посвящена разсмотрѣнію внутренняго состоянія имперіи, это — апологія управленія, основаннаго во Франціи Наполеономъ I. Вѣрный своему обыкновенію искажать исторію, авторъ «*Наполеоновскихъ идей*» старается сначала доказать, что дядя его всегда имѣлъ только одну цѣль — *свободу*. Впрочемъ, онъ такъ мало увѣренъ въ справедливости своего тезиса, что прибавляетъ: «Правда, имя ея не красовалось въ заглавіи законовъ, не было выставляемо на всѣхъ перекресткахъ; но каждый законъ имперіи подготовлялъ мирное и прочное господство свободы.»

Затѣмъ, стараясь оправдать императорское правительство, онъ объясняетъ причины, препятствовавшія

ему установить либеральное управленіе, къ которому оно, будто бы, пламенно стремилось.

«Когда въ странѣ, говоритъ онъ, есть партіи, ожесточенныя одна противъ другой, сильная ненависть, нужно, чтобы эти партіи исчезли, эта ненависть утихла, прежде чѣмъ возможна будетъ свобода.

«Когда въ странѣ демократизированной, какою была Франція, принципъ равенства не имѣетъ общаго примѣненія, нужно ввести его во «всѣ законы, прежде чѣмъ возможна будетъ свобода.»

Такимъ образомъ, по мнѣнію Лудовика-Бонапарта, принципъ равенства не существовалъ во время французской революціи. Это утвержденіе есть грубая историческая неточность, потому что извѣстно, что въ то время новое законодательство уничтожило всякаго рода касты и привиллегіи и установило общее равенство гражданъ. Впрочемъ не слѣдуетъ обманывать себя на счетъ значенія слова «свобода» подъ перомъ автора «Наполеоновскихъ Идей»; это значитъ *увѣнчаніе зданія въ неопредѣленномъ будущемъ*.

На языкѣ бонапартистовъ слова измѣняютъ свое значеніе и смыслъ. Такъ, демократія, которая есть управленіе всѣхъ, опредѣляется въ Considérations politiques et militaires sur la Suisse, «управленіемъ одного», т. е. императора, какъ представителя всѣхъ. Тоже самое подтверждаетъ онъ въ III-й главѣ *Наполеоновскихъ Идей*, говоря: «Въ правительствѣ съ демократической основой только глава имѣетъ правительственную власть; моральная сила проистекаетъ только отъ него...»

Идея, которую они себѣ составили о свободѣ, также не вѣрна, какъ и идея его о демократіи. Для него, какъ для древнихъ народовъ, понятіе «свобода» смѣшивается

съ понятіемъ національной независимости, гражданскаго и политическаго равенства гражданъ, подведенныхъ подъ одинъ общій уровень, лишь бы его допускали и переносили всѣ. Деспотизмъ Наполеона I, который переносила независимая нація, основывавшая свои права на равенствѣ въ рабствѣ, кажется ему образцомъ свободы, такъ какъ онъ былъ утвержденъ всеобщей подачей голосовъ. Онъ смѣшиваетъ добровольное рабство съ свободой; эти два противоположныя понятія для него тождественны. Такимъ образомъ, когда онъ пишетъ «свобода», слѣдуетъ читать: рабство съ согласія всѣхъ, съ національной независимостью.

Понятно, что при подобномъ незнаніи значенія словъ, или при подобномъ искаженіи словаря и такихъ тонкостяхъ языка, весьма не трудно быть обманутымъ наполеоновской фразеологіей или логикой.

Что касается Наполеона I, то тѣ, которые увѣряли, что у него былъ деспотическій темпераментъ, клеветали на него и вотъ какое доказательство приводитъ его племянникъ: «что въ 1810 году онъ выразилъ свое неудовольствіе по поводу того, что не былъ изготовленъ законъ о печати, и что императоръ часто произносилъ слѣдующія достопамятныя слова: «Я не хочу, чтобы эта власть перешла къ моимъ наслѣдникамъ, потому что они могли бы употребить ее во зло.»

Странно, что этотъ либеральный государь, которому стоило только сказать слово, чтобы ввести свободу печати, не имѣлъ времени въ теченіе всего своего царствованія измѣнить свое драконовское законодательство по этому предмету.

Вообще же, по мнѣнію Лудовика-Наполеона, глубоко заблуждаются тѣ, которые думаютъ, что управленіе На-

полеона I было деспотическимъ, «потому что французы добровольно признали имперію *свободнымъ голосованіемъ*». Надѣемся, что такой сильный аргументъ убѣдитъ людей самыхъ недовѣрчивыхъ.

«Оно, говоритъ далѣе Лудовикъ Бонапартъ, не было также военнымъ управленіемъ и приводитъ еще болѣе остроумное доказательство, а именно: «въ публичныхъ церемоніяхъ правительство императора давало предпочтеніе гражданскимъ чиновникамъ передъ военными.» Что можно еще сказать послѣ подобнаго доказательства.

Говоря о сильной борьбѣ партій въ первую имперію, не дозволявшей дать Франціи истинную свободу, авторъ «Наполеоновскихъ Идей» замѣчаетъ:

«Будемъ удивляться духу Наполеона, онъ никогда не былъ ни исключительнымъ, ни нетерпимымъ; стоя выше мелкихъ страстей партій, будучи великодушенъ, какъ народъ, которымъ онъ былъ призванъ управлять, императоръ держался всегда того правила, что въ политикѣ должно врачевать зло, но никогда не мстить за него».

Не есть-ли это горькая насмѣшка со стороны Лудовика-Наполеона, дерзающаго говорить о *великодушіи* Наполеона I-го? Неужели онъ думаетъ, что французскій народъ забылъ возмутительныя жестокости, опозорившія царствованіе его дяди: ссылку безъ суда 150 народныхъ представителей *), тайныя убійства: герцога ангіенскаго, разстрѣляннаго во рву венсенской крѣпости, Пишегрю,

*) На слѣдующій день послѣ 18 брюмера, 300 человѣкъ были сосланы и 30 газетъ запрещены. Послѣ взрыва адской машины 724 человѣка были приговорены къ смерти въ теченіи 5 мѣсяцевъ. (См. Moniteur отъ 24 ноября 1801 г.). Въ *Наполеоновскихъ Идеяхъ* авторъ ихъ сознается, что 18 брюмера въ государственныхъ тюрьмахъ было болѣе 9,000 заключенныхъ, а въ 1814 году болѣе 150.

несчастнаго негритянскаго генерала Тусена-Лувертюра, англійскаго капитана Райта, которые были задушены или изрублены въ тюрьмѣ; казни журналистовъ, книгопродавцевъ, которые писали или издавали газеты и книги противъ имперіи; поруганія Наполеона I надъ иностранными государями, положившимися на его слово, какъ напр. несчастный король испанскій, котораго онъ удержалъ у себя въ плѣну и заставилъ отречься отъ престола; насилія, оскорбленія, претерпѣнныя папой, котораго онъ велѣлъ арестовать, вести отъ бригады до бригады подъ сильнымъ конвоемъ и котораго онъ заключилъ въ Савонѣ; невыразимыя поруганія, которыя ему пришлось перенести въ Фонтенбло, гдѣ *великодушный* императоръ, въ припадкѣ гнѣва, билъ его по щекамъ и таскалъ за волосы....

Доказавъ намъ такимъ образомъ, что цѣль императорскаго правительства была свобода, но что либеральныя учрежденія были несогласимы съ тогдашнимъ положеніемъ Франціи, авторъ *Наполеоновскихъ Идей* объясняетъ намъ, что «централизація была тогда единственнымъ средствомъ организовать Францію, водворить въ ней прочное управленіе и сдѣлать изъ нея плотное цѣлое, которое могло бы и сопротивляться Европѣ и переносить въ послѣдствіи свободу, ибо, прибавляетъ онъ, «въ *демократическомъ* государствѣ, какимъ была Франція, административная организація имѣла болѣе важности, чѣмъ во всякомъ другомъ; такъ какъ она преобладаетъ въ извѣстной степени надъ политической организаціей....»

Послѣ похвалы централизаціи идетъ похвала разнымъ отраслямъ императорской администраціи, начиная съ финансовъ, при чемъ Лудовикъ Бонапартъ снова съ удовольствіемъ распространяется о пресловутомъ бюджетѣ

въ 600 — 800 милліоновъ, котораго достаточно было для нуждъ обширной организаціи и громадныхъ армій Наполеона I. Императоръ, говоритъ онъ, находилъ, что для Франціи потребенъ бюджетъ въ 800 милліоновъ въ военное время и въ 600 милліоновъ въ мирное. Бюджетъ во время имперіи никогда не превышалъ эту цифру, исключая времени послѣ московскаго погрома; слѣдовательно, не смотря на войну, онъ былъ на 400 милліоновъ менѣе того, которымъ въ 24 года глубокаго мира отягощали Францію.» Онъ забылъ сказать, какимъ способомъ императоръ содержалъ свои многочисленныя арміи, а именно: посредствомъ военныхъ контрибуцій, реквизицій и конфискацій въ завоеванныхъ странахъ, простиравшихся среднимъ числомъ отъ 300 до 400 милліоновъ въ годъ, т. е. до цифры, равной цифрѣ его военнаго бюджета, (которая никогда не должна была превышать 400 милліоновъ), ибо «армія наша, говорилъ Moniteur въ 1811 году, *въ силу ея основнаго закона*, кормится на счетъ страны, въ которой она ведетъ войну и стоитъ Франціи только жалованья, которое послѣдняя принуждена была бы платить ей вездѣ.» Такимъ образомъ одинъ военный бюджетъ въ первую имперію обходился въ 800 милліоновъ въ годъ, изъ которыхъ одну половину доставляла Франція, а другую иноземецъ.

Затѣмъ онъ въ приведенныхъ имъ фразахъ указываетъ на нѣкоторыя, внесенныя его дядей въ администраціи, крайне ребяческія улучшенія, которыя онъ выдаетъ за созданія генія, но которыя доказываютъ только бѣдность императорскихъ реформъ и узкость взгляда его апологиста.

Такъ, онъ видитъ образецъ администраціи въ уста-

новленіи залога для чиновниковъ и введеніи двойной бухгалтеріи.

Уничтоженіе дорожныхъ пошлинъ кажется ему также чудомъ, равно какъ ретроградный, притѣснительный законъ объ учрежденіи муниципальнаго акциза съ съѣстныхъ припасовъ, такъ произвольно и такъ несправедливо тяготѣвшій надъ потребленіемъ городовъ, и который, къ счастію, мало по малу отмѣняется въ большей части европейскихъ государствъ, гдѣ ввела его имперія, какъ напр. въ Бельгіи, Швейцаріи и др.

Онъ старается сложить съ своего дяди вину въ возстановленіи такъ называемыхъ Droits-réunis и gabelle, уничтоженныхъ революціей, которые были столь ненавистны народу, что Наполеонъ I вынужденъ былъ скрыть ихъ подъ болѣе новымъ названіемъ *косвенныхъ контрибуцій, налоговъ на напитки, налоговъ на соль и пр.*

Далѣе онъ говоритъ, что «императоръ въ письмѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 2-го ноября 1807 года, придавалъ искорененію нищенства большую важность, что онъ приказалъ учредить дома для призрѣнія нищихъ и что въ 1809 году такихъ домовъ было уже сорокъ два.»

По двадцати одному дому въ годъ: какая заботливость! какое дѣйствительное и разумное средство!

Но онъ не ограничилъ этимъ свою предусмотрительность.

«Онъ учредилъ воспитательное общество, которое должно было имѣть (но которое никогда не имѣло, всетаки благодаря войнѣ) административные совѣты въ каждомъ изъ большихъ городовъ имперіи.»

Новый Сенъ-Венсенъ-де-Поль, истощивъ всѣ средства своего изобрѣтательнаго генія и науки соціальныхъ улучшеній, принялся преобразовывать «учрежденіе се-

стеръ милосердія, сохранивъ всѣ его прежнія выгоды и уничтожилъ злоупотребленія, искажавшія его цѣль.»

Въ довершеніе своихъ заботъ объ *улучшеніи участи бѣдныхъ классовъ*, великій императоръ основалъ «шесть воспитательныхъ домовъ для сиротъ кавалеровъ Почетнаго Легіона, на 100 дѣвочекъ каждый.» Къ какому громадному соціальному улучшенію должна была повести подобная мѣра и какъ сильно она должна была способствовать искорененію нищеты и проституціи!

Но будемъ продолжать перечисленіе всѣхъ этихъ удивительныхъ и глубокихъ императорскихъ реформъ:

«Домъ Инвалидовъ получилъ въ 1803 году новое назначеніе и къ нему присоединили въ разныхъ пунктахъ нѣсколько вспомогательныхъ заведеній (succursales). Наполеонъ учредилъ лагери для ветерановъ, въ которыхъ каждый изъ нихъ имѣлъ свое сельское жилище и участокъ земли, приносившій чистаго дохода сумму, равную его пенсіи.»

Понятно, какъ много подобная реформа должна была способствовать улучшенію участи несчастныхъ рабочихъ и всѣхъ пролетаріевъ — полезныхъ производителей. Но мы не должны забывать, что во время имперіи только военное сословіе имѣло право на заботливость правительства. Вотъ какова удивительная картина соціальныхъ реформъ, совершенныхъ безсмертнымъ императоромъ!

Нѣсколько далѣе онъ заявляетъ объ улучшеніи въ пенитенціарной системѣ, свидѣтельствующемъ о столь же просвѣщенномъ умѣ, какъ и глубоко филантропическомъ духѣ правителя. Это — «принятіе системы центральныхъ тюремъ для приговоренныхъ къ заключенію не болѣе какъ на одинъ годъ.» Эти дома сдѣлались, какъ извѣстно, обширными школами разврата, приготовленія

къ разбоямъ и убійствамъ, гдѣ заслуженные злодѣи посвящаютъ наименѣе развращенныхъ изъ своихъ учениковъ во всѣ тайны своего гнуснаго ремесла, и откуда послѣдніе выходятъ испорченными до мозга костей, готовыми, по истеченіи срока наказанія, накинуться на общество, какъ дикіе звѣри.

«Императоръ хотѣлъ также, чтобы въ дѣлѣ религіи все было безвозмездно... Онъ приказалъ, чтобы церкви открывались безплатно для публики.» Затѣмъ, поставивъ театръ почти на одну линію съ храмомъ Господнимъ, нашъ публицистъ продолжаетъ: «Онъ намѣревался уменьшить по воскреснымъ днямъ плату за мѣста въ партерѣ французскаго театра до 20 су....»

«Въ рѣчи, произнесенной имъ въ 1807 году передъ законодательнымъ корпусомъ, онъ говоритъ, что во всѣхъ частяхъ его имперіи, даже въ самой убогой хижинѣ, благосостояніе гражданъ и цѣнность земель вскорѣ увеличатся вслѣдствіе задуманной имъ общей системы улучшенія.»

Но, увы! война, проклятая война, которая была такъ ненавистна Наполеону I (потому что, по увѣренію его племянника, онъ стремился только къ миру и свободѣ, но къ несчастію Европа не позволяла ему ими наслаждаться), война, говоримъ мы, воспрепятствовала ему осуществить столь великіе планы и задержала исполненіе множества другихъ филантропическихъ улучшеній, въ числѣ которыхъ мы упомянемъ «желаніе прекратить неудобства, существующія въ депо полицейской префектуры въ Парижѣ, гдѣ добропорядочные люди бываютъ вынуждены проводить ночь вмѣстѣ съ ворами и мошенниками.»

Повидимому въ царствованіе Наполеона I потребны

были весьма большія формальности, предстояло преодолѣть сильныя затрудненія, чтобы заставить отворить безплатно церкви, (чего духовенство только и желало), уменьшить плату за партеръ въ театрѣ до 1 франка и улучшить депо полицейской префектуры, потому что такой могущественный государь, какъ Наполеонъ I, завоевавшій почти всю Европу, не могъ, при всей своей доброй волѣ и желаніи, добиться этого въ продолженіи 15 лѣтъ своего царствованія.

Но еще страннѣе то, что его племянникъ, также человѣкъ необыкновенный, чудный геній, взявшій на себя трудъ объяснить намъ глубокій смыслъ благихъ намѣреній своего дяди, также не могъ, 40 лѣтъ спустя, не смотря на всю свою добрую волю, осуществить важныя улучшенія, предпринятыя въ началѣ нынѣшняго столѣтія великимъ человѣкомъ, такъ что и по нынѣ — кто бы могъ это думать? партеръ французскаго театра стоитъ 5 франковъ вмѣсто 20 су, и добропорядочные люди, по прежнему, рискуютъ проводить ночь въ сообществѣ воровъ и мошенниковъ въ депо парижской полицейской префектуры. Послѣднее всего блистательнѣе подтвердилось во время переворота 2 декабря 1851 года, когда 300 народныхъ представителей, въ томъ числѣ: генералъ Удино, герцогъ Реджіо, Одилонъ Барро, Берье, герцогъ де-Бромъ, адмиралъ Сесиль, Оскаръ Лафайетъ, генералъ Лористонъ, герцогъ Монтебелло, Казиміръ Перье были арестованы и отвезены въ тюрьму въ повозкахъ, употребляемыхъ для каторжниковъ, однимъ изъ преторіанцевъ, знаменитымъ Фореемъ, впослѣдствіи маршаломъ имперіи, — въ тюрьму, гдѣ ихъ ожидало не одно сообщество воровъ и мошенниковъ, но и грозили дѣйствительныя опасности: наканунѣ ихъ прибытія тюремные сто-

рожа избили до смерти палками, налитыми свинцомъ, многихъ несчастныхъ заключенныхъ. Одинъ господинъ, съ орденомъ на груди, былъ убитъ за то, что отказался объявить свое имя въ подобномъ мѣстѣ.

Но возвратимся къ нашей книгѣ: «общая администрація во время имперіи имѣла основаніемъ централизацію.» Нужно было, говоритъ Лудовикъ Бонапартъ, все *централизировать*, чтобы улучшать, животворить, основывать, и затѣмъ перенести къ окружности долю власти, которую центръ поглотилъ на время».

Какъ читатель видитъ, въ организаціи первой имперіи постоянно господствуетъ идея власти, всѣ части администраціи подчинены этой системѣ руководящей, сосредоточенной власти; всюду личная иниціатива уничтожена въ пользу послѣдней.

Затѣмъ Лудовикъ Бонапартъ разсматриваетъ успѣхи земледѣлія, промышленности и торговли въ первую имперію. По его словамъ, въ царствованіе его дяди земледѣліе находилось въ весьма цвѣтущемъ состояніи; онъ забываетъ, что война до такой степени обезлюдила Францію, что не доставало рукъ для обработки полей, большая часть которыхъ оставались невспаханными.

Что касается промышленности, то извѣстно, что великая и можно сказать почти единственная промышленность имперіи была война, и что всѣ прочія оставались въ невольномъ пренебреженіи.

Осыпавъ похвалами усилія своего дяди на пользу промышленности, нашъ публицистъ обозрѣваетъ послѣдовательно торговлю, публичныя работы, народное просвѣщеніе и армію; въ особенности организація университета составляетъ предметъ его удивленія.

«Въ 1806 году, говоритъ онъ, императоръ призналъ

потребность положить правильныя основы народному просвѣщенію установленіемъ одной общей системы; систему эту упрекали въ томъ, что она будто бы стѣсняетъ свободу; но время свободы еще не пастало, а когда правительство стоитъ въ главѣ націи, только что освободившейся отъ всѣхъ идей прошлаго, оно обязано не только направлять современное ему поколѣніе, но и воспитать и возникающую генерацію въ принципахъ, доставившихъ торжество этой революціи; поэтому императоръ говорилъ: «Не можетъ быть прочнаго политическаго государства, если не будетъ корпораціи преподавателей съ прочными принципами; напротивъ созданіе такой корпораціи утвердитъ гражданскій порядокъ.»

Вопросъ о народномъ просвѣщеніи имѣлъ въ то время большую важность для Франціи, потому что многіе изъ ея передовыхъ людей опасались, что если общество оставятъ безоружнымъ въ виду религіозныхъ корпорацій, прочно организованныхъ, то послѣднія захватятъ въ свои руки монополію преподаванія и будутъ воспитывать подрастающія поколѣнія въ духѣ своихъ принциповъ, а потому всѣ лучшіе умы имперіи объявили себя въ пользу университетскаго преподаванія. Но всего любопытнѣе то, что авторъ *Наполеоновскихъ Идей*, восхваляющій такъ восторженно университетскую систему своего дяди, отдалъ, закономъ Фаллу (Falloux), университетъ въ жертву религіозныхъ корпорацій и учениковъ Лойолы. Впрочемъ идеи его относительно народнаго просвѣщенія такъ же смутны, какъ и относительно промышленности, торговли и соціальной организаціи. Онъ иногда не могъ понять, что народное просвѣщеніе есть самое драгоцѣнное право дѣтства и юности, и что оно должно быть безплатнымъ и обязательнымъ, хотя онъ и имѣлъ честь быть

гражданиномъ Швейцаріи, гдѣ эти принципы положены въ основу народнаго образованія.

Организація арміи во время первой имперіи возбуждаетъ въ немъ еще бо́льшій восторгъ.

Онъ преклоняется съ умиленіемъ передъ «*системой конскрипціи*, которая, по его мнѣнію, составляетъ *одно изъ величайшихъ учрежденій нашего вѣка*. Не только она освѣщаетъ принципъ равенства, но, какъ сказалъ генералъ Фуа, «она должна быть палладіумомъ нашей независимости, потому что, ставя націю въ армію и армію въ націю, она доставляетъ оборонѣ неистощимыя средства.»

На первый взглядъ эти софизмы могутъ показаться великими истинами, но во первыхъ спросимъ, что это за мнимый принципъ *равенства, освященнаго конскрипціей*, когда во Франціи богатые молодые люди могутъ откупаться отъ военной службы, подставивъ вмѣсто себя подъ непріятельскую пулю какого нибудь бѣдняка за двѣ или три тысячи франковъ? Что касается неистощимыхъ средствъ, которыя *система конскрипціи доставляетъ національной защитѣ*, то чудныя дѣйствія ея ясно выказались въ 1814 и 1815 годахъ, когда непріятель два раза вторгался въ Парижъ.

Наполеонъ I, на о. Св. Елены, наученный опытомъ, пришелъ къ тому убѣжденію, что для Франціи единственно-неодолимая защита есть вооруженіе всего народа; онъ сказалъ по этому случаю: «я бы организовалъ національную гвардію такимъ образомъ, чтобы всякій гражданинъ зналъ, въ случаѣ надобности, свой постъ; тогда бы я дѣйствительно имѣлъ націю, способную выдерживать борьбу съ вѣками и народами.»

IV.

IV глава *Наполеоновскихъ Идей* посвящена цѣликомъ внѣшнему вопросу, политикѣ императора относительно Европы.

Лудовикъ-Наполеонъ прежде всего разсыпается пышными похвалами по поводу военныхъ успѣховъ своего дяди почти во всей Европѣ.

«Не прошло и нѣсколькихъ лѣтъ, какъ Наполеонъ, бывшій недавно главой государства, находившагося въ войнѣ со всей Европой, соединилъ подъ трехцвѣтнымъ знаменемъ, чтобы идти на Москву, пруссаковъ, ганноверцевъ, голландцевъ, саксонцевъ, вестфальцевъ, поляковъ, австрійцевъ, виртембергцевъ, баварцевъ, швейцарцевъ, ломбардцевъ, тосканцевъ, неаполитанцевъ и пр. и пр. По этой агломераціи народовъ, собранныхъ подъ начальствомъ императора, можно судить о его искусной политикѣ.»

Если онъ не можетъ привести лучшихъ доказательствъ въ пользу ловкости императорской политики, то современникъ и потомство сохранятъ о ней весьма жалкое понятіе; потому что, когда подумаешь, какими громадными силами, какими могущественными элементами располагалъ Наполеонъ I; когда поразмыслишь, какую великую выгоду истинно великій человѣкъ, благодѣтель человѣчества могъ бы извлечь изъ нихъ для прогресса и цивилизаціи, и видишь, какое пагубное употребленіе онъ изъ нихъ сдѣлалъ,— невольно цѣпенѣешь отъ изумленія и отказываешься признать мнимый цивилизующій геній Наполеона I.

Тѣмъ не менѣе, по словамъ своего панегириста, императоръ имѣлъ гуманную цѣль, онъ хотѣлъ «упрочить

независимость Франціи, установить прочный европейскій миръ.... Онъ не нападалъ первый, напротивъ онъ былъ безпрестанно принуждаемъ отражать коалиціи Европы.»

Но кто-же былъ этимъ виновникомъ войнъ имперіи? Нашъ авторъ спѣшитъ объяснить намъ это:

«Всѣ наши войны произошли отъ Англіи. Она никогда не хотѣла слышать о какихъ бы то ни было предложеніяхъ мира. Уже-ли она думала, что императоръ ищетъ ея гибели? Онъ никогда не имѣлъ подобной мысли. Онъ только платилъ ей за ея зло такимъ же зломъ....

«Повидимому, говоритъ онъ, эти два самые цивилизованные народа (Франція и Англія), принуждены *волею Провидѣнія просвѣщать* міръ; одинъ, возбуждая націи противъ Франціи, другой — завоевывая ихъ для ихъ возрожденія. Вотъ эти два колосса смотрятъ другъ на друга; ихъ раздѣляетъ только узкій проливъ; они готовы схватиться другъ съ другомъ. Но не таково велѣніе судьбы. Цивилизующій геній вѣка долженъ идти къ востоку.»

Читая подобныя фразы, невольно спрашиваешь себя, неужели все это говорится серьезно, подобно сивиллинскому оракулу, предсказывающему приговоры судьбы? Дивишься также странному средству, выбранному *Провидѣніемъ, чтобы просвѣщать міръ*. Провидѣніе возбуждаетъ два самыхъ цивилизованныхъ народа на истребительную войну! Не будь пролива, который случился здѣсь очень кстати, оба колосса, *смотрѣвшіе другъ на друга, вступили бы между собою въ отчаянную схватку* и вѣроятно скоро пожрали бы другъ друга и бой кончился бы за недостаткомъ бойцовъ. Но, къ счастію, *не таковъ былъ приговоръ судьбы: цивилизующій геній долженъ направляться къ востоку.*

«Для того, чтобы могъ установиться и упрочиться *всеобщій* миръ», продолжаетъ онъ далѣе, нужно было, чтобы *Англія на западѣ и Россія на востокѣ были убѣждены разумными доводами или укрощены побѣдой.* Великія намѣренія императора готовы были исполниться, западъ Европы двинулся на Москву.

«Но, увы! одна зима измѣнила все!!... *Наполеоновская Европа* не можетъ болѣе существовать, Пусть по этой великой неудачѣ судятъ о гигантскомъ результатѣ успѣха!... Великому человѣку предстоитъ уже не возводить новое зданіе Европы, но защищать Францію и ея союзниковъ! Поле битвы съ береговъ Березины переносится на холмы Монмартра. Миръ! миръ! кричатъ трусы, до тѣхъ поръ молчавшіе. Но душа императора недоступна для молодушныхъ совѣтовъ; хотя кровь струится изъ всего его тѣла, но онъ восклицаетъ: «лучше смерть, чѣмъ постыдный миръ! Лучше смерть, чѣмъ быть императоромъ Франціи, уменьшенной въ своихъ владѣніяхъ!»

«Вотъ блеснулъ лучь надежды!... но скоро наступаетъ Ватерлоо!... здѣсь всякій французскій голосъ останавливается и находитъ только слезы, слезы, чтобы плакать вмѣстѣ съ побѣжденными, слезы, чтобы плакать вмѣстѣ съ побѣдителями, которые рано или поздно будутъ сожалѣть о томъ, что низвергли единственнаго человѣка, сдѣлавшагося посредникомъ между двумя враждебными вѣками!»

Мы нарочно привели цѣликомъ этотъ образчикъ бонапартовскаго лиризма, чтобы снова доказать, какую важность можно придавать историческимъ оцѣнкамъ и выводамъ нашего публициста.

Извѣстно, какъ въ 1813 году, когда непріятель вторгнулся въ Парижъ, императоръ защищалъ Францію, от-

рекшись отъ престола и предоставивъ ее, безоружную, въ жертву ея враговъ. Что касается *трусовъ*, по выраженію его племянника, требовавшихъ мира, то это были *раболѣпные сенаторы* его дяди, его *генералы* и *маршалы*, которыхъ онъ осыпалъ по горло золотомъ Франціи и добычею, награбленною имъ въ Европѣ, и которые, въ своемъ пресыщеніи, настойчиво требовали мира. Это были Талейранъ и Фуше, два растриженныхъ священника, бывшіе въ продолженіи пятнадцати лѣтъ его самыми интимными совѣтниками, которые продали его иноземцу.

Лудовикъ-Наполеонъ издѣвается также надъ легковѣріемъ своихъ читателей или разсчитываетъ на ихъ невѣжество, когда влагаетъ въ уста Наполеону I слова: «Лучше смерть, чѣмъ быть императоромъ уменьшенной Франціи.» Развѣ онъ не знаетъ, что послѣ губительнаго похода на Россію, пражскій конгрессъ 4 іюня 1813 года предлагалъ Наполеону I естественныя границы Франціи, завоеванныя арміями республики: Рейнъ, Маасъ, Шельду и Альпы; что Наполеонъ съ пренебреженіемъ отвергъ эти предложенія, опасаясь потерять свое обаяніе въ глазахъ міра и Франціи, и полагая, что онъ можетъ поработить послѣднюю только благодаря ослѣпленіямъ постоянныхъ побѣдъ.

Въ 1814 году, даже послѣ пораженія Бонапарта, низложенія его и безусловнаго отреченія отъ престола, союзныя державы оставили Франціи ея старинныя границы 1792 года *), и только въ 1815 году, послѣ ста дней второй реставраціи Франція была уменьшена.

---

*) «Союзные государи объявляютъ, что они уважаютъ неприкосновенность прежней Франціи,» объявилъ императоръ Александръ I, отъ имени союзниковъ, 31 марта 1814 г.

Мы не будемъ говорить о «громадныхъ выгодахъ, о благодѣяніяхъ, которыя Европа — увы! столь неблагодарная — не умѣла оцѣнить, но которыми она была обязана наполеоновской политикѣ и войнамъ имперіи, напоминавшимъ собою разлитіе Нила, когда воды этой рѣки затопляютъ села Египта, то съ перваго взгляда можно бояться опустошенія, но едва-лишь онѣ сбыли, какъ изобиліе и плодородіе возникаютъ на ихъ пути.»

Вопреки мнѣнію автора, мы находимъ довольно чувствительное различіе между благотворными разлитіями Нила и нашествіями императорскихъ полчищъ. Достаточно будетъ одного примѣра. Когда императоръ двинулъ армію въ 1.200,000 человѣкъ для завоеванія Россіи, которую онъ хотѣлъ *возродить къ новой жизни*; когда эта великая рѣка, щетинившаяся штыками и влачившая въ своихъ нѣдрахъ тысячи пушекъ, схлынула, то въ плодотворномъ илѣ бонапартовскаго Нила нашли *сто двадцать три тысячи сто тридцать три* лошадиныхъ трупа и *двѣсти сорокъ три тысячи шестьсотъ десять труповъ* людей!!!... — Вотъ каковы были изобилія и плодородія, возникавшія на пути императорскихъ армій.

Но эта громадная цифра ничто въ сравненіи съ общей суммой жертвъ, которыхъ имперія стоила Европѣ; одна Франція потеряла болѣе *пяти милліоновъ* своихъ сыновъ во время войнъ первой имперіи; число же иноземцевъ, павшихъ въ этой борьбѣ, можно безъ преувеличенія предположить вдвое, что составитъ въ сложности *пятнадцать милліоновъ жертвъ*, т. е. болѣе чѣмъ сколько въ настоящее время есть гражданъ во Франціи, ибо изъ ея 40 милліоновъ жителей, по крайней мѣрѣ, двѣ трети приходятся на долю женщинъ и дѣтей.

Что касается денегъ, которыхъ она стоила Европѣ,

то общая сумма ихъ оказывается не менѣе ужасающей. Экономисты опредѣляютъ въ *пятнадцать милліардовъ* излишеніе расходы, которыхъ десять лѣтъ первой имперіи, съ 1804 по 1814 годъ, стоили:

Франціи	15,000.000,000 фр.
Англія, чтобы вести съ нею войну, заключила долговъ на .	20,000.000,000 »
Остальная Европа израсходовала, конечно, столько же . .	20,000.000,000 »
Итого.	55,000.000,000 фр.
Безъ преувеличенія можно положить по крайней мѣрѣ такую же сумму на военныя контрибуціи, поставку съѣстныхъ припасовъ, боевыхъ принадлежностей; на причиненныя войной потери: жатвъ, городовъ, домовъ, движимаго имущества, флотовъ, времени, труда, капиталовъ; на проценты съ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ, употребленныхъ для нуждъ войны; на проценты государственнаго долга; на суммы, соотвѣтствующія цѣнности солдатскаго труда, если бы разныя правительства вздумали употребить его для утилитарныхъ цѣлей, и пр., что составитъ еще.	55,000.000,000 фр.
Итого *сто десять милліард. фр.*	110,000.000,000 фр.

Такимъ образомъ, можно исчислить для Европы ба-

лансъ первой имперіи, въ продолженіи ея десятилѣтняго существованія, по меньшей мѣрѣ въ пятнадцать милліоновъ жертвъ и въ сто десять милліардовъ франковъ. Вотъ, въ цифрахъ благодѣянія этой системы, которая, по словамъ ея панегириста, имѣла только одну цѣль: *благоденствіе Франціи и обновленіе Европы!*

V.

Въ 5-й главѣ Idées Napoléoniennes авторъ снова возвращается къ плану императора основать свое господство въ Европѣ; но онъ старается замаскировать по возможности цѣли великаго человѣка: теперь дѣло идетъ уже не о *всемірной имперіи*, но просто объ *европейской ассоціаціи*.

«Какъ скоро судьба оружія, говоритъ онъ, сдѣлала бы Наполеона повелителемъ большей части континента, онъ хотѣлъ воспользоваться своими завоеваніями для учрежденія *европейской конфедераціи*.»

Онъ приводитъ затѣмъ декламаціи автора Mémorial de Sainte-Hélène, его проекты «европейскаго кодекса», судъ, который бы контролировалъ рѣшеніе судовъ, подобно тому, какъ кассаціонный судъ во Франціи исправляетъ ошибки подвѣдомыхъ ему судовъ. Говоритъ, что дядя его основалъ бы европейскій институтъ, который бы давалъ жизнь всѣмъ ученымъ обществамъ Европы, направлялъ бы и согласовалъ ихъ труды; однообразіе монетъ, вѣсовъ, мѣръ, однообразіе законодательства были бы достигнуты при-помощи его могучаго посредничества.

По словамъ самого Наполеона I, выраженнымъ имъ въ Mémorial de Sainte-Hélène, онъ долженъ былъ именно въ Россіи завоевать себѣ миръ, обезпечить торжество *на-*

полеоновской политики; и потому поспѣшилъ вступить въ войну съ ней, лишь только нашелъ себѣ достаточно для того сильнымъ.

«Я могъ идти на Россію въ главѣ остальной Европы, говоритъ онъ, предпріятіе это было популярно, имѣло за себя симпатію всей Европы, это было послѣднимъ усиліемъ, которое оставалось сдѣлать Франціи. Судьбы ея, судьбы *новой-европейской системы* зависѣли отъ исхода борьбы. Россія была послѣднею подпорою Англіи, миръ всего земнаго шара находился въ Россіи и успѣхъ не долженъ былъ подлежать сомнѣнію.»

Читая подобныя слова Наполеона, невольно стараешься искать имъ объясненіе: ибо никто не повѣритъ, чтобы они были искренни и что онъ пошелъ на Москву затѣмъ, *чтобы упрочить судьбы новой европейской системы*. Если онъ могъ идти на Россію въ главѣ остальной Европы, то ему гораздо было бы легче приступить къ организованію своей *конфедераціи* изо всѣхъ народовъ и государей, шедшихъ вмѣстѣ съ нимъ, и установить на торжественномъ конгрессѣ свой европейскій кодексъ, свой европейскій кассаціонный судъ, свои системы вѣсовъ и мѣръ, монетъ, свое однообразіе законодательства и пр. и пр.,— словомъ, основать свой *священный союзъ народовъ и государей*, который, конечно, составилъ бы достаточно сильную массу, чтобы побѣдоносно противиться завоевательнымъ замысламъ Россіи и злобнымъ интригамъ Англіи. Обѣ эти державы, увлеченныя примѣромъ, можетъ быть, сами пожелали бы вступить въ великую *европейскую конфедерацію* и его гигантская задача была бы разрѣшена мирнымъ путемъ.

Желая подчинить своему игу Россію и обуздать Англію, Наполеонъ I вовсе не имѣлъ цѣлью учредить

свою пресловутую *европейскую конфедерацію* и завоевать миръ; но онъ желалъ положить незыблемыя основы своей великой имперіи, главныя колонны которой онъ уже воздвигнулъ, въ видѣ королевствъ, розданныхъ имъ своимъ братьямъ, родственникамъ и пр., и которыя, по его же словамъ, должны были служить *подпорами этого обширнаго зданія*.

Таковъ истинный поводъ къ злополучной для Франціи кампаніи 1812 года.

Императоръ не съ такой заботливостью старается скрывать свои планы, какъ его племянникъ, когда говорилъ:

«Миръ, подписанный въ Москвѣ, завершалъ бы и полагалъ конецъ моимъ военнымъ экспедиціямъ, рискамъ и открывалъ бы эру спокойствія и безопасности.

«Передо мной открылся бы новый горизонтъ, предстали бы новые труды, которые принесли бы благосостояніе и благоденствіе всѣмъ. *Европейская система* была бы основана; оставалось бы только организовать ее.....

« Европа вскорѣ составила бы одинъ народъ, и каждый гражданинъ, путешествуя повсюду, собственно говоря, оставался бы постоянно въ предѣлахъ общаго отечества.

« *Парижъ сдѣлался бы столицею міра*, а французъ — предметомъ зависти народовъ!...»

Когда этотъ чудный результатъ былъ бы достигнутъ, императоръ могъ бы водворить царство свободы, которая, по увѣренію его племянника, была высшею цѣлью его стремленій (!).

Приходимъ наконецъ къ заключенію *Наполеоновскихъ идей*. Авторъ говоритъ намъ, что «имперія была

войною на жизнь и смерть Англіи съ Франціей, и что Англія побѣдила.»

Но изъ всего, что мы въ разныхъ мѣстахъ сказали о первой имперіи, кажется достаточно выяснился ея истинный характеръ. Тщетно Лудовикъ-Наполеонъ старается исказить исторію и провести общественное мнѣніе, увѣряя, что народы, бывшіе нѣкогда подъ властью Наполеона, стараются возстановить благодѣтельныя учрежденія, которыя онъ имъ оставилъ въ наслѣдство. «Италія и Польша старались возвратить себѣ ту національную организацію, которую имъ далъ Наполеонъ.»

Какую-же это національную организацію далъ Бонапартъ Италіи и Польшѣ? Даже во время своего похода на Россію Наполеонъ не возстановилъ Польшу; не смотря на убѣдительныя просьбы польскихъ патріотовъ, онъ оставилъ ее по прежнему раздробленной. Правда, существовало самостоятельное герцогство варшавское, но и то онъ отдалъ иностранному принцу.

А что онъ сдѣлалъ изъ Италіи, гдѣ онъ такъ часто бывалъ побѣдителемъ, что отъ него только зависѣло ее окончательно устроить, спасти навсегда отъ иноземнаго господства и освободить отъ вліянія клерикаловъ?

Онъ ее раздѣлилъ, раздробилъ, присоединилъ значительную часть ея къ своей имперіи; уступилъ Неаполь и Сицилію Іосифу, потомъ Мюрату; герцогства Лукку и Піомбано, а потомъ Тоскану своей сестрѣ Элизѣ; вицекоролевство такъ называемаго имъ италіянскаго королевства Евгенію Богарнэ, а несчастную Венецію отдалъ Австріи.

«Испанія, продолжаетъ авторъ *Наполеоновскихъ идей*, льетъ потоками кровь своихъ сыновъ, чтобы возстановить конституцію, которую ей гарантировала байонская

консульта въ 1808 году. Смуты, ее волнующія, суть только естественная реакція противъ сопротивленія, оказаннаго ею императору.»

Странно, что если Испанія борется для завоеванія себѣ конституціонной свободы, Лудовикъ-Наполеонъ дерзаетъ утверждать, что она борется для того, чтобы возстановить у себя нѣчто подобное ужасному деспотизму иноземца!

«Бельгія въ 1830 году, говоритъ онъ, выразила открыто свое желаніе вновь сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ она была во время первой имперіи.»

Въ 1830 году эта небольшая страна, отдѣлившись отъ Голландіи, пожелала сдѣлаться не тѣмъ, чѣмъ она была во время первой имперіи, но страною свободной, независимой и конституціонной. Она, правда, просила себѣ въ короли одного изъ сыновей Лудовика-Филиппа, но когда ей это неудалось, то она выбрала на его мѣсто зятя его, Леопольда. Неужели это значитъ, что она хотѣла отречься отъ своей національности и свободы, чтобы сдѣлаться нераздѣльной частью военной и деспотической имперіи?

«Швейцарскіе кантоны, говоритъ онъ далѣе, съ общаго согласія предпочли союзному договору, ихъ связывающему, актъ посредничества 1803 года.»

Тургаускій гражданинъ, которому слѣдовало бы кажется знать политическій духъ своего втораго отечества, жестоко искажаетъ историческую истину. Во время *акта посредничества* (acte de mediation) и въ первую имперію значительная часть Швейцаріи, та, гдѣ говорятъ по французски: Женева, Во (Vaud), Невшатель, Фрибургъ, Вале (Valais), бернская Юра и пр., принадлежала къ имперіи. Лудовикъ Бонапартъ долженъ былъ бы знать, что ничто такъ не дорого сердцу швейцарца, какъ его націо-

нальность и ничто такъ ему не антипатично, какъ вмѣшательство или господство иноземца; поэтому въ 1819 году союзники были привѣтствованы Швейцаріей, какъ освободители; по той же самой причинѣ до сихъ поръ ежегодно 31-го декабря празднуютъ въ Женевѣ паденіе французской имперіи, какъ освобожденіе отъ ига иноземца. *Актъ посредничества* Швейцарія всегда признавала посягательствомъ на свою національную независимость. Впослѣдствіи, переживъ революціи, она измѣнила свою федеральную конституцію въ демократическомъ и либеральномъ смыслѣ, и поспѣшила предать забвенію печальную эпоху посредничества и императорскаго господства.

«И такъ, заключаетъ свою книгу Лудовикъ Бонапартъ, которому нѣтъ никакого дѣла до историческихъ фактовъ, опровергающихъ его на каждомъ шагу, *Наполеоновскія идеи* имѣютъ характеръ идей, управляющихъ движеніями общества, потому что онѣ движутся своей собственной силой, безъ участія ихъ автора, подобно тѣлу, брошенному въ пространство, которое собственною тяжестью достигаетъ цѣли, ему предназначенной... Повторяемъ, *Наполеоновская идея* не есть идея войны, но идея соціальная, промышленная, торговая, гуманная...

«Да почіетъ же въ мирѣ прахъ Императора! Память о немъ ростетъ съ каждымъ днемъ.

«Каждая волна, разбивающаяся объ утесъ св. Елены, приноситъ, вмѣстѣ съ дуновеніемъ Европы, поклоненіе его памяти, уваженіе къ его праху и эхо Лонгвуда повторяетъ надъ его могилой: «*Свободные народы трудятся повсюду надъ возстановленіемъ твоего дѣла.*»

Вмѣсто всякаго опроверженія, мы напомнимъ только племяннику великаго императора слѣдующія слова, ко-

торыя Наполеонъ I произнесъ, умирая на о. Св. Елены: «Я погибъ потому, что затѣялъ борьбу съ идеями своего вѣка.»

VI.

Послѣ появленія Idées Napoléoniennes, авторъ ихъ, содержавшійся въ то время въ гамской крѣпости вслѣдствіе своего булонскаго покушенія, издалъ въ 1841 году новый трудъ, подъ названіемъ *Fragments historiques*, въ которомъ, по поводу революцій въ Англіи въ 1649 и 1688 годахъ, подвергаетъ строгой критикѣ царствованіе Лудовика-Филиппа и скромно инсинуируетъ, что если бы впослѣдствіи судьба поставила его въ главѣ Франціи, то онъ былъ бы ея Вильгельмомъ III.

Онъ сравниваетъ англійскія революціи съ революціей 1830 года. Онъ снова возвращается къ своей системѣ посредничества между старыми и новыми интересами, приписывая, какъ мы выше видѣли, всю заслугу въ этомъ отношеніи своему дядѣ. Эту задачу, по его мнѣнію, Стюарты не поняли и она была причиной ихъ паденія; напротивъ Вильгельмъ III созналъ ее и былъ ей обязанъ своими успѣхами.

«Стюарты, говоритъ онъ, находились постоянно въ фальшивомъ положеніи. Будучи офиціальными представителями протестантства, они были въ душѣ католиками. Будучи обязательными представителями системы свободы и терпимости, они были преданы Франціи или подкуплены ею.

«Вильгельмъ, напротивъ, былъ и по натурѣ и по убѣжденіямъ дѣйствительно тѣмъ, что онъ представлялъ собою на престолѣ. Благодаря способу, коимъ принцъ

оранскій утвердилъ свою власть, онъ долженъ былъ имѣть замѣтное преимущество передъ Стюартами....

«Вильгельмъ III удовлетворилъ требованія своей эпохи и возстановилъ общественное спокойствіе; но если бы онъ послѣдовалъ политикѣ Стюартовъ, то былъ бы свергнутъ съ престола....

«Исторія Англіи говоритъ королямъ во всеуслышаніе: шествуйте въ главѣ идей вашего вѣка, эти идеи слѣдуютъ за вами и васъ поддерживаютъ.

«Шествуйте за ними, они васъ влекутъ за собою.

«Шествуйте противъ нихъ, онѣ васъ низвергнутъ.»

Вмѣсто того, чтобы забираться такъ далеко въ исторію Англіи, чтобы найти примѣръ, подтверждающій вѣрность этого афоризма, ему достаточно было бы вспомнить слова своего дяди, приведенныя нами въ концѣ предъидущей главы; онъ бы нашелъ такой примѣръ въ своей собственной фамиліи.

Довольно трудно понять аналогію между царствованіемъ Стюартовъ и царствованіемъ Лудовика-Филиппа, управлявшаго тогда Франціей. Пробѣгая сочиненіе Лудовика Бонапарта, читатель невольно приходитъ къ мысли, что ему гораздо естественнѣе было бы сравнить Стюартовъ съ Бурбонами старшей линіи, съ несчастнымъ Лудовикомъ XVI, сложившимъ, также какъ и Карлъ I, свою голову на эшафотѣ, или даже съ своимъ дядей, Наполеономъ I, который былъ также низложенъ, подобно Стюартамъ. Къ тому же англійская революція 1688 года была гораздо болѣе революціей религіозной, чѣмъ политической; Вильгельмъ оранскій былъ возведенъ на престолъ Англіи преимущественно какъ представитель протестантской идеи и въ этомъ отношеніи воцареніе его не

имѣетъ никакого сходства съ воцареніемъ Лудовика-Филиппа въ 1830 году.

Среди набора пышныхъ фразъ и политическихъ и философскихъ сентенцій, у нашего автора порою прорываются наружу нѣкоторые изъ его самыхъ сокровенныхъ помысловъ, представляющихъ грустный контрастъ съ великодушными и крайне либеральными мнѣніями, которыя онъ щедрою рукою расточаетъ въ своихъ теоріяхъ.

Такъ, онъ утверждаетъ, что «правительство можетъ часто безнаказанно нарушать *законность* и свободу, лишь бы оно искренно стало въ главѣ великихъ интересовъ цивилизаціи. Это мы видимъ въ царствованіе Вильгельма III, который былъ истиннымъ представителемъ потребностей и мысли народа»....

«Можно, говоритъ авторъ, управлять спокойнымъ и правильнымъ обществомъ при помощи одного ума; но когда насиліе заступило мѣсто права и нарушило методическое шествіе цивилизаціи, монархъ вновь находитъ путь, съ котораго онъ сбился, не иначе, какъ принявъ тѣ великія, внезапныя рѣшенія, которыя подсказываетъ только сердце,...»

Какія же это внезапныя рѣшенія, о которыхъ говоритъ нашъ публицистъ? Не есть ли это намекъ на ужасныя насилія, которыя ему суждено было совершить во время переворота 2 декабря 1851 года?

VII.

Въ 1842 году Лудовикъ Бонапартъ издалъ брошюру подъ заглавіемъ L'Analise de la question des sucres, въ которой онъ главнымъ образомъ нападаетъ на нѣкоторыя полезныя мѣры правительства Лудовика-Филиппа,

предлагавшаго уменьшить весьма высокія пошлины, лежавшія на туземномъ сахарѣ и на сахарѣ французскихъ колоній, а также сбавить пошлины съ иностраннаго сахара. Господствовавшая во Франціи воспретительная система причиняла ей значительный вредъ.

Во первыхъ она принуждала всѣхъ потребителей платить за фунтъ сахару 1 фр. 20 сант., между тѣмъ какъ въ странахъ, гдѣ торговля этимъ продуктомъ была свободна, онъ стоилъ 40 или 50 сантимовъ за фунтъ, вслѣдствіе чего значительное большинство французскихъ гражданъ не могло имъ пользоваться.

Высокія пошлины, поражавшія иностранный сахаръ при ввозѣ его во Францію, имѣли тотъ результатъ, что монополія рынка этой націи была обезпечена ея туземному сахару или сахару ея колоній, и что плантаторамъ этихъ послѣднихъ не предстояло нужды изощряться въ усовершенствованіи средствъ производства или въ улучшеніи своихъ продуктовъ, потому что у нихъ былъ вѣрный рынокъ, закрытый для иностранныхъ продуктовъ. Таковы были «выгоды» пресловутой системы, которую съ жаромъ отстаиваетъ и превозноситъ авторъ «Вопроса о сахарѣ», выказывая въ своей брошюрѣ самыя отсталыя, самыя реакціонныя, противныя здравой политической экономіи и современной наукѣ понятія.

VIII.

Но самое курьезное и самое противное здравому смыслу и логикѣ твореніе Лудовика-Наполеона, это — L'Extinction du paupérisme *(Искорененіе пауперизма)*, изданное имъ въ 1844 году.

Въ этомъ сочиненіи авторъ не раздѣляетъ мнѣнія

большинства экономистовъ, которые видятъ въ свободныхъ коопераціяхъ и ассоціаціяхъ наиболѣе вѣрное средство для уничтоженія пролетаріата и бѣдности, но предлагаетъ слѣдующую оригинальную систему.

Онъ предлагаетъ организовать рабочій классъ на военную ногу, основать земледѣльческія колоніи..... *большіе пріюты* для огромной массы рабочихъ, въ которыхъ бы развивали ихъ физическія силы и умъ.

Для этого правительство должно, особымъ закономъ, уступить рабочему классу 9,190,000 гектаровъ невоздѣланныхъ земель Франціи, (приносящихъ нынѣ доходу только 8 франковъ съ гектора), вознаградивъ за нихъ, конечно, владѣльцевъ. Кромѣ того государство ссудитъ рабочую ассоціацію въ теченіи четырехъ лѣтъ 311 милліонами, и ей будетъ предоставлено расчистить и эксплоатировать ввѣренные ей невоздѣланные участки.

Должно прежде всего учредить особый классъ посредниковъ между хозяевами и рабочими, подъ именемъ prud'hommes (смотрителей, десятниковъ), которыхъ бы рабочіе ежегодно избирали по одному человѣку на десять рабочихъ.

Всякаго хозяина фабрики или фермы, говоритъ нашъ авторъ, слѣдуетъ обязать закономъ, что какъ скоро онъ будутъ имѣть у себя болѣе десяти рабочихъ, то долженъ содержать для нихъ десятника и назначать ему плату вдвое болѣе противъ платы простыхъ рабочихъ.

Эти десятники будутъ исполнять въ средѣ рабочаго класса *такую же роль, какъ унтеръ-офицеръ въ арміи.* Они составятъ первую ступень въ соціальной іерархіи..... Предположивъ число рабочихъ въ 25 милліоновъ, мы получимъ $2^1/_2$ милліона посредниковъ, раздѣляющихъ въ одно и тоже время интересы и рабочихъ и хозяевъ.

Эти десятники будутъ раздѣлены на двѣ части: одни останутся въ частной промышлепности, другіе же будутъ помѣщены въ земледѣльческія колоніи.

Одною изъ ихъ главныхъ обязанностей было бы распредѣлять полезнымъ образомъ трудъ и передавать излишекъ незанятыхъ рукъ въ земледѣльческія колоніи. Всякій разъ какъ будетъ излишекъ рукъ въ частной промышленности, десятники сообща съ мэрами общинъ будутъ имѣть право посылать въ земледѣльческія колоніи рабочихъ, для которыхъ они не найдутъ дѣла. Эти лишніе рабочіе будутъ употребляемы для новыхъ расчистокъ земель.

Такимъ образомъ въ этихъ колоніяхъ, кромѣ строго необходимаго числа мужчинъ, женщинъ и дѣтей для производства сельско-хозяйственныхъ работъ, будетъ находиться большое число рабочихъ, которые будутъ постоянно употребляемы для расчистки новыхъ земель, или же для постройки новыхъ зданій для больныхъ и престарѣлыхъ.

Когда для частной промышленности понадобятся руки, она обратится за ними въ эти центральные депо, въ которыхъ вслѣдствіе того заработная плата будетъ постоянно держаться на извѣстной высотѣ; потому что рабочій, увѣренный въ томъ, что онъ найдетъ въ земледѣльческихъ колоніяхъ обезпеченное существованіе, согласится работать для частной промышленности не иначе, какъ если она ему предложитъ плату выше того *строго необходимаго*, которое ему всегда доставитъ общая ассоціація.

Затѣмъ авторъ входитъ во всѣ подробности организаціи земледѣльческихъ колоній, въ которыхъ рабочіе будутъ размѣщены партіями въ десять человѣкъ, подъ

надзоромъ и управленіемъ десятниковъ въ особыхъ баракахъ, на манеръ походныхъ. Когда рабочій женится, ему дается особый баракъ собственно для него и его семьи; имъ будетъ даваться солдатская плата и провіантъ до тѣхъ поръ, пока ассоціація не пріобрѣтетъ барышей. Во всѣхъ колоніяхъ, которыя будутъ солидарны для всей Франціи, будетъ господствовать почти военная дисциплина; десятники будутъ подчинены *директорамъ*, выбираемымъ десятниками вмѣстѣ съ рабочими, и каждая колонія будетъ имѣть *губернатора*, назначаемаго десятниками сообща съ директорами. Ежегодно директоры будутъ ѣздить въ Парижъ и вмѣстѣ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ будутъ рѣшать вопросъ о наилучшемъ употребленіи барышей ассоціаціи, если таковые окажутся.

Проектъ этотъ, какъ можно видѣть изъ его краткаго изложенія, не выдерживаетъ ни малѣйшей критики.

Эти мнимыя земледѣльческія колоніи будутъ только громадными исправительными домами и пріютами нищенства, гдѣ рабочіе будутъ подвергаемы подневольному труду, высшей дисциплинѣ, будутъ получать солдатское жалованіе и пищу, и помѣщаться въ баракахъ.

Во первыхъ, какую выгоду доставятъ рабочимъ 2,500,000 десятскихъ? Неужели во Франціи и безъ того мало посредниковъ, поглощающихъ плоды ихъ труда, живущихъ на счетъ ихъ труда? Неужели нужно еще увеличивать число ихъ такою массою надзирателей, которые будутъ получать вдвое болѣе ихъ жалованья? При такой прелестной системѣ, нужно прежде всего взять изъ поденнаго труда французскихъ рабочихъ, для того, чтобы заплатить жалованье десятскимъ, сумму, равную пяти милліонамъ дней, или другими словами, изъ десяти дней взять у рабочаго два дня или пятую часть каж-

даго рабочаго дня на уплату жалованья десятскимъ, — весьма странное средство улучшить участь рабочихъ. Съ другой стороны для производителей, фабрикантовъ, собственниковъ, нанимающихъ рабочихъ, будетъ весьма стѣснительно, если имъ навяжутъ десятскаго, который будетъ въ нѣкоторомъ родѣ независимъ отъ нихъ, потому что они его не назначали, не выбирали, а между тѣмъ обязаны будутъ платить ему вдвое дороже рабочихъ. Кромѣ того десятскіе, какъ мы видѣли, будутъ имѣть, вмѣстѣ съ мэрами, громадную привиллегію, неограниченную власть, непререкаемое право посылать рабочихъ, для которыхъ бы не нашлось занятій въ частной промышленности, въ земледѣльческія колоніи для новыхъ расчистокъ земли, подобно тому какъ несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, малолѣтнихъ бродягъ, заброшенныхъ дѣтей отправляютъ нынѣ въ исправительные, смирительные дома, гдѣ ихъ заставляютъ работать до совершеннолѣтія. Такимъ образомъ разсматриваемый нами проектъ, отнявъ свободу промышленности у хозяина, нарушаетъ свободу труда и свободу личности рабочаго, который превратится въ крѣпостнаго, въ родѣ бѣлаго негра или каторжника, подчиненнаго военному управленію и дисциплинѣ, живущаго въ баракахъ и воздѣлывающаго землю подъ надзоромъ сторожей, называемыхъ десятскими.

Что касается самыхъ земледѣльческихъ обществъ, которыя предлагаетъ основать Лудовикъ-Наполеонъ, то они также лишены всякихъ условій справедливости и мудрости, которыя только однѣ и могли бы обезпечить имъ успѣхъ. Во Франціи уже не разъ пытались сдѣлать плодородными неудобные участки, но всякій разъ тщетно, потому что для этого необходимо не только громадные

капиталы, но и отличные работники, а неужели хорошій работникъ покинетъ свою работу, свою свободу, жилище и польстится на походные бараки, на солдатское жалованье и военную дисциплину земледѣльческихъ колоній, которыя по этому сдѣлаются только притонами бѣдняковъ, людей праздныхъ и самыхъ дурныхъ работниковъ,

Между тѣмъ авторъ «Искорененія пауперизма» считаетъ свою систему необыкновенно благодѣтельнымъ изобрѣтеніемъ, которое должно развиться до колосальныхъ размѣровъ; «ибо, прибавляетъ онъ, когда не будетъ болѣе дешевыхъ земель во Франціи, ассоціація учредитъ вспомогательныя отдѣленія въ Алжирѣ, въ Америкѣ, и можетъ даже *распространиться по всему міру!* Всюду, гдѣ нужно будетъ расчистить хотя бы одинъ гектаръ, прокормить хотя бы одного бѣднаго, она явится съ своими капиталами, съ своей арміей работниковъ, съ своей неустанной дѣятельностью!»

Нужно полагать, что въ настоящее время ни во Франціи, ни на всемъ земномъ шарѣ не осталось ни однаго гектара для расчистки и ни одного бѣдняка для прокормленія, потому что авторъ проекта, сдѣлавшійся впослѣдствіи могущественнымъ императоромъ, не заблагоразсудилъ примѣнить его къ дѣлу.

IX.

Кромѣ названныхъ нами сочиненій, Лудовикъ-Наполеонъ напечаталъ нѣсколько статей въ газетѣ Progrès du Pas-de-Calais. Первая изъ этихъ статей посвящена вопросу «*о невольничествѣ и правѣ осмотра кораблей.*» (L'Esclavage et le droit de visite).

Подобно своему дядѣ онъ не любитъ идеалоговъ; «ро-

щественное чувство Европы, говоритъ онъ, возмутилось противъ невольничества и торговли неграми. Но такъ называемые *философы* (не безсмертный-ли Вильберфорсъ?) воспользовались имъ и только ухудшили зло, которое хотѣли исцѣлить. Въ большей части знойныхъ странъ Америки земля исключительно воздѣлывается чернокожими. Африканская раса необходима для этого климата; участь землевладѣльцевъ двухъ третей Америки зависитъ отъ невольничества и торговли неграми. Чувство религіозное и христіанское, которое мы отнюдь не порицаемъ, потому что сами его испытываемъ, овладѣло Европой, и она, тронутая страданіями цѣлой расы людей, воскликнула: «Не нужно болѣе невольничества, не нужно торговли неграми!» На это бѣлые жители Америки возразили: «Освобожденіе негровъ равносильно для насъ грабежу, разоренію, убійству, потому что невольники есть наша собственность.»

Дѣло кончилось тѣмъ, что по заключенію трактата о правѣ осмотра кораблей, торговля неграми, въ видѣ контрабанды, еще болѣе усилилась, и когда корабли, везущіе ихъ, преслѣдуются филантропическимъ крейсеромъ, то несчастныхъ невольниковъ бросаютъ въ море для избѣжанія положеннаго наказанія.

На основаніи этихъ соображеній авторъ предлагаетъ «подвергать негровъ постепенной выучкѣ (aprentissage), заставить ихъ нечувствительно перейти отъ подневольнаго труда къ свободному.»

Доводы автора совершенно неосновательны. Вопервыхъ, несправедливо, что *благоденствіе двухъ третей Америки зависѣло отъ торговли неграми и невольничества*, потому что въ послѣднее время свободный трудъ замѣнилъ съ огромной выгодой повсюду въ Сѣверо-

американскихъ Штатахъ трудъ негровъ-невольниковъ, которые всегда, какъ извѣстно, сосредоточивались лишь въ нѣкоторыхъ изъ штатовъ самаго знойнаго пояса, гдѣ воздѣлывается почти исключительно хлопокъ, рисъ и сахарный тростникъ, гдѣ жгучій климатъ тропиковъ и низменная, болотистая почва устьевъ большихъ рѣкъ казалась весьма опасными препятствіями для полевыхъ работъ европейцевъ. Но болѣе внимательное изслѣдованіе и болѣе просвѣщенный опытъ доказали, что даже въ самыхъ южныхъ штатахъ Сѣверо-американскаго союза, какъ напр. въ Техасѣ, Луизіанѣ, Флоридѣ, Мисисипи и пр., бѣлые могутъ такъ же удобно выносить полевыя работы, какъ и негры, и что смертность у первыхъ не значительнѣе, чѣмъ у вторыхъ.

«Выучка», которой Лудовикъ-Наполеонъ предлагалъ подвергать негровъ, въ видѣ перехода отъ подневольнаго труда къ свободному, есть не что иное, какъ тоже рабство, только прикрытое обманчивымъ названіемъ «выучки». Съ которыхъ поръ рабство сдѣлалось приготовительнымъ средствомъ къ свободѣ?

Нужно отдать справедливость Лудовику-Наполеону: онъ, сдѣлавшись впослѣдствіи императоромъ, остался вѣренъ своей теоріи и, подобно своему дядѣ, возстановилъ невольничество и торговлю неграми во французскихъ колоніяхъ. Подъ именемъ «найма свободныхъ рабочихъ» (engagement de travailleurs libres) французскіе корабли забирали на берегахъ Африки грузы несчастныхъ негровъ и отвозили ихъ во французскія колоніи, гдѣ плантаторы примѣняли къ нимъ пресловутую систему «выучки».

X.

Затѣмъ Лудовикъ-Наполеонъ помѣстилъ въ Progrès du Pas-de-Calais рядъ статей, направленныхъ противъ правительства Лудовика-Филиппа, какъ напр. La paix ou la guerre; La paix, l'opposition de la chambre des députés, des gouvernements et de leurs soutiens, vieille histoire toujours nouvelle и пр. Интересна статья, напечатанная 22 марта 1843 года въ Progrès du Pas-de-Calais подъ названіемъ: «Opinion de l' Empereur sur les rapports de la France avec les puissances de l'Europe,» въ которой онъ расточаетъ самую грубую лесть французскому народу. Приведемъ изъ нея наиболѣе курьезныя отрывки:

«Въ послѣдніе двѣнадцать лѣтъ полемика старалась наперерывъ доказывать выгоды союза съ Англіей или съ Россіей; слушая эти два единственные тезиса, казалось бы, что для Франціи нужна иная сила, чѣмъ ея собственная, чтобы заставить себя уважать, нуженъ иной голосъ, чѣмъ ея, чтобы имѣть вѣсъ на конгрессѣ государей. Мы не утверждаемъ, чтобы Франціи слѣдовало оставаться изолированной и не имѣть ни съ кѣмъ откровенныхъ и дружескихъ отношеній; но мы полагаемъ, что союзъ долженъ быть результатомъ долгихъ доброжелательныхъ отношеній между націями, а не плодомъ внезапнаго увлеченія. Вотъ слова императора Наполеона:

«Франція, говорилъ онъ, по своему географическому положенію, по богатству своей почвы и даровитости своихъ жителей есть посредникъ европейскаго общества. Она выходитъ изъ роли, которую природа ей предписала, когда дѣлается завоевательницей; она становится ниже своей роли, когда покоряется обязательствамъ какого нибудь союза. Она относится къ европейскимъ націямъ

такъ же, какъ левъ къ существамъ, его окружающимъ. Она движется не иначе, какъ что нибудь защищая или разрушая; она поддерживаетъ другихъ, но сама не ищетъ чужой поддержки. Это, вѣроятно, было до второй имперіи.

«Когда имѣешь честь, продолжаетъ онъ, и вмѣстѣ счастіе быть Франціей, нужно понять всю важность такого положенія—быть *націей-солнцемъ* и не превращаться въ *націю-спутника*.

«Англія при всемъ своемъ могуществѣ не можетъ одна играть въ дѣлахъ континента первостепенной роли; ей нужно непремѣнно опираться на Вѣну, Парижъ или С.-Петербургъ.»

Предоставивъ такимъ образомъ Англіи, Германіи и Россіи весьма незначительныя роли и сравнивъ Францію со львомъ, предметомъ ужаса всего живущаго, авторъ старается доказать правдивость мыслей своего дяди и отзывается слѣдующимъ образомъ о союзѣ съ Англіей со времени 1830 года. «То, что совершается въ послѣдніе двѣнадцать лѣтъ, говоритъ онъ, доказываетъ справедливость и глубину мнѣнія Наполеона. Въ 1830 году французское правительство усердно заискивало признаніе своего Англіей и союза съ нею, на что Англія отвѣчала: «мы будемъ отстаивать ваши идеи передъ Европой, но за это признайте трактатъ 1815 года и господство нашего флота, обяжитесь очистить Алжиръ, когда мы потребуемъ, пожертвуйте намъ даже нѣкоторыми изъ отраслей вашей промышленности и дозвольте нашему вліянію водвориться на востокѣ и въ Средиземномъ морѣ.»

«Такъ какъ эти обѣщанія были даны, то Англія потребуетъ въ удобную минуту ихъ исполненія и будетъ имѣть на то право. Но зачѣмъ наше правительство само-

вольно закабалило нашу будущность и ради династическаго интереса покинула великіе интересы страны?»

Посмотримъ теперь, какой политикѣ относительно Англіи слѣдовалъ авторъ этихъ строкъ, когда впослѣдствіи сдѣлался повелителемъ Франціи.

Въ 1853 году французское правительство усердно домогалось своего признанія и союза Англіи. «Принцъ Лудовикъ, бывшій тогда императоромъ французовъ, говоритъ Кинглекъ въ своей исторіи «Вторженіе въ Крымъ» высказался внезапно въ пользу консервативной политики въ Турціи, предлагая дѣйствовать сообща съ одной изъ великихъ державъ Европы.

«Онъ зналъ, что Англія всегда держалась консервативной политики на востокѣ. Онъ зналъ также, что Франція въ послѣдніе годы дѣйствовала вообще въ противоположномъ смыслѣ. Ему казалось, что если онъ обѣщаетъ вовлечь Францію въ англійскую политику, то добьется такимъ образомъ союза съ королевой и займетъ въ Европѣ вліятельную роль, которая была для него необходима въ интересахъ его безопасности*).

«Для достиженія этой цѣли, продолжаетъ Кинглекъ, было недостаточно, чтобы Франція просто приняла участіе въ конференціи четырехъ великихъ державъ по восточному вопросу. Роль ея не была бы достаточно славной и замѣтной, чтобы отвратить вниманіе французовъ отъ личностей, захватившихъ ихъ дворцы и министерства. Съ другой стороны тѣсный союзъ съ одной Англіей, съ устраненіемъ обѣихъ прочихъ державъ, привелъ бы не только къ столкновенію, желательному для безопасности и благоденствія Тюйльри, но и санкціонировалъ

*) Kinglake, Invasion de la Crimée, томъ I, стр. 269, Брюссель.

бы передъ ослѣпленными глазами міра, незапятнаннымъ именемъ королевы англійской кровавыя продѣлки декабрскаго переворота.»

Пропускаемъ рядъ спеціальныхъ статей гамскаго узника по вопросу о вербованіи арміи и упомянемъ о статьѣ его «о французскихъ колоніяхъ въ Тихомъ океанѣ». Въ этой статьѣ Лудовикъ-Наполеонъ старается доказать, что Франціи не слѣдуетъ расширять свои отдаленныя владѣнія, что вмѣсто того, чтобы разбрасывать свои силы, она должна ихъ сосредоточивать и посвятить всю свою заботливость своимъ колоніямъ въ Африкѣ и Гвіанѣ, которыя, по его мнѣнію, однѣ только и важны для нея.

XI.

Какъ извѣстно, Ламартинъ былъ всегда искреннимъ противникомъ имперіи Наполеона I, и, не въ примѣръ своимъ современникамъ, никогда не воскурялъ ему ѳиміама. Будучи еще молодымъ, онъ предпочелъ отправиться въ изгнаніе, чѣмъ служить въ его арміи. Въ 1843 г. въ письмѣ, написанномъ имъ къ Шапюи-Монлавилю по поводу проекта народныхъ изданій онъ довольно строго отзывался объ эпохѣ консульства и имперіи. Понятно, что смѣлость столь славнаго писателя, позволившаго себѣ не раздѣлять удивленія Лудовика-Наполеона къ славѣ первой имперіи, весьма непріятно подѣйствовала на нашего публициста, который и написалъ по этому поводу письма къ нему и къ Шапюи-Монлавилю, изъ которыхъ послѣднее помѣстилъ въ своихъ сочиненіяхъ.

Ламартинъ судитъ слѣдующимъ образомъ о вліяніи, оказанномъ Наполеономъ I на цивилизацію:

«Является этотъ человѣкъ, говоритъ онъ о Наполео-

нѣ, и останавливаетъ революціонное движеніе въ ту самую минуту, когда оно переставало быть *конвульсивнымъ* и готово было сдѣлаться *созидающимъ*. Онъ вооружается всѣми раскаяніями, всею жаждою мести, всѣми отступничествами, которыя революція всегда разсѣваетъ на своемъ пути. Онъ возстановляетъ старый порядокъ съ новой обстановкой и новыми именами; онъ заставляетъ печать отступить назадъ до цензуры, трибуну до безмолвія, равенство до возведенія въ дворянство плебеевъ, свободу до государственныхъ тюремъ, философію и свободу вѣроисповѣданій до конкордата. Онъ всюду заглушаетъ въ Европѣ любовь къ французскимъ идеямъ, ихъ мирное сіяніе и замѣняетъ ихъ насиліемъ и завоеваніемъ. Каковъ же былъ конечный результатъ этой драмы, разыгранной однимъ актеромъ? Лишнее имя въ исторіи; по за то Европа два раза вторгалась въ Парижъ, за то границы Франціи были стѣснены, Англія спокойно осуществила на моряхъ мечту о всемірной монархіи, а въ самой Франціи свобода и просвѣщеніе массъ были задержаны на неопредѣленное время этимъ эпизодомъ славы: таково было 18-е брюмера.»

Въ своемъ возраженіи Ламартину, Лудовикъ-Наполеонъ между прочимъ говоритъ: «Я не защищаю принципъ революціи 18-го брюмера, равно какъ насильственный способъ, которымъ она была совершена. Весь вопросъ состоитъ въ томъ: спасло ли 18-е брюмера республику или нѣтъ,» и затѣмъ разражается горькими нападками на директорію, старается опровергнуть каждое изъ положеній Ламартина и доказать, что 18-е брюмера спасло Францію и свободу.

«Результатомъ имперіи, говоритъ онъ, по мнѣнію г. Ламартина было двукратное вторженіе Европы въ Па-

рижъ, безраздѣльное господство Англіи на моряхъ и пр. Это вѣрно въ томъ смыслѣ, что эти печальные результаты были произведены не торжествомъ, но паденіемъ императора. Я не защищаю систематически всѣхъ учрежденій имперіи, всѣхъ дѣйствій императора, но утверждаю, что изъ всѣхъ правительствъ, предшествовавшихъ консульству и имперіи или слѣдовавшихъ за ними, ни одно не сдѣлало въ мирное время для благоденствія Франціи и тысячной доли того, что сдѣлалъ императоръ во время войны.»

Затѣмъ онъ возвращается къ своимъ обычнымъ увѣреніямъ, что Наполеонъ I былъ душеприкащикомъ революціи, разсадникомъ ея принциповъ во Франціи и въ Европѣ.

XII.

Въ 1839 году друзья Лудовика-Наполеона, говоритъ одинъ изъ его біографовъ, Фелланъ (Fellens), основали газету Capitole, съ тѣмъ, чтобы поддерживать и распространять принципы наполеоновскаго управленія и доказывать превосходство учрежденій имперіи надъ учрежденіями, введенными въ 1815 и 1830 годахъ. Принцъ, соблазнившись величіемъ цѣли, которую ему сулили, потратилъ на это изданіе значительныя суммы. Оно существовало нѣсколько времени, но вслѣдствіе ли плохой администраціи или слабости редакціи оно не вполнѣ удовлетворило ожиданіямъ своихъ основателей и особенно намѣреніямъ племянника императора.

По этому въ 1840 году приверженцы принца посовѣтовали ему издавать вмѣсто ежедневной газеты ежемѣсячное обозрѣніе, первый и единственный нумеръ кото-

раго и вышелъ въ іюлѣ 1840 года, подъ заглавіемъ L'Idée Napoléonienne. Булонская экспедиція, происшедшая въ началѣ слѣдующаго мѣсяца, положила конецъ этому изданію. Въ этомъ обозрѣніи онъ, конечно, весьма подробно развиваетъ свою теорію наполеоновской идеи. Въ этомъ же сборникѣ помѣщена статья о пресловутой избирательной системѣ Наполеона I-го, въ которой ему приписывается заслуга введенія всеобщей подачи голосовъ: далѣе, статья о «консервативной партіи», статья «о военной организаціи Франціи» и наконецъ «о личной свободѣ въ Англіи».

Кромѣ того, въ сочиненіяхъ Лудовика есть статья, подъ заглавіемъ L'exil, въ которой онъ въ самыхъ патетическихъ фразахъ описываетъ муки и горечь изгнанія.

Лудовикъ-Наполеонъ, послѣ своего бѣгства изъ гамской крѣпости, издалъ въ 1846 году въ Англіи, на англійскомъ языкѣ, весьма подробную записку о проектѣ *канала Никарагуи*, который бы соединилъ Тихій Океанъ съ Антильскимъ моремъ.

Штаты Гватималы, Санъ-Сальвадора и Гондураса отправили въ 1849 году полномочнаго министра, Кастелдона, къ французскому правительству, чтобы просить содѣйствія его этому предпріятію, но безуспѣшно; тогда этотъ посланный отъ штатовъ центральной Америки обратился къ гамскому узнику съ предложеніемъ принять на себя руководство этимъ проектомъ канализаціи. Лудовикъ-Наполеонъ весьма охотно согласился и, послѣ своего бѣгства, издалъ помянутую записку. Онъ рѣшился было уѣхать изъ Лондона, чтобы стать въ главѣ этой великой операціи, но случайности новизны, — февральская революція, заставила его измѣнить свое рѣшеніе.

XIII.

Приступаемъ къ послѣднему, наиболѣе извѣстному изъ сочиненій Наполеона III, къ его Vie de Jules César (Жизнь Юлія Цезаря), еще недоведенному до конца

Насъ, какъ и большинство читателей, интересуетъ, конечно, не ученая сторона этого сочиненія, въ которомъ Наполеонъ III пользовался содѣйствіемъ многочисленныхъ археологовъ, литераторовъ и ученыхъ; но намъ интересно ознакомиться изъ творенія бывшаго императора французовъ съ его сокровенными мнѣніями о событіяхъ, фактахъ, имъ разсказываемыхъ, съ его философскими и политическими выводами, примѣнительно къ нашей эпохѣ, — выводами, на которые можно смотрѣть какъ на его правительственную программу, какъ на изложеніе его политическихъ и соціальныхъ теорій.

«*Жизнь Юлія-Цезаря*» есть ничто иное, какъ подробное развитіе «*Наполеоновской идеи*», которую авторъ вставилъ въ историческую рамку біографіи великаго человѣка, чтобы придать ей болѣе блеска и снискать сочувствіе массъ.

«Историческая истина, говоритъ онъ, должна бы быть столь же священна, какъ и религія..... Уроки исторіи внушаютъ намъ любовь къ прекрасному и справедливому и ненависть къ тому, что препятствуетъ прогрессу человѣчества.» Затѣмъ онъ прибавляетъ: «для того, чтобы эти уроки могли принести пользу, потребны нѣкоторыя условія: нужно, чтобы факты передавались съ строгой точностью, нужно, чтобы политическія или соціальныя перемѣны были философски анализируемы; нужно, чтобы привлекательность подробностей жизни общественныхъ дѣятелей не отвращала вниманія отъ ихъ полити-

ческой роли и не позволяла забывать ихъ *божественную миссію* (mission providentielle).»

Извѣстна теорія Лудовика-Наполеона, которую онъ развиваетъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, а именно: что провидѣніе время отъ времени посылаетъ народамъ своихъ избранниковъ, привилегированныя личности, которые направляютъ судьбы народовъ къ предназначенной имъ цѣли, которые «являются въ исторіи подобно свѣтозарнымъ маякамъ, разсѣевающимъ мракъ своей эпохи и освѣщающимъ будущность.»

Эти избранники — существа особыя, сверхестественныя, которыхъ люди не способны оцѣнить и судить, рядъ такихъ избранниковъ онъ видитъ въ Александрѣ Македонскомъ, Юліи Цезарѣ, Карлѣ Великомъ, Наполеонѣ I. Словомъ, Лудовикъ Бонапартъ проповѣдуетъ теорію самаго крайняго фатализма.

Относительно личности Цезаря нашъ авторъ выражается такъ:

«Для того, чтобы основать прочный порядокъ вещей нуженъ былъ человѣкъ, который, стоя выше мелочныхъ страстей, соединилъ бы въ себѣ существенныя качества и справедливыя идеи каждаго изъ своихъ предшественниковъ и избѣгъ ихъ недостатковъ и заблужденій. Къ величію души и любви къ народу нѣкоторыхъ трибуновъ нужно было придать военный геній великихъ полководцевъ и глубокій диктаторскій инстинктъ къ порядку и іерархіи.

«Человѣкъ, способный къ такому высокому назначенію, уже существовалъ, но можетъ быть, не смотря на свое имя, еще долго оставался бы въ неизвѣстности, если бы проницательный взоръ Силлы не открылъ его въ тол-

пѣ и своимъ преслѣдованіемъ не указалъ на него общественному мнѣнію. Этимъ человѣкомъ былъ Цезарь.»

Затѣмъ Наполеонъ III упрекаетъ историковъ въ томъ, что они унижаютъ дѣйствія геніальныхъ людей, а не стремятся подняться до ихъ пониманія, и въ подтвержденіе своихъ словъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, взятыхъ изъ жизни Цезаря.

Наполеонъ III старается снять съ Юлія Цезаря всякій укоръ въ честолюбіи, въ стремленіи къ верховной власти, забывая, что Юлій Цезарь самъ утверждалъ, что происходитъ отъ Венеры и Анка-Марція, римскаго царя, и въ похвальной рѣчи своей теткѣ Юліи выразился такъ: «Въ моей фамиліи соединены святость царей, повелителей міра, и величіе боговъ, повелителей царей.»

По словамъ нашего автора, Цезарь всегда руководился только общественнымъ интересомъ и слѣдовалъ только своимъ политическимъ убѣжденіямъ.

Такимъ образомъ, по его мнѣнію, если Цезарь спасается бѣгствомъ въ Азію, то не изъ чувства самосохраненія, но потому что онъ былъ возмущенъ проскрипціями Суллы и не хотѣлъ оставаться хладнокровнымъ ихъ зрителемъ; если онъ сближается съ Помпеемъ, стоящимъ на вершинѣ могущества, между тѣмъ, какъ самъ онъ еще не имѣлъ никакого значенія, то онъ дѣйствуетъ не изъ личнаго честолюбія, но потому, что въ глазахъ его только Помпей могъ упрочить судьбы республики. Онъ ему съ своей стороны приноситъ «прямодушное содѣйствіе» и «благородное соперничество.» Когда Цезарь нападаетъ на злоупотребленія, то это съ его стороны «доблесть и мужество», когда же это дѣлаетъ мудрый Катонъ, то онъ выказываетъ только «безразсудное усердіе.» Обви-

нять Цезаря, продолжаетъ его біографъ, въ томъ, что онъ участвовалъ въ заговорѣ Катилины, значитъ «не знать высокаго понятія, которое онъ самъ о себѣ имѣлъ, великаго уваженія, какимъ онъ пользовался, его отвращенія къ междоусобной войнѣ.» Мало того: Лудовикъ-Наполеонъ старается снять всякую вину съ Катилины, и оспариваетъ, чтобы послѣдній имѣлъ намѣреніе предать Римъ огню и мечу; онъ смѣется надъ *краснымъ призракомъ* демагогіи, выдуманнымъ Цицерономъ и Катономъ, этими представителями *старыхъ партій* эпохи Цезаря, для того, чтобы способствовать государственному перевороту сената и ловко выставить себя спасителями порядка, собственности, семьи религіи.

По мнѣнію Лудовика Бонапарта Цезарь представлялъ собою будущность и прогрессъ, вносилъ «новыя идеи» въ общество, между тѣмъ, какъ защитники умирающей римской республики, «каковы Катонъ, Цицеронъ, Гортензій, Марцеллъ были рабами предразсудковъ, препятствовали движенію, увлекавшему общество на новый путь, противились прогрессу и, не смотря на всѣ добродѣтели, служили препятствіемъ для правильнаго хода цивилизаціи; они, среди недостатковъ нѣкоторыхъ представителей власти, не умѣли отличить величія дѣла Цезаря; Цицеронъ, вмѣсто того, чтобы понять будущность и ускорить прогрессъ, противился общему порыву и отрицалъ очевидные факты. Всѣ эти люди представляли собою *старую партію*, впрочемъ, авторъ нашъ признаетъ ихъ партіей *честныхъ людей*, изъ чего затѣмъ должно слѣдовать, что противники ихъ: Катилина, Клодій и др., образовали партію людей *нечестныхъ*...

Цезарь, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, достигъ великаго результата: онъ замѣнилъ анархію энергическою

властью, которая господствовала и надъ сенатомъ и надъ комиціями.... нужно было, чтобы Цезарь могъ *руководить выборами* въ виду враждебности *старыхъ партій*. Не есть-ли это, вмѣсто исторіи Цезаря, скорѣе примѣненіе политическихъ и правительственныхъ доктринъ второй французской имперіи къ исторіи диктатуры Юлія Цезаря?

Но это не мѣшаетъ нашему автору жаловаться на нѣкоторыхъ историковъ, обвинявшихъ Цезаря въ томъ, что онъ *принялъ отъ сената лавровый вѣнокъ*. Извѣстно, что Цезарь принялъ отъ угодливаго и коварнаго сената не только классическій лавровый вѣнокъ, но и царскія обновки — тронъ, золотую корону, статую рядомъ съ статуями царей, между Тарквиніемъ гордымъ и древнимъ Брутомъ, божескія почести и загробное право быть погребеннымъ въ священной оградѣ pomoerium'a, гдѣ не воздвигали обыкновенно гробницъ. Впрочемъ, не смотря на всѣ утвержденія нашего автора, что Цезарь никогда не стремился къ верховной власти, никогда не руководился побужденіями личнаго честолюбія, а дѣйствовалъ только для общаго блага народа, историки единогласно свидѣтельствуютъ противное. Когда Цезарь отрѣшилъ отъ должности трибуновъ, снявшихъ съ его статуй повязки и діадемы, которыми ихъ увѣнчали, онъ ясно доказалъ свое намѣреніе возстановить монархію; когда онъ палъ, пораженный двадцатью тремя ударами кинжала къ подножію статуи Помпея, сенатъ уже собрался, чтобы уполномочить его носить императорскій титулъ.

Легко понять, почему авторъ «Жизни Юлія Цезаря» старается оправдать своего героя и обвинить его историковъ: потому что защищая, возвеличивая Цезаря, На-

полеонъ III оправдываетъ и восхваляетъ самого себя. Дѣйствительно, отнимите у Цезаря все, что въ немъ было добраго и великаго, его талантъ писателя, оратора, воина, государственнаго человѣка; его великія думы, его прозорливость, его великодушіе, его геній, его красоту— и мы найдемъ въ немъ нѣкоторыя сходныя стороны съ Наполеономъ III. Потомокъ Венеры и Анка-Марція подвергается преслѣдованію Силлы, сынъ королевы Гортензіи—преслѣдованію Лудовика-Филиппа; римскій диктаторъ отправляется учиться военному искуству въ Азію, въ войнѣ съ Митридатомъ,—претендентъ на французскій престолъ удовольствуется отправиться въ Форли, сражаться противъ папской арміи въ продолженіи восьми дней: этого было достаточно для славы его молодости; великій римлянинъ участвуетъ въ заговорахъ Катилины и Цизона, но ловко изъ нихъ выпутывается; швейцарскій выходецъ предпринимаетъ двѣ знаменитыя экспедиціи въ Страсбургъ и Булонь и въ обоихъ случаяхъ попадается въ ловушку...

Но, въ качествѣ правдиваго біографа, намъ необходимо указать еще на большую разницу, существующую между ними: авторъ «Жизни Юлія Цезаря» не одаренъ, подобно своему герою, высокимъ ростомъ, стройной осанкой, черными, полными жизни, глазами, нѣжною, бѣлою рукою; у него нѣтъ правильныхъ чертъ римскаго профиля, граціозной, полной нѣги, походки своего великаго образца. По свидѣтельству современниковъ, когда Юлій Цезарь являлся на форумъ, народъ рукоплескалъ ему, женщины имъ восхищались; а когда Лудовикъ Бонапартъ является передъ народомъ и арміей, въ Страсбургѣ! Булони и въ учредительномъ собраніи, его всегда привѣт-

ствовали ропотомъ и свистками. О немъ нельзя сказать того же, что Светоній говоритъ о Цезарѣ:

«Онъ никогда не имѣлъ духа сдѣлать зло.»

Вообще авторъ «Жизни Юлія Цезаря,» написавъ свою книгу, нисколько не достигъ своей цѣли, книга его никого не обманула и общественное мнѣніе справедливо увидѣло въ ней высокомѣрную и безцеремонную апологію деспотизма наполеонидовъ.

VIII

ПРИНЦЪ ЛУДОВИКЪ БОНАПАРТЪ

КАКЪ ДЕПУТАТЪ И КАКЪ ПРЕЗИДЕНТЪ РЕСПУБЛИКИ.

Жизнь нашего героя можно раздѣлить на два періода, рѣзко отличающіеся одинъ отъ другаго; въ первомъ періодѣ онъ является только какъ конспираторъ и публицистъ, а во второмъ и какъ политическая личность, дѣйствующая на государственномъ поприщѣ. Характеръ и качества ума и сердца, образъ мыслей, стремленія и способъ достиженія ихъ, — все это вполнѣ опредѣлилось въ первомъ періодѣ жизни Лудовика Бонапарта; впослѣдствіи презрѣнныя качества его природы получили лишь болѣе широкое приложеніе и проявились на обширномъ политическомъ поприщѣ, обнимающемъ громадный рядъ событій, нерѣдко связывающихся съ всемірной исторіей. Такъ какъ цѣль настоящей брошюры заключается въ томъ, чтобы очертить личный характеръ бывшаго императора французовъ, не касаясь его государственной дѣятельности въ обширномъ смыслѣ слова, то изъ втораго періода его жизни мы должны избрать только самые характеристическіе и самые рельефные эпизоды.

Коварное перо Лудовика Бонапарта, о зловредныхъ плодахъ котораго мы говорили въ предъидущей главѣ,

сослужило ему службу болѣе чѣмъ его «аустерлицкая шпага;» во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, начиная отъ страсбургской попытки и до Седана, шпага ему измѣняла, а перо, какъ сейчасъ увидимъ, обмануло умы и симпатіи французовъ и открыло ему дорогу во Францію.

Еще передъ февральской революціей комитетъ республиканской партіи газеты National, опасаясь сопротивленія арміи провозглашенію республики, что составляло естественное желаніе и стремленіе этой партіи, призналъ полезнымъ противопоставить Лудовику-Филиппу племянника Наполеона и такимъ образомъ лишить царствовавшую династію поддержки арміи. Въ лицѣ принца Лудовика Бонапарта республиканская партія прежде всего видѣла не только представителя фамиліи Наполеона I, но и публициста съ демократическимъ и республиканскимъ образомъ мыслей. Какъ только разразилась февральская революція, партія газеты National тотчасъ же послала къ принцу Лудовику, проживавшему тогда въ Лондонѣ, приглашеніе прибыть во Францію. Явившись въ Парижъ, герой нашъ, набившій руку на прокламаціяхъ и посланіяхъ, тотчасъ же адресовалъ къ членамъ временнаго правительства письмо, выражавшее его радость по случаю провозглашенія республики, преданность ей и клятвы служить ей вѣрой и правдой, до послѣдней капли крови. Однако временное правительство пригласило его удалиться, подъ тѣмъ предлогомъ, что законъ объ изгнаніи изъ Франціи членовъ фамиліи Наполеона I еще не уничтоженъ. Съ этихъ поръ личность Лудовика-Наполеона начинаетъ дѣлаться во Франціи популярной, благодаря усердію разныхъ друзей его, которыхъ онъ собралъ въ Парижѣ, во время своего краткаго пребыванія,

и благодаря поддержкѣ республиканской партіи. На улицахъ Парижа чаще и чаще началъ раздаваться крикъ «да вдравствуетъ Наполеонъ»; въ городахъ и деревняхъ также пробудилась память о Наполеонѣ I, хотя, надо замѣтить, племянника его народъ покуда зналъ мало. Вообще, онъ преимущественно обязанъ былъ не только первыми успѣхами, но и всей послѣдующей терпимости французовъ, — тѣни своего дяди.

Какъ скоро образовалось, по изгнаніи Лудовика-Филиппа, національное собраніе, принцъ Лудовикъ адресовалъ къ нему изъ Лондона посланіе (24 мая 1848 г.), по поводу того, что въ отдѣленіяхъ собранія предположено было удержать законъ объ изгнаніи изъ Франціи фамиліи Бонапартовъ. Въ этомъ посланіи онъ напомнилъ о своихъ попыткахъ, страсбургской и булонской, какъ о великихъ заслугахъ передъ Франціей, и громко протестовалъ противъ запретительнаго закона, расточая самыя горячія увѣренія своей преданности республикѣ. На этотъ разъ національное собраніе отмѣнило законъ о Бонапартахъ, въ виду возраставшей популярности принца, который въ это время былъ уже избранъ депутатомъ въ пяти департаментахъ и долженъ былъ отказаться отъ избранія, какъ изгнанникъ. Когда за тѣмъ Лудовикъ-Наполеонъ возвратился во Францію, онъ снова былъ избранъ, кромѣ означенныхъ департаментовъ, еще однимъ, и теперь принялъ выборъ; 26 сентября 1848 г. онъ въ первый разъ вступилъ въ учредительное собраніе.

Съ этихъ поръ его роль во Франціи можно сравнивать съ лисицей, забравшейся въ курятникъ. Посланія, прокламаціи и рѣчи онъ направлялъ во всѣ партіи, такъ что прежде всего сбилъ съ толку общественное мнѣніе. Въ первой произнесенной имъ рѣчи въ собраніи онъ го-

ворилъ: — «Послѣ 33 лѣтъ изгнанія и ссылки, мнѣ снова возвращено мое отечество и всѣ мои гражданскіе права! За это счастье я обязанъ республикѣ и ей приношу мою *присягу* въ признательности и преданности....» Извѣстно, какъ выполнилъ эту присягу бывшій президентъ республики! Чтобы быть послѣдовательнымъ въ измѣнѣ и клятвопреступленіяхъ, ему оставалось измѣнить монархіи, также какъ онъ измѣнилъ республикѣ; но это не было бы выгодно для его личнаго тщеславія и личныхъ интересовъ и потому онъ единственный разъ въ своей жизни остался вѣренъ тому, за что поручился.

Черезъ два мѣсяца по вступленіи въ собраніе, Лудовикъ-Наполеонъ былъ уже кандидатомъ на президента республики, выставленнымъ «партіей порядка», къ которой примыкали всѣ представители буржуазіи, а также роялисты и наполеонисты. Послѣ іюньской рѣзни въ Парижѣ, страна находилась подъ вліяніемъ паническаго страха и потому легко поддалась на удочку *спокойствія* и *порядка*, которую началъ тогда забрасывать, съ ловкостью опытнаго рыболова, Лудовикъ-Наполеонъ. Въ избирательномъ манифестѣ 27 ноября 1848 года, этотъ поклонникъ новой конституціи и преданный республиканецъ рекомендовался французамъ въ слѣдующихъ фразахъ, которыя теперь любопытно читать именно потому, что онѣ всѣ оказались совершенно противоположны дѣйствительности:

«Я не честолюбецъ, мечтающій или объ имперіи и войнѣ, или о примѣненіи разрушительныхъ теорій. Я воспитанъ въ свободныхъ странахъ, въ школѣ несчастія и всегда пребуду вѣренъ моимъ обязанностямъ.... Если я буду избранъ президентомъ, то не отступлю ни передъ какою опасностью, ни передъ какою жертвою, чтобы

защитить общество, на которое дѣлаются столь дерзкія нападенія; я безъ всякой задней мысли посвящу себя всецѣло утвержденію республики, мудрой своими законами, честной своими намѣреніями, великой и сильной своими дѣлами. Мое честолюбіе будетъ заключаться въ томъ, чтобы по истеченіи 4 лѣтъ *) передать моему преемнику укрѣпленную власть, неприкосновенную свободу и дѣйствительно совершившійся прогрессъ.»

На дѣлѣ же оказалось, что будучи избранъ президентомъ, Лудовикъ-Наполеонъ увернулся отъ необходимости, установленной конституціей, передать президентскую власть преемнику, и вмѣсто укрѣпленія республики и неприкосновенности свободы изнасиловалъ ихъ самымъ наглымъ образомъ.

Приведенный нами манифестъ метилъ на буржуазную республиканскую партію, а потомъ время отъ времени рѣчи и посланія президента обращаемы были и къ монархической партіи, и къ демократіи.

Въ засѣданіи національнаго собранія 20 декабря 1848 г. провѣрены были результаты выборовъ и гражданинъ Наполеонъ Бонапартъ, получившій 5,434,226 голосовъ, болѣе всѣхъ другихъ своихъ конкурентовъ: Кавеньяка, Ламартина, Ледрю-Роллена, Распайля и Шангарнье, провозглашенъ былъ президентомъ республики и за тѣмъ принесъ слѣдующую присягу: «Въ присутствіи Бога и передъ французскимъ народомъ, представляемымъ національнымъ собраніемъ, я клянусь пребыть вѣрнымъ демократической республикѣ, единой и нераздѣльной и исполнять всѣ обязанности, возлагаемыя

*) По конституціи 1848 г. президентъ могъ быть избранъ только на 4 года.

на меня конституціей.» Потомъ онъ обратился къ собранію съ рѣчью, въ которой сказалъ: «Выборъ націи и присяга, которую я сейчасъ принесъ, опредѣляютъ характеръ моей будущей дѣятельности. Моя обязанность указана; я выполню ее какъ слѣдуетъ *честному человѣку*. Я буду считать *врагами отечества* всѣхъ тѣхъ, кто будетъ покушаться измѣнить незаконными путями то, что установила вся Франція.... Я стремлюсь утвердить общество на его основаніяхъ, укрѣпить демократическія учрежденія и буду изыскивать всевозможныя средства, чтобы устранить бѣдствія этого благороднаго и радушнаго народа и проч.... Я призвалъ къ себѣ людей честныхъ, способныхъ и преданныхъ странѣ (?), чтобы вмѣстѣ съ вами содѣйствовать примѣненію на дѣлѣ конституціи, усовершенствованію законовъ и славѣ республики...»

Теперь посмотримъ на самую дѣйствительность.

Первымъ нарушеніемъ конституціи, первымъ превышеніемъ президентской власти было со стороны Лудовика-Наполеона подавленіе силою оружія республики въ Римѣ и возстановленіе тамъ папы Пія IX. Только за нѣсколько дней передъ этимъ Лудовикъ-Наполеонъ говорилъ, что онъ не будетъ «реакціонеромъ.»

Но такъ какъ республиканская партія въ національномъ собраніи республики, въ 1849 году, была слаба, вслѣдствіе того, что подъ вліяніемъ паники буржуазія и роялисты, а также и народъ, избѣгали выбирать крайнихъ республиканцевъ, — то расправа съ Римомъ и возстановленіе папы получили одобреніе собранія. Почувствовавъ, что въ средѣ такого собранія можно было во всѣхъ реакціонныхъ дѣйствіяхъ опираться на большинство, президентъ *республики* становится въ главѣ ярост-

наго преслѣдованія *республиканцевъ*, ихъ газетъ, собраній и проч. Какъ ни странно было подобное поведеніе президента республики, принесшаго клятву республиканской конституціи, относительно республиканцевъ, но оно совпадало съ политическими тенденціями большинства собранія, образовавшагося изъ реакціонныхъ элементовъ страны. Этотъ періодъ республики можно назвать *травлей республиканцевъ* президентомъ республики. Политическая ненависть реакціонеровъ и клерикальная злоба духовенства упивались по-горло этими преслѣдованіями.

Въ воздаяніе за это, Лудовикъ-Наполеонъ съ своей стороны началъ обнаруживать претензіи и намеки на то, чтобы «возвысить власть, не трогая истиной свободы..... укрѣпить религію..... утвердить республику, угрожаемую со всѣхъ сторонъ анархіей (это вѣрно было не со всѣхъ сторонъ, а только съ одной стороны, — со стороны президента)..... воздвигнуть руку, волю, наполеоновское знамя, которое означаетъ внутри: порядокъ, власть, религію (?), благосостояніе народа (!); извнѣ — національное достоинство.....»

Всѣ эти намеки появляются чаще и чаще въ рѣчахъ президента республики, производятъ въ странѣ недоумѣніе и удивляютъ, и внушаютъ опасеніе даже въ средѣ собранія, которое, хотя и хотѣло быть реакціоннымъ, но все-таки было далеко отъ мысли подставить свою шею Лудовику-Наполеону въ качествѣ императора. Собраніе опасалось этого болѣе, чѣмъ народъ. Отношеніе партій въ собраніи начинаетъ видимо измѣняться. Республиканская партія снова начала пріобрѣтать вліяніе на дѣла; если крайніе республиканцы-соціалисты утратили свою прежнюю силу, то умѣренная республикан-

ская и соціалистическая партія начала пользоваться сильнымъ вліяніемъ. Демократы рѣшили остаться въ покоѣ и выжидать общихъ выборовъ 1852 года, разсчитывая на свое усиленіе въ собраніи; расчетъ ихъ былъ вѣренъ, потому что сочувствіе къ нимъ въ массѣ народа выражалось весьма ясно и усердная пропаганда ихъ приносила несомнѣнные плоды успѣха. Въ Парижѣ разныя фракціи демократической партіи соединились, и частные выборы какъ въ столицѣ, такъ и во многихъ департаментахъ были въ пользу демократіи.

Все это сильно испугало консервативную и ретроградную партію собранія, которая ужасалась отъ мысли подчиниться враждебной партіи. Не менѣе конечно испугался республиканской прогрессивной партіи и президентъ республики. Онъ видѣлъ, что на выборахъ 1852 года, ему придется разстаться съ властью, и съ этого времени, инстинкты заговорщика всплываютъ на верхъ и вдохновляютъ дѣятельность Лудовика-Наполеона. Всеобщая подача голосовъ, установленная конституціей, конечно, болѣе всего угрожала и ретроградной партіи и главѣ ея — президенту республики; и вотъ они измышляютъ законъ, совершенно измѣняющій конституцію, — законъ, исключавшій изъ выборовъ огромное количество гражданъ, которые не пробыли *трехъ* лѣтъ сряду въ своей общинѣ; конституція же опредѣляла этотъ срокъ въ *шесть* мѣсяцевъ. Конечно, во всякомъ государствѣ не много найдется людей, которые бы *безвыходно* прожили три года въ своей общинѣ, особенно людей молодыхъ, удаляющихся въ ближайшіе наиболѣе населенные центры для обученія наукамъ и ремесламъ. Можно положительно сказать, что вся молодежь Франціи, все подвижное населеніе страны, было исключено изъ избиратель-

ныхъ списковъ. Большинство собранія приняло этотъ законъ, 31 мая, и такимъ образомъ всеобщая подача голосовъ — основа конституціи 1848 г., была украдена у народа, посредствомъ закона, который прямо не отвергалъ ее, а уничтожилъ косвенно, увеличивая до 3-хъ лѣтъ опредѣленный конституціей шестимѣсячный срокъ.

Республиканцы, не смотря на обнаруживавшееся въ странѣ раздраженіе, не прибѣгли однако къ насилію, не оказали никакого матеріальнаго сопротивленія этому парламентскому государственному перевороту; но они объявили, что если этотъ законъ не будетъ отмѣненъ къ выборамъ 1852 г., то они возмутся за оружіе. Реакціонная пресса изъ всѣхъ силъ старалась запугать Францію ожиданіемъ страшной междоусобицы передъ выборами 1852 года.

Президентъ республики во всякую минуту могъ воспрепятствовать закону 31 мая; но онъ не сдѣлалъ этого и воспользовался реакціоннымъ большинствомъ собранія, обязаннымъ ему за охраненіе закона 31 мая, для того, чтобы обеспечить себя въ денежномъ отношеніи: онъ выпросилъ у собранія три милліона франковъ *безотчетно* на издержки по представительству. Поощренный этимъ успѣхомъ, Лудовикъ-Наполеонъ настаивалъ, чтобы собраніе передало ему власть назначать мэровъ во всѣхъ общинахъ; но по этому вопросу легитимисты присоединились къ республиканцамъ, и законъ не прошелъ. Попытка президента захватить въ свои руки назначеніе мэровъ открыла глаза собранію и убѣдила его, что оно можетъ ожидать повторенія 18 брюмера. Съ этого времени между президентомъ и собраніемъ является недовѣріе, и та фракція реакціонной партіи, которая ни въ какомъ слу-

чаѣ не хотѣла имперіи, угрожала ему въ соединеніи съ республиканской партіей грозной оппозиціей. Общественное мнѣніе страны также было испугано слухами объ ожидаемомъ государственномъ переворотѣ. Но Лудовикъ-Наполеонъ, планы котораго въ то время еще не достигли надлежащей зрѣлости, поспѣшилъ успокоить общественное мнѣніе рѣчью произнесенною въ Ліонѣ. Французы и Европа вообще долго не могли привыкнуть къ рѣчамъ Наполеона; люди всегда болѣе или менѣе довѣрчивы и въ силу своихъ добрыхъ инстинктовъ способны всегда признавать хотя нѣкоторую долю правды въ рѣчахъ людей, облеченныхъ общественнымъ довѣріемъ и властью. Лудовикъ-Наполеонъ, зная слабости людей, никогда не стѣснялся въ размѣрѣ лжи; онъ лгалъ всегда такъ, что въ его словахъ не было даже и тѣни правды. «Можетъ быть, и до васъ, господа, говорилъ онъ ліонской буржуазіи, дошли слухи о государственномъ переворотѣ, но вы, конечно, не повѣрили имъ и я благодарю васъ за то. Неожиданность и *узурпація* могутъ быть мечтою партій, не имѣющихъ опоры въ націи; но избранникъ 6 милліоновъ исполняетъ волю народа и не измѣнитъ ей... Но если съ *другой стороны* обнаружатся притязанія и будутъ угрожать спокойствію Франціи, то я съумѣю довести ихъ до безсилія, обратясь еще разъ къ верховной власти народа, ибо я не за кѣмъ не признаю права называть себя представителемъ народа болѣе чѣмъ я.»

Чего же было надо: вполнѣ разувѣрилъ относительно государственнаго переворота, а потомъ въ послѣднихъ словахъ рѣчи пригрозилъ, чтобы не мѣшали его предпріятіямъ, если хотятъ быть цѣлы.

Подобныя же рѣчи произнесены были странствую-

щимъ президентомъ и въ другихъ мѣстахъ Франціи, при чемъ онъ напоминалъ французамъ о своемъ дядѣ и увѣрялъ ихъ, что онъ спасъ Францію отъ анархіи, потому что имѣлъ въ рукахъ сильную власть и что слѣдовательно страна вправѣ ожидать и отъ племянника цѣлую пропасть добра, если снабдитъ его большей властью.

Составившееся во Франціи, «общество бонапартистовъ», извѣстное подъ именемъ общества 10 декабря, начало уже выходить изъ своей безвѣстности и чтобы сдѣлаться популярнымъ, производило драки и скандалы во имя патріотизма и повсюду во все горло кричало «да здравствуетъ Наполеонъ».

Главнокомандующимъ парижской арміей былъ генералъ Шангарнье, который былъ вѣрнымъ стражемъ національнаго собранія и въ полномъ смыслѣ слова конституціоннымъ генераломъ. Начали говорить, что общество 10 декабря устроиваетъ противъ Шангарнье и еще противъ президента собранія Дюпена заговоръ съ цѣлью убить ихъ обоихъ. Назначено было слѣдствіе, которое ничего не открыло; но общество бонапартистовъ, благодаря молвѣ, выдвинулось еще болѣе и представляло себя оклеветаннымъ.

Лудовикъ-Наполеонъ продолжалъ играть съ общественнымъ мнѣніемъ своими рѣчами, а втайнѣ съ постепенностью подготовлялъ свой дерзкій заговоръ противъ республики. Прежде всего, конечно, нужно было имѣть преданныхъ генераловъ, командующихъ крупными единицами войска; а Шангарнье былъ генераломъ преданнымъ собранію; также и многіе другіе генералы оставались вѣрными республикѣ и ея правительству. Наполеонъ постепенно всѣхъ ихъ уволилъ и наконецъ смѣнилъ генерала Шангарнье. По поводу увольненія его въ собраніи

поднялись бурныя пренія, среди которыхъ Тьеръ сказалъ: «имперія уже готова.»

Главной заботой Лудовика-Наполеона было сыскать себѣ военнаго министра, который былъ бы и преданнымъ ему, и извѣстенъ своими дарованіями, заслугами и авторитетомъ въ арміи. Среди его сообщниковъ не оказывалось ни одного такого человѣка, и Наполеонъ не задумался создать его искуственнымъ образомъ и вообще пріобрѣсти нѣсколькихъ генераловъ въ своемъ вкусѣ, какихъ онъ не имѣлъ на-готовѣ въ арміи. Онъ изобрѣлъ съ этой цѣлью экспедицію въ Кабиллію, которая и была поручена генералу Сентъ-Арно, не отличавшемуся ни однимъ изъ качествъ, требуемыхъ положеніемъ военнаго министра. Нѣсколько тысячъ арабовъ-кабилловъ и французовъ обречены были на смерть единственно для того, чтобы прославить на всю Францію военные подвиги Сентъ-Арно и вообще «сдѣлать» достаточное число новыхъ генераловъ. Когда все это, т. е. прославленный военный министръ и генералы, были готовы, (исполненіе чего было возложено на маіора Флери, закончившаго свою карьеру, какъ извѣстно, представителемъ французской имперіи въ Петербургѣ), Наполеонъ повелъ дѣло смѣлѣе. Въ провинціяхъ по случаю приближающагося срока президентству Лудовика-Наполеона, возникла бонапартистская агитація въ пользу продленія власти президента, съ тѣмъ, чтобы была измѣнена и конституція, противъ чего, естественно, сопротивлялась республиканская партія, такъ какъ при дѣйствіи закона 31 мая всякое измѣненіе конституціи въ реакціонномъ смыслѣ могло быть легко достигнуто. И Наполеонъ началъ уже открыто жаловаться на собраніе: «Если мое правительство, говорилъ онъ въ Дижонѣ, не могло многаго улучшить,

чего оно желало, то причиною этого были происки партій... Въ теченіи трехъ лѣтъ національное собраніе постоянно содѣйствовало мнѣ лишь въ мѣрахъ строгости; но когда я хотѣлъ дѣлать добро, улучшать участь народа, оно не давало мнѣ этого содѣйствія... Если Франція признаетъ, что не имѣютъ права распоряжаться ею безъ нея самой, то пусть только скажетъ это,—мое мужество и моя энергія не измѣнять ей.» Рѣчь эту Лудовикъ-Наполеонъ закончилъ слѣдующими пророческими словами: «И вѣрьте, господа, Франція не погибнетъ въ моихъ рукахъ!»

Пересмотръ конституціи, котораго добивался президентъ, отвергнутъ былъ собраніемъ. Это было въ іюлѣ 1851 г. Республиканская партія и въ собраніи и въ странѣ значительно усиливалась и ожидаемые выборы 1852 г., обѣщали торжество республикѣ. А между тѣмъ страхъ и опасенія государственнаго переворота въ свою очередь росли во Франціи, также какъ и ретроградная партія трепетала передъ ожидаемымъ успѣхомъ республики.

Первымъ подготовительнымъ дѣйствіемъ къ 2 декабря 1852 г. была перемѣна министерства, которое было образовано исключительно изъ людей, преданныхъ Лудовику Бонапарту, назначеніе генерала Сентъ-Арно военнымъ министромъ и бывшаго префекта департамента Верхней Гаронны Мопа префектомъ полиціи. И для того, чтобы привести въ исполненіе заговоръ, оставалось найти предлогъ, видимую причину, которая бы оправдывала *необходимость* этого преступленія, если только слово *необходимость* можетъ въ какомъ бы то ни было случаѣ быть прилагаемо къ преступленію. Этотъ

предлогъ нашелся въ дѣятельности національнаго собранія, съ открытіемъ его сессіи въ ноябрѣ 1851 г.

Правая сторона, состоявшая изъ реакціонныхъ элементовъ, опасаясь государственнаго переворота, предприняла охранить себя военной силой, для чего и было внесено квесторами собранія предложеніе, чтобы въ приказы по арміи введена была, какъ законъ, статья декрета 11 мая 1848 г., предоставляющая право президенту національнаго собранія, для охраненія безопасности, требовать вооруженную силу, прямо отъ офицеровъ и командировъ, которые обязаны повиноваться этому требованію, подъ страхомъ наказанія. Президентъ республики въ свою очередь въ адресованномъ къ національному собранію посланіи предлагалъ отмѣнить законъ 31 мая и возстановить всеобщую подачу голосовъ На этихъ двухъ вопросахъ правая и лѣвая (республиканская) стороны собранія никакимъ образомъ не могли сойтись. Относительно отмѣны стѣснительнаго закона 31 мая лѣвая сторона стояла на сторонѣ этого предложенія, а относительно военной силы она опасалась, чтобы правая стороны не употребила ее для своихъ реакціонныхъ цѣлей. Правая сторона въ предложеніи президента отмѣнить законъ 31 мая, который былъ созданъ прежде при его содѣйствіи, видѣла заговоръ его вмѣстѣ съ крайне республиканской партіей противъ правой стороны, а въ предложеніи квесторовъ о военной силѣ находила необходимое средство защищать свое существованіе противъ государственнаго переворота, въ которомъ болѣе уже не сомнѣвалась. Президентъ и наполеоновская партія объясняли съ своей стороны предложеніе квесторовъ недовѣріемъ къ исполнительной власти.

Предложеніе объ отмѣнѣ закона 31 мая было отверг-

нуто большинствомъ 6 голосовъ; что же касается предложенія квесторовъ, то министры внутреннихъ дѣлъ и военный заявили собранію 10 ноября, что декретъ 11 мая (о военной силѣ) дѣйствуетъ и находится передъ глазами войскъ; что права президента собранія требовать эту силу не оспоримы и что за тѣмъ нѣтъ надобности вотировать предложенія квесторовъ. Заявленіе это было записано въ протоколъ, но на другой день оба министры адресовали собранію письмо, въ которомъ прямо отрекались отъ сдѣланнаго наканунѣ заявленія, утверждая, что они не говорили ничего подобнаго. Послѣ споровъ объ этомъ фактѣ, въ которыхъ собраніе и министры держались каждая сторона своего увѣренія, нужно было вотировать предложеніе; лѣвая сторона, въ виду того, что министры начали настойчиво отвергать права президента собранія требовать непосредственно военную силу для охраненія безопасности собранія, и настаивали, что это было бы вмѣшательствомъ въ права президента республики, хотя и склонилась нѣсколько въ пользу предложенія квесторовъ, но при вотированіи предложеніе это было отвергнуто 108 голосами.

Наполеонъ ожидалъ совершенно противнаго; ему хотѣлось, чтобы предложеніе квесторовъ было принято; тогда онъ имѣлъ бы поводъ прямо обвинять собраніе въ заговорѣ противъ него и привести въ исполненіе въ ноябрѣ же свой замыселъ государственнаго переворота; теперь же ему осталось только выставить тотъ фактъ, что національное собраніе, не принявъ предложенія объ отмѣнѣ закона 31 мая, уничтожило такимъ образомъ въ принципѣ всеобщую подачу голосовъ и что за тѣмъ онъ, клявшійся въ вѣрности конституціи, долженъ защищать главную основу этой конституціи и право народа. Отно-

сительно же предложенія квесторовъ, отвергнутаго собраніемъ, бонапартистическая партія объявляла, что оно имѣло цѣлью — какъ скоро *было бы* принято, арестовать президента республики и его министровъ и насильственно лишить ихъ власти. Однимъ словомъ, Лудовикъ-Наполеонъ и его партія свой замыселъ, давно задуманный и постепенно подготовленный, — замыселъ государственнаго переворота, сваливали на національное собраніе, которому не было никакой надобности лишать власти президента, который, въ силу конституціи, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, за истеченіемъ четырехлѣтняго срока, долженъ былъ оставить свой постъ.

Но если не было лучшихъ поводовъ, чтобы совершить преступленіе 2 декабря, то виновникъ его призналъ достаточными и тѣ, которые онъ изобрѣлъ, и поспѣшилъ привести свой замыселъ въ исполненіе, чтобы удержать въ своихъ рукахъ власть, съ которой, иначе, приходилось скоро разстаться.

IX

ПЕРЕВОРОТЪ 2 ДЕКАБРЯ И ИМПЕРІЯ.

Довѣренными друзьями Наполеона и исполнителями его заговора противъ конституціи, національнаго собранія и противъ страны были: Морни, Персиньи — урожденный Фіаленъ, маіоръ Флерц — адъютантъ президента, Сентъ-Арно — военный министръ, Мопа — префектъ полиціи, Маньянъ, продавшій себя Лудовику-Наполеону, Мокаръ — его секретарь, и Вьейра — начальникъ штаба національной гвардіи.

Имѣя въ рукахъ центральную власть и военную силу, Лудовикъ Бонапартъ не нуждался въ какомъ либо сложномъ и хитромъ планѣ: достаточно было арестовать членовъ собранія, занять зданіе, обнародовать декреты и распоряженія, низвергающіе существующее правительство, и задержать независимыя газеты; все это сдѣлать было не трудно, особенно если напасть по корсикански — ночью, на спящихъ, что́ и было дѣйствительно сдѣлано.

День 2 декабря избранъ былъ потому, что это была годовщина аустерлицкой битвы. Вечеромъ 1 декабря у президента былъ обыкновенный пріемъ и никто не до-

гадывался о близкой катастрофѣ. Вьейра озаботился, чтобы національная гвардія была заперта въ казармахъ и чтобы всѣ барабаны были испорчены. Рукописи декретовъ и прокламацій отнесены были въ національную типографію, которая была окружена ротой жандармовъ и изъ которой не смѣлъ никто выйти подъ опасеніемъ быть убитымъ; документы эти, напечатанные въ огромномъ числѣ экземпляровъ, въ 5 часовъ утра доставлены были въ префектуру. Самъ глава заговора всю ночь писалъ письма къ своимъ министрамъ объ увольненіи ихъ отъ должностей и, говорятъ, обнаружилъ обыкновенную свою трусость, когда настала минута дѣйствовать; но маіоръ Флери пригрозилъ будто бы ему пистолетомъ, если онъ отступитъ назадъ. Такой краснорѣчивый аргументъ, особенно если Лудовикъ-Наполеонъ не сомнѣвался въ крайней рѣшительности характера своего адъютанта, былъ достаточенъ для того, чтобы въ дѣло пущены были всѣ жестокости, въ которыхъ вовсе не предстояло никакой нужды.

Въ 6 часовъ утра декреты и прокламаціи узурпатора были уже приклеены полицейскими разнощиками по всѣмъ улицамъ Парижа, и начались аресты депутатовъ и вліятельныхъ гражданъ, не смотря на то, что по конституціи первые неприкосновенны; сорокъ полицейскихъ коммисаровъ получили отъ префекта полиціи приказы объ арестованіи депутатовъ, мотивированные тѣмъ, что они обвиняются въ «заговорѣ противъ безопасности государства и въ незаконномъ держаніи оружія.» Прежде всѣхъ были арестованы генералы Бедо — вице-президентъ собранія, Кавеньякъ, Шангарнье, Ламорисьеръ и Лефло, полковникъ Шаррасъ и вліятельный представи-

тель трибуны—Тьеръ. Нечего и говорить, что многіе республиканскіе депутаты также подвергнуты были аресту.

Хитростью проникли во дворецъ національнаго собранія, и войска, начальники которыхъ участвовали въ заговорѣ, заняли выходы дворца. Депутаты и квесторы собранія, жившіе во дворцѣ, были арестованы полицейскими коммисарами въ ихъ спальняхъ. Депутатъ Базъ отчаянно сопротивлялся, но долженъ былъ уступить наглому насилію; при чемъ схвачена была коммисарами и полуодѣтая m-me Базъ, побѣжавшая было къ окну, чтобы требовать помощи. Генералъ Лефло былъ арестованъ подобнымъ же образомъ. Шангарнье, Бедо и Шаррасъ хотѣли сопротивляться оружіемъ, но ограничились только угрозами и словопреніями, въ виду превосходящей силы. Во время пути въ Мазасъ генералъ Бедо обращался было изъ окна кареты къ гражданамъ и просилъ помощи, но полицейскіе солдаты разогнали оружіемъ собравшуюся толпу. Когда Ламорисьеръ пытался было взывать о помощи, коммисаръ вынулъ изъ кармана намордникъ и пригрозилъ надѣть его на генерала. Кромѣ насилія, при арестахъ были въ ходу подкупы прислуги.

Персиньи, или Фіаленъ, наблюдавшій за исполненіемъ заговора, побѣжалъ въ Тюйльри, чтобы извѣстить обо всемъ своего патрона.

Войска заняли національное собраніе и окружили, для охраненія, Елисейскій дворецъ; около 7 часовъ утра узурпаторъ имѣлъ уже въ своемъ распоряженіи до 25,000 пѣхоты и 6 тысячъ артиллеріи. Въ этотъ часъ все уже было кончено; новые министры вступили въ свои должности и Парижъ, а потомъ и вся Франція прочитали декретъ, которымъ національное собраніе и государственный совѣтъ объявлялись распущенными, всеобщая

подача голосовъ возстановленной; французскій народъ созывался въ комиціи отъ 14 до 21 декабря; первый военный округъ объявлялся на военномъ положеніи.

Въ прокламаціи къ гражданамъ, собраніе, (т. е. арестованные его члены) обвинялись въ заговорѣ противъ власти президента и въ стремленіи произвести гражданскую войну; народъ призывался быть судьей между собраніемъ и президентомъ республики. Убѣждая націю дать ему продолжительную власть и обѣщая ей за то всѣ земныя блага, Лудовикъ-Наполеонъ предложилъ вотировать слѣдующія главныя основанія конституціи: отвѣтственный глава назначается на 10 лѣтъ; министры зависятъ только отъ исполнительной власти; государственный совѣтъ приготовляетъ проекты законовъ и поддерживаетъ ихъ въ законодательномъ корпусѣ; законодательный корпусъ, избираемый всеобщей подачей голосовъ, вотируетъ и обсуждаетъ безъ открытой подачи голосовъ; другое собраніе, составленное изъ знаменитостей страны должно представлять власть уравновѣшивающую, охранителя общественнаго договора и общественныхъ правъ и вольностей. За тѣмъ слѣдовали увѣренія въ томъ, что не только Франція, но и Европа будетъ благоденствовать, если народъ приметъ предлагаемую систему. Прокламаціи къ войску и къ жителямъ Парижа имѣли тотъ же обольщающій и лживый характеръ, съ которымъ читатель успѣлъ уже достаточно ознакомиться изъ приведенныхъ выше образчиковъ. Главная черта всѣхъ этихъ прокламацій была та, что президентъ хочетъ спасти и поддержать *республику*, которой угрожало собраніе, и для этого обратился къ верховной власти народа.

Первое впечатлѣніе, произведенное прокламаціями и декретами Наполеона было таково, что большинство,

т. е. рабочій классъ и вообще массы, увидѣли въ переворотѣ возстановленіе всеобщей подачи голосовъ, паденіе роялистскаго большинства, утвержденіе республики; они увидѣли именно то, что указано было въ прокламаціяхъ Наполеона, но нарушенія конституціи и грядущаго деспотизма въ видѣ имперіи народъ не видалъ. Іюньская рѣзня внушила народу глубокую ненависть къ буржуазіи и потому онъ даже не безъ удовольствія смотрѣлъ на то, что національное собраніе было разогнано и корифеи буржуазіи подвергнуты аресту.

Чтобы это впечатлѣніе, благопріятное для узурпатора, не было уничтожено республиканскими газетами, онѣ всѣ были закрыты.

Трагическія столкновенія заговорщиковъ съ защитниками конституціи были слѣдующія: Утромъ 2-го декабря собралось было нѣсколько депутатовъ въ залѣ національнаго собранія, куда они проникли чрезъ одну калитку, оставшуюся безъ караула, который былъ приставленъ заговорщиками ко всѣмъ входамъ; но вскорѣ по приказанію Морни дворецъ національнаго собранія былъ очищенъ отрядомъ солдатъ. Президентъ собранія Дюпенъ обнаружилъ при этомъ столь слабый протестъ, что солдаты приняли его лишь за проформу, хотя впрочемъ и болѣе сильный протестъ не имѣлъ бы послѣдствій, потому что приходилось имѣть дѣло съ вооруженной силой. Потомъ депутаты, оставшіеся не арестованными, собрались у Одилдона Барро и подписали протестъ, которымъ объявляли Наполеона Бонапарта лишеннымъ должности президента, созывали верховный судъ и генеральные совѣты и воспрещали всѣмъ хранителямъ казенныхъ суммъ выдавать деньги безъ приказанія законной власти, подъ страхомъ отвѣтственности.

Депутаты изгнанные изъ дворца собрались отправиться въ мерію X округа; къ нимъ присоединились еще многіе, пришедшіе по одиначкѣ, такъ что къ 11 часамъ собралось около 300 членовъ — большею частію правой стороны. Собралось также нѣсколько публики и національныхъ гвардейцевъ. Составившееся такимъ образомъ засѣданіе было весьма бурно; были приготовлены декреты о низложеніи президента, объ отдачѣ его подъ судъ, о назначеніи главнокомандующаго арміей и т. п.; даже успѣли эти декреты отдать въ типографію для напечатанія; но все это окончилось тѣмъ, что полицейскіе сержанты и военные отряды, не смотря на сопротивленіе депутатовъ, силою захватили ихъ и препроводили въ тюрьму. Республиканскія газеты пытались бы появиться въ свѣтъ послѣ того, какъ типографіи ихъ были заняты полиціей, но эти попытки ограничились выпускомъ лишь нѣсколькихъ сотень экземпляровъ прокламацій.

Между тѣмъ собрался верховный судъ, провозгласивъ себя открытымъ, на основаніи конституціи, для сужденія фактовъ, свидѣтельствующихъ о нарушеніи конституціи президентомъ республики. Но во время засѣданія 2-го декабря отрядъ войска потребовалъ, чтобы судъ разошелся; солдаты со штыками на ружьяхъ вошли въ комнату засѣданія, угрожая судьямъ арестомъ. Судьи повиновались, уступая этому насилію. Слабое сопротивленіе судебныхъ чиновниковъ было впослѣдствіи оцѣнено Наполеономъ, который оставилъ ихъ на своихъ мѣстахъ, а они принесли ему присягу въ вѣрности.

Народонаселеніе Парижа въ день 2-го декабря встрѣтило холодно Наполеона, когда онъ проѣхалъ нѣсколько улицъ верхомъ, окруженный блистательной свитой. Изъ

толпы часто слышался возгласъ: да здравствуетъ республика.

Члены лѣвой стороны закрытаго національнаго собранія, въ противоположность правой сторонѣ, которая, какъ мы видѣли, предприняла легальный способъ сопротивленія, были убѣждены, что для спасенія республики остается только обратиться къ народу, призвавъ его къ оружію. Въ главѣ лѣвой стороны находился Викторъ-Гюго. Они обнародовали прокламацію, въ которой раскрыли передъ народомъ дѣйствительный смыслъ совершившагося событія. За тѣмъ рѣшено было, что на другой день республиканскіе депутаты отправятся въ наиболѣе многолюдныя части города и начнутъ строить баррикады. Къ вечеру 2-го декабря движеніе и раздраженіе въ массахъ народа возрасло; въ латинскомъ кварталѣ и на бульварахъ были большія толпы народа. Но въ сумеркахъ городъ былъ очищенъ войскомъ почти безъ сопротивленія. На другой день, т. е. 3-го декабря, составлено было Наполеономъ новое министерство, въ составъ котораго входили личности, сдѣлавшіяся потомъ столь извѣстными: Морни, главный исполнитель переворота, являлся теперь министромъ внутреннихъ дѣлъ, Руэръ — министромъ юстиціи и т. п. Кромѣ того, образована была «Совѣщательная Коммисія», въ составъ которой входили нѣкоторые изъ членовъ консервативной партіи національнаго собранія.

Коммисія эта окончательно была составлена только къ 15-му декабря.

Система защиты, придуманная г. Морни противъ готовившейся инсуррекціи, какъ видно изъ даннаго имъ наставленія префекту полиціи, состояла въ томъ, чтобы

«покорять голодомъ и наводить ужасъ.» Въ этомъ наказѣ видѣнъ министръ Лудовика Бонапарта.

Волненіе началось въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ постройкой баррикады, на которой палъ геройской смертью одинъ изъ народныхъ представителей докторъ Боденъ. Слухъ о его смерти быстро распространился по городу и усилилъ волненіе въ массахъ; на баррикадахъ было много и другихъ народныхъ представителей и разныхъ знаменитостей страны — политическихъ, литературныхъ и т. п. Въ отвѣтъ на прокламаціи защитниковъ конституціи клевреты Наполеона выпускали свои прокламаціи, исполненныя всевозможныхъ угрозъ. Военный министръ Сентъ-Арно распорядился, чтобы гражданъ, строющихъ и защищающихъ баррикады, или взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ, — разстрѣливать безъ суда. Приказъ этотъ приводился въ исполненіе съ усердіемъ и быстротою достойными лучшаго дѣла. Число жертвъ, конечно, покрыто мракомъ неизвѣстности. Судя потому, что волненіе разросталось въ теченіи 3—4 дней и даже угрожало серьезнымъ сопротивленіемъ, можно думать, что число разстрѣлянныхъ гражданъ достигаетъ десятковъ тысячъ обоего пола.

Наполеонъ III вступилъ на свой шаткій престолъ чрезъ груды труповъ своего народа, такъ же какъ и паденіе его совершилось при громѣ нѣмецкихъ пушекъ, проливавшихъ французскую кровь.

Чтобы поощрить во время декабрьскаго переворота солдатъ къ истребленію «демагоговъ» Лудовикъ-Наполеонъ отдалъ имъ всю свою казну, состоявшую изъ 50 тыс. фр.

Если французскіе солдаты не оказали въ войнѣ съ нѣмцами достаточной храбрости; если офицеры и гене-

ралы не выказали своихъ военныхъ познаній и дарованій, то въ своей гражданской войнѣ, съ безоружными гражданами они были настоящими героями. Гранаты и ядра неутомимо разрушали баррикады, выстроенныя изъ всякаго хлама и опрокинутыхъ экипажей, и нещадно истребляли ихъ защитниковъ: на нѣкоторыхъ баррикадахъ избіеніе было поголовное; стрѣляли вообще и въ праваго и въ виноватаго. Парижъ плавалъ въ своей собственной крови, и въ концѣ концовъ побѣда осталась за узурпаторомъ. Это было вечеромъ 4-го декабря. Убійство восторжествовало!

Затѣмъ великодушный побѣдитель принялся за мирную расправу — путемъ тюрьмы и ссылки въ Кайэну и высылки за границу безъ суда. Въ теченіи нѣсколькихъ дней всѣ тюрьмы и отдѣльные форты внѣшнихъ укрѣпленій были наполнены арестованными *республиканцами*, это была ихъ единственная вина *противъ* президента *республики*.

Многіе департаменты объявлены были на военномъ положеніи, пресса и общественныя заведенія подчинены строжайшему надзору и стѣсненію, духовенство осыпано милостями. Всеобщая подача голосовъ дала результатъ, желаемый узурпаторомъ. Какими способами достигнутъ былъ этотъ результатъ, — это всѣмъ извѣстно: подкупы, угрозы, обольщенія, обѣщанія и вліяніе духовенства были главнѣйшими вспомогательными средствами Лудовика Бонапарта. Въ своей рѣчи по поводу этой баллотировки, Лудовикъ-Наполеонъ сказалъ, что онъ «отступилъ отъ законности, для того, чтобы возвратиться къ праву.» На это ему отвѣтили его клевреты: да здравствуетъ Наполеонъ, да здравствуетъ президентъ! Духовенство начало призывать своими молитвами божію милость на главу

президента и пропѣло по всей Франціи: Domine, salvum fac Ludovicum-Napoleonem!...

Республиканскія учрежденія были постепенно перестроены на монархическія и наконецъ въ декабрѣ слѣдующаго года принцъ-президентъ принялъ изъ рукъ своего раболѣпнаго сената титулъ: «Наполеонъ III Божіею милостію и волею народа, императоръ французовъ.»

Лавочники парижскіе выстроили тріумфальную арку съ надписью: «Наполеону III, спасителю новой цивилизаціи.»

Для поддержанія воздвигнутаго такимъ образомъ трона, строители его — гг. Морни, Фіаленъ-Персиньи, Флери, Сентъ-Арно, урожденный ле-Руа, и т. д. создали особую, приспособленную прямо для этой цѣли иностранную политику, которая состояла въ совершенной противоположности извѣстному изрѣченію: «Имперія — это миръ!»

Первымъ актомъ этой международной драмы была крымская война, укрѣпившая на долго вновь воздвигнутый тронъ. Вводнымъ лицомъ въ этой драмѣ былъ также и бывшій первый министръ Англіи лордъ Пальмерстонъ. Но возвратимся къ нашему герою.

Для укрѣпленія династическаго, Наполеону III было необходимо вступить въ бракъ; сначала онъ простиралъ свои виды на одну изъ внучекъ герцогини Стефаніи Баденской, состоявшихъ въ родствѣ — одна съ австрійскимъ домомъ, а другая съ Гогенцоллернами; но попытка эта окончилась благовиднымъ отказомъ и онъ избралъ себѣ невѣстой дѣвицу Монтихо, графиню Теба.

Въ обнародованныхъ недавно парижскимъ правительствомъ секретныхъ бумагахъ заключаются слѣдующія свѣдѣнія о графинѣ Теба, матери экс-императрицы Ев-

геніи: «Улица Сент-Антуанъ, № 10, въ третьемъ этажѣ. Съ 1-го апрѣля 1848 года проживаетъ донна Монтихо, называемая графиней Теба, съ дочерью Евгеніей. Донна Монтихо — вдова испанскаго эмигранта донъ-Монтихо, графа Теба. Графскій титулъ не признанъ. Донна Монтихо, разведенная съ мужемъ, переселилась вмѣстѣ съ дочерью во Францію, потомъ отправилась въ Англію, опять возвратилась во Францію, откуда уѣхала въ Испанію и, наконецъ, вернулась въ Парижъ. Въ 1825 году жила по Шосѐ-д'Антенъ, № 8. У ней собирались дамы легкаго поведенія и кутилы преклонныхъ лѣтъ; объ этомъ было донесено полиціи. Въ 1828 году она удалилась въ Англію изъ-за долговъ, а дочь свою оставила въ пансіонѣ. До 1836 года нѣтъ никакихъ замѣчаній. Въ ноябрѣ 1838 года она возвратилась въ Парижъ; за ней наблюдали шесть недѣль. Потомъ три года безъ отмѣтокъ. Въ маѣ 1842 года кассиръ Анри въ ея квартирѣ произвелъ покушеніе на самоубійство. Подозрѣніе въ запрещенной игрѣ. Дочь ея Евгенія подала поводъ къ дуэли полковника Сурвильѐ съ капитаномъ Флозу. Полицейскій комиссаръ Носѐ сообщаетъ: «Донна Монтихо не имѣетъ доходовъ, источникъ которыхъ былъ бы извѣстенъ, водится съ немолодыми отставными офицерами съ хорошимъ состояніемъ и распущенными нравами; квартира отдѣлана комфортабельно; платитъ 1,800 франковъ за наемъ. Дочь Евгенія — красавица-блондинка съ изящными манерами, имѣетъ многихъ поклонниковъ.»

Сдѣлавшись императоромъ, Наполеонъ III озаботился тотчасъ же организовать блестящій дворъ, и обрядъ его бракосочетанія совершенъ былъ также самымъ блестящимъ образомъ. Ожерелье, заказанное городомъ Парижемъ, но купленное Наполеономъ III на казенныя день-

ги, вслѣдствіе того, что будущая императрица пожелала, чтобы вотированныя Парижемъ на ожерелье деньги были употреблены на благотворительныя дѣла, стоило 600.000 фр.; поясъ невѣсты, стягивавшій дорогое кружевное платье, украшенъ былъ алмазами и сапфирами, оставшимися отъ первой имперіи; шлейфъ императрицы носила принцесса Матильда, разведенная жена Анатолія Демидова, богатаго русскаго заводчика; самъ Наполеонъ имѣлъ на себѣ цѣпь Почетнаго Легіона Наполеона I и цѣпь Золотаго Руна Карла V, которыми онъ самъ себя пожаловалъ, какъ преемникъ и того и другаго. Придворные и государственные чины, депутаціи, ассоціаціи и вся обычная при подобныхъ торжествахъ обстановка, довершали блескъ торжества; изъ провинцій пріѣхало въ Парижъ до 200.000 зѣвакъ разныхъ слоевъ общества. Но привѣтственные крики народа были не особенно громки, если принять въ расчетъ всѣхъ тѣхъ, которые кричали по найму, или, такъ сказать, по службѣ. Продажная журналистика и придворные поэты, литераторы и физіономисты долго расточали новобрачнымъ льстивыя похвалы, которыхъ было бы достаточно для всѣхъ королевскихъ свадьбъ, бывшихъ во Франціи. Императрица Евгенія была провозглашена одной изъ красивѣйшихъ головъ Европы; а по уму, характеру и дарованіямъ поставлена выше всѣхъ женщинъ, когда либо существовавшихъ. Замѣтимъ здѣсь, что все имѣетъ свои границы, но лесть ихъ не имѣетъ...

Придворный этикетъ и моды сдѣлались первымъ предметомъ новой императрицы, заботившейся о внѣшнемъ блескѣ своего двора еще болѣе, чѣмъ ея достопамятный супругъ. Прежде всего она потребовала, чтобы изгнаны были черные фраки и введены короткіе панталоны съ

высокими чулками. Около половины Тюйльри занято было подъ модныя мастерскія императрицы, ея гардеробы и разные снаряды, какъ напр. манкенъ, для примѣриванія платьевъ, опускавшійся механически изъ верхняго этажа. Но не смотря ни на что, французскій дворъ, какъ извѣстно, имѣлъ характеръ мѣщанско-солдатскій; отъ всего отдавало прилавкомъ и казармой; лучшимъ цвѣтомъ двора были чиновники императора. Затѣмъ императрица озаботилась установить наилучшія отношенія съ духовенствомъ всѣхъ цвѣтовъ, не исключая, конечно, и іезуитовъ. Ордена почетнаго легіона, которые, по статуту, давались за особенныя заслуги странѣ, посыпались во всѣ стороны: и на лавочниковъ, и на шпіоновъ, и на придворно-литературныхъ льстецовъ, и усугубляли блескъ новаго двора. Чтобы дать понятіе о роскоши, которую старались всѣми силами распространить и усилить въ Парижѣ, достаточно упомянуть, что на устройство бала, даннаго императрицѣ законодательнымъ корпусомъ, истрачено по 460 фр. на человѣка!

Во время переговоровъ о заключеніи парижскаго трактата, именно 15-го марта 1856 г., Морни, въ качествѣ предсѣдателя законодательнаго корпуса, объявилъ своимъ сочленамъ, что у императрицы начались родовыя боли. Собраніе прекратило засѣданіе; ходившіе между депутатами слухи возбуждали опасеніе трудныхъ родовъ. Во время сильныхъ болей императрица сжимала въ своихъ рукахъ какой-то талисманъ, подаренный ей императоромъ, точно также какъ и онъ во время Седанскаго погрома носилъ на шпагѣ подобный же талисманъ, подаренный ему императрицей. Но его подарокъ былъ дѣйствительнѣе, хотя впрочемъ благополучному исходу родовъ не мало способствовали и акушерскіе щипцы. Чле-

ны законодательнаго корпуса собрались было ожидать родовъ, но телеграфъ извѣстилъ ихъ, что состояніе императрицы не предвѣщаетъ близкихъ родовъ, и только на другой день утромъ Морни объявилъ, что въ 3 часа ночи императрица разрѣшилась принцемъ, нареченнымъ при крещеніи Иваномъ-Іосифомъ-Наполеономъ. Папа Пій IX прислалъ по телеграфу благословеніе новорожденному и считается его крестнымъ отцомъ. Подобную миссію телеграфъ выполнялъ еще въ первый разъ. Въ своемъ манифестѣ о рожденіи наслѣдника Наполеонъ III назвалъ его «сыномъ Франціи»; это подало поводъ къ разнымъ насмѣшкамъ, остротамъ и толкамъ, которые заставили императора комментировать это выраженіе приличнымъ образомъ въ особой декларацiи.

Рожденіе наслѣдника ознаменовано было щедрыми милостями въ видѣ денегъ, подарковъ, прибавки жалованья чиновникамъ двора, орденовъ, титуловъ и наконецъ прощеніемъ *пяти тысячъ* изъ числа сосланныхъ республиканцевъ, большая часть которыхъ впрочемъ были уже умершіе. Великодушіе вполнѣ достойное Наполеона III.

Вскорѣ за тѣмъ, именно 30 марта былъ подписанъ парижскій трактатъ, послужившій для Наполеона первой ступенью въ его возвышеніи во Франціи, которой дорого потомъ достались и эти первые лавры, и вообще возвышеніе Наполеона III.

Одобренный успѣхомъ своей узурпаціи и славой побѣды, новый императоръ не замедлилъ увеличить свое содержаніе какъ офиціальнымъ путемъ, такъ и всѣми впослѣдствіи открывшимися продѣлками, эксплоатировавшими военный бюджетъ, публичный кредитъ, въ систему котораго входила неуплата погасительныхъ процентовъ по государственнымъ займамъ, и биржевую игру.

Вскорѣ всѣ увидѣли, что императорская форма правленія превратилась въ полную диктатуру.

Чтобы объяснить процессъ этого превращенія необходимо сказать, что оно совершилось съ помощію вполнѣ аутократической конституціи 1852 года, которую подарилъ Франціи Наполеонъ III послѣ государственнаго переворота; открывъ себѣ всѣ способы истребленія республиканской партіи, онъ воспользовался ими до самыхъ крайнихъ размѣровъ и водворилъ тѣмъ свою диктатуру; а чтобы обезпечить себя со стороны своихъ династическихъ соперниковъ, онъ распорядился конфисковать имущества орлеанской фамиліи, которая можетъ считать себя просто ограбленной Наполеономъ III.

Въ видахъ общественной безопасности новый императоръ озаботился также о томъ, чтобы измѣнить и общественную нравственность въ желаемомъ смыслѣ. Вмѣсто интересовъ умственныхъ, литературныхъ, художественныхъ, политическихъ воцарился интересъ биржи, ажіотажа; философовъ и поэтовъ замѣнили купцы и куртизанки; вмѣсто общественныхъ собраній явились публичные балы, и канканъ сдѣлался выраженіемъ французской общественной жизни. Роскошь и развратъ вообще были надежными опорами второй имперіи, до тѣхъ поръ, покуда военная прусская труба не протрубила наставшій для Франціи и ея избранника страшный судъ.

Незначительная революціонная вспышка въ видѣ заговора, извѣстнаго подъ именемъ «дѣло комической оперы»—была подавлена безъ затрудненій, и все было тихо до 1858 г., когда послѣдовало покушеніе итальянца Орсини. Это покушеніе еще болѣе усилило популярность Наполеона III во Франціи и въ Европѣ, потому что, по увѣреніямъ офиціальной французской прессы, заговор-

щики имѣли въ виду обще-европейскую революцію и потому покусились на жизнь государя, охранявшаго всемірное спокойствіе: въ этомъ дѣлѣ Наполеонъ тщетно старался вытребовать изъ Лондона одного изъ обвиняемыхъ — доктора Бернара, который и былъ оправданъ въ Англіи судомъ присяжныхъ.

Какъ оказалось впослѣдствіи, покушеніе Орсини было местью за вмѣшательство Наполеона въ римскія дѣла и вообще за его итальянскую политику.

Какъ ни было ясно, что покушеніе Орсини было дѣломъ чужеземнымъ во Франціи, однако императоръ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы усугубить еще свою диктаторскую власть и сдѣлать ее вполнѣ полицейской. Снова начались ссылки и изгнанія безъ суда, безъ необходимости, безъ всякаго повода, а только за республиканскій образъ мыслей. Конечно, Франція, бывшая такъ сказать еще наканунѣ республикой, была обильна гражданами съ республиканскимъ образомъ мыслей. Послѣдующіе за тѣмъ удары террора обрушились на прессу, многія газеты были запрещены и наконецъ является извѣстный законъ 27 февраля 1858 г. объ *общественной безопасности*; министромъ внутреннихъ дѣлъ и *общественной безопасности* назначенъ былъ генералъ Эспинасъ, исполнитель новаго закона, утверждавшаго весь произволъ и безсудную расправу, начавшуюся съ государственнаго переворота.

Множество новыхъ жертвъ пало подъ тяжестью этого закона; цѣлыя рѣки слезъ пролиты были семьями и сиротами ссыльныхъ; страданія и вздохи несчастныхъ оглашали всю страну, лежавшую въ теченіи 20 лѣтъ у ногъ тирана. Франція XIX столѣтія можетъ сказать, что благодаря двумъ Бонапартамъ, она имѣла также много

мучениковъ, какъ древній Римъ въ первые вѣка христіанства.

Слѣдуя той системѣ, чтобы не давать продолжительнаго отдыха странѣ, дабы не воскресало въ народѣ стремленіе къ свободѣ, Наполеонъ III въ 1859 г. началъ войну съ Австріей, за Италію. Хотя военныя лавры достались на его сторону, но организація Италіи, благодаря хитрой политикѣ Кавура, совершилась вопреки видамъ Наполеона; такимъ образомъ, рядомъ съ побѣдными лаврами онъ потерпѣлъ на дипломатическомъ поприщѣ фіаско. Возможно также предположеніе, что въ числѣ побужденій къ итальянской войнѣ были опасенія, основывавшіяся на ходившихъ въ то время слухахъ, что корбонары намѣрены повторить покушеніе Орсини. Результатомъ войны явился виллафранскій миръ, произведшій самое невыгодное для Наполеона впечатлѣніе во Франціи; особенно печать начала обнаруживать недовольство; но изобрѣтенная Наполеономъ система предостереженій газетамъ оказала свое дѣйствіе: газеты закрывались и лопались подъ истребительнымъ дѣйствіемъ предостереженій, какъ мыльные пузыри. Но все таки либеральныя требованія были заявлены и Наполеонъ нашелъ полезнымъ предупредить какія либо серьезныя настоянія общества фальшивымъ либерализмомъ, образцомъ котораго служитъ декретъ 24 ноября 1860 г., допускающій кое-какіе парламентскіе внѣшніе обычаи, какъ напримѣръ, адресъ на тронныя рѣчи при открытіи палатъ, публичное обсужденіе законовъ, печатаніе преній, поправки законовъ и т. п.; а для того, чтобы правительство имѣло своихъ защитниковъ и въ пустой парламентской болтовнѣ, допускавшейся этимъ закономъ, учреждены были министры безъ портфеля, т. е. безъ министерства. Какъ

ни слаба была эта реформа, но ее слѣдуетъ считать моментомъ возрожденія оппозиціи противъ правительства, которая впервые обнаружила свое вліяніе на общественное мнѣніе страны во время мексиканской экспедиціи, этого грязнаго дѣла, опозорившаго Францію, которая послала за океанъ свою армію для того, чтобы поддерживать въ Америкѣ сторону рабовладѣльцевъ, а въ Мексикѣ—свирѣпую партію мѣстныхъ клерикаловъ и чтобы водворить тамъ монархію зависимую отъ французскаго императора. Наполеонъ III запятналъ себя въ этомъ дѣлѣ измѣнническимъ предательствомъ посаженнаго имъ императора Максимиліана, который и палъ жертвой этой черной интриги. Фіаско мексиканской экспидиціи имѣло ту хорошую сторону, что усилило оппозицію противъ Наполеона.

Новое фіаско бывшій императоръ французовъ потерпѣлъ въ 1862 г., во время послѣдняго польскаго возстанія, которое также было его интригой, на сколько оно зависѣло отъ его обѣщаній поддержки и отъ денежныхъ субсидій полякамъ. Бывшему претенденту на польскую корону, Наполеону III, легко было обмануть поляковъ и на этотъ разъ, потому что онъ хорошо ихъ зналъ. Во всякомъ случаѣ польское возстаніе и дипломатическая компанія Наполеона противъ Россіи замѣнили собою для него войну, которою онъ обыкновенно отвлекалъ французовъ отъ либеральныхъ требованій.

Послѣ польскаго возстанія уже болѣе не было случаевъ къ военнымъ демонстраціямъ, которыя на долго отвлекали бы страну отъ требованій либеральныхъ реформъ,—если не считать разныхъ фальшивыхъ тревогъ по восточному вопросу; и волей-неволей приходилось сначала расточать обѣщанія «увѣнчать зданіе», а по-

томъ наконецъ и уступить въ пользу такого порядка, который допустилъ значительно развиться и усилиться оппозиціи. Этому помогла косвенно и австро-прусская война, во время которой Наполеонъ III былъ ловко одураченъ Бисмаркомъ, обѣщавшимъ ему вознагражденіе за его нейтралитетъ и за усиленіе Пруссіи, вознагражденіе, которое и осталось однимъ обѣщаніемъ.

Отмѣна предостереженій газетамъ дала возможность странѣ узнать положеніе, въ которомъ она находилась, хотя это было уже нѣсколько поздно, и оппозиція начала дѣлаться болѣе и болѣе настойчивой и ѣдкой. Новая война слѣдовательно дѣлалась необходимостью; но теперь Наполеонъ III поставилъ va banque, и на этотъ разъ, какъ говоритъ Кречинскій—«сорвалось».

X

ПОСЛѢДНІЯ ДѢЯНІЯ НАПОЛЕОНА III.

Мы дошли до событій послѣдняго времени, которыми, какъ можно надѣяться, закончится политическая карьера нашего героя. Мы начали съ его агитаторской и революціонной дѣятельности, ознакомившись при этомъ и съ его литературными произведеніями, и оканчиваемъ дѣяніями, завершившими его царствованіе и низвергнувшими его съ высоты власти до полнаго паденія. Мы имѣли въ виду преимущественно очертить личность нашего героя въ нравственномъ и интеллектуальномъ отношеніи, что̀ можетъ служить общимъ объясненіемъ всей его дѣятельности, и поэтому останавливались наиболѣе на событіяхъ, относящихся къ его молодости, когда онъ являлся совершенно свободнымъ человѣкомъ — авантюристомъ и публицистомъ, и слѣдовательно, яснѣе могъ проявить свои душевныя и умственныя свойства, чѣмъ въ офиціальномъ положеніи президента республики и императора, когда дѣятельность его осложнялась множествомъ внѣшнихъ условій, неизбѣжно заслоняющихъ собою внутрен-

нюю, все мотивирующую сущность человѣка. Чѣмъ же представляется намъ теперь интеллектуальная личность Карла-Лудовика-Наполеона Бонапарта въ его многочисленныхъ сочиненіяхъ, въ его безчисленныхъ рѣчахъ и прокламаціяхъ и наконецъ — въ его дѣяніяхъ?

Прежде всего онъ является самой жалкой посредственностью по уму, характеру и страстямъ, посредственностью, для которой высшій идеалъ есть удовлетвореніе однихъ эгоистическихъ стремленій, тщеславія и властолюбія. Страсть къ власти у людей, обладающихъ умомъ и возвышеннымъ характеромъ, дѣйствуетъ неразлучно съ стремленіемъ ввести въ жизнь свои идеи, обновить ими исторію народа, оставить по себѣ уваженіе и благодарность потомства, совершить дѣянія, которыя бы оставили благотворный слѣдъ въ исторіи. Ничего подобнаго не замѣчается у Наполеона III; онъ съ безпримѣрнымъ упорствомъ во всю свою жизнь преслѣдовалъ лишь одну цѣль— сначала добиться власти, а потомъ поддерживать ее, не имѣя никакихъ идей, никакихъ другихъ стремленій, для достиженія которыхъ власть была бы только средствомъ. Для него она была крайней цѣлью, а средствомъ для достиженія этой цѣли служилъ весь кодексъ іезуитизма, вся ложь, все притворство, вся безсовѣстность, вся наглость, вся низость обмана, похищенія, почти воровства или грабежа, все звѣрство убійства, вся хитрость и все злоупотребленіе вліяніемъ власти и наслѣдственнымъ блескомъ своего имени.

Если мы сравнимъ все изложенное выше съ недавними фактами, которые у всѣхъ еще въ свѣжей памяти, то легко убѣдимся, что нашъ портретъ вѣренъ натурѣ. Послѣдніе факты доказываютъ и характеризуютъ все прошедшее нашего героя, а это прошедшее въ свою оче-

редь объясняетъ финальную его дѣятельность. Наполеонъ Бонапартъ можетъ сказать, что онъ всегда оставался вѣренъ самому себѣ, никогда не измѣнялъ ни своего образа мыслей, ни своего образа дѣйствій, ни своихъ стремленій. Во всю свою жизнь онъ не нашелъ болѣе высокихъ цѣлей, какъ служить самому себѣ, своимъ мелкимъ страстишкамъ — жадности къ богатству, грязному разврату, тщеславію и самому пустому властолюбію.

Изъ секретныхъ бумагъ, публикованныхъ парижскимъ правительствомъ въ концѣ 1870 года, видно, что Наполеонъ III помышлялъ въ 1869 г. о новомъ государственномъ переворотѣ, но не отважившись на него, долженъ быть обратиться къ своему обыкновенному рефлексу — войнѣ. Оппозиція въ послѣдніе годы мира постепенно усиливалась, нація начала пробуждаться, либеральная идея и критика все болѣе и болѣе воскресала во Франціи; а это не могло не угрожать лживой своекорыстной политикѣ, ложнымъ принципамъ Наполеона III, однимъ словомъ — его организованному правительственному шарлатанству. Онъ долго кормилъ французовъ обѣщаніями «увѣнчать зданіе свободы», подразумѣвая подъ этимъ вѣнцомъ кое-какія права законодательнаго корпуса вмѣсто правильнаго конституціоннаго устройства, уничтоженіе предостереженій газетамъ, — вмѣсто свободы печати и т. п.: но это естественно не могло удовлетворить націю, а только дало средство проявиться тому антагонизму, который, по самой природѣ вещей, крылся въ отношеніяхъ между обществомъ и правительствомъ. Ни Руэръ, ни Оливье не могли примирить имперіи Наполеона III съ требованіями общества; отсюда настоятельная необходимость войны.

Завладѣть прирейнскими провинціями и отуманить

французовъ новой славой ихъ оружія представлялось Наполеону III самымъ надежнымъ средствомъ, чтобы опять подтянуть незамѣтно возжи имперіи; представивъ Франціи новыя великія цѣли, онъ могъ потребовать для достиженія ихъ усиленія власти и такимъ образомъ до конца продолжать начатую имъ систему эскамотированія народныхъ правъ, систему всяческаго обмана. Но близорукость умственная, но жалкая посредственность дарованій какъ самого главы, такъ и его сподвижниковъ помѣшали взвѣсить возможность этого дерзкаго предпріятія, и только факты обнаружили все безсиліе, всю умственную нищету императорскаго правительства и привели на край гибели несчастный народъ, судьбами котораго 20 лѣтъ игралъ этотъ бездушный, лживый и ограниченный эгоистъ.

Не смотря на то, что положеніе дѣлъ выяснилось послѣ первыхъ же неудачъ французскаго оружія, Наполеонъ III и въ эту критическую минуту не измѣнилъ своего поведенія: онъ не думалъ ни объ арміи, ни о странѣ, а только о самомъ себѣ, и это было главнѣйшей причиной настоящихъ несчастій Франціи; спасая свою особу, Наполеонъ III вмѣсто того, чтобы при первыхъ же неудачахъ, при первой проявившейся опасности быть побѣжденнымъ нѣмецкими войсками, превосходившими французскую армію и числомъ и дарованіями полководцевъ, направиться со всѣми наличными силами къ Парижу и снова организовать армію, — направился на сѣверъ и поставилъ на карту всю судьбу Франціи. При этомъ онъ имѣлъ одну цѣль — въ случаѣ неудачи спастись самому, тогда какъ при продолженіи неудачъ войны, перенесенной въ центръ страны, онъ могъ пострадать лично. Но за то, если бы армія разбитая при Гравелотѣ, Розен-

вилѣ, Марсъ-ла-Турѣ и проч., сосредоточилось около Парижа, Франція можетъ быть и не была бы побѣждена, потому что во всякомъ случаѣ способна была на продолжительное сопротивленіе, и даже при крайнихъ неудачахъ не была бы окончательно повержена въ прахъ, и миръ не былъ бы столь унизительнымъ, какой приняла она теперь. Седанъ былъ безславіемъ и моментомъ полнаго паденія Франціи. Но за то спасенъ былъ лично Наполеонъ III, а это и было его единственной цѣлью.

Малодушіе и трусость, какъ неотъемлемая принадлежность безусловнаго эгоизма, самой жалкой посредственности натуры, выразились при паденіи Наполеона III съ несомнѣнной ясностью. Здѣсь видѣнъ тотъ же трусливый, упавшій духомъ заговорщикъ, какого мы видѣли въ началѣ нашего очерка, во время страсбургской и булонской попытокъ Даже послѣдняя его прокламація изъ Вильгельмсгёге такова же, какъ и тѣ прокламаціи, которыми онъ началъ свой агитаторскій шарлатанизмъ; и теперь этотъ узурпаторъ говоритъ о *правахъ* народа, о правахъ, которыя онъ никогда не ставилъ ни во что и только эксплоатировалъ ихъ для удовлетворенія своихъ личныхъ цѣлей.

Сдѣлаемъ въ заключеніе нашего очерка одно сравненіе: личность Наполеона III, какъ она проявилась въ его жизни и сочиненіяхъ, напоминаетъ собою змѣю, которая движется и будучи разрѣзана на куски и даже способна уязвить. Нельзя сомнѣваться, что Наполеонъ III не останется въ бездѣйствіи и не оставитъ Францію въ покоѣ отъ своихъ искательствъ и интригъ: этого требуетъ его природа, низость его характера и его голландская настойчивость. Но будетъ ли его искательство сопровождаться успѣхомъ? Это вызываетъ, если не отрицаніе, то

сомнѣніе. Система обмана, какъ это доказалъ Наполеону III продолжительный опытъ его надъ Франціей, сопровождается вѣрнымъ успѣхомъ, когда дѣло идетъ съ народомъ, болѣе тщеславящимся своимъ *верховнымъ правомъ*, чѣмъ понимающимъ его смыслъ, обязывающій къ стойкости, неподкупности и готовности приносить въ жертву общественнымъ интересамъ личные, чего именно не достаетъ французамъ.

XI

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ БРОШЮРЫ АЛЬФРЕДА ДЕ-ЛА-ГЕРОНЬЕРА

L'Homme de Sédan.

Въ жизни Франціи встрѣтился человѣкъ не такой, какъ Кромвель, заплатившій за свою узурпацію національной славой и благоденствіемъ. Въ противность протектору мнимый *спаситель*, герой кроваваго маскарада 2 декабря, подвергъ неволѣ, профанировалъ, погубилъ священное наслѣдіе, ввѣренное ему народомъ, очарованнымъ именемъ, прославленнымъ въ лѣтописяхъ исторіи. Благодаря этому-то очарованію, которое всегда будетъ завлекать толпу въ ловушку, надуватель крестьянъ, невѣжество которыхъ не различаетъ ни принциповъ, ни вольностей, ни превосходства, могъ безумно ниспровергнуть традицію вѣковъ, наругаться надъ славой, — заключить въ тюрьму самыхъ славныхъ представителей арміи, трибуны, — обезчестить самыя почетныя заслуги, — деморализовать всеобщую подачу голосовъ, отдавъ ее подтачивать червю офиціальныхъ кандидатуръ, — внести разстройство во всѣ отрасли, — расплодить откупщиковъ государственныхъ доходовъ, расхищенія государственной казны, — дать странѣ фальшивую армію, призрач-

ные боевые запасы, и наконецъ, въ видѣ трагической развязки этой двадцатилѣтней комедіи, надѣлить Францію седанской капитуляціей — этой пропастью, измѣрить глубину которой едва отваживается патріотизмъ и даже отважится ли иностранецъ.

Извѣстно кровавое вѣнчаніе на царство этого властелина должностей, общественной казны, главы шайки сикофантовъ, сеидовъ, — навербовавшаго себѣ алчныхъ честолюбцевъ, — опутавшаго страну сѣтями несмѣтной полиціи, — заставлявшаго печально сознаваться: «Имперія, это шпіонство», — ослабившаго армію страны, чтобы имѣть для своей особы преторіанскую стражу, въ которой отечество затмѣвалось передъ человѣкомъ — раздавателемъ чиновъ и крестовъ, — содержавшаго во всѣхъ закаулкахъ страшной администраціи кондотьеровъ, готовыхъ на все, этихъ корсиканцевъ, которыхъ римляне, по словамъ Тацита, не хотѣли имѣть невольниками. Нѣкоторые смѣялись надъ символами, заимствующими свое обаяніе у прошлаго, въ которыхъ религія соединяется съ преемственнымъ преданіемъ посредствомъ воспоминаній, возвышающихъ національную нравственность. Реймсъ и его стклянка съ мѵромъ служили для разныхъ Бомаршэ критики предметомъ неистощимыхъ сатиръ. Но развѣ лучше было канонизировать плебисцитарную насмѣшку съ помощію пьяныхъ солдатъ? Для этой инвеституры есть два ведета — невѣжество и страхъ. Можно коекакъ вынудить *да*, но кровь остается, они ея не смываютъ.

Кто не содрогнется, подумавъ объ этой ночи 2-го декабря; въ какихъ краскахъ ее изображали! Но эти ужасы и связанныя съ ними нравственныя потрясенія невозможно описать; они приводятъ на умъ слѣдующія слова:

«кровь вызываетъ кровь, подобно тому, какъ пропасть вызываетъ пропасть.» Несчастенъ тотъ народъ, у котораго власть имѣетъ такое преступное происхожденіе! Кто станетъ оспаривать, что Наполеонъ III прокрался къ власти путемъ крови и системы террора, передъ которой блѣднѣетъ въ своихъ дѣйствіяхъ терроръ Дантона и Робеспьера! Къ тому же эти люди, справедливо заклейменные исторіей, имѣли себѣ оправданіемъ спасеніе отечества; но Наполеонъ, явившійся послѣ Ламартина, который держалъ въ повиновеніи толпу и революціонные клубы; послѣ Кавеньяка, Ламорисьера, Бедо, обезоружившихъ уличный мятежъ, чѣмъ былъ онъ, какъ не эксплоататоромъ, который, прикрываясь маскою порядка, водворялъ безпорядокъ?.. Подъ пустымъ предлогомъ спасти общество, онъ открывалъ для него, для иностранца и для націи, ту бездну недовѣрія, которая сдѣлала нужными эти разорительныя вооруженія: въ нихъ таились въ зародышѣ Седанъ, самая гибельная страница исторіи Франціи, осада Парижа, это громадное несчастіе, самый фактъ котораго есть уже бѣдствіе.

И когда эти бѣдствія смущаютъ міръ, возбуждаютъ противъ ихъ отвратительнаго виновника презрительное и холодное негодованіе; когда сами прусаки, прежде, чѣмъ посѣять отчаяніе въ домахъ, ими занятыхъ, казалось, человѣколюбиво оплакивали, что «человѣкъ, напавшій на ихъ короля», какъ они его называютъ, вынудилъ ихъ на эту тяжелую и печальную обязанность, — что дѣлаетъ предатель?

Отобравъ для нуждъ своей особы и для своего роскошнаго багажа, напоминающаго пышность азіатскихъ царей, силы, бывшія столь нужными тамъ, гдѣ дрались,

онъ сдается *). Онъ самъ доставляетъ замо́къ, который долженъ заклепать невольническія оковы арміи, на которой покоилась участь Франціи. Личное честолюбіе одного чоловѣка издѣвается надъ той и надъ другой. Затѣмъ, захвативъ съ собою остатки своей безумной пышности, подъ которой онъ, въ глазахъ галлюцинированной толпы, скрывалъ свое ничтожество, онъ не краснѣетъ показать своему суровому побѣдителю, изумленнымъ германцамъ, контрастъ такой бездны униженія съ длиннымъ цугомъ лошадей, которыхъ онъ перевозитъ въ свою роскошную ссылку. Разсказы тѣхъ, которые видѣли его въ этотъ чреватый для него столькими угрызеніями совѣсти часъ, дышатъ тяжелымъ впечатлѣніемъ. Да и какъ не почувствовать его, когда этотъ лже-императоръ, источникъ столькихъ бѣдствій и слезъ, съ своей вѣчной папиросой *тупости* во рту, отвѣчая на самую оживленную, остроумную бесѣду вѣчнымъ покручиваніемъ своихъ усовъ, когда, говоримъ мы, *этотъ посланецъ рока*, котораго христіанинъ вѣрнѣе называетъ *гнѣвомъ божіимъ*, отправляется въ изгнаніе, гдѣ онъ, безстрастный, кичливый, будетъ нѣжиться въ сибаритской обстановкѣ дворца тріумфатора, который этотъ послѣдній отдаетъ побѣжденному, какъ милостыню **).

---

*) Письмо генерала Вимпфена не позволяетъ болѣе никакихъ сомнѣній на этотъ счетъ.

**) Вотъ, что говоритъ одинъ очевидецъ, по свидѣтельству газеты Etoile belge:

« Что меня всего болѣе поразило, когда я увидѣлъ императора, принца Нея de la Moskowa, Пажоля, Кастельно и Рейля, 2-го сентября въ замкѣ Bellevue, это — ихъ блестящіе мундиры; судя по блеску ихъ нарядовъ можно было подумать, что успѣхъ оружія на ихъ сторонѣ, что они maîtres de la situation. Повидимому это произвело весь-

Таковъ этотъ человѣкъ! Это только блѣдный набросокъ того, что эта фигура, долгое время считавшаяся непостижимой, подготовила въ теченіи 20 лѣтъ, — т. е. путь паденія; какъ будто онъ избралъ себѣ миссіей вырыть могилу для Франціи.

Эти тайны беззаконія, эти разбоничьи дѣлежи барышей, которые его сообщники брали съ общественной легковѣрности, высасывая сбереженія семей, разстроивая провинціальные капиталы;—эти лихвенныя сдѣлки, эксплоатація подрядовъ, монополія въ публичныхъ работахъ и государственныхъ заготовленіяхъ; алчность всѣхъ его сообщниковъ, соединившихся вмѣстѣ противъ этой бѣдной націи, отданной въ добычу морскимъ вороньямъ;—вольности, дарованныя государственнымъ совѣтомъ и щедрымъ государемъ обществамъ, возникшимъ на несчастье страны, какъ напр. обществу движимаго кредита и множеству другихъ; — финансовые агенты, превращающіеся въ одинъ прекрасный день въ рыбаковъ, заманивающихъ на удочку капиталы на мексиканскую войну, предпринятую ради выгодъ нѣсколькихъ спекуляторовъ, благодаря жалкому большинству раболѣпцевъ, которыхъ тщетно предостерегалъ знаменитый Тьеръ: — таковы воспоминанія, оскорбляющія не только Францію, но и человѣчество, но и честь коронъ, такъ какъ правитель-

---

ма дурное впечатлѣніе на французскихъ солдатъ, утомленныхъ и измученныхъ боевыми тягостями. Наканунѣ седанской битвы, когда часть арміи Макъ-Магона увидѣла подъѣзжающимъ императора, его штабъ и всю его военную свиту, въ ихъ блистательныхъ костюмахъ, ни одинъ солдатъ не крикнулъ: «да здравствуетъ императоръ!» Что касается до свиты, то она была освистана. Les zouaves les ont engueulés, какъ выразился мнѣ одинъ офицеръ, на нѣсколько грубоватомъ солдатскомъ языкѣ.»

ства должны подавать примѣръ нравственности народамъ. Вотъ свидѣтельства, которыя грозно возстаютъ передъ нами, чтобы протестовать противъ темной интриги сверженнаго императора и его сообщниковъ; отъ нихъ, какъ отчаянныхъ игроковъ, должно ожидать всякихъ безумныхъ замысловъ. Чтобы вновь получить свои огромные доходы, пріобрѣтенные не заслугами, но гнуснымъ ласкательствомъ, чего не сдѣлаютъ они!

Здѣсь мы должны коснуться слуха, распространеннаго берлинской офиціальной печатью, о томъ, будто бы король Вильгельмъ намѣревается возвратить своему плѣннику престолъ Франціи.

Чтобы ни говорили берлинскія офиціальныя газеты и печать, — люди, признающіе принципомъ, что нравственность правительства должна соотвѣтствовать нравственности человѣческой совѣсти, не могутъ допустить подобнаго дерзкаго утвержденія. Ибо существуетъ верховный законъ, который справедливо называли религіей земли, и который, по опредѣленію Монтескье, есть сущность монархіи, это — честь. Какъ бы человѣкъ не былъ могуществен, онъ не можетъ нарушить его безнаказанно, предъ лицемъ міра.

Наполеонъ III понесъ наказаніе за это; ранѣе его, дядя его, который былъ Аттилой, дышавшимъ необыкновенной злобой къ стариннымъ династіямъ, представилъ еще болѣе разительное тому доказательство: онъ, холодный убійца Конде, онъ, который похищалъ короны, въ случаѣ нужды, даже посредствомъ ловушекъ, какъ это было съ Испаніей, оскорбитель героической и прекрасной Луизы прусской, оставившій цѣлый вулканъ гнѣва въ сердцѣ народа, жертвою котораго сдѣлалась нынѣ плебисцитарная, безумная, шовинистская, Франція.

Если человѣкъ не Катилина и не Наполеонъ III, если онъ уважаетъ извѣстное имя, его славныя воспоминанія, мнѣніе міра, онъ не рѣшится пренебречь стыдливостью и здравымъ смысломъ и принять на себя отвѣтственность въ оскорбленіи, которое было бы нанесено не одной лишь Франціи, негодующей, протестующей въ лицѣ каждаго своего гражданина съ сердцемъ и честностью, но и вопіяло бы къ вмѣшательству Европы. Европа заклеймила бы Герострата, который сжегъ бы храмъ, въ которомъ человѣческая нравственность воздвигла алтарь честныхъ людей. Здѣсь нѣтъ двухъ различныхъ способовъ чувствовать, принимать, заключать; одно общее правило господствуетъ какъ въ Берлинѣ, такъ и въ Парижѣ, Лондонѣ, С.-Петербургѣ.

Хижина вторитъ голосу городовъ; рабочій, въ своемъ подвалѣ, соглашается съ аристократомъ, когда нужно почтить то, что велико, заклеймить то, что гнусно. — Вотъ что называютъ мнѣніемъ: оно назначаетъ каждому его мѣсто. При свѣтѣ его отдѣляется благородство поступковъ и налагается клеймо на профанаторовъ.

И такъ, съ этой точки зрѣнія, легко предвидѣть теченіе дѣлъ. Какую бы цѣну ни могъ предложить обезчещенный узурпаторъ за такую сдѣлку, какъ бы онъ ни былъ расположенъ попрать всякое приличіе, сдѣлать изъ народа, у котораго онъ исхитилъ довѣріе волшебствомъ своего имени, кровавую подстилку для своей алчной жадности, вслѣдъ за необузданнымъ честолюбіемъ, которое побудило его завязать войну подъ обманчивымъ предлогомъ, — кровный король не унизится до подобнаго торга, вслѣдствіе котораго его побѣдный лавръ можетъ затеряться, замараться въ подобной грязи.

Какъ бы ни была велика покорность возстановленнаго

императора, готоваго, въ случаѣ нужды, чтобы возвратить себѣ тщеславную нѣгу своего вѣнчаннаго сибаритства, сдѣлать изъ своей руки стремя для своего побѣдителя, послѣдній, уже вслѣдствіе самого омерзенія, которое внушало бы къ себѣ его реставрированная креатура, не можетъ и не захочетъ потерять уваженія къ себѣ, вызвать ужасъ, который произвела бы столь постыдная аномалія. Какъ! такова бы была цѣна крови, лившейся потоками, цѣна развалинъ на милліарды, покрывающихъ Францію и оказывающихъ дѣйствіе и на Европу, которая сама страдаетъ отъ уничтоженія такой массы цѣнностей, служившей источникомъ ея торговли и промышленности! Какое ироническое вознагражденіе за трауръ столькихъ семей, которыя въ Германіи также оплакиваютъ героевъ, смѣшанныхъ вмѣстѣ съ нашими въ могилахъ на столькихъ поляхъ битвъ войны, въ которой отвѣтственъ единственно этотъ зловѣщій человѣкъ, императоръ *плебисцитовъ* *) !

Чтобы Вильгельмъ, этотъ гордый монархъ, опираю-

*) Кузенъ выразился объ немъ однажды слѣдующимъ образомъ: Наполеонъ походитъ на пирата, который, захвативъ какой нибудь островъ, хочетъ легализировать свой грабежъ; и вотъ какъ онъ поступаетъ. Онъ занимаетъ лѣстницу и нижній этажъ и дѣлается толмачемъ въ сообщеніяхъ между интересами и сословіями. Онъ говоритъ бѣднымъ, рабочимъ, укрывающимся въ подвалахъ, показывая имъ верхніе этажи: «Вы слышите эти крики веселья богачей, привиллегированныхъ. Эгоисты, они оставляютъ васъ умирать съ голоду, но довѣрьтесь мнѣ, бѣдняжки, я взыщу съ нихъ контрибуцію, чтобы помочь вамъ.» И онъ открываетъ имъ заманчивую перспективу соціализма. Затѣмъ, обернувшись, этотъ обманщикъ по склонности и расчету, говоритъ богатымъ: «Вы слышите этотъ ревъ алчности, направленный на васъ; васъ хотятъ пожрать, красный призракъ сторожитъ васъ; я его сдержу, уничтожу; только это требуетъ большихъ жертвъ; безопасность не должна передъ ними останавливаться.» И онъ увеличиваетъ налоги, умножаетъ займы.

щійся на божественное право и подкрѣпляющій его побѣдоносной шпагой, онъ — твердый, полный вѣры, наслѣдникъ великаго Фридриха, представитель происхожденія и доктринъ, совершенно чуждыхъ того соціалистическаго оттѣнка, которымъ Наполеонъ прикрывалъ свой необузданный произволъ; — чтобы графъ Бисмаркъ, безъ сомнѣнія, великій государственный архитекторъ, насчетъ предпріятій котораго г. Тьеръ и мы сами тщетно предостерегали страну; — чтобы этотъ министръ, коего страшная логика въ миссіи, имъ преслѣдуемой, соединяется съ рѣдкой прозорливостью; — чтобы планисферистъ новой имперіи намѣревался взять себѣ не въ пособники, но въ страшные противники, негодованіе національнаго духа, отвращеніе честныхъ людей; чтобы онъ оскорбилъ гордость коронъ, смущенныхъ этимъ невозможнымъ воскресеніемъ; — чтобы государь, канцлеръ, правительство Сѣверной конфедераціи такъ унизились противъ своихъ видовъ; — чтобы они могли спуститься такъ низко съ вершины своихъ принциповъ, если хотите — съ вершины своего высокомѣрнаго честолюбія, гнушающагося низкими заговорами; — чтобы они внесли способы наполеоновской безнравственности въ свою политику: — вотъ чему мы отказываемся вѣрить изъ уваженія къ этимъ страшнымъ противникамъ! — Лавръ не обвиваетъ позорнаго столба преступника. Правила истиннаго величія, забота о своей репутаціи, блескъ славы исключаютъ этотъ доступъ презрѣнію, не желая тѣмъ, конечно, дать послѣднему какое-либо оправданіе. И такъ всякій человѣкъ себя уважающій, къ какой бы партіи онъ не принадлежалъ, долженъ считать апокрифическимъ это мнимое расположеніе побѣдителей къ такому скандалезному замыслу.

Ибо, если сверженный государь, поборникъ плебисцитовъ, способенъ во что бы ни стало, проглатывая стыдъ какъ воду, подписывая всякія антинаціональныя капитуляціи, желать снова наброситься эксплоататоромъ на свою жертву, Францію; если онъ дерзнетъ на это послѣ Седана, гдѣ онъ явно предалъ французскую армію, какъ выкупъ за свою особу, подобно мыши, попавшейся въ мышеловку, — то въ виду этого новаго покушенія совѣсть людская воспрянетъ съ такою силою, что дерзость будетъ обезоружена. Противъ него прежде всего подымутся проклятія солдатъ: нужно было слышать ихъ въ Седанѣ, нужно было видѣть, какъ они, съ бѣшенствомъ въ сердцѣ, дефилировали длинными рядами, подъ конвоемъ побѣдителей, нужно было слышать ихъ разсказы и строгіе приговоры, нужно было посѣтить это обширное поле, гдѣ пораженіе было заранѣе написано топографіей, которой планъ битвы не зналъ, гдѣ забота о безопасности императора господствовала надъ военнымъ и національнымъ вопросомъ. Вездѣ чувствуешь гибельный рокъ, въ который этотъ человѣкъ запуталъ дьявольскими нитями страну, армію, настоящее, будущее! Подобно баснословнымъ гарпіямъ онъ отравляетъ все, къ чему ни прикасается.

И такъ, исторіи, этому разгнѣванному отголоску общественнаго чувства, не придется стѣнать о реставраціи, въ которую преступленіе, подобно призраку въ пляскѣ мертвецовъ, вовлекло бы побѣду, политику и дипломатію Европы. Это было бы хуже насильственнаго переворота, это было бы коронованіемъ при помощи презрѣнія.

Чтобы снискать фальшивыя улыбки сброда азартныхъ игроковъ, ни автократія, ни аристократія, ни протестантскій пуританизмъ, ни народъ, пылко стремящійся

къ своему призванію, строгій въ своихъ нравахъ, гордый своей наукой, обладающій такой высокой интелектуальной культурой, не могутъ согласиться ни въ какомъ случаѣ принять на себя эту тяжкую отвѣтственность возстановленія царствованія, соединившаго въ себѣ всѣ деморализирующія аномаліи.

Неужели Германія дѣлала эти гигантскія усилія только для того, чтобы возстановить это управленіе ренегатовъ, при помощи своихъ пушекъ, на грудѣ жертвъ обѣихъ рассъ?!! Здѣсь нелѣпость фантазіи бонапартистовъ не уступаетъ ихъ гнусности. Какъ! Ложное величіе, которое само низверглось съ колонны дяди, вдругъ появится вновь. Упадокъ византійской имперіи не представляетъ ничего подобнаго. Если бы цезаризмъ, до такой степени запятнанный, нашелъ поддержку въ королевской средѣ, то это дало бы сильный толчокъ развитію соціализма. Каждый день обнаруживаетъ намъ новыя преступленія. Императоръ уклонился отъ своей миссіи, онъ нарушилъ свой долгъ передъ своимъ народомъ, точно также, какъ свои декларацiи относительно Германіи, даже свои предложенія королю Вильгельму, о чемъ свидѣтельствуютъ разоблаченія, сдѣланныя касательно искусителя Бенедетти.

Возстановленная имперія вновь вызвала бы къ Франціи недовѣріе, которое первая имперія оставила въ сердцѣ націй и униженныхъ династій; — но что еще хуже — она укоренила бы высокомѣрную и опасную иллюзію о силѣ и власти, господству которыхъ ничто не можетъ противустоять, какъ бы по какому-то волшебству. Дѣло въ томъ, что Наполеонъ I, развивъ неестественную силу,

требовалъ отъ націи при помощи своего генія почти невѣроятныхъ усилій. Напротивъ, Наполеонъ III, низкій умомъ и сердцемъ, безумно растратилъ капиталъ силы и славы, ввѣренный безъ контроля въ его слабыя руки. Франція платится нынѣ за это.

Если мексиканская экспедиція и множество другихъ преступныхъ дѣйствій возставали противъ неограниченной власти, которой требовалъ плебисцитъ,—но все таки восемь милліоновъ голосовъ привѣтствовали своими одобреніями цезаризмъ. Неудачи безплодно умножаютъ уроки для невѣжества, для суевѣрной толпы; еще долго имя Наполеона будетъ фанатизировать ее. Бѣдствія отъ него происшедшія покрываютъ Францію трауромъ кровавыхъ пораженій, которыми она обязана единственно главѣ государства. Тѣмъ не менѣе, что говоритъ крестьянинъ въ своемъ заколдованномъ ослѣпленіи? Онъ сваливаетъ вину въ нихъ на всѣхъ другихъ, кромѣ виновнаго, онъ кричитъ объ измѣнѣ. Убійство графа де-Монэ есть смертная молнія надъ этой страшной пропастью, которую нѣсколько лишнихъ дней существованія имперіи открыли бы въ тысячѣ разныхъ пунктовъ. Если есть талисманъ, могущій дѣлать сеидовъ, то онъ заключается въ этомъ роковомъ имени: ради его, села, оправившись отъ своего оцѣпенѣнія, устремились бы на новыя безумства.

Беранже сказалъ:

«On parlera de lui sous le chaume bien longtemps,
«Car on n'y connait pas d'autre histoire.»

Въ этомъ заключается опасность для Франціи и вмѣстѣ съ тѣмъ для остальнаго міра. Невѣжество въ соединеніи съ всеобщей подачей голосовъ можетъ сдѣлать

реставрацію легкой и вмѣстѣ съ тѣмъ страшной. Нѣкоторыя личности продолжаютъ сохранять свое обаяніе даже въ лицѣ своихъ выродившихся потомковъ. Дѣйствительно крестьянинъ теряетъ разсудокъ, когда при немъ произносятъ имя Наполеона.

Такова истина, поражающая всякаго, кто, блуждая по деревнямъ, будетъ имѣть случай зайти въ хижину и побесѣдовать съ земледѣльцемъ, весь національный музей котораго заключается въ двухъ или трехъ грубо иллюминованныхъ картинахъ побѣдъ имперіи. Въ нихъ заключается для него все; государственные люди, конституціонныя вольности, силы другихъ странъ — все это чистая химера въ его глазахъ. Сколько ни шутили на этотъ счетъ, сколько ни издавали газетъ и ни произносили рѣчей — ничто не могло одолѣть этого фетишизма, созданнаго наполеоновскимъ *катихизисомъ*, небольшимъ альманахомъ, которому вѣрятъ болѣе, чѣмъ евангелію. Обыкновенно въ тѣхъ правительствахъ, гдѣ законъ исходитъ отъ большинства, преобладаетъ крестьянинъ,—онъ наполняетъ собою города, вмѣстилища просвѣщенія. Этимъ объясняются *Калигуловы* безумства второй имперіи. При этомъ зловѣщемъ свѣтѣ раскрывается причина несчастій Франціи. Черная линія г. Дюпена въ его топографическомъ дѣленіи означала невѣжество; есть-ли такая линія, которая могла бы идти въ униссокъ съ этимъ ослѣпленіемъ деревень? Ни Ватерлоо, ни 2-е декабря, съ которымъ началось ужасное эскамотированіе, не могли раскрыть глаза сельскому большинству. По неволѣ повѣришь словамъ пословицы: Mens agitat molem.

Есть одно чувство, чувство справедливости, которое соединитъ вокругъ себя всѣ души, стремящіяся къ истинѣ; тщетно станетъ человѣкъ дѣлать ловкія комбинаціи: оно одно даетъ силу и упрочиваетъ продолжительность. Правительства, которыя съ нимъ сообразуются, пріобрѣтаютъ, вслѣдствіе уваженія и довѣрія, наилучшіе залоги для своей прочности.

Этому-то принципу благородства Талейранъ, прославившійся своей тонкостью, воздавалъ дань почтенія, столь знаменательнаго въ его устахъ: «самая лучшая дипломатія, это — откровенность», говорилъ онъ.

Ложные принципы императорскаго правительства, охватившіе собою всѣ офиціальня сферы, исказили національное чувство Франка, столь прямодушнаго по своей натурѣ. Вторая имперія существовала двадцать лѣтъ однѣми мистификаціями. Подъ конецъ, она довела свои уловки до того, что стала фабриковать побѣды вмѣсто пораженій, которыя претерпѣвала. Фальшивая политическая монета была пущена въ обращеніе съ самого открытія войны. Однимъ примѣромъ изъ тысячи можетъ служить сдача Седана: правительство не убоялось завернуть эту горькую пилюлю, которую предстояло проглотить Франціи, въ ложное извѣщеніе, что «только словомъ избіеніе (massacre) можно выразить потерю пруссаковъ.»

Такимъ-то образомъ увлекали въ пучину эксплоатируемую націю, потопленную въ морѣ лжи, благодаря чему она болѣе и болѣе теряла довѣріе иностранцевъ.

Безъ сомнѣнія императоръ избралъ себѣ правиломъ замѣчаніе одного умнаго человѣка, что глупость людская представляетъ богатый источникъ дохода. Можетъ быть, идя еще далѣе, онъ принялъ за правило нравственности

то, которое восхвалялъ однажды, передъ своими смущенными слушателями, одинъ принцъ изъ его фамиліи, блистающій въ бесѣдѣ, хотя и не показывающійся на полѣ сраженія. По его теоріи, дурная репутація служитъ большимъ подспорьемъ для правительства, «ибо, сказалъ онъ, она позволила бы мнѣ дѣлать много зла и мнѣ былибы благодарны, что я не дѣлаю его еще больше.»

Подъ этимъ-то удушливымъ режимомъ, посредственность, вмѣсто того, чтобы быть исключеніемъ, напротивъ получала предпочтеніе: ей достаточно было прикинуться преданнѣйшимъ слугою императора. Династическій вопросъ господствовалъ надъ всѣмъ, Франція должна была служить ему подстилкою.

Г. Руэръ, звучное слово царствованія, для котораго императоръ снималъ съ своей груди звѣзды,—усовершенствовалъ искуство облагораживать мысли и факты самые предосудительные. Кто забылъ миражи Мексики и тому подобныя фальшивыя теоріи? Событія осмѣяли это шарлатанство и покрыли стыдомъ, если не угрузеніями совѣсти, большинство законодательнаго корпуса, подобранное также какъ и судебная власть.

Государственный министръ, столь могучій голосомъ, столь слабый сердцемъ, находящійся нынѣ въ Джерсеѣ, можетъ познать, что шатко величіе, опирающееся на ложь и на дворцовыя интриги.

Г. де-Левалеттъ, первый изъ придворныхъ, но послѣдній въ ряду политиковъ и дипломатовъ, и его товарищи, блиставшіе только своими костюмами и осыпанные алмазами и звѣздами, не снискали любви и уваженія своихъ согражданъ, какъ тѣ, за знаменемъ которыхъ мы слѣдовали—Шатобріанъ, Ламартинъ, Тьеръ.

Оставляя власть, послѣдніе не находили нужнымъ укрываться за границей.

И такъ, министры, ихъ подчиненные, всѣ составляли въ націи какъ бы конгрегацію, которая не признавала ничего истиннымъ, возможнымъ, кромѣ пароля, поданнаго свыше.

Развѣ мы не были свидѣтелями усилій г-на Руэра, *)

*) Руэ отвергалъ систему отвѣтственности министровъ:

«Я отвѣчаю, что никто изъ насъ недостаточно великъ для подобной роли. Въ виду всеобщей подачи голосовъ, одинъ только человѣкъ, благодаря *великости* своихъ *заслугъ*, можетъ быть отвѣтственъ передъ націей и этотъ человѣкъ — государь. Остальные, какъ бы велико ни было ихъ самоотверженіе, суть только *темные индивидуумы*. Думать иначе, значило бы бредить. Вы хотите замѣнить собою отвѣтственность государя; я вамъ объявляю, что это есть истинная отвѣтственность, которая будетъ его *славой* и его *величіемъ*. Ибо что касается насъ, *темныхъ слугъ*, то мы отнюдь ни имѣемъ претензіи увеличивать долю, которая намъ будетъ предоставлена.»

Какія рѣчи, безъ сомнѣнія случайно забредшія изъ Тегерана въ Парижъ! — И однако сенатъ, это «высокое собраніе,» какъ его называли, и низкое по уму и политической предусмотрительности, покрывалъ ихъ рукоплесканіями.

Въ своей послѣдней рѣчи президентъ сената, Руэръ, остававшійся по прежнему тайнымъ совѣтникомъ и отголоскомъ своего повелителя, увидѣлъ въ приготовленіяхъ, дѣлаемыхъ къ войнѣ, въ продолженіи четырехъ лѣтъ, самыя лучшія права императора на признательность націи. Никогда цинизмъ безнравственности не простиралъ ласкательства до такой степени!

Декларація Бенедетти, дѣйствія Граммона, увѣреніе, въ законодательномъ корпусѣ, Лебёфа, данное, безъ сомнѣнія по приказанію свыше, будто бы «все готово, тысячу разъ готово къ войнѣ» — все это свидѣтельствуетъ о заговорѣ и указываетъ виновника и его сообщниковъ. Въ этомъ династическомъ игорномъ домѣ на карту ставили націю. Можно судить по одному примѣру, взятому изъ сотни другихъ, имѣетъ-ли право Наполеонъ III требовать въ свою пользу смягчающихъ обстоятельствъ. Извѣстно, что въ безнадежныхъ случаяхъ къ этому обыкновенно прибѣгаютъ обвиняемые въ ассизныхъ судахъ.— Такова плебисцитарная Франція, которую создала имперія!

изнемогавшаго подъ ударами г. Тьера, когда министръ убѣждалъ палату принять новые принципы, оскорблявшіе всякую идею о правосудіи. Лордъ Брумъ, Сомерсъ, Гарвикъ, и всѣ вы столь гордые, но вмѣстѣ и столь либеральные правители Англіи, профанировалъ-ли кто нибудь изъ васъ свой характеръ и скандализировалъ-ли когда нибудь англійское представительство такими доктринами?

Время кары должно было настать, и оно дѣйствительно настало.

Такимъ образомъ, относительно того, что составляло правительство, его принципы, выбираемыхъ имъ дѣятелей — императоръ рылъ пропасть, въ которую должно было, при первомъ дуновеніи, свалиться выведенное имъ зданіе.

Да и какъ могло быть иначе? Честныя средства при этомъ режимѣ фаворитизма существовали только какъ воспоминанія конституціонной эпохи.

На мѣсто ихъ явилась алчность царедворцевъ, которые, провозгласивъ бонапартизмъ высшимъ догматомъ, вѣрнѣе наживались на счетъ общественнаго достоянія.

Армія была деморализована не менѣе остальныхъ классовъ населенія. Необходимо, чтобы армія чувствовала на концѣ своего штыка національную душу, чтобы рисковать своей жизнью. Какое же чувство должна была питать она въ нынѣшнюю войну, видя, что глава государства все захватилъ себѣ, все поглотилъ и въ концѣ концовъ, своей безпечностью, ввергъ страну въ ту страшную пропасть, которую едва-ли можно измѣрить. Весь этотъ рядъ бѣдствій есть послѣдствіе того режима произвола, гдѣ, подъ мнимой гарантіей отвѣтственности

императора, прикрывавшаго собою администрацію, скопились безпорядки и расхищенія. Теперь все это обнаружилось и безполезно было бы вновь перечислять то, что каждому извѣстно.

Но эти испытанія, эти жертвы всесожженія, эти опустошенія суть только послѣдствія уничтоженія нашихъ регулярныхъ войскъ, которыхъ погубило командованіе императора. Истребленія, пожары увеличиваютъ нашъ ужасъ. Человѣчность содрогается!

Да наконецъ, если и есть милліоны рукъ, готовыхъ сражаться, то развѣ предшествовавшее правительство приготовило необходимое оружіе, боевыя принадлежности, элементы образованія, чтобы употреблять съ пользою, направить народное мужество? Нынѣшнее состояніе науки, новая роль артиллеріи, которая повидимому предоставляетъ незначительную роль усовершенствованному ружью, которое въ свою очередь устраняетъ штыкъ,— всѣ эти обстоятельства допускаютъ-ли поголовныя ополченія, имѣвшія смыслъ въ 1792 году? Военная Европа отвѣчаетъ: *нѣтъ*, и французскіе воины Седана соглашаются съ ней.

Какое множество событій! Кажется, что олимпійскіе кони нашего времени, быстрые какъ молніи, возятъ по Франціи, облеченной въ трауръ, ужасную колесницу, и на ней чудовище неопредѣлимой формы. Она проходитъ съ грохотомъ самаго страшнаго грома посреди сражающихся, истребляющихъ другъ друга съ дикой яростью. Никто не можетъ отвлечь ихъ отъ этого дѣйствія; напротивъ, появленіе колесницы еще болѣе возбуждаетъ ихъ. Зри-

тели, образующіе галлерею, называемую міромъ, чувствуютъ, что дрожь ужаса, подобно мучительному электричеству, пробѣгаетъ по ихъ жиламъ. Это — дрожь возмущеннаго чувства человѣколюбія. Взоръ, прикованный къ ужасному экипажу, сосредоточивается на гигантскомъ гербѣ. На его красномъ фонѣ, эмблемѣ крови, отдѣляются безчисленные скелеты. Это напоминаетъ великую фреску послѣдняго суда Микель Анджело. Вездѣ, гдѣ появляется фигура, перевозимая зловѣщей колесницей, сожалѣнія, горести, боль умножаются. Вскорѣ единодушный крикъ вырывается у зрителей: они узнали рокъ!!!.....

Пусть читатель не думаетъ, что это съ нашей стороны фантастическая картина, въ родѣ байроновской: еслибы Юнгъ присоединилъ къ ней свой плачъ, свои жалобы болѣе мрачныя, чѣмъ заглавіе его книги: «*Ночи*», имъ недоставало бы достаточно мрачныхъ красокъ, чтобы передать во всей истинѣ ужасную картину, нѣсколько чертъ которой мы намѣрены набросать.

Выше мы показали, каковъ былъ виновникъ и легкомысленный предлогъ войны. Намъ остается остановиться надъ нѣкоторыми изъ наиболѣе поражающихъ сценъ этой единственной въ мірѣ трагедіи.

Вотъ Саарбрюкенское «огненное крещеніе,» устроенное собственно для военнаго воспитанія императорскаго принца. Дорого обошлось оно Франціи! Этимъ нападеніемъ императоръ на дѣлѣ подтверждалъ то, иниціативу которого онъ принялъ 15 іюля въ законодательномъ корпусѣ и которое должно было свалить на Францію отвѣтственность въ сумазбродствѣ еще худшемъ, чѣмъ мексиканское. Вейсенбургъ открываетъ возмездіе нѣмцевъ. Вёртъ, страшное пораженіе для насъ, продолжаетъ ихъ

успѣхъ. Французская армія, бывшая столь блестящей на зарѣ, при закатѣ солнца представляла лишь поле, усѣянное трупами и ранеными. У насъ 20,000 человѣкъ выбыло изъ строя, Фальи не явился на назначенное свиданіе.

День Форбаха тщетно свидѣтельствуетъ о французскомъ героизмѣ, выказавшемъ здѣсь чудеса; но дурныя распоряженія, недостатокъ стратегіи готовятъ намъ новое пораженіе. На этотъ разъ за Фроссаромъ очередь разстроить планы: онъ не является съ своими войсками на поле битвы. Французы поплатились за сдѣланную имъ ошибку; корпуса ихъ были разбросаны и плохо сообщались одинъ за другимъ, потому что недоставало единой руководящей головы. Правда Наполеонъ III назначилъ себя главнокомандующимъ, но природа и таланты не пришли на помощь этому притязанію.

Такимъ образомъ можно объяснить злополучную разъединенность разныхъ частей и армій. Фальи, Фроссаръ, Ладмиро, постигнуты общимъ бѣдствіемъ, съ трудомъ старались соединиться. — Макъ-Магонъ, къ которому Фальи старался примкнуть, былъ отрѣзанъ отъ центра армій. Канроберъ направлялся къ крѣпости, которая должна была послужить западней ему и послѣдней великой арміи имперіи. Другая часть его корпуса направлялась на Нанси; это была минута, когда у Меца сосредоточилось 180,000 человѣкъ, которые, увы! были сданы военноплѣнными! Это цѣлое военное населеніе, которое геній Мольтке окружилъ и отправилъ въ ссылку. Патріотизмъ скрываетъ постыдную громадность цифры.

Нужна была рѣшительность, взглядъ, а были только колебанія и неумѣлость. Императоръ, деморализованный,

скрывая свою неспособность подъ той безплодной флегмой, которую его льстецы приписывали генію, обитающему въ его мысли, выдаьая за глубину его безмолвность, «умъ тѣхъ, которые не имѣютъ другого», по выраженію де-ла-Рошфуко, — императоръ, говоримъ мы, потерялъ три драгоцѣнныхъ дня въ Мецѣ, собирая военные совѣты, производя смотры, заключавшіеся обыкновенно пышными обѣдами, которые онъ давалъ своему штабу. Но во время этого капуанскаго бездѣйствія нѣмецкіе генералы подвигались впередъ: принцъ Фридрихъ-Карлъ, перешедшій Мозель въ Попт-а-Муссонѣ, отрѣзалъ отступленіе французской колоннѣ въ 250,000 человѣкъ съ 800 пушками. Это была подвижная зубчатая крѣпость!

Можно провѣрить по картѣ важность этого потеряннаго времени. Будучи употреблено съ пользою, оно могло бы измѣнить приговоръ судьбы, строгость которой бываетъ почти всегда только послѣдствіемъ непредусмотрительности и неспособности человѣка *).

Въ послѣдней половинѣ августа, послѣ ряда кровавыхъ битвъ, при Вонвилѣ, Донкурѣ, Гравелоттѣ, которыя по обоюдной энергіи усилій сравнивали съ Бородинымъ, мы находимъ Базена, пролагающаго себѣ путь на Мецъ. Ему нужно было ретироваться туда; отрѣзанный и окруженный принцемъ Фридрихомъ-Карломъ и Штейнметцомъ, онъ долженъ былъ убѣдиться на самомъ себѣ

*) Одинъ умный человѣкъ, хорошо знавшій императора, говорилъ мнѣ однажды: онъ мнѣ напоминаетъ путешественника, торопящагося вечеромъ, потому что ему нужно ѣхать на слѣдующій день; онъ приказываетъ своему слугѣ разбудить его въ 5 часовъ утра, чтобы ѣхать съ 6 часовымъ поѣздомъ. Приказаніе исполняется. Ѣдущій, видя, что онъ можетъ еще поспать нѣсколько минутъ, откладываетъ свое вставаніе и вновь засыпаетъ. Между тѣмъ поѣздъ уходитъ; онъ упустилъ свой планъ и свою цѣль. Такъ поступилъ и Наполеонъ.

въ справедливости аксіомы перваго Наполеона объ «опасности *оборонительнаго* положенія, когда оно не можетъ быть станціей, гдѣ подготовляется наступательное.» Печальный результатъ осады показываетъ, что только геніальнымъ людямъ дано предвидѣть грядущія событія и подготовлять ихъ искусными мѣрами. Справедливость требуетъ сказать, что маршалъ, какъ и всѣ приближенные и раздѣлившіе судьбу императора, понесли наказаніе какъ рокъ, связанный съ этимъ человѣкомъ.

Впечатлѣнія, производимыя фактами, образуютъ такъ называемое «мнѣніе», которое по словамъ Паскаля, заправляетъ всѣмъ въ мірѣ. Такимъ-то образомъ Наполеонъ III прослылъ за *фаталиста*; не подлежитъ сомнѣнію то, что онъ самъ есть воплощенный рокъ.

Взоръ орла, могущаго созерцать солнце, самое неустрашимое сердце смутилось бы въ этомъ вихрѣ бѣдствій, который срываетъ съ устъ умирающихъ и въ виду самыхъ мрачныхъ перспективъ, слѣдующее страшное слово: *рокъ*.

Никогда, можетъ быть, онъ не напечатлѣвалъ до такой степени своего клейма на рядѣ фактовъ столь подавляющаго характера.

Возьмемъ только въ примѣръ одинъ эпизодъ, гдѣ противорѣчія скопляются въ облака, изъ которыхъ затѣмъ льется дождь разочарованій: это—кампанія съ того времени, какъ императоръ принялъ на себя главное начальство.

Онъ дебютировалъ, какъ мы уже видѣли, тѣмъ, что назначилъ генераловъ, которые не представляли въ прош-

ломъ ни одного изъ залоговъ, въ которыхъ нуждается армія, отъ которой требуютъ геройской подати крови. Во главѣ ихъ является Лебёфъ. Въ противность также военнымъ закономъ, по которымъ санъ маршала присвоивается только главнокомандующему, онъ получилъ незадолго передъ тѣмъ пресловутый жезлъ. Это вызвало ропотъ въ печати и арміи, а въ Европѣ изумленіе *).

Генералъ Фроссаръ, любимецъ императора, единственнымъ извѣстнымъ правомъ котораго было то, что онъ состоялъ гувернеромъ при императорскомъ принцѣ, получаетъ главное начальство надъ корпусомъ арміи. Онъ открываетъ кампанію представленіемъ à la Франкони въ Саарбрюкенѣ, которое влечетъ за собою репресаліи Вейсенбурга, этотъ первый актъ кровавой драмы, въ которую вовлечена Франція.

Вскорѣ слѣдуетъ Вёртъ: здѣсь арміей командовалъ Байярдъ, но недоставало главнокомандующаго. Храбраго маршала Макъ-Магона предупреждаютъ о недостаточномъ числѣ его войскъ, но не смотря на то онъ аттакуетъ. Справедливость требуетъ замѣтить, что де Фальи **) своимъ бездѣйствіемъ мало способствовалъ этому пораженію. Это было хуже, чѣмъ пораженіе, потому что явная для всѣхъ слабость въ командованіи, вслѣдствіе неспособности начальниковъ, пораждаетъ обыкновенно заразительную деморализацію солдата. Не только послѣдній,

---

*) Главные иностранные органы выразили его, именно Times и пр.

**) Онъ былъ главнокомандующимъ 5-го корпуса. Вотъ еще человѣкъ, принесшій не мало несчастій Франціи: при Вёртѣ, гдѣ онъ слышалъ громъ пушекъ и не пошелъ на этотъ недвусмысленный сигналъ, и при Седанѣ, какъ читатель увидитъ ниже. Онъ не имѣлъ другихъ правъ на такой высокій постъ, кромѣ неприличной шутовской выходки «Шасно дѣлаютъ чудеса.»

теряя вѣру, чувствуетъ упадокъ своего духа, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ непріятелѣ увеличивается довѣріе къ своимъ силамъ, этотъ могущественный рычагъ побѣды. Даже невоенный наблюдатель можетъ предвидѣть бѣдствія, заключающіяся въ логикѣ положенія, вслѣдствіе *нелогичности* императора, его штаба, вслѣдствіе непредусмотрительности во всѣхъ отрасляхъ, составляющихъ тотъ ансамбль, въ которомъ отличался Наполеонъ I. Традиціи, которыя хранили; реставрація съ Сенъ-Сирами, Беллюнами; іюльское правительство съ Сультами, Клозелями, Бюжо; республика 1848 года подъ мощной рукою Ламорисьеровъ, Шангарнье, этотъ порядокъ въ интендантствѣ и расходахъ арміи, — что сдѣлалъ изъ нихъ Наполеонъ III, освобожденный отъ контроля? — Пустую похвальбу, звучныя слова: побѣды первой имперіи, напоминаемыя при всякомъ случаѣ, шовинизмъ, дошедшій до боготворенія имени Бонапарта — вотъ что оставалось странѣ, которая имѣла самый огромный военный бюджетъ въ Европѣ. Императоръ игралъ въ солдатики и портилъ жизненныя силы истинной военной организаціи; у него всегда были на устахъ трофеи и символы славы, и фаворитизмъ его прихотей вмѣшивался въ такіе выборы, гдѣ одни лишь дарованія могутъ обезопасить націю и государя. Это рокъ: громадная власть налагаетъ руку на все, чтобы разрушать, ничего не основывая; это какая-то мономанія, злоумышляющая противъ коллективнаго дѣла вѣковъ и опыта.

Крикъ осужденія раздается со всѣхъ сторонъ. Каждый видитъ опасность. Тщетно льстятъ себя надеждою, что если Базенъ не въ силахъ поднять славу нашего оружія, то по крайней мѣрѣ, онъ сдержитъ силы принца Фридриха-Карла; но тщетно импровизируютъ новыя арміи,

которыя поспѣшно устремляются къ границѣ. — Вотъ оруліе, оно находится въ наилучшихъ условіяхъ, къ нему присоединена превосходная артиллерія. Но духъ, который одушевляетъ, руководитъ матеріей въ этомъ распоряженіи людьми, это — командованіе. Великіе полководцы создаютъ хорошихъ солдатъ, хорошіе же солдаты, безъ общаго направленія, будутъ совершать подвиги, но будутъ храбрыми только въ пораженіи. Этотъ-то рокъ тяготѣетъ надъ условіями нынѣшней войны; героизмъ, доведенный до изступленія, не только не отвратитъ его, но сдѣлаетъ еще неизбѣжнѣе. Механика уничтожаетъ человѣка, котораго она принуждаетъ служить себѣ: артиллерія и тактика уничтожаютъ штыкъ и порывъ, доставившіе столько успѣховъ французамъ.

Неудачи посыпались градомъ. Минута крайне важная: нужно условиться на счетъ стратегическаго плана, чтобы исправить ошибки; дѣло шло, можно сказать, о спасеніи. Были предложены два мнѣнія. Первое состояло въ томъ, чтобы соединиться съ 110,000 человѣкъ, сформированными въ шалонскомъ лагерѣ, съ маршаломъ Базеномъ, освободить его между Метцомъ и Монмеди, гдѣ были *сосредоточены* милліонъ восемьсотъ тысячъ всякаго рода раціоновъ. Это соединеніе обѣихъ армій составило бы массу въ 290,000 человѣкъ, которые судя по бодрому, твердому виду Базена, до его измѣны, должны были обратить въ бѣгство армію принца Фридриха-Карла и генерала Штейнмеца, собранную между Маасомъ и Шіеромъ. Такимъ образомъ принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ, послѣ оттѣсненія первой арміи, очутился бы между этой массою въ 290,000 человѣкъ и линіей Марны, его операціоннымъ базисомъ. Положеніе его становилось весьма опаснымъ, потому что позади его нахо-

дился Парижъ, уже приведенный въ оборонительное состояніе, а вокругъ непріятеля Франція.

Другой планъ жертвовалъ разомъ и Базеномъ и Мецомъ, этимъ великимъ арсеналомъ. Говорятъ, Жюля-Фавра побили бы каменьями, еслибы онъ отдалъ непріятелю крѣпости, находившіяся въ *безнадежномъ* положеніи. Какъ назвали бы, великій Боже! это громадное уклоненіе отъ востока Франціи, оставленіе Меца, побѣжденнаго только голодомъ, если бы его отдали въ жертву отступленію, которое выдавало непріятелю безъ боя нашу надежнѣйшую армію и генерала, въ то время уважаемаго, но потомъ.....? Вопросъ этотъ былъ предложенъ на рѣшеніе совѣта, который рѣшилъ, что маршалъ Вальянъ двинется освобождать Мецъ и 200,000 отборнаго и свободнаго войска, въ немъ заключеннаго. Все сулило побѣду. Извѣстно, чѣмъ это кончилось.

Къ несчастію императоръ, хотя пассивный по наружности и по принципу, оставался при арміи, коей, по конституціи, онъ былъ главою, и исполненіе этого плана было поручено Макъ-Магону. Нужно быть справедливымъ; какъ во времена Бенедека, общественное мнѣніе, легко заблуждающееся, и печать, которая имѣетъ необдуманныя пристрастія и составляетъ репутаціи, возлагали на имя и обаяніе герцога Маджентскаго надежды, приведшія къ печальному результату.

Успѣхъ истинно популярнаго маневра, который единственно соотвѣтствовалъ національному темпераменту, горѣвшему желаніемъ идти впередъ, основывался на авансѣ въ три или четыре дня, который французская армія имѣла передъ наслѣднымъ принцемъ, готовившемся въ своемъ маршѣ на Парижъ достигнуть Эпернэ. Отъ предположеннаго соединенія зависѣла участь войны.

Положеніе Базена, котораго нельзя было парализовать въ жестокихъ уронахъ, которыя онъ имѣлъ возможность наносить непріятелю, сопротивленіе, оказанное Парижемъ, не позволяютъ болѣе сомнѣваться въ послѣдствіяхъ этого плана, если бы онъ былъ быстро исполненъ.

Сравненіе разстояній, пройденныхъ обѣими арміями, причемъ превосходство оказывается на сторонѣ пруссаковъ, указываетъ на первую ошибку въ исполненіи.

Можетъ быть императоръ, этотъ фантастическій генералъ, оказалъ и здѣсь свою гибельную власть и прискорбное вліяніе на Макъ-Магона? Или же нерѣшительность, неумѣлость въ тактикѣ не поддержали стратегіи? Какъ бы то ни было, вотъ другія второстепенныя ошибки: французы не разрушали мостовъ, облегчающихъ непріятелю переходъ и движеніе впередъ. Хуже того: Макъ-Магонъ сворачиваетъ съ прямой дороги и позволяетъ прижать себя къ крайней границѣ. Это не былъ топографическій путь, таково не могло быть направленіе плана. Здравый смыслъ указываетъ, что нужно было двинуться на Мецъ, черезъ Верденъ, подъ защитой этого укрѣпленнаго города.

Но для стратегическаго маневра, ясность и простота котораго бросаются въ глаза, существовало элементарное условіе. Нужно было сохранить посредствомъ быстраго марша по настоящему пути выгоду въ разстояніи надъ наслѣднымъ принцемъ, который въ своемъ безвременномъ желаніи приблизиться къ Парижу зашелъ слишкомъ далеко впередъ. Это было съ его стороны ошибкой, которую Макъ-Магонъ долженъ былъ заставить его искупить. *За быстрыми побѣда*, говоритъ пословица. Мар-

щалъ не подумалъ объ этомъ. Удача зависѣла отъ быстраго исполненія марша изъ Шалона на Мецъ, черезъ Верденъ и Бріей. Фридрихъ-Вильгельмъ слишкомъ отклонился въ сторону, чтобы прибыть во время. Дожди, застигшіе его на вязкой почвѣ, прибавили замедленіе въ 24 часа къ 60 часамъ, на которые онъ былъ опереженъ. Ему пришлось, какъ Блюхеру при Ватерлоо, наверстывать усиліями солдатъ. Наслѣдный принцъ, искусный противникъ, даже великій полководецъ, оправившись отъ своей иллюзіи, прибавляетъ скорости и всѣ его колонны устремляются фронтомъ на фланговое движеніе нашей арміи.

Несчастная Вёртская звѣзда обнаруживается въ новой ошибкѣ де-Фальи, стоявшаго во главѣ 5-го корпуса. Неосторожный и непредусмотрительный, хотя и высокомѣрный на словахъ, далеко, однако, расходящихся съ дѣломъ, онъ далъ захватить себя врасплохъ внезапнымъ прибытіемъ принца прусскаго, смѣлость котораго въ быстротѣ достаточно извѣстна, чтобы противникъ его былъ бдителенъ. Вслѣдствіе этого произошло совершенное разстройство въ 5-мъ корпусѣ (де-Фальи), которое подѣйствовало на всю армію.

Кромѣ того генералъ Винуа составлялъ арьергардъ въ 22,000 человѣкъ, который онъ могъ увеличить 10,000 человѣкъ дивизіи Экзеа въ Реймсѣ, составлявшій часть этого корпуса или всего въ 32,000 человѣкъ. Всѣ эти разсчеты, распоряженія были связаны съ маршемъ на Верденъ.

Но это еще не все: когда медленности аттакующаго движенія соотвѣтствуетъ быстрое движеніе непріятеля, которому приходится преодолѣвать разстояніе, не разрушаютъ даже мостовъ. Непріятель нашелъ въ этомъ про-

махѣ неожиданное облегченіе, выигравъ время, этотъ капиталъ, который будучи употребленъ съ пользою, такъ много содѣйствуетъ успѣху.

Есть одна ошибка, которая со стороны военнаго человѣка объясняется только сумятицей, уклоненіями, затрудненіями, которыя возбудило присутствіе императора: Макъ-Магонъ оставляетъ высоты д'Илли, господствующія надъ Седаномъ. Каждый, кто прослѣдитъ, изучитъ топографію поля битвы, на которое императоръ завлекъ Макъ-Магона, убѣдится, что это поле предсказывало пораженіе.

Въ самомъ дѣлѣ есть пункты, занятіе которыхъ, если и не обезпечиваетъ безусловно побѣды, то по крайней мѣрѣ подготовляетъ и облегчаетъ ее. Таковы были при Ватерлоо фермы Haie-Sainte и Hougoumont. Онѣ составляли наклонности плана битвы Веллингтона, центромъ котораго былъ Mont-Saint-Jean.

Макъ-Магонъ покинулъ кульминаціонный пунктъ, господствующій надъ равниной и склонами, сдѣлавшимися могилой такого множества храбрыхъ, особенно той удивительной морской пѣхоты, славную могилу которой мы лично видѣли; словомъ, Седанъ, подъ огнемъ подобной позиціи, могъ превратиться въ груду развалинъ и человѣческихъ труповъ: если сосредоточить на этомъ пунктѣ страшную артиллерію, то она можетъ уничтожить городъ, населеніе, армію. Это и случилось. Тогда оставалось только испустить Брутовъ крикъ отчаянія. Этотъ крикъ падаетъ анаѳемой, эхо которой будетъ отдаваться до самаго отдаленнаго потомства.

Если исторія не представляетъ примѣра подобной капитуляціи, то она не можетъ также представить паралели предпріятію, мишенью которому служитъ Парижъ

съ окружностью почти въ 50 верстъ. Нѣтъ, осада Іерусалима Титомъ покажется, сравнительно, лилипутскимъ предпріятіемъ.

Вотъ очеркъ, снятый на мѣстѣ *) и послѣ самыхъ мелочныхъ свѣдѣній, доставленныхъ дѣйствующими лицами и свидѣтелями. Исторія выяснитъ роль и отвѣтственность каждаго. Маршалъ Макъ-Магонъ можетъ быть уподобленъ Баярду, Мюрату; но повидимому, ему не только чуждо искуство разсчетовъ и комбинацій школы Тюренна, Конде, Наполеона, но и своей нерѣшительностью онъ сдѣлалъ неудачнымъ планъ, котораго былъ неумѣлой рукою. Міръ узнаетъ лишній разъ, что самое гордое мужество, безъ военной науки, безъ точности движеній, обнаруживаетъ храбрыхъ, умѣющихъ умирать, но не даетъ побѣды.

Имперія наступила, какъ извѣстно, въ 1852 году. Какой необыкновенный рядъ событій представляется міру! Неслыханное движеніе произведено этимъ воскресеніемъ, которое воздвигаетъ передъ старой Европой духа-искусителя Франціи, въ ужасѣ, который, заставивъ ее лишиться ума, отнимаетъ у нея предусмотрительность, позволяетъ похитить у нея, въ замѣнъ тѣни имени, жизнь и

*) Проэктъ соединенія былъ поданъ военнымъ министромъ, котораго его исключительное положеніе, какъ главы кабинета, удерживало въ Парижѣ. Роль его тамъ ограничивалась вербованіемъ солдатъ и снабженіемъ войскъ оружіемъ. Участь войны вѣроятно бы измѣнилась, если бы необъяснимая медленность марша Макъ-Магона не разстроила исполненія плана. Авторъ плана, если бы онъ могъ исполнить его самъ, не могъ бы опровергнуть его дѣйствительности въ примѣненіи. Седанъ могъ послужить только могилой; это не было, конечно, поле битвы, на которое указывала топографія, потому что ему не слѣдовало быть даже убѣжищемъ. Онъ сдѣлался капканомъ для 90,000 человѣкъ.

силу, которыя могла дать ей только конституціонная система. Она оставляетъ дѣйствительность ради химеръ, потому что ее держатъ въ чаду воспоминаній о битвахъ, напоминавшихъ иное время и требовавшихъ другихъ людей. Въ Азіи, въ Африки, въ Америкѣ событія слѣдуютъ одно за другимъ. Не проходитъ ни одного дня безъ волненій, безъ неожиданностей. Государи вынуждены къ самой напряженной дѣятельности. Волненіе, принесенное имперіей, электризуетъ сцену, не оставляя покоя и антракту.

Системы, проэкты преобразованій, поочередно осуществляемые и покидаемые и порождающіе споры, въ которыхъ всѣ обсуждаемыя права колеблятся, — затѣмъ войны, присоединенія, революціи, изгоняющія династіи, — великія агломераціи, возведенныя въ принципъ, возвышающіяся на развалинахъ трактатовъ и дающія предвидѣть въ глубинѣ картины другія поля битвы, — самыя гигантскія арміи и эндемическая манія къ орудіямъ самой страшной разрушительности, — анархія интересовъ, раздирающихъ другъ друга въ самыхъ противорѣчивыхъ теоріяхъ: такъ, безграничная конкуренція, восхваляемая одними, постепенное покровительство, требуемое другими, — миссіонеры шпаги и честолюбія открытій, спѣшащіе на поля Китая, Абиссиніи и къ отдаленнымъ источникамъ богатствъ Калифорніи и Австраліи, — пропаганда пара, уничтожающая пространства, изумляющая варваровъ, — знамя Франціи, прокладывающее путь трансатлантической имперіи, наперекоръ предвѣщаніямъ истинныхъ государственныхъ людей, и отъ которой вскорѣ остается только саванъ героя-мученика, сверженнаго императора старинной династіи, который оказывается ея достойнымъ, умирая монархомъ съ улыбкой на устахъ, подъ пулями Кве-

ретаро, — эмиграція старой Европы, составляющая «исходъ» Ирландіи, эти вереницы странниковъ разныхъ націй, влекомыхъ бѣдностью къ берегамъ новаго свѣта, котораго Шатобріанъ видѣлъ поэтическія степи, превращенныя нынѣ въ богатые города могущественной республики, — всѣ задачи безкомпасной политики, поставленныя императоромъ, вызывавшимъ недовѣріе Европы, которое изолируетъ Францію въ ту минуту, когда глава ея замышляетъ, организуетъ войну,—битвы, превосходящія своими размѣрами и послѣдствіями все, что исторія представляетъ самаго достопамятнаго, — Седанъ, осада Парижа, опустошенія, грабежи, смерть, пожары, сопровождающіе нашествіе,—самыя плодородныя и самыя богатыя страны, ни въ чемъ неповинныя, подвергнуты дренажу реквизицій и даже конечному разрушенію, — голодъ, показывающійся на горизонтѣ, гдѣ г. Бисмаркъ зловѣщимъ перстомъ указываетъ его часъ и провозглашаетъ его законность, — наконецъ демонъ войны, возбуждающій двѣ рассы къ взаимному истребленію,—такое множество жертвъ, такое неслыханное потрясеніе, переворотъ, еще болѣе изумительный и болѣе обширный въ своихъ моральныхъ дѣйствіяхъ, чѣмъ въ своихъ матеріальныхъ разрушеніяхъ, — вотъ что ознаменовало и чѣмъ разрѣшалось существованіе второй имперіи! Какая сложность! Какая драма! Какая будущность! Но за то и какія искупленія! Небесное правосудіе не оставляетъ безъ кары ни одного безумнаго честолюбія, ни одного преступника!

СОДЕРЖАНІЕ.

ЧАСТЬ I.

Теорія конституціоннаго движенія.

		стр.
I.	Народъ, который осудилъ свои учрежденія . . .	3
II.	Принесеніе въ жертву династій	15
	Реставрація	17
	Іюльская монархія	22
	Февральская республика	27
III.	Пятнадцать конституцій французскаго народа, сосоставляющія прелюдію шестнадцатой. Европа и Америка въ разработкѣ конституцій и реформъ. Всеобщій недугъ.	32
	Историческое обозрѣніе французскихъ конституцій съ 1789 по 1864 г.	34
IV.	Общій критическій взглядъ на конституціи. . .	43
	Раціональная серія конституцій французскаго народа отъ 1789 по 1864 г.	45
V.	Общая критика конституцій	62
VI.	Тоже	75
VII.	Разборъ аутократической конституціи 1804 г. .	88
VIII.	Критика конституцій 93 года	103
	Историческая картина избирательныхъ системъ, предложенныхъ и осуществленныхъ во Франціи съ 1789 года	105

стр.

IX. Продолженіе того же предмета: критика конституціи 93 г. 118
X. Критика конституціонной хартіи, 1814—1830 г. 134
Письмо Прудона 148

ЧАСТЬ II.

Карлъ-Лудовикъ-Наполеонъ Бонапартъ.

I. Біографическія свѣдѣнія 1
II. Страсбургскій заговоръ 29
III. Булонская высадка 78
IV. Судъ Пэровъ 104
V. Остальные члены наполеоновской партіи . . . 147
VI. Судебный процессъ 155
VII. Сочиненія Лудовика Бонапарта. 189
VIII. Принцъ Лудовикъ Бонапартъ какъ депутатъ и какъ президентъ республики 258
IX. Переворотъ 2 декабря и имперія 274
X. Послѣднія дѣянія Наполеона III. 293
XI. Извлеченіе изъ брошюры Альфреда де-ла-Геронье-ра L'Homme de Sédan 299